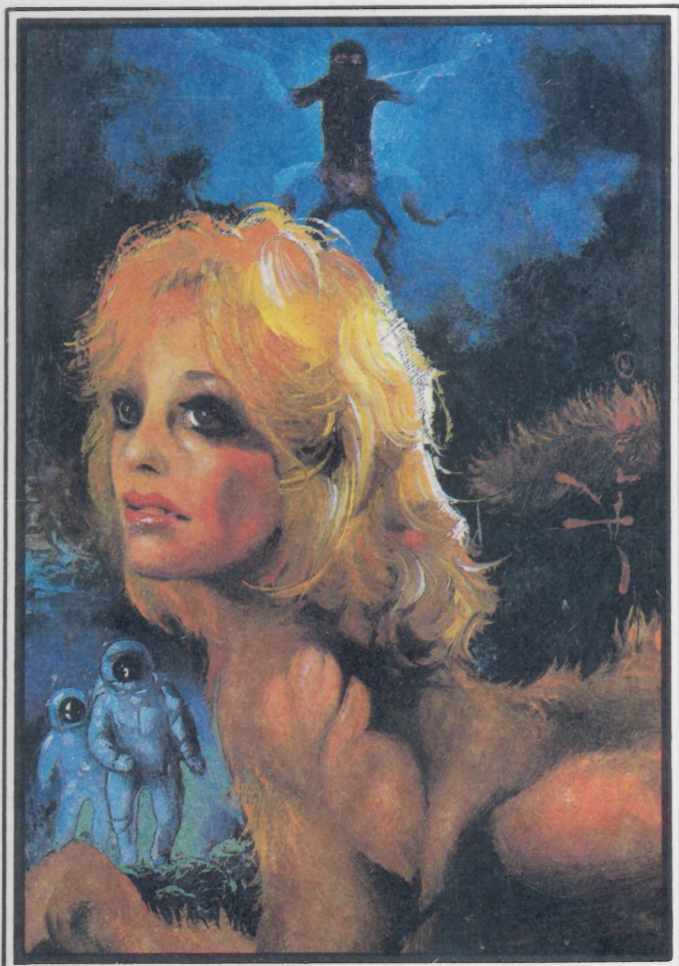

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

2

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROBERT A. HEINLEIN

Volume two

**THE STAR BEAST
HAVE SPACE SUIT-
WILL TRAVEL**

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

Книга вторая

ЗВЕЗДНЫЙ ЗВЕРЬ

**ИМЕЮ СКАФАНДР-
ГОТОВ**

ПУТЕШЕСТВОВАТЬ

**Издательская фирма «Полярис»
1992**

«The Star Beast» © 1954 by Robert A.Heinlein

© И.Полоцк, перевод на русский язык, 1991

«Have Space Suit — Will Travel» © 1958 by Robert A.Heinlein

© Ю.Зарахович, перевод на русский язык, 1990

© А.Кириллов, иллюстрации, 1992

© Издательская фирма «Полярис», название серии, составление, оформление, 1992

Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом — запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с ведома издателя.

ISBN 5-88132-012-3

ЗВЕЗДНЫЙ ЗВЕРЬ

Л-День

Луммокс был в унынии. К тому же он хотел есть. Это было его нормальным состоянием: такое существо, как Луммокс, всегда готово слегка закусить — даже после плотного обеда. Уныние было свойственно ему куда меньше и проистекало лишь оттого, что его закадычный друг и ближайший товарищ Джон Томас Стюарт не показывался уже целый день, куда-то исчезнув со своей подружкой Бетти.

Один день без Джона Томаса — это еще куда ни шло. Луммокс глубоко вздохнул. Он понимал, в чем дело. Джон Томас вырос. Он уже достиг того возраста, чтобы проводить все больше и больше времени с Бетти или с какой-нибудь другой девушкой и все меньше и меньше с ним, Луммоксом. А скоро наступит такой долгий период, когда Джон Томас практически не будет уделять времени Луммоксу, но затем появится новый Джон Томас, который подрастет и с ним станет интересно играть.

Опыт научил Луммокса, что от этого неизбежного круговорота вещей никуда не деться. Тем не менее ближайшее будущее представлялось ему мучительно

тоскливым. В апатии он бродил по заднему двору Стюартов в поисках то ли кузнечика, то ли малиновки — словом, любого, с кем можно было бы пообщаться. Наткнувшись на муравейник, он тупо уставился на него. Похоже, что муравьи куда-то переселялись: бесконечная вереница насекомых тащила белые личинки, а навстречу спешили за новым грузом другие муравьи. Так он убил полчаса.

Устав от лицемерия муравьев, Луммокс побрел к своему обиталищу. Его семифутовые лапы раздавили муравейник, но этот факт не привлек внимания Луммокса. Его собственный дом был достаточно велик, располагался в конце ряда постепенно увеличивающихся помещений: первое из них могло вместить разве что крохотную собачку чихуахуа.

На крыше дома сохли шесть охапок сена. Луммокс выдернул несколько соломинок и стал лениво жевать их. От второй порции он отказался, потому что первая — это было все, что, как он прикинул, можно стащить не будучи замеченным. Он мог, не моргнув глазом, сжевать целую охапку — но его останавливало сознание, что Джон Томас будет ругать его и даже, может быть, целую неделю, а то и больше, не будет чесать граблями. По правилам дома, Луммокс не должен был есть ничего, кроме того, что ему дает хозяин, и обычно Луммокс подчинялся этому закону, потому что терпеть не мог ссориться, а когда его ругали, чувствовал себя просто ужасно. Да и, кроме того, он вообще не хотел сена. Он ел его вчера вечером, будет есть сегодня и, скорее всего, завтра. Луммоксу хотелось пожевать что-нибудь более весомое, и чтобы оно непременно вкусно пахло. Он прошелся вдоль низкой загородки, которая отделяла несколько акров заднего двора от садика миссис Стюарт, положил голову на штакетник и с вожделием посмотрел на розы миссис Стюарт. Загородка была линией, за которую он не должен был заходить. Как-то, несколько лет назад, он пересек ее и попробовал несколько роз... просто так, для аппетита, но миссис Стюарт подняла такой крик, что он не хотел даже и думать о повторении попытки. Содрогнувшись при этих воспоминаниях, Луммокс поспешно отвернулся.

Но он вспомнил о нескольких розовых кустах, которые не принадлежали миссис Стюарт и тем самым, по мнению Луммокса, не принадлежали вообще никому. Они росли в соседнем садике семейства Донахью, и Луммокс прикинул, что у него есть возможность добраться до этих «ничейных» роз...

Усадьба Стюартов была ограждена бетонной стеной высотой в десять футов. Луммокс никогда не помышлял забраться на стену, хотя время от времени обкусывал ее верхушку. За домом в стене был небольшой проем, где дождевые и подпочвенные воды промыли маленький овражек, пересекавший линию владений Стюартов. Проем этот был заделан массивными брусьями восемь на восемь дюймов, скрепленными не менее массивными болтами. Брусья уходили концами в ложе ручейка, и подрядчик, ставивший их, уверил миссис Стюарт, что они смогут остановить не только Луммокса, но целое стадо слонов, если те попробуют снести ограждение.

Луммокс знал, что подрядчик ошибался, но мнения Луммокса никто не спрашивал, и он оставил это мнение при себе. Джон Томас тоже никогда не высказывался по этому поводу, но, похоже, подозревал правду; во всяком случае, он подчеркнуто приказал Луммоксу не болтаться возле загородки.

Луммокс послушался. Он, конечно, попробовал изгородь, но деревянные брусья были отвратительны на вкус, и он оставил их в покое.

Однако за естественный ход вещей Луммокс не отвечал. Как-то, месяца три назад, он заметил, что весенние дожди размыли ложе овражка и теперь два вертикальных бруса едва доставали до дна. Луммокс думал об этом несколько недель и наконец пришел к выводу, что легкий случайный толчок может изменить положение брусьев. А если толкнуть чуть посильнее, брусья разойдутся, а заграждение практически останется нетронутым...

Луммокс побрел обследовать брусья. Он обнаружил, что последний дождь настолько размыл проем, что один вертикальный брус просто висел в нескольких дюймах над землей, а другой лишь слегка упирался в песок. Луммокс растянул физиономию в улыбке, которой мог-

ло бы позавидовать простодушное огородное пугало, и осторожно просунул голову между брусьев. Голова прошла легко и свободно.

Вдруг он услышал треск ломающегося дерева и почувствовал себя совершенно свободно. Удивившись, Луммокс вытащил голову и посмотрел наверх, откуда раздался звук. Верхний конец одного из могучих брусьев вырвался из крепежных болтов и свободно вращался на нижней перекладине. Луммокс вздохнул. Ох, как плохо... Но тут уж ничего не поделаешь. Луммокс был не из тех, кто рыдает над случившимся. Что произошло — то произошло. Спору нет, Джон Томас будет сердиться... но перед Луммоксом красовался проход через заграждение. Наклонив голову, как кварталбек, готовящийся к атаке, Луммокс присел и рванулся вперед. Раздались протестующие звуки ломающегося дерева, острые концы выломанных болтов оцарапали кожу, но Луммокс не обратил внимания на эти мелочи: наконец он был на свободе.

Не успев набрать скорость, Луммокс остановился и потоптался на месте, осматриваясь. Он испытал прилив восторга и удивился, что не отважился на это раньше. Давно уже Джон Томас не выводил его гулять — даже на короткую прогулку...

Вдыхая свежий воздух, он продолжал озираться, когда внезапно на него набросилось некое недружелюбное существо, захлебываясь от грозного лая. Луммокс знал его. Это был огромный мускулистый мастиф, который, гордясь свободой, часто бродил по соседству. Луммокс ничего не имел против собак; за время своей долгой жизни в семье Стюартов он близко познакомился с несколькими и неплохо проводил с ними время, особенно в отсутствие Джона Томаса. Но у этого мастифа был совершенно другой характер. Он считал себя хозяином всех окрестностей, оскорблял других собак, терроризировал кошек и то и дело предлагал Луммоксу выйти и принять бой, как подобает настоящему псу.

Луммокс улыбнулся ему, открыл пошире пасть и шепелявым голосом, тоненьким, как у девочки, обозвал мастифа очень плохим словом. Тот онемел от изумления. Он не понял, что именно сказал Луммокс, но

догадался, что его оскорбили. Оправившись, он снова кинулся в атаку, задыхаясь от громового лая и выплевывая несусветную чепуху. Он плясал вокруг Луммокса, время от времени делая выпады, намереваясь цапнуть Луммокса за ногу.

Наблюдая за псом, Луммокс оставался недвижим. Затем он высказал справедливое предположение, откуда родом предки мастифа, а также чем они занимались; это привело мастифа в полное неистовство. Во время очередного выпада мастиф оказался слишком близко от ног Луммокса, который стоял на земле всеми восемью конечностями; Луммокс сделал неуловимое движение головой, словно лягушка, разящая муху, его пасть открылась, как дверь шкафа, и слизнула мастифа.

Неплохо, решил Луммокс, облизнувшись. Совсем неплохо... хотя ошейник мог быть и помягче. Он прикинул, не стоит ли ему вернуться обратно, поскольку он уже закусил и повод для прогулки исчез. Хотя еще остались «ничейные» розы... и, конечно же, Джон Томас искренне удивится, если он сразу же вернется.

Луммокс потрусил вдоль задней стены дома Стюартов и, обогнув его, оказался рядом с сараем Донахью.

Джон Томас Стюарт XI-й вернулся к обеду, проводив Бетти Соренсен почти до дома. Приземляясь, он заметил, что Луммокса не видно, но решил, что его питомец сидит в своей обители. Мысли Джона были заняты отнюдь не Луммоксом, а извечным вопросом, почему женщинам не доступна нормальная человеческая логика.

Он собрался поступать в Вестерн-Тех, в Западный Технологический; Бетти же хотела, чтобы они учились в университете штата. Он указал ей, что знания, которые ему нужны, он не сможет получить в этом университете; Бетти настаивала, что сможет, выдвигая различные доводы. Он возразил ей, сказав, что дело даже не столько в содержании определенного курса, а в том, кто его читает. Спор потерял всякий смысл, когда Бетти наотрез отказалась признать авторитет Джона Томаса.

Размышляя о нелогичности женского мышления, Джон Томас рассеянно скинул ремни подвесной систе-

мы своего мини-геликоптера и бросил их в прихожей, где и столкнулся с матерью, взорвавшейся при его появлении.

— Джон Томас! Где ты был?

С опозданием он подумал, что ему надо было проскользнуть в дом незамеченным. Когда она обращалась к нему «Джон Томас», это был плохой знак. «Джон, Джонни» или «Джонни-бой» говорило, что все в порядке. Но «Джон Томас» означало, что она устала, возмущена или раздражена его отсутствием.

— А? Мам, так я же говорил тебе за завтраком. Я подскочил к Бетти. Мы летали к...

— Меня это не интересует! Ты знаешь, что наделало это животное?

Значит, он все-таки вляпался. Луммокс. Джон Томас надеялся, что речь идет не о садике матери. Может быть, Лум снова перевернул свой дом. Если дело только в этом, мать быстро успокоится. Может быть, ему придется выстроить Луммоксу новый дом, побольше.

— В чем дело? — осторожно спросил он.

— В чем дело? И ты еще спрашиваешь? Джон Томас! Я хочу, чтобы в нашем доме был покой! Это было последней каплей! Ты должен избавиться от него!

— Успокойся, мама! — торопливо сказал Джон Томас. — Мы не можем избавиться от Лума. Ты обещала папе.

Она ушла от прямого ответа.

— Когда полиция звонит каждые десять минут, и это огромное страшное животное свирепствует вокруг, и...

— Что? Подожди, мама. Лум совершенно не опасен, он ласков, как котенок. Что случилось?

— Все, что только могло случиться!

Постепенно он вытянул из нее все детали происшедшего. Луммокс отправился прогуляться. Этого было уже достаточно. Наверняка Луммоксу встретятся во время прогулки стальные вещицы, которые оказывают взрывоподобные действия на его обмен веществ. Джон Томас помнил, что произошло, когда Луммокс съел подержанный бьюик... В его размышления ворвался голос матери.

— ... и миссис Донахью просто вне себя! Она в ярости! И у нее есть основания! Ее выставочные розы!..

Ох, черт возьми, вот это уже плохо. Он попытался припомнить, сколько денег лежит на его счету. Придется извиняться и умасливать старую ворчунью. Ну, он надерет Луммоксу уши! Нет ему прощенья — ведь он знал о розах!

— Слушай, мам, я ужасно извиняюсь. Сейчас я пойду и вколочу в его толстую башку, как себя надо вести. Он у меня даже чихнуть не сможет без разрешения. — Джон Томас вскочил.

— Куда ты собрался? — спросила мать.

— Как куда? Поговорить с Луммоксом, вот куда. Когда я до него доберусь...

— Не дури. Его здесь нет.

— Что? А где же он? — Джон Томас взмолился про себя — лишь бы он не нашел свалку металлолома! В истории с бьюиком Луммокс был не виноват, и тот принадлежал Джону Томасу, и все же...

— Понятия не имею, где он сейчас. Шериф Дрейзер сказал...

— Луммоксом занимается полиция?

— Можешь быть в этом уверен, молодой человек! Патрули идут за ним по пятам. Дрейзер сказал, чтобы я спустилась в город и забрала его, но я ответила, что только ты можешь справиться с этим чудовищем.

— Мама, Луммокс послушался бы тебя. Он всегда так поступает. При чем тут мистер Дрейзер и почему Луммокс очутился в городе? Ведь шериф знает, что Луммокс живет здесь. Город пугает Лума. Бедный малыш очень робок, и он не любит...

— Вот уж действительно бедный малыш! Он не в городе.

— Но ты же сама сказала, что он там.

— Ничего подобного я не говорила. Если ты помолчишь, я расскажу тебе, что случилось.

Случилось, что миссис Донахью была несколько удивлена, увидев, как Луммокс поедает пятый или шестой куст ее роз. Нимало не раздумывая, с большим мужеством она накинулась на Луммокса, вооружившись венником, которым с воплями била его по голове. На

мастифа она не походила, хотя Луммокс и ее мог слизнуть одним махом; тем не менее Луммокс понимал, что к чему, столь же четко, как домашняя кошка. Люди — это не еда; почти всегда люди относятся к нему по-дружески.

Поэтому он был оскорблен в своих лучших чувствах. Скорчив недовольную гримасу, он поспешил убраться.

Следующее сообщение о похождениях Луммокса поступило из точки, расположенной в двух милях и примерно в получасе ходьбы от дома миссис Донахью. Стюарты жили в пригороде Вествилла, и от города их отделял зеленый пояс. Здесь мистер Ито имел небольшую ферму, где выращивал овощи к столу гурманов. По всей видимости, мистер Ито не представлял, с кем он столкнулся, когда увидел нечто, поедающее его капусту. Существование Луммокса не было ни для кого секретом, но мистер Ито не интересовался делами других людей и никогда не видел Луммокса.

Как и миссис Донахью, он не медлил ни мгновения. Он кинулся в свой домик и выскочил из него с оружием, которое досталось ему от деда — реликвия Четвертой Мировой войны, известное как «убийца танков». Мистер Ито установил оружие на опрокинутом горшке и навел его на Луммокса. Грохот выстрела оглушил мистера Ито (он никогда не слышал такого выстрела ранее), а вспышка ослепила. Когда он протер глаза и огляделся, существо уже исчезло.

Установить, в каком направлении оно исчезло, было нетрудно. Эта стычка не оскорбила Луммокса, как веник миссис Донахью, но перепутан он был до предела. Увлеченный салатом мистера Ито, он находился неподалеку от его садового домика. Когда грянул взрыв, Луммокс с места взял предельную скорость и кинулся прямо вперед. Обычно он рысил, переставляя ноги в порядке 1-4-5-8-2-3-6-7, чего вполне хватало для средней рыси; теперь он с места сорвался в галоп, одновременно выбрасывая 1-ю и 2-ю, 5-ю и 6-ю ноги, а затем 3-ю и 4-ю, 7-ю и 8-ю.

Луммокс пролетел сквозь садовый домик прежде, чем успел его заметить, проделав проход, достаточный для грузовика средних размеров. Прямо перед ним в

трех милях лежал Вествилл, но было бы куда лучше, если бы в момент выстрела его голова была направлена в сторону гор.

Слушая мать, Джон Томас все отчетливее понимал, что произошло. Когда дело дошло до судьбы садового домика мистера Ито, он перестал вспоминать, сколько у него денег, и стал прикидывать, что он мог бы продать. Геликоптер почти новый... ерунда, сколько бы он за него ни выручил, расходов это не покроет. Может быть, он сможет взять кредит в банке? Одно было ясно: мать не поможет, во всяком случае, в своем сегодняшнем состоянии. Остальные сообщения носили отрывочный характер. Луммокс выскочил на скоростную автотрассу, ведущую в город, как раз у трактира. Шофер трансконтинентального грузовика, потягивая кофе, жаловался офицеру службы безопасности движения на какое-то авто с ногами, не обращающее никакого внимания на разграничительные полосы. Свое возмущение дальнотбойщик объяснил опасностью, которую представляют роботы-водители, а также тем, что, по его мнению, людям, что сидят за баранкой и не отрывают глаз от дороги, не осталось места на трассах. Патрульный не видел Луммокса, поскольку как раз в этот момент отлучался за очередной чашкой кофе, и посчитал, что водитель что-то напутал, но все же позвонил, куда полагается.

Автодорожный центр в Вествилле не обратил на это сообщение никакого внимания: работники центра были слишком поглощены смятением, охватившим город.

Джон Томас прервал рассказ матери.

— Кто-нибудь пострадал?

— Пострадал? Не знаю. Возможно. Джон Томас, ты должен немедленно избавиться от этого животного.

Он пропустил эти слова мимо ушей. Для споров время было неподходящим.

— Что еще произошло?

Деталей миссис Стюарт не знала. По Вествиллу Луммокс двигался медленно и с остановками: оживленное движение и большое количество людей смущали его. С улицы он свернул в переулок. Земля, не предназначенная носить на себе шесть тонн живого веса, подалась

под его ногами, и многочисленные пешеходы, которые в это самое оживленное время дня наполняли торговый квартал, в смятении кинулись в разные стороны. Женщины визжали, дети и собаки бесновались от восторга, полицейские пытались восстановить порядок, а бедный Луммокс, который не собирался никого пугать и обижать и уж, во всяком случае, не предполагал навестить торговый квартал, сделал совершенно естественную ошибку... Большое окно витрины магазина Бон Марше казалось спасительным убежищем. Витрина была закрыта непробиваемым металлизированным стеклом, но архитектор не предполагал, что этой преграде придется выдержать столкновение с Луммоксом. Луммокс вошел через стекло и попытался укрыться в модной элегантной спальне. Попытка его не увенчалась успехом.

Очередной вопрос Джона Томаса был прерван топотом ног по крыше: кто-то совершил посадку. Он посмотрел наверх.

— Ты кого-то ждешь, мама?

— Наверное, это полиция. Они сказали, что должны...

— Полиция? Ох, черт побери...

— Не удирай, тебе надо увидаться с ними.

— Я никуда не удираю,— жалобно сказал Джон Томас и нажал кнопку, открывающую вход.

Секундой позже скрипнул неторопливый лифт, дверь открылась и в комнату вошли сержант и патрульный.

— Миссис Стюарт? — официально обратился сержант. — Я к вашим услугам, мадам. Мы... — И тут он увидел Джона Томаса, не знающего куда спрятать глаза.

— Ты Джон Т. Стюарт?

Джон сглотнул комок в горле.

— Ага, сэр.

— Тогда давай с нами. Прошу прощения, мэм. Пошли, парень. У нас всего пара минут. — Он взял Джона Томаса за руку.

Джон попытался освободиться.

— В чем дело? А у вас есть ордер или что-то такое?..

Сержант остановился, медленно сосчитал про себя до десяти, а затем раздельно произнес:

— Сынок, ордера у меня нет. Но если ты Джон Т. Стюарт... а я знаю, что так оно и есть... и если ты хочешь, чтобы с этой штукой, которая свалилась на нас из какого-то глубокого космоса и которую ты приютил, не случилось неприятностей, перестань выкаблучиваться и поехали с нами.

— Иду, — поспешно сказал Джон Томас.

— Отлично. И постарайся не доставлять мне никаких хлопот.

Джон Томас замолчал и двинулся вместе с полицейскими. За те три минуты, что потребовались полицейскому вертолету, чтобы долететь до города, Джон представлял себе разные ужасы.

— Господин офицер, — спросил он. — Кто-нибудь пострадал?

— Меня зовут сержант Мендоза. Надеюсь, что все целы. Хотя точно не знаю.

Джон Томас обдумал этот неопределенный ответ.

— А... Луммокс все еще в Бон Марше?

— Ты его так называешь — Луммокс? Нет, мы его выставили оттуда. Теперь он под виадуком Вест-Арройо... Надеюсь, что он еще там.

От этого ответа Джон Томас похолодел.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, первым делом мы заблокировали улицы Мейн и Гамильтон, а затем брандспойтами выгнали его из магазина. Ничто другое не годилось. Самые тяжелые пули просто отскакивали от него. Что за шкура у этого зверя? Из десятидюймовой стали?

— Ну, не совсем... — Ирония сержанта Мендозы настолько была близка к истине, что Джону Томасу не хотелось обсуждать эту тему; куда больше его волновал вопрос, не съел ли Луммокс железа. После недоразумения с быиком Луммокс стал стремительно расти: за две недели он из среднего гиппопотама превратился в то, что представляет собой сегодня. Он очень исхудал, и шкура обвисала на нем складками, напоминая наброшенный на шкаф ковер, а скелет странных, неземных очертаний выпирал сквозь шкуру; потребовалось три года держать его на высококалорийной диете, чтобы он снова округлился. С этого

времени Джон Томас старался держать металл подальше от Луммокса, особенно железо, хотя в свое время отец и дедушка Джона Томаса постоянно подкидывали Луммоксу кусочки металлолома.

— Ну-с, вот так, — продолжал сержант Мендоза. — Когда пожарные выковыряли его оттуда, он чихнул и сшиб с ног двух человек. После этого мы включили водонапор на полную мощность, стараясь направить его по Гамильтон-стрит, где было побольше места и где он никому не угрожал бы... и в то же время мы искали тебя. Все шло вроде как нельзя лучше, если не считать одного вывернутого фонарного столба да опрокинутой машины, но когда мы собирались завернуть его по Хиллкрест — оттуда прямая дорога к вам — он удрал от нас, сшиб шлагбаум и забился под виадук, где... словом, увидишь сам. Вот мы и на месте.

С полдюжины полицейских машин крутились над виадуком. Чуть в стороне роились частные аэрокары и даже парочка пассажирских; патрульные машины то и дело отгоняли их. Тут же вертелись и кувыркались несколько сот летунов на мини-коптерах. Они то и дело пикировали вниз и шныряли между машинами, затрудняя и без того нелегкую работу полиции. На земле полицейские во главе с офицерами пытались оттеснить толпу подальше от виадука и организовать движение по другой дороге. Пилот в машине сержанта Мендозы прокладывал путь через царящую в воздухе сумятицу, одновременно докладывая что-то в нагрудный передатчик. Красный аппарат шерифа Дрейзера вынырнул из скопления машин и приблизился к ним.

Обе машины, разделенные несколькими ярдами, зависли в ста футах над виадуком. Джон Томас видел большой пролом в ограде, сквозь которую прорвался Луммокс, но самого Луммокса не обнаружил: тот скрывался под виадуком. Дверца машины шерифа открылась, и Дрейзер высунулся наружу; он казался раздраженным, его лысая голова была покрыта каплями пота.

— Где этот мальчишка Стюартов?!

Джон Томас опустил окно и высунул голову.

— Я здесь, сэр!

— Эй, парень, ты справишься с этим чудовищем?

— Конечно, сэр.

— Хочу надеяться. Мендоза! Высади его. Пусть попробует.

— Есть, шеф. — Мендоза сказал несколько слов пилоту. Наконец Джон Томас увидел Луммокса. Он забился под мост, сжавшись в комок. Джон Томас едва не вывалился из иллюминатора.

— Лум! Лумми! Иди к папе!

Беглец заволновался, и покрытие виадука задребезжало. Наружу высунулось примерно двенадцать футов туловища. Луммокс растерянно озирался по сторонам.

— Я здесь, Лум! Наверху!

Луммокс увидел своего друга, и его физиономия расплылась в блаженной улыбке. Сержант Мендоза фыркнул.

— Спускайся, Слэт. А ты — на выход.

Пилот несколько снизился, но остановился в замешательстве.

— Хватит, сержант. А то как бы эта штука нас не достала...

— Ладно, ладно. — Сержант Мендоза открыл дверцу и выкинул наружу легкую веревочную лестницу, применяющуюся при спасательных работах. — Ты можешь спуститься, сынок?

— Конечно. — Придерживаясь за руку Мендозы, Джон Томас вцепился в лестницу. Но достигнув последней ступеньки, он все еще продолжал висеть в шести футах над головой Луммокса. Он посмотрел вниз. — Подними голову, малыш, — сказал он, — и возьми меня.

Луммокс поднялся еще на одну пару ног и подставил свой широкий череп под висящие ноги Джона Томаса. Слегка пошатнувшись, Джон Томас встал на его голову, и Луммокс осторожно опустил друга на землю.

Джон Томас спрыгнул и тут же повернулся к Луммоксу. Похоже, что все неприятности не причинили Луммоксу заметного вреда; он вздохнул с облегчением. Теперь осталось только доставить его домой, а там уж он его осмотрит дюйм за дюймом.

Тем временем Луммокс смущенно изучал собственные ноги, издавая звуки, напоминающие мурлыканье. Джон сурово посмотрел на него.

— Лумми, ты плохой! Ты очень плохой! Просто тупица — понимаешь?

Луммокс смутился еще больше. Он опустил голову почти до земли и, глядя на своего друга снизу вверх, открыл пасть.

— Я не хотел, — возразил он тоненьким детским голоском.

— Ах, вот как! Ты не хотел! Я запихаю тебе в пасть твои собственные ноги! И попробуй мне только возразить! Я тебя вытряхну из твоей шкуры и сделаю из нее коврик на стенку. Обедать тебе сегодня не вить! Он не хотел!

Над ними завис красный вертолет.

— Все в порядке? — осведомился шериф Дрейзер.

— Конечно.

— Отлично. Будем действовать следующим образом. Я убираю барьеры. Ты ведешь его по Хиллстрит, где вас будет ждать эскорт; вы пристраиваетесь за ним, и он проводит вас до дома. Все понятно?

— Ясно. — Джон Томас увидел, что оба конца виадука заблокированы бульдозерами с опущенными ножами. Такой порядок был принят силами безопасности во всех городах после Великого Бунта 91-го года, но Джон Томас не мог припомнить ничего подобного в Вествилле, и он начал понимать, что день, когда Луммокс вышел в город прогуляться, не скоро изгладится из памяти.

Но он был счастлив, что Луммокс оказался настолько перепуганным, что не попытался пожевать железа или попробовать какой-нибудь ржавый обломок. Он повернулся к нему.

— Ну, ладно, ты, чудовище, вытаскивай свой скелет из этой дыры. Пошли домой. — Луммокс радостно согласился, и виадук снова задрожал. — Подсади меня.

Спина Луммокса преобразилась в нечто вроде седла. Луммокс был полон радостного желания повиноваться и нетерпеливо топтался на месте.

— Успокойся, — сказал Джон Томас. — Я не хочу, чтобы ты отдал мне ноги. — Луммокс застыл, и мальчик вскарабкался на него, цепляясь за складки стальной на ощупь шкуры. Верхом на Луммоксе он напоминал раджу, отправляющегося на тигриную охоту.

— Все в порядке. А теперь, не торопясь, вверх по дороге. Да не туда, олух царя небесного! Вверх!

Сообразив, что к чему, Луммокс огляделся и зарысил прочь.

Две патрульные машины прокладывали ему дорогу, две прикрывали с тыла. Помидорно-красный вертолет шерифа Дрейзера держался поодаль на безопасной дистанции. Джон Томас несколько расслабился, размышляя, как он, во-первых, будет воспитывать Луммокса, а во-вторых, что он скажет матери. Первая задача была куда проще, чем вторая...

Они были уже на полпути к дому, когда им чуть ли не на голову свалился летун, не обращавший никакого внимания на красные полицейские мигалки. Джон Томас подумал, что так, очертя голову, может летать только Бетти, и был прав. Он поймал ее за ноги, когда она выключила двигатель.

Шериф Дрейзер распахнул иллюминатор и высунул голову, но Бетти прервала поток возмущения, который он обрушил на них.

— Что я слышу, шериф Дрейзер! Какие ужасные выражения!

Шериф поперхнулся и, взгляделся пристальнее.

— Это кто — Бетти Соренсен?

— А кто же еще? И должна вам сказать, шериф, что никогда не предполагала, что доживу до такого времени, когда вы, столько лет преподававший в воскресной школе, будете употреблять такие слова! И если вы считаете, что подаете хороший пример...

— Молодая леди, придержите язык.

— Я? Но это вам надо...

— Цыц! На сегодня с меня хватит! Здесь дело серьезное и посему — марш отсюда!

Взглянув на Джона Томаса, Бетти подмигнула ему и состроила ангельски невинное выражение.

— Но, шериф, я не могу.

— А? Почему это не можете?

— У меня кончилось горючее. Я пошла на аварийную посадку.

— Бетти, перестаньте сочинять.

— Я? Чего ради, декан Дрейзер?

— Я вам покажу декана! Если бак у тебя пустой, слезай с этого зверя и отправляйся домой. Он опасен.

— Лумми опасен? Да он и мухи не обидит. И, кроме того, вы хотите, чтобы я пошла домой одна? По этой глухой дороге? Когда уже темнеет? Вы меня удивляете.

Дрейзер сплюнул и захлопнул иллюминатор. Бетти мигом высвободилась из подвесной системы и устроилась поудобнее в сиденье, которое Луммокс без напоминания соорудил для нее на своей обширной спине. Джон Томас посмотрел на нее.

— Привет, Червячок.

— Привет, Упрямец.

— А я и не знал, что ты знакома с шерифом.

— Я знакома со всеми. А теперь помолчи. Я помчалась сюда изо всех сил сломя голову, как только услышала новости по ящику. Ты, даже вместе с Луммоксом, никогда не додумаясь, как выпутаться из этой истории, — поэтому я и здесь. А теперь расскажи мне все, даже самое ужасное. Не скрывай ничего от мамочки.

— Ах ты, хитрая лиса.

— Не трать времени на комплименты. Может быть, это наш последний шанс поговорить с глазу на глаз перед тем, как тебя начнут тягать в разные стороны, поэтому давай быстрее к делу.

— Что? Ты думаешь, что в самом деле... Но если обратиться к юристу?

— Я лучше любого юриста, потому что моя голова не забита всякой ерундой. Я все вижу свежим глазом.

— Ну... — Честно говоря, Джон почувствовал себя куда лучше с появлением Бетти. Теперь он и Луммокс не одиноки в этом недружелюбном мире. Он выложил всю историю, а Бетти спокойно выслушала его.

— Кто-нибудь пострадал?

— Не думаю. Они бы мне сказали об этом.

— Это верно. — Она выпрямилась. — Значит, нам не о чем беспокоиться.

— Что? Но Луммокс наломал дров на сотни, а то и на тысячи... Хотел бы я знать, что ты имеешь в виду, говоря «не о чем беспокоиться»?

— То, что никто не пострадал, — ответила Бетти. — Все остальное можно организовать. Может быть, еще Луммокс окажется пострадавшей стороной.

— Ну, ты даешь! Полная чушь!

— Если ты думаешь, что это чушь, значит, ты никогда не был в суде.

— А ты была?

— Не уходи от разговора. Кроме всего, Луммокс подвергся нападению с применением очень опасного оружия.

— Да, но он не пострадал, его только опалило.

— Неважно. Я уверена, что он испытал сильнейшее душевное потрясение. И, исходя из этого, он не несет ответственности за все, что произошло. А теперь помолчи и дай мне подумать.

— Я тоже подумаю.

— Но не очень напрягайся, а то я услышу, как у тебя шестеренки трещат. Не воображай.

До дома Стюартов они двигались в молчании. И перед тем, как они прибыли, Бетти дала Джону один совет.

— Ничего не признавай. *Ничего*. И ничего не подписывай. Зови меня.

Миссис Стюарт не вышла встречать их. Шериф Дрейзер вместе с Джоном Томасом отправился осмотреть пролом в ограждении. Луммокс плелся за ними. Шериф молча смотрел, как Джон Томас взял шнурок и натянул его поперек прохода.

— Вот так. Теперь он не сможет выйти.

Дрейзер открыл рот.

— Сынок, у тебя, видно, не все дома.

— Вы не понимаете, сэр. Захоти он выйти, забор не остановит его, даже если мы егоотремонтируем... Его ничто не остановит. Кроме этого шнурка. Луммокс!

— Да, Джонни?

— Видишь этот шнурок?

— Да, Джонни.

— Если порвешь его, я надеру тебе уши. Понятно?

— Да, Джонни.

— И пока я не разрешу тебе, со двора ни ногой.

— Хорошо, Джонни.

— Обещаешь? Лопни мое сердце?

— Лопни мое сердце.

— Вообще-то в нашем понимании сердца у него нет, — сказал Джонни. — У него все устроено по другому принципу... что-то вроде центробежного насоса. Ну, словно...

— Пусть у него будет какой угодно насос, лишь бы он сидел дома.

— Так и будет. Эту клятву он никогда не нарушит.

Дрейзер вытер руки о штанины.

— Отлично. На ночь я по соседству оставляю человека с портативным передатчиком. А завтра мы вгоним сюда стальные брусья вместо этих деревянных.

Джонни уже открыл рот, собираясь сказать: «Только не стальные», но решил лучше промолчать.

— В чем дело? — спросил Дрейзер.

— Да нет, ничего.

— Ты тоже не спускай с него глаз.

— Он никуда не денется.

— И все же... Ты понимаешь, что вы оба находитесь под арестом? Но я не представляю, в какую камеру запереть этого молодчика.

Джон Томас не ответил. Теперь он понял, что неприятностей не избежать.

Дрейзер смягчил тон.

— Особенно не волнуйся. Ты хороший парень, и твоего отца все вспоминают добрым словом. А теперь мне надо поговорить с твоей матерью. А ты пока лучше побудь здесь, пока не явится мой человек... и, может быть, познакомь его с этой штукой, — краем глаза он указал на Луммокса.

Джон Томас стоял недвижим, пока шериф не скрылся в доме. Теперь-то он мог всыпать Луммоксу по первое число, но у него уже не было сил.

Дело межзвездного департамента

Тревоги и заботы, обрушившиеся на головы Джона Томаса XI-го и Луммокса, казались им ужасными и в своем роде уникальными, а между тем даже в Вествилле были люди, которые также могли пожаловаться на свои заботы. Так, маленький мистер Ито страдал от болезни, от которой еще не придумано лекарство — от старости. В скором времени она одержала над ним верх. За бесчисленным количеством закрытых дверей Вествилла мужчины, женщины и дети решали, как справиться с проблемами денег, здоровья, семейных дел, внешности и так далее.

Далеко от Вествилла, в столице штата, губернатор в отчаянии смотрел на груды бумаг — они доказывали, что он обязан отправить в тюрьму своего самого старого и преданного друга. А за миллионы километров от столицы, на Марсе, изыскатель покинул сломавшийся вездеход и двинулся в далекий путь к Форпосту, но никогда не достигнет его.

А в непредставимом для глаз расстоянии в двадцать семь световых лет звездный корабль «Боливар» вошел в подпространство. Маленькая неисправность в одном

крохотном реле привела к тому, что оно сработало на десятую секунды позже, чем следовало. И теперь «Боливар» обречен долгие годы скитаться меж звезд... и никогда не найдет дороги домой.

В непостижимой дали от Земли, на полпути к расположенной в этом районе звездной туманности, раса древолазающих ракообразных медленно отступала под натиском более молодой и агрессивной расы амфибий. Пройдет еще несколько земных тысячелетий, пока ракообразные окончательно вымрут, но этот исход вне сомнений. Ситуация эта вызывала глубочайшее сожаление (по земным меркам), потому что раса ракообразных придерживалась системы ценностей, близкой к человеческой, что позволяло надеяться на сотрудничество двух рас в будущем. Но когда через одиннадцать тысяч лет на той планете совершит посадку корабль с Земли, ракообразные уже давно вымрут и от них не останется и следа.

А если снова вернуться на Землю, мы увидим, что в столице Федерации Его Превосходительство Досточтимый Генри Гладстон Кику, магистр искусств (Оксон), доктор гонорис кауза (Кейптаун), Постоянный Заместитель Секретаря Межзвездного Департамента отнюдь не был обеспокоен горестной судьбой ракообразных, потому что ничего не знал о них. Не тревожился он и о судьбе «Боливара», хотя уже подходило время узнать о нем.

В круг ответственности и забот мистера Кику входило все и вся за ионосферой Земли. Он отвечал и за все, что касалось взаимоотношений между Землей и остальной частью исследованного Космоса. Даже те дела, которые внешне касались только Земли, находились в поле его зрения, если они тем или иным образом были связаны с внеземными, межпланетными или межзвездными проблемами, — словом, круг дел, которыми он занимался, был достаточно широк. К ним относились, например, такие, как импорт травы с Марса, великолепно мутирующей на песчаных почвах, и которая должна была покрыть Тибетское плато. Служба мистера Кику пока еще не собиралась давать своего согласия на эту операцию — до тех пор, пока не будет тщательно изучено влияние марсианской травы на овцеводство

Австралии и на добрую дюжину других отраслей народного хозяйства. Акклиматизацию инопланетных организмов надо проводить очень осмотрительно: перед глазами мистера Кику постоянно стоял страшный пример Мадагаскара, где был некогда высажен марсианский лимонник. Экономические сложности не волновали мистера Кику; он никогда не обращал внимания на то, сколько пальцев ему придется отдавить, — а вот другие проблемы порой не давали заснуть по ночам: например, решение не давать полицейского эскорта студентам с Проциона VII, направляющимся по обмену в Годдард. Он принял это решение, несмотря на вполне реальную опасность, угрожающую гостям со стороны провинциалов, с предубеждением относящихся к существам со щупальцами или им подобным, — а с другой стороны, цефалоподы с этой планеты — весьма ранимые существа и вряд ли были бы в восторге от полицейского эскорта, который на их собственной планете не связан иначе как с преступниками. Конечно, в распоряжении мистера Кику был большой штат сотрудников, и, конечно же, ему помогал лично сам Секретарь. Последний произносил речи, встречал Очень Важных Персон, давал интервью и во многих других случаях освобождал мистера Кику от подобных невыносимо тяжких обязанностей — мистер Кику первый признавал это. И в той мере, в какой нынешний Секретарь корректно вел себя, занимался своими делами, заботился о связях с общественностью и не мешал Заместителю заниматься делами Департамента, мистер Кику относился к нему с симпатией. Если же Секретарь уваливал от выполнения этих обязанностей, мистер Кику всегда знал, как избавиться от него. В последний раз он проявил подобную непреклонность пятнадцать лет назад.

Нынешний Секретарь не доставлял мистеру Кику больших хлопот, и сейчас он думал отнюдь не о нем. Он просматривал стопку листов, касающихся Проекта Церебрус — весьма интересное предложение относительно станции на Плутоне. Но тут на панели замигал огонек, и Кику посмотрел на дверь, отделяющую его помещения от апартаментов Секретаря. Тот вошел, насвистывая

модную песенку «Возьми меня с собой и поиграем в мячик».

— Приветствую вас, Генри. Нет, нет, вставать не надо. Мистер Кику и не собирался вставать.

— Как поживаете, господин Секретарь? Чем могу быть вам полезен?

— Ничего особенного. — Он остановился у стола мистера Кику и взял папку с Проектом. — Что штудируете? Никак Церебрус? Генри, пусть над этим думают инженеры. Чего ради нам беспокоиться?

— Здесь есть некоторые частности, — осторожно ответил мистер Кику, — которые касаются и нас.

— Ну да, ну да... Бюджет и все такое... — Секретарь бегло пробежал по четким строчкам: — «Примерная стоимость: 3,5 МЕГАДОЛЛАРОВ и 7,4 ЖИЗНИ». Что это такое? Я не могу предстать перед Советом с такими подсчетами и просить утвердить их. Это фантастика.

— Первоначальная прикидка давала нам, — спокойно сказал мистер Кику, — более восьми мегадолларов и более сотни жизней.

— Я имею в виду не деньги, а все остальное... Вы представляете, что значит убедить Совет подписать смертные приговоры семи и четырем десяткам человека! Кстати, что это значит — часть человека, что ли?

— Господин Секретарь, — терпеливо ответил подчиненный, — любой проект, несколько больший, чем строительство школьной спортплощадки, включает в себя возможность человеческих жертв. Но в данном случае фактор риска довольно низок.

— М-м-м? — Секретарь снова просмотрел конспект. — Так почему бы так прямо и не сказать? Изложить ситуацию в наилучшем освещении и так далее?..

— Такое изложение уже подготовлено для меня... то есть и для вас тоже. В сообщении для Совета подчеркиваются меры предосторожности и не будет включена оценка возможных смертных случаев, которая, в конце концов, является всего лишь предположением.

— Ну, если всего лишь предположением... Да, конечно... — Секретарь вернул доклад на место, по всей видимости, потеряв к нему интерес.

— Что-нибудь еще, сэр?

— Ах, да! Генри, старина, вы знаете того сановника с Раргиллиана, которого я сегодня должен встречать? Доктор... как-бишь-его-зовут?

— Доктор Фтаемл. — Мистер Кику взглянул на контрольную панель. — Ваша встреча состоится через час и семь минут.

— Совершенно верно. Боюсь, что мне придется просить вас заменить меня. Извинитесь за меня и все такое прочее. Скажите ему, что я по горло занят делами государственной важности.

— Видите ли, сэр... Я не могу советовать вам, но он ждет встречи с официальным лицом вашего ранга... а раргиллианцы исключительно скрупулезно относятся к протоколу.

— Ах, бросьте, эти туземцы даже не поймут разницы между нами.

— Но он поймет, сэр.

— Ну, скажите ему, что вы — это я... неважно. Но я не могу быть одновременно в двух местах. Генеральный Секретарь пригласил меня на партию в гольф — а когда Г. С. говорит «прошу вас», это значит, что я должен, вы же знаете...

Мистер Кику знал, что действительность не имела ничего общего с этими словами, но воздержался от продолжения этой темы.

— Хорошо, сэр.

— Спасибо, старина. — И, насвистывая, Секретарь удалился.

Когда за ним закрылась дверь, мистер Кику гневным жестом выключил все сигнальные тумблеры на панели своего стола. Теперь до него не добраться ни по телефону, ни по видео, ни по УКВ-передатчику, ни через автоответчик; задействованным оставался лишь сигнал тревоги, который его Секретарь пустил в ход лишь один раз за двенадцать лет. Мистер Кику поставил локти на столешницу, опустил голову на руки и запустил пальцы в густые волосы.

Постоянные заботы и тревоги — здесь, там, снова здесь... и вечно под ногами толкаются какие-то идиоты! Отчего ему было не остаться в Африке! Откуда взялся

этот зуд служения обществу? Зуд, который давно превратился в пустую привычку...

Кику выпрямился и выдвинул средний ящик стола. В нем лежали описания ферм, разбросанных по долинам Кении. Он вынул пачку листов и погрузился в сравнительное изучение данных. Вот то, что ему надо, рай земной — не больше восьмисот акров, половина из которых возделана. Он разложил перед собой карты и фотографии, чувствуя, как к нему возвращается хорошее настроение. Теперь он может сложить бумаги и вернуть их на старое место.

Он не говорил об этом шефу, но его реакция на предложение встретиться с доктором Фтаемлом коренилась в давних традициях предков, смертельно боявшихся змей. Если этот доктор Фтаемл чистокровный раргиллианин, медузоподобный гуманоид... Конечно, он знал, что щупальца, шевелящиеся на головах раргиллиан, не имеют ничего общего со змеями — но он ничего не мог поделать со своим желудком. Будь у него время для гипнотического внушения... нет, времени не хватит; он сможет лишь принять пилюли.

Вздохнув, он снова включил тумблеры. Корзина для входящих бумаг стала стремительно наполняться, а цепочка сигнальных лампочек замигала разноцветными огоньками. Но так как тревожных красных огней среди них не было, и они мирно отливали янтарем, мистер Кику не обратил на них никакого внимания и потянулся за бумагами. Большинство из них носило чисто информативный характер, остальные относились к его подчиненным. Мистер Кику ставил закорючку своей подписи, набрасывал несколько слов указаний и бросал бумаги в разверстую пасть корзинки для исходящих документов.

Поползла лента телекса, что случалось довольно редко; обычно по телексу сообщалось о существах неземного происхождения, вид и происхождение которых не удалось установить. История, о которой шла речь, была малоинтересной — какое-то происшествие в одном из маленьких городков на западе континента. Но поскольку оно имело отношение к существу неземного происхождения, местная полиция

автоматически переслала сообщение в Межзвездный Департамент.

Мистер Кику никогда не видел Луммокса и не проявил к нему никакого интереса. Но мистер Кику знал, что каждый контакт с тем, кто находился «Вне», всегда уникален. Космос бесконечен в своем разнообразии. Принимать решения без точного знания, действовать, основываясь на аналогиях и прецедентах, закрывать глаза на неизвестное — значило подвергаться большой опасности.

Мистер Кику пробежал список сотрудников в поисках свободного человека, который мог бы заняться этим делом. Все без исключения могли выступать в судах любого подчинения, когда речь шла о существах внеземного происхождения, но кто из них сейчас на Земле и достаточно свободен? Хм-м-м...

Сергей Гринберг — вот кто ему нужен. День-другой Системоразведка обойдется без своего шефа. Он нажал кнопку.

— Сергей?

— Да, шеф.

— Ты занят?

— И да и нет. Я полирую ногти и пытаюсь понять, чего ради налогоплательщики платят мне зарплату.

— Интересная мысль. Высылаю тебе копии кое-каких бумаг. — Мистер Кику вложил их в щель «исходящих», нажал на телексе тумблер с фамилией «Гринберг» и обождал несколько секунд, пока бумаги не появились перед Сергеем. — Прочти-ка.

Гринберг просмотрел бумаги.

— Итак, шеф...

— Свяжись с местными законниками, сообщи им, что мы займемся этим делом, затем отправляйся туда и посмотри, что там такое.

— Слушаюсь и повинуюсь, ваше величество.

— Совершенно верно. Посмотри, нет ли там какой-то «особой ситуации», мы должны быть в курсе дела.

— В крайнем случае я займусь строевой подготовкой с местными стражниками. Где эта деревушка? Как ее — Вествилл?

— Откуда я знаю? Бумаги перед тобой.

Гринберг взглянул на них.

— Ого! Это же в горах! История может занять две-три недели...

— Попробуй задержаться больше, чем на три дня, и я вычту их из твоего отпуска. — Мистер Кику отключился и вернулся к другим делам: ответил на дюжину вызовов, опустошил до дна корзину входящих бумаг, которая тут же наполнилась снова, и заметил, что подходит время встречи с раригилианином. Он почувствовал, как спина покрывается гусиной кожей, и поспешно нырнул в ящик стола за таблетками, относительно которых доктор предупредил его, чтобы Кику не злоупотреблял ими. Он едва успел проглотить их, как из динамика раздался голос его секретаря.

— Сэр? Прибыл доктор Фтаемл.

— Проси его. — Мистер Кику пробормотал несколько слов, которые его предки использовали, заклиная змей. Дверь широко распахнулась, и на его лице появилось выражение, приличествующее встрече высокопоставленных гостей.

Вопрос поставлен некорректно

Вмешательство Межзвездного Департамента в историю с Луммоксом отнюдь не было результатом слухов; оно, скорее, усилило их. Гринберг позвонил окружному судье, попросил его разрешения использовать зал судебных заседаний и предупредил, чтобы все свидетели и участники были на месте завтра к десяти часам утра. Включая, конечно, и внеземное существо — причину всей суматохи. Судья О'Фаррел переспросил:

— И существо... оно вам тоже необходимо?

Гринберг уточнил, что именно оно и нужно ему больше всего, так как участие этого внеземного существа и явилось причиной его, Гринберга, прибытия.

— Судья, мы в Межзвездном не любим совать нос в ваши дела. После того, как я взгляну на это создание и задам пару дюжин вопросов, я, скорее всего, поспешу откланяться... что устроит нас обоих. Это злосчастное существо — единственная причина моего появления. Итак, я могу надеяться, что он будет на месте?

— Э-э-э... видите ли, он слишком велик, чтобы его можно было доставить в суд. Я не видел его пару лет и предполагаю, что с тех пор он несколько подрос... хотя

и в то время он был непомерно велик. Не могли бы вы ознакомиться с ним в том месте, где он пребывает?

— Не исключено, хотя должен признаться, у меня есть предубеждение против всего, что запутывает дело. А где он находится?

— Там, где обычно, у своего владельца. У них небольшой домик за городом, в нескольких милях.

Гринберг задумался. Он был вполне современным человеком, который не придает значения тому, где ест и спит, когда находится при исполнении служебных обязанностей, но он предпочитал, чтобы все остальные исправно выполняли свой долг, иначе бесконечная чехарда дел в Межзвездном Департаменте никогда не кончится.

— Я предпочел бы избежать поездки за город, так как намерен, если возможно, завтра к полудню вернуться в столицу. Дело безотлагательное... связанное с марсианской нотой. — Когда Гринберг хотел поторопить кого-то, он всегда прибегал к этому приему.

Судья О'Фаррел сказал, что примет это к сведению, и добавил:

— Мы постараемся возвести временную постройку на лужайке у суда.

Два дня назад, когда Луммокс отправился на злополучную прогулку, судья был на рыбалке. К его возвращению суматоха уже улеглась, и он, придерживаясь принципа, избегал слухов, газетных статей и пустой болтовни, связанной с делом, которое ему предстояло рассматривать. Позвонив Дрейзеру, О'Фаррел не предполагал, что с доставкой Луммокса возникнут какие-то трудности.

Шериф встретил О'Фаррела, высунувшись из оконца на крыше.

— Судья, вы в своем уме?

— А? Что с вами?

Дрейзер попытался объяснить; судья отверг его объяснения. В конце концов они оба позвонили мэру. Но мэр тоже был с судьей на рыбалке, поэтому он положил свой голос на чашу весов О'Фаррела.

— Вы меня удивляете, — сказал он Дрейзеру. — Мы не можем позволить, чтобы важное официальное лицо

думало о нашем городе, как о каких-то задворках, где не могут сделать такое простое дело.

Дрейзер застонал и отправился связываться со Стальной и Сварной Компанией.

Шериф Дрейзер принял решение переселить Луммокса еще до рассвета, когда улицы относительно пустыньны, но никто не позаботился ознакомить с этим замыслом Джона Томаса; он проснулся в четыре утра в холодном поту, прервав бредовые видения, в которых с Луммоксом случилось что-то ужасное.

Пока мир вокруг не прояснился, Джон Томас был мрачен и неразговорчив; он был типичной «совой» — одним из тех, у кого по утрам низкое содержание сахара в крови и которые ни на что не годны, пока не позавтракают — на этой процедуре он и настаивал.

Шериф Дрейзер выглядел рассерженным. Миссис Стюарт использовала выражение «мама-знает-лучше» и сказала: «Дорогой мой, не думаешь ли ты, что было бы лучше...»

— Я хочу позавтракать. И Луммокс тоже.

— Молодой человек, — сказал Дрейзер, — вы неправильно ведете себя. Прежде всего вы должны понять, что вас могут ожидать большие неприятности. Так что шевелитесь. Вы можете позавтракать в городе.

Но Джон Томас уперся.

— Джон Томас! — воскликнула мать. — Ты слышал, что тебе сказали?! Ты становишься таким же трудным, как твой отец.

Такое сравнение с отцом поразило сына.

— Почему ты не защищаешь меня, мама? — резко спросил он. — В школе меня учили, что человека не могут забрать из своего дома без предъявления ордера. Похоже, что ты стараешься помочь *им*, а не мне. На чьей ты стороне?

Столкнувшись с таким упрямым неповиновением, мать изумленно посмотрела на сына.

— Джон Томас! Ты не имеешь права так разговаривать со своей матерью!

— Это верно, — согласился Дрейзер. — Будь вежлив с матерью, а то я влеплю тебе затрещину — неофициально, конечно. Если тут есть что-то неправомерное, так

это мальчик, который грубит старшим. — Он расстегнул мундир и вынул сложенную бумагу. — Сержант Мендоза доложил, как ты пытался уклониться от ответственности... так что я подготовился. Вот ордер. Теперь ты пойдешь? Или мне придется тащить тебя?

— Это предписание из суда, — вздохнул Джон Томас, — здесь сказано, что я должен явиться и доставить Луммокса.

— Так оно и есть.

— Но к десяти часам! Здесь не сказано, что я не могу сначала позавтракать... и что я должен что-то делать до десяти часов.

Шериф раздулся и издал глухой стон. Его обычно розовое лицо побагровело, но он промолчал.

— Мама! — сказал Джон Томас. — Я хотел бы поесть! А вы не присядете с нами?

Мать посмотрела на Дрейзера, потом перевела взгляд на сына и закусил губу.

— Не волнуйся, — наконец сказала она. — Сейчас я приготовлю завтрак. Мистер Дрейзер, не хотите ли кофе?

— А? Очень любезно с вашей стороны, мадам. Не откажусь. Я с самого утра на ногах.

Джон Томас посмотрел на них.

— Я сбегаю посмотреть на Луммокса. — Помедлив, он добавил: — Я сожалею, что был груб с тобой, мама.

— Не будем говорить об этом, — холодно ответила миссис Стюарт.

Джон Томас хотел добавить еще кое-что в свое оправдание, но благоразумно сдержался и вышел. Луммокс мирно посапывал, наполовину вывалившись из своего укрытия. Его центральный глаз, как обычно во время сна, был обращен к шее; когда Джон Томас подошел, глаз повернулся в орбите: та часть Луммокса, которая бодрствовала, узнала мальчика, но звездное создание не проснулось. Удовлетворенный, Джон Томас вернулся домой.

Во время завтрака атмосфера смягчилась. Когда Джон Томас умял две порции омлета, до крошки подобрал гренки и влил в себя пинту какао, он уже был готов признать, что шериф Дрейзер всего лишь выполняет

свои обязанности, что он не из тех, кто ради собственного удовольствия пнет собаку. Что же касается шерифа, то и он, размягченный завтраком, решил, что с мальчиком не произойдет ничего страшного, если он время от времени будет чувствовать твердую руку... ведь его бедная мать вынуждена одна воспитывать сына; а она, похоже, достойная женщина. Он аккуратно кусочком хлеба подобрал с тарелки остатки омлета и сказал:

— Честное слово, миссис Стюарт, я чувствую себя куда бодрее. Одинокой женщине не легко торчать у плиты... а мои ребята обойдутся.

Миссис Стюарт приложила ладонь ко рту.

— О, я забыла о них! Сейчас я быстренько сварю еще кофе, — засуетилась она. — Сколько их?

— Пятеро. Но не стоит беспокоиться, мадам, они позавтракают после дежурства. — Он повернулся к Джону Томасу. — Вы готовы, молодой человек?

— Мхм... — Джон Томас повернулся к матери. — А почему бы не покормить их, мама? Мне все равно еще будить Луммокса и кормить его.

К тому времени, как Луммокс проснулся и поел, а пятеро полисменов наслаждались второй чашкой кофе после куска горячего мяса, Джон Томас уже воспринимал все случившееся не как арест, а как приключение. И когда процессия наконец двинулась в путь, давно уже минуло семь.

Луммокса удалось доставить во временное убежище позади здания суда лишь после девяти. Луммокс с наслаждением вдохнул запах стали и тут же выразил желание попробовать. Джон Томас был вынужден проявить твердость. Он вошел в клетку вместе с Луммоксом, лаская его и уговаривая не волноваться, и оставался вместе с ним, пока накрепко не приварили дверь. Он не на шутку встревожился, увидев, сколько стали пошло на клетку, у него не было возможности объяснить шерифу Дрейзеру, что для Луммокса нет ничего более лакомого, чем сталь.

Теперь говорить об этом было поздно, тем более, что шериф прямо раздувался от гордости, глядя на клетку. Времени для рытья фундамента не было, поэтому поме-

щение для Луммокса представляло собой ящик, все стенки которого, а также потолок состояли из стальных брусьев.

Ладно, подумал Джон Томас, черт с ними. Умники! Не сочли нужным даже обратиться ко мне... Придется сказать Луммоксу, чтобы не пытался под страхом наказания полакомиться своей тюрьмой. Будем надеяться на лучшее.

Луммокс попытался уклониться от спора. С его точки зрения, это было так же глупо, как попытка заключить голодного мальчишку в тюрьму из шоколада и бисквитных пирожных. Один из рабочих прислушался и сказал:

— Похоже, гора заговорила?

— Он таков и есть, — коротко ответил Джон Томас.

— Ага, — человек посмотрел на Луммокса и вернулся к работе. Человеческая речь, которую можно услышать от внеземных существ, не в новинку, особенно в стереопрограммах, и человек, похоже, воспринял ее как должное. Но вскоре он снова остановился.

— Вообще-то, это никуда не годится, чтобы животное говорило.

Джон Томас промолчал; это были не те слова, на которые стоило отвечать.

Наконец у него появилось время тщательнее поинтересоваться тем, что его беспокоило. Впервые он заметил это после злосчастной прогулки Луммокса: две припухлости в районе плеч. Со вчерашнего дня они увеличились, и это встревожило Джона Томаса, так как сначала он думал, что это простые синяки, хотя поставить синяк Луммоксу было не так-то просто.

Выстрел из базуки мистера Ито не причинил ему никакого вреда, в том месте, куда ударил заряд, была лишь небольшая, чуть припудренная ссадина; взрыв, который мог бы уничтожить танк, был для Луммокса не больше, чем легкий пинок копытом... он удивил, но не принес вреда.

Луммокс мог пораниться, прорываясь сквозь садовый домик, но это выглядело неправдоподобно. Скорее всего, он пострадал, когда обвалился виадук. Такая масса могла убить и слона. Конечно, Луммокс был далеко не

таким хрупким, как слон... и все же он мог пострадать при обвале.

Черт возьми! Припухлости стали больше, настоящие опухоли, и поверхность их мягче и тоньше, она уже не напоминала броню, в которую Луммокс был закован с головы до ног. Насколько Джон Томас помнил, Луммокс никогда не болел; отец тоже никогда не упоминал, чтобы с Луммоксом что-то было не в порядке. Он не менялся ни сегодня, ни вчера, ни позавчера — исключая то, что все рос и рос.

Сегодня вечером надо посмотреть дневник бабушки и записки прабабушки. Может быть, он в чем-то ошибается...

Джон Томас попытался вдавить палец внутрь одной из опухолей; Луммокс слегка дернулся. Джон Томас остановился и обеспокоенно спросил:

— Болит?

— Нет, — ответил детский голосок. — Щекотно.

Ответ ничего не дал. Джон Томас знал, что Луммокс боится щекотки, но обычно для этого требовалось нечто вроде лома или мотыги. Значит, опухоль очень чувствительна. Он уже хотел продолжить дальнейшее исследование, как его остановил голос из-за спины.

— Джон! Джонни!

Он повернулся. С другой стороны клетки на него смотрела Бетти Соренсен.

— Здорово, Червячок. Получила мое послание?

— Да, но только после восьми. Ты же знаешь, какие у нас в общежитии правила. Привет, Луммокс! Как ты себя чувствуешь, малыш?

— Отлично, — сказал Луммокс.

— Вот почему и я здесь, — сказал Джон Томас. — Идиоты вытряхнули меня из постели еще до рассвета. Чушь какая-то.

— Наконец-то тебе повезло увидеть рассвет. Но из-за чего вся суматоха? Я думала, что слушание будет только на будущей неделе.

— Так оно и должно было быть. Но явился какой-то столичный сундук из Межзвездного Департамента. Он и потребовал...

— Что?

— А в чем дело?

— В чем? Да во всем! Я не знаю этого человека из столицы. Я думала, что придется иметь дело с судьей О'Фаррелом... и я знаю, как его пронять. А этот новый судья... ну, тут я не знаю. А во-вторых, у меня появились кое-какие идеи, над которыми надо еще подумать. — Она нахмурилась. — Мы должны добиться отсрочки.

— Чего ради? — спросил Джон Томас. — Почему бы нам не пойти в суд и не рассказать всю правду?

— Джонни! Ты безнадежен! Будь все так просто, не нужно было бы никакого суда.

— Может, это было бы и к лучшему.

— Но... Слушай, Упрямец, перестань распускать сопли. И если нам нужно там быть меньше, чем через час... — Она взглянула на башенные часы на старинном здании суда. — Хорошенькие дела. Нам нужно двигаться побыстрее. Первым делом надо зарегистрировать Луммокса как движимое имущество.

— Глупо. Я тебе говорю, что это ни к чему. Мы не можем считать его имуществом. Он не кусок земли.

— Человек может зарегистрировать в этом качестве корову, лошадей, дюжину свиней. Плотник — свои инструменты. А актриса может объявить своим имуществом гардероб.

— Но это не значит, что можно зарегистрировать в этом качестве Луммокса. Я прослушал тот же курс коммерческого права, что и ты. Они поднимут нас на смех.

— Перестань увиливать. Я говорю о втором разделе этого курса. Если бы ты представил Лумми на выставку, он был бы «орудием твоего труда», не так ли? И пусть они доказывают, что это не так. Наше дело — успеть зарегистрировать Луммокса как имущество, на которое невозможно наложить арест, до того, как дело решится не в твою пользу.

— Если они что-то затевают против меня, им придется иметь дело с моей матерью.

— Нет, это не так. Я уже узнавала. После того как твой отец составил завещание, она не имеет права тронуть ни одного цента.

— Неужели? — с сомнением спросил он.

— Ох, да поторопись же! Если мы сумеем убедить суд, закон будет на нашей стороне.

— Ну, ты и проныра, Бетти. — Джон Томас проскользнул сквозь загородку, обернулся и сказал: — Лумми, я буду через минуту. Ты оставайся здесь.

— Почему? — спросил Луммокс.

— Не спрашивай, «почему»? Просто жди меня здесь.

— Хорошо.

На лужайке перед зданием суда уже собралась толпа: люди глазели на Луммокса в его новых владениях. Шериф Дрейзер отдал приказ обнести этот участок канатами, а двое его сотрудников следили за порядком. Молодые люди нырнули за ограждение и пробились сквозь толпу к ступенькам суда. Нотариальная контора находилась на втором этаже; там они и обнаружили заведующую, сухопарую старую деву.

Мисс Шрейбер выразила ту точку зрения на факт регистрации Луммокса, какую и ожидал Джон Томас. Но Бетти возразила, что в функции провинциального чиновника не входит решать, что человеку определять как свое движимое имущество, и тут же привела совершенно фантастическую историю, как один человек потребовал зарегистрировать свое эхо. Мисс Шрейбер неохотно заполнила соответствующие бумаги, получила причитающийся налог и вручила им заверенную копию.

Было уже почти десять часов. Джон Томас выскочил и торопливо побежал вниз, но остановился, увидев, что Бетти встала на площадку напольных весов.

— Поторопись, Бетти, — попросил он. — У нас для этого нет времени.

— Я уже давно не взвешивалась, — сказала Бетти, разглядывая себя в зеркале. — И, кроме того, мне надо привести себя в порядок. Я должна выглядеть как можно лучше.

— Ты и так прекрасно выглядишь.

— О Джонни, никак это комплимент?

— Это не комплимент. Поторопись. Я еще должен кое-что сказать Луммоксу.

— Спусти пары. Ты должен выглядеть не меньше, чем на десять тысяч. — Она разгладила брови, потом придала им окраску по модели «мадам Сатана», решив, что это

делает ее старше. Потом она решила нарумянить щеки, но отказалась от своего намерения, видя, что Джонни закипает. Они выскочили из здания суда.

Несколько минут было потрачено на то, чтобы убедить полисмена, что у них есть право оказаться по ту сторону загородки. Джонни увидел, что у клетки Луммокса стоят двое мужчин. Он прибавил шаг.

— Эй! Вы, двое! Уходите отсюда!

Судья О'Фаррел обернулся и моргнул.

— Почему вы так взволнованы, молодой человек?

Его спутник тоже повернулся, но промолчал.

— Я? Во-первых, я его хозяин. Во-вторых, он не любит, когда на него глазают посторонние. Поэтому идите за канаты. — Он повернулся к Луммоксу. — Все в порядке, малыш, Джонни с тобой.

— Привет, Джонни.

— Как поживаете, судья?

— Добрый день, Бетти. — Судья посмотрел на Бетти, пытаясь понять, что в ней изменилось, затем повернулся к Джону Томасу: — А ты, должно быть, из дома Стюартов. Я — судья О'Фаррел.

— Ох, простите меня, господин судья, — краснея, сказал Джон Томас. — Я думал, вы просто зевака.

— Естественно. Мистер Гринберг, этот мальчик Стюарт... Джон Томас Стюарт. Молодой человек, это досточтимый Сергей Гринберг из Межзвездного Департамента. — О'Фаррел обернулся: — Ах, да... Это мисс Бетти Соренсен... Что ты сделала со своим лицом?

Бетти с достоинством проигнорировала это замечание.

— Имею честь приветствовать вас, господин Посланник.

— Прошу вас — просто «мистер Гринберг», мисс Соренсен. — Гринберг повернулся к Джонни. — Вы имеете какое-то отношение к *тому* Джону Томасу Стюарту?

— Я Джон Томас Стюарт Одиннадцатый, — спокойно ответил Джонни. — Наверное, вы имеете в виду моего пра-пра-пра-прадедушку.

— Скорее всего, так оно и есть. Сам-то я родился на Марсе, довольно далеко... Я не знал, что ваша семья

имеет отношение к этому делу. Может быть, как-нибудь попозже мы поболтаем об истории Марса.

— Я никогда не был на Марсе, — признался Джонни.

— Да? Удивительно. Хотя вы еще так молоды.

Бетти слушала их разговор, наострив уши, и пришла к выводу, что этот судья, если это именно он, должен быть мягче и покладистее, чем О'Фаррел. Ведь припомнить, что с фамилией Джонни что-то связано... это нельзя скидывать со счета.

— Вы заставляете меня проиграть два пари, мистер Стюарт, — продолжал Гринберг.

— Простите, сэр...

— Относительно этого создания. Я думал, вряд ли удастся доказать, что он из вне. Я ошибался: эта громадина, конечно, не с Земли. Но в любом случае, окажись оно внеземного происхождения, я был уверен, что ранее сталкивался с подобным существом, по крайней мере, видел в каталогах. Но сейчас я просто ошеломлен. Кто он и откуда явился?

— Это всего лишь Луммокс. Так мы его зовем. Мой пра-прадедушка привез его на «Летающем Лезвии»... это был его второй рейс.

— Так давно? Ну что ж, это кое-что проясняет во всей этой таинственной истории; полет состоялся еще до того, как наш Департамент стал вести свои записи... точнее, еще до того, как появился сам Департамент. Но я все еще не могу понять, как это милое создание могло исчезнуть, не оставив и следа в исторических книгах. Я читал о рейсе «Летающего Лезвия» и помню, что они привезли много экзотики. Но такого не припоминаю... кроме того, все внеземные существа в те дни были большой диковинкой.

— Видите ли... Словом, капитан не знал, что Луммокс на борту. Пра-прадедушка пронес его на корабль в своей сумке и так же вынес.

— В сумке? — Гринберг не мог оторвать глаз от необъятной фигуры Луммокса.

— Да, сэр. Конечно, Луммокс был тогда куда меньше.

— В таком случае я вынужден поверить.

— У меня есть снимки. Он был ростом со щенка колли.

— Мда... Он напоминает скорее трицератопса, чем колли. Не слишком ли дорого вам обходится его кормежка?

— О нет. Лумми ест все. Ну, почти все, — торопливо поправился Джон Томас, бросив опасливый взгляд на стальные бруссы. — И вообще может долго обходиться без еды. Да, Лумми?

Луммокс лежал, вытянув все свои ноги и демонстрируя бесконечное терпение, что он мог делать, когда это было необходимо. Поглядывая на Бетти и на судью, он слушал болтовню своего друга и мистера Гринберга. Услышав вопрос, он открыл огромную пасть:

— Да, только мне это не нравится.

Мистер Гринберг поднял брови.

— Я не знал, что он говорящий.

— Что? О, конечно. Лумми болтал, еще когда мой папа был мальчиком... Да, надо же вас познакомить. Эй, Лумми... Я хочу представить тебе мистера Гринберга.

Луммокс посмотрел на Гринберга без всякого интереса и сказал:

— Как поживаете, господин Посланник Гринберг?

«Как поживаете» он выговорил достаточно ясно, а титул и имя пробормотал.

— Здравствуйте, Луммокс. — Гринберг рассматривал Луммокса, пока часы на башне не пробили десять. О'Фаррел повернулся к нему.

— Десять часов, господин Посланник. Я думаю, нам пора начинать.

— Не спешите, — рассеянно сказал Гринберг, — без нас слушание все равно не начнется. В этом расследовании меня интересует один аспект. Мистер Стюарт, каков ОКИ, относительный коэффициент интеллектуальности у Луммокса в сравнении с человеческой шкалой?

— Что? Ах, это... Я не знаю, сэр.

— Господи, неужели никто не пытался его установить?

— В общем-то нет, сэр... То есть я имею в виду «да, сэр». Кто-то пытался предлагать ему какие-то тесты во времена моего дедушки, но дедушке так не понравилось, как они обращались с Луммоксом, что он прогнал

всех. С тех пор мы стараемся, чтобы посторонние не общались с Луммоксом. Но он очень сообразительный. Можете сами убедиться.

— Это животное, — прошептал судья О'Фаррел на ухо Гринбергу, — не более сообразительное, чем такса, оно всего лишь может, как попугай, подражать человеческой речи. Я знаю.

— Я все слышал, судья, — возмущенно сказал Джон Томас. — Вы просто предупреждены!

Судья собрался было ответить, но Бетти опередила его: — Джонни! Помни, что я тебе говорила... все разговоры буду вести я.

Гринберг не обратил на нее внимания.

— Были ли какие-нибудь попытки изучить его язык?

— Сэр?

— Мда... скорее всего, нет. И он мог попасть сюда в таком юном возрасте, что просто еще не умел разговаривать... на своем собственном языке, я имею в виду. Но какой-то центр речи должен быть: все ксенологи в один голос утверждают, что центр управления речью имеется только у тех существ, которые могут его использовать. Иными словами, он никогда бы не смог освоить даже зачатки человеческой речи, если бы его соплеменники не использовали вербальную форму общения. А писать он умеет?

— Каким образом, сэр? У него же нет рук.

— Мда... верно. Ну, что ж, отвлекаясь от теории, могу ручаться, что относительный индекс у него не ниже сорока. Ксенологи считают, что высокоразвитые виды, которые можно сравнивать с хомо сапиенс, всегда характеризуются тремя параметрами: центром речи, способностью к манипулированию предметами и, как следствие первых двух, определенным уровнем письменности. Мы должны признать, что Луммокс обладает только первым. Вы изучали ксенологию?

— Немного, сэр, — смутившись, признался Джон Томас, — те несколько книг, которые я мог найти в библиотеке.

— Для вас неплохо. Здесь широкое поле для исследований. Вы были бы удивлены, узнав, как трудно найти толковых ксенологов даже для работы у нас. Но я не

случайно задал этот вопрос: как вы знаете, наш Департамент оказался вынужденным вмешаться в это дело. Из-за него, — Гринберг показал на Луммокса. — Не исключено, что ваш воспитанник принадлежит к расе, которая связана с нами договором о взаимных обязательствах. Несколько раз, как это ни странно, посетителей с других планет принимали за диких животных, и результаты таких заблуждений были, как бы это поточнее выразиться, довольно печальны. — Гринберг невольно нахмурился, припомнив тщательно скрываемый факт, что член семьи посла с Аладора был найден обычным чучелом в лавке древностей на Виргинских островах. — Но здесь такой опасности нет.

— Конечно, сэр, Луммокс... ну, он просто как член нашей семьи.

— Отлично. — Посланник вернулся к судье О'Фаррелу. — Могу я посоветоваться с вами, судья? С глазу на глаз, всего на одну минуту.

— Да, сэр.

Мужчины отошли в сторону, а Бетти поспешила к Джону Томасу.

— Дело в шляпе, — прошептала она, — если, конечно, ты будешь держать себя в руках и не наделаешь глупостей.

— А я что делаю? — возмутился Джон Томас. — Но с чего ты взяла, что все в порядке?

— Это очевидно. Ему нравишься ты, ему нравится Луммокс.

— Одно с другим не связано.

— Постарайся, чтобы твой пульс был в норме, и следуй за мной. Мы еще с них взыщем, вот увидишь.

Поодаль Гринберг беседовал с судьей О'Фаррелом.

— После того, что я тут услышал и увидел, мне кажется, судья, что Межзвездный Департамент должен отказаться от участия в этом деле.

— Что? Не понимаю вас, сэр.

— Позвольте, я объясню. Все, что я хотел бы сделать — это отложить слушание на двадцать четыре часа, за это время я успел бы связаться с Департаментом и изложить свои соображения. Затем я мог бы откланяться-

ся, оставив дело на усмотрение местных властей. Я имею в виду вас, естественно.

Судья облизал губы.

— Мне не нравятся отсрочки в последний момент, господин Посланник. Мне никогда не доставляло удовольствия собирать занятых людей, отрывая их от дела, от семьи, а затем объявлять, что им нужно прийти на следующий день. Это не служит вящей славе суда.

Гринберг нахмурился.

— Действительно. Давайте подумаем, как поступить иначе. Исходя из того, что рассказал мне молодой Стюарт, я уверен, что в данном случае нет никакого нарушения ксенополитики Федерации, хотя здесь и замешано внеземное существо и, таким образом, есть формальный повод для вмешательства. Департамент обладает достаточными возможностями, однако они используются лишь в том случае, когда надо избежать осложнений в отношениях с другими планетами. На Земле находится более тридцати тысяч негуманоидных инопланетян, не говоря уже о резидентах и посетителях, имеющих легальный статус «человека», хотя совершенно ясно, что они не имеют ничего общего с этим понятием. Ксенофобия, неприязнь к инопланетянам, в сущности, позорное пятно на нашей культуре... нет, нет, я не имею в виду Вествилл. Люди часто рассматривают всех этих инопланетян как потенциальную опасность в отношениях с государственными образованиями.

Простите, что вынужден говорить то, что вы, без сомнения, и так отлично знаете. Департамент не может заниматься тем, что вытирать носы нашим инопланетным посетителям, если у них вообще есть носы. У нас нет для этого ни желания, ни работников. Если кто-то из них попадает в неприятную историю, достаточно посоветовать местным властям свериться с договором, который мы заключили с родной планетой несчастного. Департамент вмешивается лишь в редких случаях. Здесь, мне кажется, не тот случай. Вероятнее всего, наш друг Луммокс попадает под определение «животное» и...

— Можно ли в этом сомневаться? — в изумлении спросил судья.

— Да. Именно поэтому я здесь. Несмотря на ограниченные способности к вербальному общению, остальные достоинства Луммокса позволяют предположить, что его раса в состоянии достичь уровня, когда мы сочтем ее достаточно цивилизованной; тем не менее, он животное. Таким образом, у него есть обычные права животных, находящихся под защитой человеческих законов. А следовательно, Департамент не видит необходимости вмешиваться...

— Я понимаю. Ну что ж, никто не собирается поступать с ним жестоко, включая и состав суда.

— Без сомнения. Но есть еще одна веская причина, по которой Департамент не хотел бы участвовать в процессе. Давайте предположим, что это создание является «человеком» в том смысле, который законы, обычаи и договоры вкладывают в это понятие с тех пор, как мы впервые вступили в контакт с Великой Марсианской Расой. Просто предположим.

— Условно, — согласился судья.

— Однако и в этом случае он не может представлять интереса для Департамента, потому что... Судья, вы знаете историю «Летающего Лезвия»?

— Смутно, еще со школьных времен. Я не занимаюсь историей космических исследований. У нас и на Земле хватает хлопот.

— Вот как? «Летающее Лезвие» совершило три межзвездных перелета в те времена, когда для этого требовалось столько же отваги, как в дни Колумба. Они не знали, куда летят, и имели очень смутное представление, как вернуться обратно... во всяком случае, «Летающее Лезвие» так и не вернулось из своего третьего полета.

— Да, да, я припоминаю.

— Молодой Стюарт рассказал мне, что это неуклюжее существо с глупой улыбкой — память о втором полете «Летающего Лезвия». Это все, что мне необходимо было знать. У нас нет никаких договоров ни с одной из планет, которые посетил корабль. Официально они для нас не существуют. И единственные законы, которые имеют отношение к Луммоксу, — это наши доморощенные правила. Поэтому, если Департамент

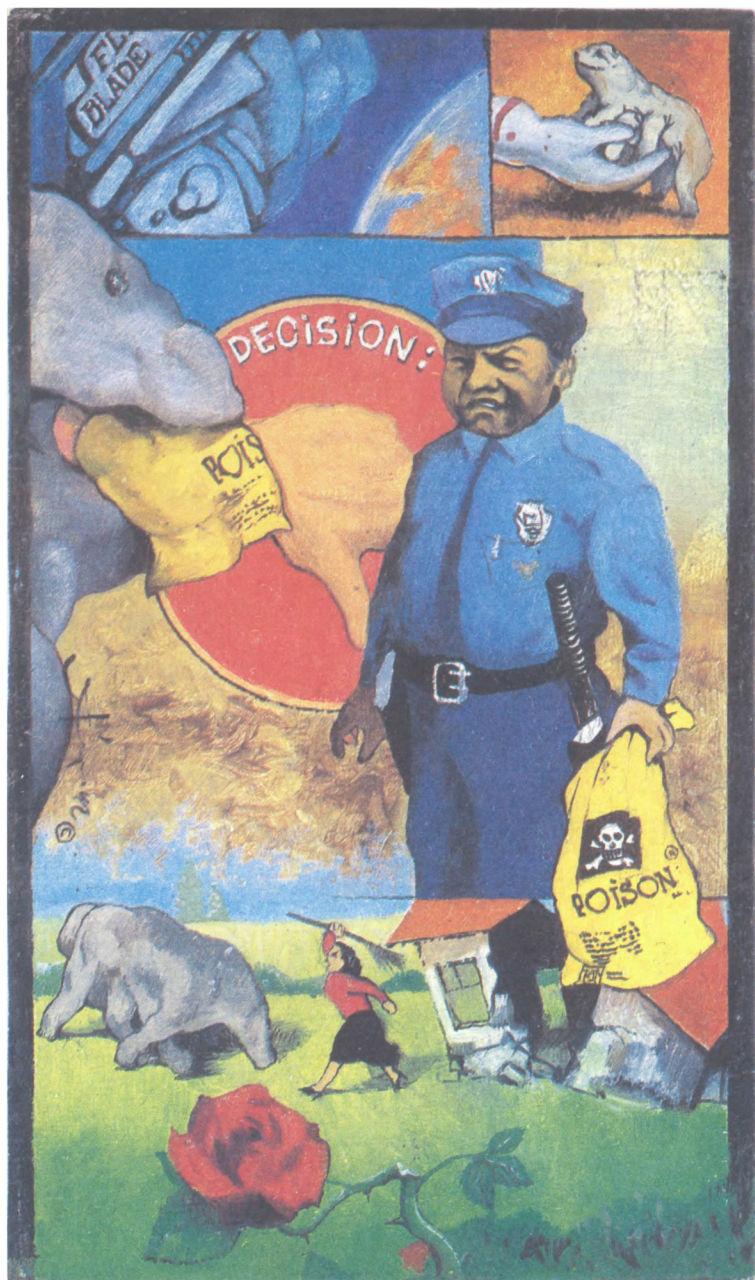
POLARIS LTD

THE STAR BEAST

ROBERT A.
HEINLEIN

STAINLESS

King 76 ©

вмешается, он будет вынужден руководствоваться законами Земли. А вы это сделаете лучше, чем я.

Судья О'Фаррел кивнул.

— Иными словами, я могу приступить к делу.

— Минутку. Я попросил об отсрочке, чтобы удостовериться, что мои предположения верны и я не упустил из виду какой-нибудь существенный прецедент или статью закона. Но я готов сразу же отказаться от участия, если смогу получить от вас заверения относительно одного аспекта. Это существо... может оно причинить неприятности, быть опасным?

О'Фаррел кивнул.

— Так я его воспринимаю... неофициально, конечно.

— Скажите, были ли какие-нибудь предложения относительно... его уничтожения?

— Ну, — медленно ответил судья, — говорю опять-таки неофициально. Я знаю, что такие предложения поступят. До меня дошли сведения, что шеф полиции собирается обратиться в суд с просьбой считать решение об уничтожении этого зверя мерой общественной безопасности. Но я не люблю получать информацию из неофициальных источников.

Гринберг не мог скрыть волнения.

— Дела так плохи? Скажите, судья, а вы что думаете об этом? Склонны ли вы к уничтожению животного?

Судья О'Фаррел возмутился.

— Сэр, этот вопрос некорректен.

Гринберг покраснел.

— Прошу прощения. Но мне нужно разобраться. Вы понимаете, что это существо уникально? Несмотря на то, что Луммокс может быть опасным (хотя могу поклясться, что это не так), интересы науки требуют, чтобы он остался в живых. Можете ли вы заверить меня, что его не уничтожат?

— Молодой человек, вы принуждаете меня заранее вынести решение! Ваше поведение выходит за рамки, оно совершенно недопустимо!

Шериф Дрейзер выбрал далеко не самое лучшее время, чтобы вмешаться в разговор.

— Судья, я вас обыскался. Начнется, наконец, слушание? Я привел семь человек, которые...

О'Фаррел прервал его.

— Шериф, это мистер Гринберг. Господин Посланник, наш шеф полиции.

— Рад познакомиться с вами, шериф.

— Добрый день, мистер Гринберг! Я хотел бы знать...

— Шериф, — резко прервал его судья, — передайте моему бейлифу, чтобы он подготовился. А теперь, будьте любезны, оставьте нас.

Судья повернулся, оставив шерифа в некоторой растерянности.

У Посланника было время прийти в себя и понять, что эмоциям здесь не место.

— Я снимаю свой вопрос, судья, — вежливо сказал он. — Я не собирался посягать на прерогативы суда. — Он улыбнулся. — При других обстоятельствах меня, пожалуй, обвинили бы в неуважении к суду.

О'Фаррел улыбнулся в ответ.

— Возможно.

— Тюрьма у вас хорошая? Я с удовольствием провел бы в ней месяцев семь, только бы меня никто не беспокоил.

— Не изматывайте себя работой, молодой человек. Я лично всегда нахожу время порыбачить, независимо от того, сколько дел лежит у меня на столе. Время, проведенное за удочкой, Аллах не засчитывает в отпущенное время жизни.

— Приятное времяпровождение. Но мне необходимо решить одну проблему. Вы понимаете, я должен настаивать на отсрочке, пока не проконсультируюсь с Департаментом.

— Конечно. Но ничто не повлияет на мою точку зрения.

— Ни в коем случае. Я согласен с вами, отсрочка в последнюю минуту досадна. — Он подумал о том, что будет, когда он свяжется с Департаментом... представил раздражение и ехидные замечания мистера Кику об «инициативе», «ответственности» и «бога ради, неужели никто в этом сумасшедшем доме не может принять самое простое решение?!» Гринберг приуныл. — Впрочем, я думаю, Департамент предпочтет продолжить на-

чатое. Во всяком случае, не будет возражать против предварительного слушания.

О'Фаррел широко улыбнулся.

— Я так и думал, что вы согласитесь. Я понимаю, что вы в Департаменте иногда имеете дело с самыми неожиданными поворотами.

— В самом деле? Надеюсь, нас минет чаша сия. Хотелось, чтобы мне хватило знаний выпускника юридического колледжа Гарварда.

— Гарварда? Да ведь и я оттуда! Вы так же ругались с Рейнхарлтом?

— Во всяком случае, когда я там учился, так оно и было.

— Ну и тесен же мир! Жаль, что случай свел меня с однокашником именно на таком деле; боюсь, оно будет горячим, как картофель на жаровне.

— Разве у вас есть другие дела? Ладно, давайте разжигать костер. Почему бы нам не сесть рядом? Так и так придется кончать с этим делом.

Они направились к зданию суда. Шериф Дрейзер, который подпрыгивал от нетерпения поодаль, понял, что судья забыл о нем; он кинулся было за ним, но вдруг заметил, что мальчишка Стюарт и Бетти Соренсен все еще находятся в клетке Луммокса. Они стояли, тесно прижавшись, и, казалось, не заметили ухода двух важных лиц. Дрейзер двинулся к ним.

— Эй! Эй вы, там, внутри! Джонни Стюарт! Вам надо было быть в суде уже двадцать минут назад.

Джон Томас изумился.

— А я думал... — начал он и вдруг увидел, что судья и мистера Гринберга уже нет рядом с ними. — Ох! Подождите минуточку... Я должен кое-что сказать Луммоксу.

— Ты ему уже больше ничего не скажешь. Давай, двигай.

— Но, шериф...

Мистер Дрейзер схватил его за руку и потянул за собой. Поскольку он весил больше мальчишка примерно на сотню фунтов, Джон Томас не стал сопротивляться.

— Декан Дрейзер! — вмешалась Бетти. — Что за манеры!

— Я сыт вами по горло, леди, — ответил Дрейзер. Он направился к суду, волоча на буксире Джона Томаса. Бетти не оставалось ничего другого, как замолчать и последовать за ними. По пути она было решила еще раз сцепиться с шефом полиции, но, подумав, отказалась от этой мысли.

Джон Томас подчинился неизбежному. Он хотел сказать Луммоксу, что тот должен вести себя тихо, оставаться на месте и не есть стальные брусья, но мистер Дрейзер не дал ему такой возможности. Джон Томас пришел к выводу, что большинство пожилых людей в мире заняты лишь тем, что никого не слушают.

Луммокс не сразу заметил его исчезновение. Лишь немного погодя он встал, заполнив собой все отведенное ему пространство, и посмотрел вслед уходящему Томасу. Брусья крикнули, когда он облокотился на них. Бетти оглянулась и крикнула:

— Луммокс! Жди нас! Мы скоро вернемся!

Луммокс остался стоять, размышляя над сказанным. Указание Бетти вообще-то не было приказом. Или было? В прошлом уже бывали случаи, подобные тому, который он сейчас должен обдумать.

А пока он снова улегся.

Пленник стальной клетки

Как только О'Фаррел и Гринберг вошли в зал суда, бейлиф объявил: «Встать! Суд идет!» Говор стих, и посетители стали занимать места. Молодой человек в шляпе, увешанный фотоаппаратурой, преградил путь двум судьям.

— Минуту! — сказал он и щелкнул затвором. — Еще разок... Улыбнитесь нам, судья, и сделайте вид, будто Посланник сказал вам что-то смешное.

— Хватит и одного раза. И снимите свою шляпу. — О'Фаррел прошел мимо. Молодой человек пожал плечами, но шляпу не снял.

Секретарь суда привстал. У него было красное потное лицо; по всему судейскому столу были разбросаны бумаги.

— Извиняюсь, судья, — сказал он. — Полсекунды... — Он придвинул к себе микрофон и забубнил в него. — Проверка... один, два, три, четыре... Цинцинати... шестьдесят шесть... Ну и намучился я с этим микрофоном сегодня.

— Надо было раньше проверить его.

— Будь я проклят, судья, если знал, что он не в порядке. Когда в десять минут десятого я включил микрофон, что-то там сломалось, и мы из сил выбились, пока нашли неисправность.

— Хорошо, хорошо, — примиряюще ответил судья, смущенный присутствием высокопоставленного гостя. — Освободите мое место.

— Если вам все равно, — торопливо сказал Гринберг, — я бы предпочел не занимать место судьи. Мы могли бы сесть все вместе за большой стол. Я думаю, это ускорит ход дела.

О'Фаррел выглядел донельзя расстроенным.

— Я всегда стараюсь соблюдать древние традиции суда. Я думаю, они имеют смысл.

— Вполне возможно. Не могу не согласиться, что люди, которым приходится рассматривать самые разнообразные дела и в самых разных условиях, приобретают некоторую неряшливость в привычках. Но с этим ничего не поделаешь. Возьмите для примера Минатар. Как там обращаются с судьями... пока судья не вынесет решение, его оставляют без еды и питья. Честно говоря, я не принимаю такое отношение. А вы?

О'Фаррел смутился — этот бойкий молодой человек усмотрел сходство между столь ясными и понятными ритуалами его суда и практикой этих язычников. С досадой он припомнил три куска мясного пирога, обильно политых соусом, и омлет, с которого он начал свой день.

— Ну... иные времена, иные нравы, — пробормотал он.

— О, несомненно. И благодарю вас, что откликнулись на мою просьбу. — Гринберг кивнул на служителей суда, которые уже начали составлять столы.

Лишь сейчас судья сообразил, что все это время подбирал выражение повесомее. Но пока суд да дело, пятнадцать человек уже уселись за стол, и Гринберг отослал бейлифа на поиски пепельницы. Затем он повернулся к технику, который, надев наушники, уже склонился над индикаторами контрольной панели в той неудобной позе, которая почему-то свойственна всем электронщикам.

— Ваше хозяйство в порядке?

Техник сложил колечком большой и указательный пальцы.

— Как часы.

— Отлично. Суд готов.

Техник взял микрофон, четко назвал время, место и дату суда, изложил суть рассматриваемого дела и подчиненность суда, затем назвал имя и звание специального посланника, сбившись в произношении имени Гринберга, но тот не поправил его. Появился бейлиф с охалкой пепельниц и торопливо провозгласил: «Внимание! Внимание! Все, кто имеет отношение к этому делу...»

— Все это неважно, — прервал его Гринберг. — Благодарю вас... Данный суд собрался на предварительное слушание, в ходе которого предстоит разобрать все детали событий, случившихся в прошлый понедельник, причиной которых было внеземное существо, постоянно проживающее здесь и известное под именем «Лумокс». Я имею в виду то огромное животное, которое в данный момент находится в клетке за зданием суда. Бейлиф, если у вас есть снимки этого существа, размножьте их.

— Будет сделано, ваша честь.

— Суд хотел бы довести до всеобщего сведения, что слушание может превратиться в судебное заседание с правом вынесения решения, если суд в силу объективных причин сочтет это необходимым. Другими словами, будьте предельно откровенны перед судом; возможно, он продлится всего один день. Ах, да... суд принимает как письменные заявления, так и устные по поводу вышеупомянутого внеземного существа.

— У меня вопрос, ваша честь.

— Да?

— Мой клиент и я не возражаем против предварительного рассмотрения дела. Но я хотел бы осведомиться у суда: можем ли мы вернуться к привычной процедуре, если в этом появится необходимость?

— Данный суд, действующий в пределах Федерации и руководствующийся сводом законов, именуемых «Правила Цивилизации», а также опирающийся на соглаше-

ния, договоры, прецеденты между двумя и более планетами, входящими в Федерацию, или с другими цивилизациями, с которыми какая-либо из планет Федерации имеет дипломатические отношения, не связан местными законами. Цель данного суда — установить правду и, кроме того, провозгласить равенство... равенство всех перед законом. Суд не может слепо придерживаться местных законов и обычаев, особенно в случаях, когда они в корне противоречат высшим законоположениям. Там, где местные обычаи носят сугубо ритуальный характер, суд может игнорировать формальности и приступать непосредственно к делу. Понимаете меня?

— Э-э-э... думаю, что да, сэр, — смущенно сказал небольшой человек средних лет. — Я хотел бы внести дополнения позже.

— Каждый участник процесса может внести их в любое время и может быть уверен, что его выслушают. Кроме того, вы можете обжаловать и мое решение. Хотя... — Гринберг тепло улыбнулся. — Сомневаюсь, чтобы это пошло вам на пользу. До сих пор мои решения не подвергались сомнению.

— Я отнюдь не утверждаю, — поспешно сказал человек, — что суд не в состоянии...

— О, конечно, конечно. Давайте к делу. — Гринберг придвинул к себе пачку бумаг. — Итак, перед нами гражданское дело. Торговая корпорация «Бон Марше» против Луммокса, Джона Томаса Стюарта Одиннадцатого... (Это имя не дает мне покоя, — шепнул Гринберг судье О'Фаррелу)... Мэри Брендли Стюарт и... Интересы «Бон Марше» представляет Западная страховая компания. Здесь есть еще один иск, предъявленный мистером К. Ито и его страховой компанией, и еще один от города Вествилла... а также иск от миссис Изабеллы Донахью. А также несколько обвинений уголовного характера... одно за содержание опасного животного, другое за халатность в присмотре за ним, и еще одно за создание общественных беспорядков.

Джон Томас был мертвенно бледен. Гринберг посмотрел на него и сказал:

— Навалили на тебя, сынок? Держись бодрее... после приговора всегда появляется аппетит.

Джон Томас ответил кривой улыбкой. Бетти нащупала под столом его колено и крепко сжала.

В стопке была еще одна бумага; Гринберг, не зачитывая, сунул ее среди прочих. Это было прошение, подписанное шефом полиции от имени жителей Вествилла, взывающее к суду о необходимости уничтожения «опасного животного, именуемого Луммокс». Вместо этого Гринберг оглядел собравшихся и сказал:

— Итак, кто есть кто? Вот вы, сэр?

Человек, к которому он обратился, был адвокатом, он представился Альфредом Шнейдером и заявил, что представляет интересы «Бон Марше» и Западной страховой компании.

— А этот джентльмен рядом со мной — мистер де Грасс, управляющий магазином.

— Отлично. Будьте любезны, следующий. — Таким образом Гринберг установил, что все главные действующие лица на месте; кроме самого Гринберга, список включал еще судью О'Фаррела, Джона Томаса, Бетти, шерифа Дрейзера, миссис Донахью и ее адвоката мистера Бенфилда, мистера Ломбарда, советника вествиллского муниципалитета, адвоката страховой компании мистера Ито (представляющего интересы своего отца), служащих полиции Карнеса и Мендозу (свидетели) и мать Джона Томаса с ее адвокатом мистером Постлом.

— Я считаю, — сказал Гринберг мистеру Постлу, — что вы действуете и в интересах мистера Стюарта?

— О господи, конечно, нет, — прервала его Бетти. — В интересах Джонни действую я.

Гринберг поднял брови.

— А я как раз собирался спросить, что вы здесь делаете? Никак вы его адвокат?

— Н-н-ну... я его советник.

Судья О'Фаррел наклонился вперед.

— Это невозможно, господин Посланник, — прошептал он. — Конечно, она никакой не юрист. Я знаю эту девочку. Она мне нравится... но, откровенно говоря, я совершенно не уверен, что она справится с этим делом. Бетти, вам тут нечего делать, — строго добавил он. — Идите отсюда и перестаньте валять дурака.

— Нет, видите ли, судья...

— Одну минуту, леди, — вмешался Гринберг. — Обладаете ли вы достаточной квалификацией, чтобы действовать в качестве советника мистера Стюарта?

— Конечно. Я стала его советником, потому что он так захотел.

— Мда, весьма убедительно. Тем не менее, этого недостаточно. — Он повернулся к Джону Томасу. — Вы согласны?

— Да, сэр.

— Не делай этого, сынок, — прошептал судья О'Фаррел. — Ты об этом пожалеешь.

— Я тоже этого боюсь, — тем же тоном сказал ему Гринберг. Нахмурившись, он обратился к мистеру Постлу: — Готовы ли вы представлять интересы и матери, и сына?

— Да!

— Нет! — возразила Бетти.

— Что? Вы считаете, что сможете лучше защитить интересы мистера Стюарта?

Джон Томас покраснел и выдавил из себя:

— Я его не хочу...

— Почему?

Джон Томас упрямо молчал, а Бетти ехидно сказала:

— Потому, что его мать не любит Луммокса, вот почему. И...

— Это неправда! — резко вмешалась в разговор миссис Стюарт.

— Правда... как и то, что это древнее ископаемое, Постл, дует с ней в одну дудку. Они хотят избавиться от Лумми, они оба!

О'Фаррел поднес ко рту носовой платок и натужно закашлялся. Постл побагровел.

— Леди, — серьезно сказал Гринберг, — вам придется встать и извиниться перед мистером Постлом.

Бетти посмотрела на Посланника, моргнула и встала.

— Мистер Постл, — печально сказала она. — Простите, что вы древнее ископаемое. То есть, я имела в виду, простите меня за то, что я назвала вас древним ископаемым.

— Садитесь, — торжественно сказал Гринберг. — И впредь следите за собой. Мистер Стюарт, никто не собирается навязывать вам советника без вашего на то

желания. Но вы ставите нас перед дилеммой. В сущности, вы еще подросток и выбираете себе в советники такого же подростка. Вся эта ситуация выглядит не лучшим образом. — Он потер подбородок. — Не собираетесь ли вы... или ваш советник... или вы оба... внести дезорганизацию в работу суда?

— Ни в коем случае, сэр, — с подчеркнутой убедительностью сказала Бетти.

— Хм-м...

— Ваша честь...

— Да, мистер Ломбард?

— Все это кажется мне достаточно смешным. Эта девочка не имеет статуса юриста. Она не является членом коллегии адвокатов. Очевидно, что она никогда не выступала в суде. Я далек от мысли указывать суду, что ему надлежит делать, но совершенно ясно, что ее надо выставить и назначить официального советника. Могу ли я сообщить вам, что данное лицо находится здесь и готово приступить к своим обязанностям?

— Можете. Это все?

— Э-э-э... да, ваша честь.

— Хотел бы напомнить вам, что суд также находит недопустимым указывать на то, что ему надлежит делать; надеюсь, это больше не повторится.

— Э-э-э... Да, ваша честь.

— В конце концов, суд имеет право ошибаться. В соответствии с правилами, которыми руководствуется данный суд, отнюдь нет необходимости, чтобы советник имел формальный статус... пользуясь вашими словами, «был членом коллегии адвокатов», дипломированным юристом... Если вы находите данное правило не совсем обычным, разрешите заверить вас, что паства с Дефлая, где обязанности юристов возлагаются на священников, пришла бы от такого требования просто в изумление. Тем не менее, я благодарен вам за внесенное предложение. Здесь ли названное вами лицо?

— Здесь, ваша честь. Цирус Эндрю.

— Благодарю вас. Готовы ли вы принять участие в слушании?

— Да. Но мне надо посоветоваться с моим доверителем.

— Естественно. Ну, мистер Стюарт? Может ли суд считать мистера Эндрю вашим советником?

— Нет! — снова вмешалась Бетти.

— Мисс Соренсен, я обращался к мистеру Стюарту. Итак?

Джон Томас посмотрел на Бетти.

— Нет, ваша честь.

— Почему?

— Я отвечу, — перехватила слово Бетти. — Я говорю быстрее, чем он, поэтому я и стала его советником. Мы не хотели бы пользоваться услугами мистера Эндрю, потому что советник муниципалитета настроен против нас из-за глупостей, которые наделал Луммокс... а мистер Эндрю и советник муниципалитета — деловые партнеры, так что их спор в суде будет чистым жульничеством!

Гринберг повернулся к Эндрю.

— Так ли это?

— Видите ли, сэр, у нас в самом деле есть юридическая консультация. Вы должны понять, что в таком небольшом городе...

— Я вполне понимаю вас. Так же, как понимаю возражения мисс Соренсен. Благодарю вас, мистер Эндрю. Садитесь.

— Мистер Гринберг?

— Что еще, леди?

— Я хотела бы обратить ваше внимание вот еще на что. У меня есть смутные подозрения, что кое-кто из тех, кто любит вмешиваться в чужие дела, хотел бы отвести меня от участия в деле. Поэтому я хотела бы предупредить такое намерение. Я — совладелица.

— Совладелица?

— Луммокса. Посмотрите. — Бетти вынула из сумочки бумагу и протянула ее. — Квитанция об уплате... все правильно и законно. Все, как и должно быть.

Гринберг просмотрел документы.

— Составлены они по форме. Датированы вчерашним числом... что дает вам право в данном гражданском деле защищать свои интересы. Но это не относится к обвинениям уголовного характера.

— Фу! Здесь нет никакой уголовщины.

— Это нам и предстоит выяснить. И оставьте, наконец, свое «Фу». Но теперь мы должны установить, кто владелец Луммокса.

— Как кто? Джонни! Так сказано в завещании его отца.

— Вот как? Это оговорено, мистер Постл?

Предварительно пошептавшись с миссис Стюарт, мистер Постл поднялся.

— Оговорено, ваша честь. Существо, именуемое «Луммокс», является движимым имуществом Джона Стюарта Томаса-младшего. Миссис Стюарт владеет им лишь косвенно.

— Очень хорошо. — Гринберг протянул клерку квитанцию об уплате налога. — Присовокупите к документам.

Бетти успокоилась.

— Как хотите, ваша честь... можете назначать кого угодно. Но, по крайней мере, теперь у меня есть право голоса.

Гринберг вздохнул.

— Для вас это так важно?

— Думаю, что теперь нет.

— В протоколе будет зафиксировано, что вы оба, несмотря на то, что суд возражал, продолжали настаивать, чтобы вы оставались советником. Суд с сожалением снимает с себя обязанность по защите ваших прав перед законом.

— О, не огорчайтесь, мистер Гринберг, мы вам доверяем.

— Предпочел бы, чтобы было наоборот, — мрачно сказал Гринберг. — Однако продолжим. Вон тот джентльмен внизу... кто вы?

— Вы мне, судья? Я репортер из Галактик-пресс. Фамилия — Хови.

— Вот как? Секретарь суда подготовит сообщение для прессы. Я был бы признателен, если бы интервью состоялось несколько позже — если оно кому-нибудь понадобится. Моих снимков рядом с Луммоксом не будет. Есть еще кто-нибудь из прессы?

Встали двое.

— Бейлиф подготовит для вас место у барьера.

— Да, судья. Но, во-первых...

— Прошу вас — только за барьером. — Гринберг огляделся. — Похоже, что все... нет, есть еще один джентльмен внизу. Ваше имя, сэр?

Человек, к которому был обращен вопрос, встал. Он был одет в строгий пиджак, полосатые брюки и держал себя с достоинством.

— Имею честь предстать перед высоким судом: мое имя, сэр, Т. Омар Эсклунд, доктор философии.

— Обращение в свой адрес суд не воспринимает ни как честь, ни наоборот, доктор. Имеете ли вы отношение к данному делу?

— Да, сэр. Я представляю здесь *amicus curiae*, я друг суда.

Гринберг нахмурился.

— Суд предпочитает сам выбирать себе друзей. Изложите суть своего дела, доктор.

— С вашего разрешения, сэр. Я исполнительный секретарь Лиги «Сохраним Землю для Человечества». — Гринберг застонал, но доктор Эсклунд не обратил на него внимания, так как углубился в лежащую перед ним толстую рукопись. — Как хорошо известно, начало безбожной практики космических путешествий, обрушившихся на нашу родную Землю, данную нам божьим соизволением, привело к тому, что нас наводнили существа... точнее говоря, животные... чье происхождение весьма сомнительно. И тлетворные последствия данной развратной практики ныне видны каждому...

— Доктор Эсклунд!

— Сэр?

— Что привело вас в данный суд? Представляете ли вы здесь кого-нибудь по одному из исков?

— Дело значительно проще, ваша честь. В широком смысле, я адвокат всего человечества. Общество, которое я имею честь...

— Имеете ли вы что-нибудь заявить? Подать жалобу, например?

— Да, — торжественно ответил Эсклунд. — У меня есть жалоба.

— Представьте ее.

Эсклунд порывлся в своих бумагах, вынул одну и протянул Гринбергу, который даже не взглянул на нее.

— А теперь кратко, для протокола, изложите суть вашего заявления. Говорите в ближайший микрофон, четко и ясно.

— Ну... если суд будет настолько любезен. Общество, административным лицом в котором я имею честь состоять... лига, которая, если можно так выразиться, выражает интересы всего человечества, просит... нет, настаивает, чтобы сие исчадие ада, которое своей яростью чуть не уничтожило сей райский уголок, было уничтожено. Это деяние предусмотрено и санкционировано — да, да! — тем святым...

— Таково ваше заявление? Хотите, чтобы суд вынес решение об уничтожении внеземного существа, известного как Луммокс?

— Совершенно верно! И, более того, я имею в своем распоряжении тщательно подобранные документы... неопровержимые аргументы, так сказать, которые...

— Минутку. Вы употребили слово «настаивает»; имеется ли оно в вашем заявлении?

— Нет, ваша честь, оно вырвалось из моего сердца, от полноты возмущения...

— Ваше сердце полно неуважения к суду. Желаете ли вы изменить формулировку?

Эсклунд помолчал, а затем сказал с явной неохотой:

— Я беру свои слова назад. У меня не было намерения оскорблять суд.

— Очень хорошо. Ваше заявление получено и приобщено к делу. Решение по нему будет вынесено позже. Теперь относительно речи, которую вы собираетесь произнести: судя по величине рукописи, я предполагаю, что она займет не менее двух часов?

— Я думаю, что этого будет достаточно, ваша честь, — явно смягчившись, сказал Эсклунд.

— Ясно. Бейлиф!

— Да, ваша честь.

— Прекрасно. Проводите адвоката на улицу. Доктор Эсклунд, все мы уважаем свободу слова... так же, как и вас. Ящик из-под мыла на два часа в полном вашем распоряжении.

Лицо доктора Эсклунда стало цвета баклажана.

— Вы еще о нас услышите!

— Не сомневаюсь.

— Мы знаем таких, как вы! Предатели человечества! Ренегаты! Фигляр!..

— Выведите его.

Ухмыляясь, бейлиф подчинился приказанию. Один из репортеров последовал за ним.

— Итак, все в порядке, — мягко сказал Гринберг. — Перед нами несколько исков, но, в сущности, все они излагают одни и те же факты. Надо выбирать: мы можем слушать доказательства по всем вместе или же по каждому в отдельности. Есть возражения?

Адвокаты переглянулись, и адвокат мистера Ито сказал:

— Ваша честь, мне кажется, что было бы предпочтительнее рассматривать каждый в отдельности.

— Возможно. Но в таком случае мы будем сидеть здесь до рождества. Я не могу себе позволить, чтобы так много занятых людей выслушивали одно и то же. Но требовать отдельного рассмотрения фактов — ваше право... тем более, что ваши доверители понимают, что они должны будут оплачивать каждый день суда.

Сын мистера Ито потянул адвоката за рукав и что-то прошептал ему. Тот кивнул и сказал:

— Мы признаем необходимость совместного рассмотрения... как факт.

— Очень хорошо. Есть еще возражения?

Возражений не последовало. Гринберг повернулся к О'Фаррелу.

— Скажите, в данном зале имеется измеритель истины?

— А? Да, конечно. Правда, я редко им пользуюсь.

— А мне он нравится. — Гринберг повернулся к остальным. — Измеритель истины мы повесим вот здесь. Никто не обязан представлять перед ним, так же, как никого нельзя заставить приносить присягу. Но данный суд имеет право оценивать с юридической точки зрения все сказанное, а также тот факт, если кто-либо откажется от использования измерителя истины.

— Смотри, осторожнее, Червячок, — прошептал Джон Томас на ухо Бетти.

— За меня-то ты не беспокойся, — прошептала она в ответ. — Следи лучше за собой.

— Нам понадобится некоторое время, чтобы установить его, — сказал судья О'Фаррел Гринбергу. — Не сделать ли перерыв для ленча?

— Ах, да, ленч. Прошу общего внимания... суд не будет делать перерыв для ленча. Я попрошу бейлифа дать указание принести кофе и сандвичи для всех желающих, пока секретарь разыскивает измеритель. Мы перекусим здесь же, на месте. И... есть тут у кого-нибудь спички?

А на лужайке Луммокс, размышляя над непростым вопросом о праве Бетти приказывать ему, был вынужден прийти к выводу, что она обладает особым статусом. Все, с кем Джон Томас знакомил его в течение жизни, были похожи на Бетти; таким образом, в данном случае имело смысл прислушиваться к ее словам, в них не было ничего тревожного. Он снова лег и погрузился в сон, оставив бодрствовать лишь сторожевой глаз.

Сон был тревожен, поскольку Луммокса мучительно терзал ароматный запах стали. Спустя какое-то время Луммокс проснулся и потянулся, отчего клетка затрещала по швам. Ему пришла в голову мысль, что столь долгое отсутствие Джона Томаса ничем не оправдано. Это во-первых. А во-вторых, ему не понравилось поведение мужчины, который уволок Джона Томаса... нет, он ему явно не понравился. Луммокс задумался, что же делать? И что сказал бы Джон Томас, будь он здесь?

Проблема оказалась слишком сложной. Луммокс снова лег и лизнул один из брусьев клетки. Нет, он не прикусил его, он просто попробовал на вкус. Слегка суховато, решил он, но неплохо.

В суде шериф Дрейзер закончил свое выступление перед судом и уступил место Карнесу и Мендозе. Их рассказы были логичны и последовательны, и изме-

ритель истины не шелохнулся; мистер де Грасс выступил с требованием расширить доказательную базу. Адвокат мистера Ито признал, что доверитель стрелял в Луммокса; сын мистера Ито представил снимки последствий визита Луммокса. И, чтобы завершить историю Л-дня, осталось выслушать лишь показания миссис Донахью.

Гринберг повернулся к ее адвокату.

— Мистер Бенфилд, вы хотите сами допросить своего клиента или предпочитаете, чтобы это сделал суд?

— Прошу вас, ваша честь. Возможно, я задам один или два вопроса.

— Это ваше право. Расскажите нам, миссис Донахью, что произошло.

— Это я и собираюсь сделать. Ваша честь, друзья, уважаемые посетители, хотя я и не привыкла к публичным выступлениям, тем не менее, заверяю вас, что мой безупречный образ жизни...

— Все это неважно, миссис Донахью. Только факты. Итак, полдень прошлого понедельника...

— Да, тогда это и было!

— Очень хорошо, продолжайте. И не волнуйтесь.

— Ну, как раз тогда я прилегла на несколько минут, решив отдохнуть... Я изнемогаю от своих обязанностей: клуб, благотворительный комитет, а также...

Гринберг наблюдал за измерителем истины над ее головой. Стрелка беспокойно колебалась, но не переходила красную черту, после которой должен был раздаться предупредительный сигнал. И он решил, что пока нет смысла останавливать свидетельницу.

— ... как внезапно я была чудовищно поражена.

Стрелка прыгнула далеко за красную черту, зажегся рубиновый сигнал, и зуммер издал громкий тревожный звук.

Кое-кто захихикал, и Гринберг торопливо сказал:

— Порядок в зале! Бейлиф выведет каждого, кто будет нарушать порядок работы суда.

Когда зуммер зазвучал, миссис Донахью сразу же остановилась. Мистер Бенфилд, помрачнев, тронул ее за локоть и сказал:

— Не обращайтесь внимания, моя дорогая. Просто расскажите суду о том, что вы слышали, что увидели и что делали.

— Он подсказывает свидетелю, — воскликнула Бетти.

— Ничего подобного, — возразил Гринберг.

— Но...

— Возражение не принимается. Свидетель может продолжать.

— И... ну, словом, я услышала странные звуки и подумала, что никогда в жизни не слышала ничего подобного. Я выглянула и увидела это огромное свирепое животное, которое носилось взад и вперед...

Зуммер снова зазвучал; несколько слушателей расхохотались.

— Выключит кто-нибудь эту глупую трещотку? — гневно сказала миссис Донахью. — Неужели кто-то может рассказать о том, что происходило, лучше меня?

— Порядок в зале! — провозгласил Гринберг. — Если будут еще какие-то нарушения, суд сочтет необходимым принять соответствующие меры. — Он повернулся к миссис Донахью. — Если свидетель дал согласие на использование измерителя, его решение не может быть изменено. Но показания измерителя носят чисто информативный характер; суд не обязан подчиняться им. Продолжайте.

— В жизни еще не сказала ни слова лжи.

Зуммер не издал ни звука.

Гринберг прикинул, что это должно произвести на миссис Донахью впечатление.

— Я имею в виду, — сказал он, — что у суда есть свое собственное мнение. И никакая машина не вынесет приговор вместо суда.

— Мой отец всегда говорил, что подобные штучки — проделки дьявола. Он говорил, что честный деловой человек никогда не должен...

— Прошу вас, миссис Донахью.

Мистер Бенфилд наклонился к ее уху. Миссис Донахью стала говорить тише.

— Словом, у меня в саду оказалось *это*... это ужасное животное, что живет у мальчишки в соседнем дворе. Оно ело мои розовые кусты.

— А что сделали вы?

— Я не знала, что мне делать. Я схватила первое, что мне попало под руку... кажется, это была метла... и бросилась к дверям. Зверюга рывкнула на меня и...

«Бзззззззззз!» — прозвенел зуммер.

— Не могли бы вы повторить то, что сказали, миссис Донахью?

— Оно кинулось прочь, это трусливое создание, и покинуло мой двор. Я не знаю, куда оно направилось. Но мой любимый садик... о, он весь был в руинах. — Игла качнулась, но зуммер не прозвучал.

Гринберг повернулся к адвокату.

— Мистер Бенфилд, оценивали ли вы размеры убытка, нанесенного миссис Донахью?

— Да, ваша честь.

— Будьте любезны, сообщите нам результаты оценки.

Мистер Бенфилд решил, что он скорее потеряет клиента, чем позволит, чтобы эта коварная штука зазвучала при его словах.

— Съедено пять кустов, ваша честь. Небольшие повреждения нанесены лужайке, и в узорной ограде проломана дыра.

— В какую сумму все это оценивается?

— Мы предпочитаем, чтобы вы сами оценили ущерб, — осторожно сказал Бенфилд.

— Вы рискуете, мистер Бенфилд.

Адвокат пожал плечами и вытянул из-под рук миссис Донахью листок с перечислением ущерба.

— Имуществу нанесен ущерб примерно на пару сотен, ваша честь. Но суд должен учесть те неудобства и расстройтва, которые повлекло за собой данное происшествие...

Миссис Донахью всхлипнула:

— Это невероятно! Мои призовые розы!

Игла дернулась, но вернулась обратно столь быстро, что зуммер не успел отреагировать.

— Что за розы, миссис Донахью? — участливо спросил Гринберг.

— Речь идет, — вмешался ее адвокат, — о широко известных розах миссис Донахью, не имеющих себе равных. И я счастлив сообщить, что ее мужественное поведение сберегло бесценные растения.

— Имеете ли вы что-либо добавить?

— Думаю, нет. Кроме заверенных фотоснимков.

— Очень хорошо.

Миссис Донахью бросила взгляд на своего адвоката.

— А у меня есть, что добавить! Я настаиваю, слышите, *настаиваю*, чтобы это опаснейшее, кровожадное чудовище было уничтожено!

Гринберг повернулся к Бенфилду.

— Можем ли мы считать эти слова официальным заявлением, мэтр? Или имеет смысл отнести их на счет риторики?

Бенфилд смущенно повел плечами.

— Мы подали такую жалобу, ваша честь.

— Суд рассмотрит ее.

Бетти вскочила.

— Эй, подождите минуту! Все, что Лумми сделал — это съел несколько ее паршивых старых...

— Потом, мисс Соренсен.

— Но...

— Прошу вас, потом. У вас будет такая возможность. В настоящий момент суд считает необходимым рассматривать лишь факты, имеющие отношение к делу. Есть ли какие-нибудь новые факты у кого-либо? Возможно, кто-нибудь хочет задать дополнительные вопросы свидетелям? Или вызвать дополнительного свидетеля?

— Мы хотим, — сразу же откликнулась Бетти.

— Что вы хотите?

— Вызвать дополнительного свидетеля.

— Очень хорошо. Он находится здесь?

— Да, ваша честь. Снаружи. Это Луммокс.

Гринберг задумался.

— Должен ли я понимать ваши слова в том смысле, что вы предлагаете Луммоксу занять свидетельское место и выступить в свою собственную защиту?

— А почему бы и нет? Он может говорить.

Один из репортеров, пошептавшись со своими коллегами, выскочил из помещения. Гринберг закусил губу.

— Это я знаю, — признал он. — Я обменялся с ним несколькими словами. Но способность говорить не идентична возможности выступать в роли компетентного свидетеля. Ребенок порой умеет говорить еще до того, как ему минет год, но исключительно редко можно полагаться на показания малыша... Ну, скажем, до пяти лет. Данный суд имеет право считать, что

представители негуманоидных рас... негуманоидных в биологическом смысле, могут давать показания. Но ничто пока не убедило нас в том, что данное внеземное существо может исполнить эти обязанности.

— Видите ли, господин Посланник, — обратилась Бетти к Гринбергу, — вы произнесли ужасно много слов, но что, в сущности, они означают? Вы готовы приговорить Луммокса... и не хотите задать ему ни единого вопроса. Вы говорите, что он не может давать достаточно убедительные показания. Здесь я видела тех, кто тоже не может этого делать. И я держу пари: если Луммокс предстанет перед измерителем правды, тот не издаст ни звука. Конечно, он делал вещи, которые не должен был делать. Он съел несколько старых трухлявых кустов роз и капусту мистера Ито. Ну и что страшного? Вы ведь тоже, когда были маленьким, таскали пирожные, когда были уверены, что вас никто не видит. — Бетти перевела дыхание. — И вот теперь представьте себе, что в тот момент, когда вы тянетесь за пирожным, кто-то бьет вас метлой по голове. Или стреляет в вас из пушки. Неужели вы не испугаетесь? Не кинетесь бежать? Лумми полон дружелюбия. Все вокруг знают об этом... по крайней мере, любой человек, если он не старается казаться глупее и раздражительнее, чем он есть на самом деле. Но пытался хоть кто-нибудь поговорить с ним, успокоить его? Увы, нет! На него кидались, били его, в него стреляли, запутали до смерти и наконец загнали под мост. Вы говорите, что Лумми ничего не понимает. А кто понимает? Все эти люди, которые травили его? А теперь добиваются его смерти. Укради маленький мальчик пирожное, они оторвали бы ему голову — только чтобы он впредь не сделал ничего подобного. Да есть тут хоть один нормальный человек? Что за комедия разыгрывается здесь?

Она остановилась, сглатывая слезы, катившиеся по щекам. Искусству в нужный момент вызывать слезы Бетти научилась в школьном драматическом кружке; но сейчас, к своему удивлению, убедилась, что слезы подлинные.

— У вас все? — спросил Гринберг.

— Вроде, да. По крайней мере, пока.

— Должен сказать, что ваше выступление было довольно трогательным. Но суд не может руководствоваться эмоциями. Правильно ли я понял ваши слова, что большая часть разрушений... включая сюда и кусты роз, и капусту... возникла из-за неправильных действий людей и, таким образом, не может быть вменена в вину Луммоксу или его владельцу?

— Оцените ситуацию сами, ваша честь. Как правило, хвост следует за собакой, а не наоборот. Почему бы вам самому не спросить Луммокса, как он смотрит на все случившееся?

— До этого мы еще доберемся. Теперь второе: я не могу считать ваши аналогии достаточно весомыми. Мы имеем дело не с маленьким мальчиком, а с животным. И если мы примем решение о необходимости его уничтожения, мы не будем руководствоваться ни мстостью, ни наказанием, потому что животному недоступны такие понятия. Цель данного решения будет сугубо предупредительной, так как мы не можем допустить, чтобы потенциальная опасность обрела силу и причинила вред жизни, здоровью или имуществу любого члена общества. Вашего маленького мальчика может схватить за руку няня... а здесь мы встречаемся с созданием весом в несколько тонн, способным убить человека одним неосторожным движением. Так что у него нет ничего общего с шаловливым малышом, который крадет печенье.

— Ах вот как? Ничего общего? А вам не приходит в голову, что маленький мальчик может вырасти, нажать маленькую аккуратную кнопку — и снести с лица земли целый город? Так давайте ему голову долой — до того, как он вырастет! Не спрашивайте его, почему он стащил пирожное, вообще ничего не спрашивайте — оторвите ему голову и живите спокойно.

Гринберг опять невольно закусил губу.

— Значит, вы хотите, чтобы мы допросили Луммокса?

— Я уже сказала об этом.

— Было не совсем ясно, что вы, в сущности, сказали. Суд принимает к сведению...

— У меня возражение, ваша честь, — торопливо встрял мистер Ломбард. — Если этот экстраординарный...

— Прошу вас, придержите ваши возражения. Суд удаляется на десять минут. Всем оставаться на местах. — Гринберг встал и вышел. Вытащив из кармана сигареты, он поискал спички и, не обнаружив, сунул сигареты обратно в карман.

Черт бы побрал эту девчонку! Он уже прикидывал, как половчее разделаться с этой историей, так чтобы Департамент был доволен и ни у кого не было бы претензий... разве что у мальчишки Стюарта, но тут уж ничего не поделаешь... у мальчишки и у его чудовищного питомца, которого он пригрел на своей груди.

Он не может позволить, чтобы это уникальное создание было уничтожено. Но добиться этого надо достаточно тонко... отвергнуть жалобу, с которой этот старый дурак, словно с алебардой наперевес, бросился на него (а ведь жалоба продиктована ничем иным, как злобой и раздражением), а затем уговорить шефа полиции забрать все остальные претензии. На жалобу «Спасти-Мир-От-Неандертальцев» можно не обращать внимания. Но поскольку эта дерзкая девчонка получила право присутствовать на суде, она может повернуть дело так, что высокий суд, за которым наблюдает сам Межзвездный Департамент, будет вынужден выслушивать всякий сентиментальный антропоморфический бред! Ох, эти ее невинные голубые глазки! Может статься, его еще обвинят в том, что он поддался их чарам. Ах, как плохо, что дети не сидят по домам!

Потери и убытки должен нести владелец животного; имеются тысячи прецедентов со «зверями на привязи», когда это правило действовало неукоснительно, — тем более, что мы не на планете Тенкора. Все эти разговоры, что поведение Луммокса объясняется неправильными действиями тех лиц, которые напугали его, — детский лепет. Но данный экземпляр неземного существа может представлять такой интерес для науки, что он далеко перекроет нанесенные убытки; кроме того, решение суда не должно нанести мальчику большой финансовый ущерб.

Гринберг поймал себя на том, что мысли его отклонились далеко в сторону от рамок законодательства. Способен ответчик оплатить нанесенный ущерб или нет — не должно волновать суд.

— Простите, ваша честь. Я попросил бы вас не баловаться с этими вещами.

Гринберг в ярости обернулся и увидел, что к нему обращается секретарь суда. Тут он обнаружил, что в рассеянности перебирал выключатели и тумблеры на панели. Он отдернул руку.

— Прошу прощения.

— Человек, который не разбирается в этом, — извиняющимся тоном сказал секретарь, — может наделать неприятностей.

— Вы правы. К сожалению, вы совершенно правы. — Гринберг резко встал. — Суд продолжает заседание. — Снова сев, он сразу же повернулся к Бетти: — Суд пришел к выводу, что Луммокс не может быть свидетелем.

Бетти вздохнула.

— Ваша честь, вы делаете большую ошибку.

— Возможно.

Она задумалась на несколько секунд.

— Мы хотим, чтобы дело рассматривалось в другом судебном округе.

— Откуда вы набрались этих слов? Куда бы вы ни забрались, Департамент будет контролировать это дело. Тем и кончится. Так что о переносе дела помалкивайте.

Бетти побагровела.

— Вы должны сами себе дать отвод!

Гринберг напрягся, стараясь сохранить присущее ему олимпийское спокойствие. Тем не менее ему пришлось сделать три глубоких вдоха.

— Леди, — отчетливо произнес он, — весь день вы пытаетесь помешать работе суда. Теперь вы можете помолчать, вы и так сказали достаточно много. Ясно?

— Я еще не все сказала, и я еще буду говорить!

— Что? Повторите, пожалуйста!

Бетти посмотрела на Посланника.

— Ну уж нет. Лучше я возьму свои слова обратно... а то вы еще обвините меня в неуважении к суду.

— Нет, нет. Я просто хотел бы запомнить их. Не думаю, чтобы мне когда-либо приходилось слышать столь смелое заявление. Впрочем, неважно. Держите язык за зубами. Если только вы знаете, как это делается. Вам будет дано слово позже.

— Да, сэр.

Он повернулся к остальным.

— Суд уже объявлял, что, если мы не уложимся в установленный срок, об этом будет сделано соответствующее оповещение. Но суд не видит причин для такого решения. Есть ли возражения?

Адвокаты помялись и обменялись вопросительными взглядами. Гринберг обратился к Бетти:

— Ваше мнение?

— Мое? Я думала, что лишена права голоса.

— Можем ли мы закончить слушание дела сегодня — ваше мнение.

Бетти взглянула на Джона Томаса и мрачно сказала:

— Не возражаю, — а затем склонилась к нему и шепнула: — Ох, Джонни, я так старалась!

Под столом он нащупал ее руку и потрепал по ладошке.

— Ты выкладывалась изо всех сил, Червячок.

Гринберг сделал вид, что ничего не слышал.

— Суд рассмотрел прошение, — сказал он холодным официальным тоном, — об уничтожении внеземного существа Луммокса на том основании, что он опасен и не поддается контролю. Факты не подтверждают эту точку зрения — прошение отклоняется.

Бетти со всхлипом глотнула воздух. Джон Томас с изумлением огляделся, а затем в первый раз за день улыбнулся.

— Соблюдайте порядок, — мягко сказал Гринберг. — Перед нами еще одно прошение о том же самом, но на другом основании. — Он приподнял листок бумаги из Лиги «Сохраним Землю для Человечества». — Суд считает для себя невозможным следовать положениям данного документа. Простение отклоняется. Из четырех исков уголовного характера я отклоняю все четыре. Суд считает...

Советник городского муниципалитета не мог сдерживать удивления.

— Но, ваша честь...

— Если у вас есть иная точка зрения, придерживайте ее при себе. Никаких преступных намерений не обнаружено, следовательно, не было и преступления.

Конструктивный подход должен проявляться в тех случаях, когда закон требует от человека принимать все необходимые меры предосторожности для защиты окружающих, и именно с этой точки зрения должны рассматриваться все представленные иски. Исходя из опыта... из опыта, который мы приобрели в прошлый понедельник, суд считает, что принятые меры должны быть достаточными. — Повернувшись, Гринберг обратился непосредственно к Джону Томасу: — Я имею в виду, молодой человек, следующее: можно считать, что вы сделали все, что могли. Но если ваш питомец снова вырвется на свободу, вам крепко достанется.

Джонни сглотнул комок в горле.

— Да, сэр.

— Остались гражданские иски о возмещении ущерба. Критерии здесь могут быть различными. Воспитатель малолетнего ребенка или хозяин животного отвечает за ущерб, нанесенный этим ребенком или животным, и суд считает, что в данном случае тяжесть закона должен почувствовать воспитатель или хозяин, а не невинная третья сторона. И, кроме одного момента, который я пока оставляю в стороне, ситуация подпадает под данное правило. Первым делом должен отметить, что во всех исках говорится о преднамеренном нанесении ущерба. Что же касается его возмещения, то, поскольку Межзвездный Департамент призван действовать в интересах общества, он берет это возмещение на себя.

— Как хорошо, — шепнула Бетти, — что мы успели назвать Луммокса нашим имуществом. Ты только посмотри на этих стервятников из страховых компаний.

— Теперь о том пункте, который я пока оставил в стороне, — продолжил Гринберг. — Вопрос этот возник косвенным образом и связан с тем, что Луммокс, возможно, не животное... и тем более не имущество... а мыслящее существо, подпадающее под действие «Законов Цивилизации»... — так же, как и его хозяин. — Гринберг помолчал: теперь важно было выбрать правильную линию поведения. — Мы давно покончили с рабством. Ни одно мыслящее существо не может принадлежать другому. Но как поступить, если Луммокс в

самом деле — мыслящее существо? Может ли он находиться в чем-то личном пользовании? И в таком случае является ли так называемый хозяин его фактическим владельцем и несет ли он за него ответственность? Словом, все сказанное сводится вот к чему: Луммокс — имущество или свободное существо?

Данный суд в какой-то мере выразил свое мнение, когда пришел к выводу, что Луммокс не может присутствовать перед судом... в настоящее время. Но суд не обладает достаточной эрудицией, чтобы прийти к окончательному решению, — даже если будет убежден, что Луммокс всего лишь животное.

Суд вернется к рассмотрению этого вопроса в дальнейшем, когда будет окончательно установлен статус Луммокса. А пока местные власти возьмут на себя заботу о Луммоксе и его безопасности, а также о безопасности общества. — Гринберг замолчал и сел.

Муха могла бы залететь в открытые рты присутствующих. Первым опомнился мистер Шнейдер, представитель Западной страховой компании.

— Ваша честь, а что же делать нам?

— Не знаю.

— Но... видите ли, ваша честь, давайте обратимся к фактам. Миссис Стюарт не имеет какой-либо недвижимости или накоплений, которые могли бы быть описаны; она пользуется лишь процентами с капитала по завещанию. То же самое и с мальчиком. Мы надеялись выручить определенную сумму непосредственно за животное: соответствующий покупатель может дать за него неплохую цену. А теперь вы, если позволите мне так выразиться, опрокидываете тележку с яблоками. Если эти научники... м-м-м, простите, ученые, начнут свои бесконечные тесты и испытания, может быть, пройдут годы. То же произойдет, если они подвергнут сомнению его статус как имущества... и что же мы получим в возмещение? Должны ли мы возбуждать дело против городских властей?

Едва Шнейдер кончил, тут же вскочил на ноги Ломбард.

— Ну нет, город здесь ни при чем! Город — одна из пострадавших сторон. С этой точки зрения...

— Призываю вас к порядку, — сухо сказал Гринберг. — Ни на один из этих вопросов сейчас ответить невозможно. Рассмотрение всех гражданских исков откладывается до окончательного выяснения статуса Луммокса. — Он посмотрел в потолок. — Есть и другая возможность. Имеются все основания думать, что это создание прибыло на Землю с «Летающим Лезвием». Если мне не изменяет память, все существа, доставленные данным кораблем, являются собственностью государства. Даже если Луммокс будет признан движимым имуществом, все равно он не может находиться в частном владении. В таком случае вопрос о возмещении потерь и убытков станет предметом долгого судебного разбирательства.

Мистер Шнейдер остоленел, мистер Ломбард преисполнился гнева, Джон Томас смутился и прошептал Бетти:

— Что он там говорит? Луммокс принадлежит мне.

— Тс-с-с, — прошептала Бетти. — Я же говорила тебе, что мы выкарабкаемся. Ох, мистер Гринберг просто душка!

— Но...

— Заткнись! Мы на коне!

Все время, за исключением дачи свидетельских показаний, сын мистера Ито хранил молчание. Наконец он встал.

— Ваша честь!

— Да, мистер Ито.

— Ничего я тут не понимаю. Я простой фермер. Но я хотел бы знать одно. Кто заплатит за садовый домик моего отца?

Джон Томас вскочил.

— Я, — коротко сказал он.

Бетти дернула его за рукав.

— Идиот! Садись!

— Сама помолчи, Бетти. Вы тут много чего говорили, — Бетти поперхнулась и замолчала, — и мистер Гринберг, и все остальные. Могу я наконец сказать?

— Давайте.

— Весь день я только и делал, что слушал. Тут старались доказать, что Луммокс опасен, хотя это вовсе

не так. Его старались убить, просто из-за... да, я вас имею в виду, миссис Донахью!

— Обращайтесь к суду, — тихо сказал Гринберг.

— И вы тоже много чего сказали. Все я не помню, но, простите меня, сэр, кое-что показалось мне ужасно глупым. Простите меня.

— Я понимаю, что вы не собирались меня оскорблять.

— Ну... взять хотя бы вот это — является ли Луммокс движимым имуществом или нет. Или хватит у него мозгов, чтобы голосовать. У Луммокса-то мозгов хватит, и думаю, никто, кроме меня, не знает, как он умен. Но он ничему не учился и нигде не был. Но все это не имеет никакого отношения к тому, кому он принадлежит. Он принадлежит мне. Так же, как я принадлежу ему... Мы вместе выросли. Теперь... я знаю, что несу ответственность за все, что в прошлый понедельник сделал Луммокс... да помолчи ты, Бетти! Сразу я не могу заплатить все, но заплачу обязательно. Я...

— Минутку, молодой человек. Суд не разрешает вам брать на себя ответственность без предварительной консультации с вашим советником. И если таково ваше намерение, суд вынужден обратиться к советнику.

— Вы сказали, что я могу говорить сам.

— Продолжайте. Отметьте в протоколе, чтобы это не вносили.

— Нет, пусть вносят, потому что я собираюсь поступить именно так. Скоро я получу деньги по страховке за мое образование и смогу покрыть все расходы. Я надеюсь, что смогу...

— Джон Томас! — резко оборвала его мать. — Ты этого не сделаешь!

— Мама, тебе бы лучше не вмешиваться. Я хотел просто сказать...

— Ты ничего не будешь говорить. Ваша честь, он...

— К порядку! — призвал Гринберг. — В протокол ничего не заносите! Пусть мальчик говорит.

— Спасибо, сэр. Я уже кончаю. Но я хотел кое-что сказать и вам, сэр. Лумми очень застенчив. Я могу общаться с ним, потому что он мне доверяет. Но если вы думаете, что я позволю посторонним тыкать в него, и щупать, и задавать ему глупые вопросы, и гонять его

по лабиринтам, и все такое прочее, то вы глубоко ошибаетесь, потому что я не позволю этого. Сейчас Лумми себя плохо чувствует. Он нахлебался развлечений по горло. Бедняга, он...

Луммокс ждал Джона Томаса дольше, чем ему хотелось бы, потому что не знал, куда тот делся. Он видел, как Джон Томас исчез в толпе, но не был уверен, вошел ли он в большое здание по соседству. Проснувшись в первый раз, Луммокс попытался было заснуть снова, но был вынужден окончательно проснуться, потому что вокруг толпилась масса людей.

Наконец Луммокс решил, что пришло время выяснить, куда делся Джон Томас, и отправиться домой. Образно говоря, он нарушил приказ Бетти, но ведь Бетти — это не Джон Томас.

Луммокс настроил все свои органы чувств на «поиск» и начал разыскивать Джонни. Слушал он долго, несколько раз слышал голос Бетти — но она его не интересовала. Он продолжал прислушиваться.

Наконец объявился и Джонни! Луммокс напряг слух до предела. Хозяин находился в большом доме, и с ним все было в порядке. О! Джонни говорил так, будто спорил со своей матерью. Луммокс повернулся в сторону здания суда и попытался понять, что происходит.

Люди говорили о вещах, в которых он не разбирался. Но одно было ясно: кто-то спорил с Джонни. Кто? Его мать? Да, он слышал ее голос, он знал, что у нее есть право спорить с Джонни, так же, как Джонни мог спорить с ним, — все это было не важно. Но здесь был кто-то другой... точнее, другие, и ни у кого из них не было такого права.

Луммокс решил, что пришло время действовать. Он поднялся на ноги.

Едва Джон Томас дошел в своей речи до слов «Бедняга, он...», как снаружи раздался скрип и скрежет; все присутствующие в зале суда поспешно повернулись. Звуки стремительно приближались, и Гринберг уже собирался послать бейлифа выяснить, что происходит, как внезапно в этом отпала необходимость.

Дверь в суд выгнулась, крякнула и сорвалась с петель. Передняя половина туловища Луммокса вдвинулась в помещение, таща на себе часть стены, а дверной косяк красовался как воротничок. Луммокс открыл рот и радостно пискнул:

— Джонни!

— Луммокс! — закричал его друг. — Стой на месте! Стой там, где ты стоишь! Не двигайся!

Все присутствующие, включая Посланника Гринберга, с перекошенными лицами застыли от изумления.

Точка зрения

Высокочитимый мистер Кику, помощник Секретаря по Межзвездным Дела́м, открыл ящик стола и окинул взглядом свою коллекцию пилюль. Сомнений больше не было: снова начиналась изжога. Он принял одну таблетку и нехотя вернулся к работе.

Перед ним лежало распоряжение Инженерного Бюро Департамента, предписывающее всем Межпланетным кораблям класса «Пеликан» оставаться на Земле, пока не будет закончена очередная модификация. Мистер Кику не стал вчитываться в соответствующее инженерное обоснование, а просто черкнул на документе «К немедленному исполнению» и кинул бумаги в корзину для исходящих. Обеспечение безопасности в космосе входило в обязанности Бюро; сам Кику ничего не знал о технических тонкостях его деятельности, да и не хотел знать: он всецело полагался на мнение своего главного инженера — в противном случае он давно бы его выгнал и взял другого.

Но он догадывался, что финансовые лорды, которым принадлежали корабли класса «Пеликан», скоро примутся обрабатывать Секретаря... и тот, вынырнув из

глубин своего интеллекта и преклоняясь перед политическим влиянием сих обаятельных джентльменов, смахнет все эти бумаги в мусорную корзину.

Он начал размышлять о новом Секретаре, но его сомнения так и не обрели законченную форму.

Следующая порция бумаг предназначалась только для Кику и оказалась у него в соответствии с установившимся порядком, по которому все, предназначенное для Секретаря, предварительно попадало к его помощнику независимо от содержания. Содержание казалось банальным и неинтересным: как видно было из резюме, организация, именующая себя «Друзья Луммокса» и возглавляемая миссис Бейлой Мургатройд, хотела попасть на прием к Секретарю по Межзвездным Делах и была направлена к специальному помощнику Секретаря по Общественным Отношениям.

Дальше мистер Кику читать не стал. Вес Роббинс может целоваться с этими Друзьями до умопомрачения, но пусть его и Секретаря оставят в покое. Он было развеселился при мысли, какой шок испытает Секретарь, натрави на него миссис Мургатройд, но оставил эту пустую фантазию: время Секретаря должно быть посвящено только укладке краеугольных камней, а не общению с обществами любителей битых горшков. А все эти организации, именующие себя «Друзья Того-то и Сего-то», как правило, состоят из тех, кто только и ждет случая поточить на ком-нибудь зубы, плюс обычный набор дураков-кисельные уши и профессиональных делег. Но такие компании могут причинять беспокойство... впрочем, бог с ними.

Кику засунул бумаги в соответствующую папку и принялся за меморандум из Экономбюро: в районе Сан-Луиса вирус поразил большие дрожжевые плантации, что, похоже, могло привести к сокращению количества протеина и введению более жесткого рациона. Даже возможность голода на Земле не входила в круг непосредственных интересов мистера Кику. Но пока данные, считанные со слайдов, не превратились в его мозгу в несколько четких понятий, он сидел задумавшись. Затем вызвал помощника.

— Вонг, вы видели документ из Экономбюро АУ-ноль-четыреста двадцать восемь?

— Да, босс. История с дрожжами в окрестностях Сан-Луиса?

— Да. Что вами сделано?

— Э-э-э... ничего. Я думаю, это не моя епархия.

— Ах, вы думаете? Наши внешние станции разве не твое дело, а? Посмотри загрузку своих кораблей на предстоящие восемнадцать месяцев, сверься с АУ-ноль-четыреста двадцать восемь и действуй. Закупи, наконец, овец в Австралии. Мы не можем позволить, чтобы наши люди голодали, потому что какой-то идиот в Сан-Луисе уронил в чан с дрожжами свой носок.

— Да, сэр.

Мистер Кику вернулся к работе, с сокрушением подумав, что был слишком резок с Вонгом. Он знал, что его состояние объяснялось не ошибками Вонга, а мыслями о докторе Фтаемле.

Впрочем, и со стороны доктора Фтаемла не было никаких ошибок... Ошибки были его собственные! Он знал, что не может позволить себе никаких расовых предрассудков, во всяком случае, на этой работе. Разум подсказывал, что он относительно свободен от предубеждений, которые могут возникнуть из-за разницы в цвете кожи, структуре волос или контуре лица, по той единственной причине, что для такого загадочного существа, как доктор Фтаемл, различия в человеческих особях могут показаться совершенно несущественными.

И все же от этого никуда не деться... в глубине души он испытывал к Фтаемлу неприязнь. И тут он был бессилен.

Куда ни шло, если бы этот как-его-там носил тюрбан... вместо того, чтобы разгуливать с грязным клубком копошащихся на голове змей. Но нет! Для раргилиан прическа была предметом гордости. Во всех их манерах сквозило убеждение, что никто, кроме них, не достоин звания разумного существа.

Хотя... в общем-то Фтаемл неплохой парень. Кику отметил для себя, что надо, не откладывая, пригласить Фтаемла на обед. Кроме того, он, Кику, может подвергнуться глубокой гипнотической обработке, что сделает

обед не таким уж трудным мероприятием. Но при одной мысли об обеде изжога снова дала о себе знать.

Кику ничего не имел против рариглианина, поставившего перед уставшими сотрудниками Департамента неразрешимые проблемы; решать такие задачи было привычным делом. Просто... черт возьми, почему бы этой образине не сделать себе нормальную прическу?

Представив себе доктора Фтаемла причесанным «а ля лорд Честерфилд», Кику невольно улыбнулся и почувствовал себя значительно лучше. Следующая подборка бумаг — отчет о командировке... ах, да! Сергей Гринберг. Хороший мальчик. И, еще не кончив читать, Кику потянулся за карандашом, чтобы поставить утверждающую визу.

Но вместо этого он застыл на полсекунды, а затем нажал кнопку.

— Полный отчет о командировке мистера Гринберга! О той, из которой он вернулся несколько дней назад.

— Не припомните ли вы его номер, сэр?

— Найдете. Хотя подождите... ага, РТ-ноль-четыреста одиннадцать, за субботу. Жду!

Мистер Кику успел пробежать лишь пару абзацев, как пневматическая почта всхлипнула и на стол шлепнулся маленький цилиндр. Кику засунул его в машину и расслабился, держа палец на тумблере, регулирующем скорость появления текста на экране.

Меньше чем через семь минут он имел не только представление о процессе, но и прочел отчет Гринберга обо всем, что произошло. С монитора Кику проглатывал не менее двух тысяч слов в минуту. Выслушивать многословные доклады и давать интервью он не любил и оставлял эти занятия на долю тех, кто не ценит время. Но в данном случае возникла необходимость в устном докладе. Наклонившись к микрофону, он нажал кнопку.

— Гринберг! — раздалось в динамике.

— Будь-ка любезен, зайди ко мне. — Мистер Кику, не утруждая себя любезностью, отключился.

Гринберг решил, что желудок босса снова дает о себе знать. Но было уже слишком поздно сочинять какое-нибудь неотложное дело вне Департамента; поспешив

наверх, он предстал перед шефом с неизменной веселой улыбкой.

— Доброе утро, — буркнул Кику. — Я читал твой отчет.

— И?

— Сколько тебе лет, Гринберг?

— Мне? Тридцать семь.

— Хм-м-м. И в каком ты сейчас звании?

— Сэр? Я дипломатический офицер второго класса... но действую по первому.

«Какого черта! Дядя Генри все это прекрасно знает... ему известен даже номер моей обуви».

— Хватает, чтобы иметь мозги, — задумчиво пробормотал Кику. — Да и по званию мог бы быть послом... или исполнительным советником по политическим вопросам. Сергей, почему ты бываешь так непростительно туп?

На скулах Гринберга вздулись желваки, но он сдержался.

— Ну?

— Сэр, — холодно ответил Гринберг, — вы старше и значительно опытнее меня. Могу я осведомиться, чем вызвана ваша грубость?

Мистер Кику пожевал губами, но удержался от улыбки.

— Прекрасный вопрос. Мой психиатр говорит, что я анархист, занимающийся не своим делом. А теперь садись и поговорим, чем вызвана твоя тупоголовость. Сигареты в ручке кресла. — Гринберг сел, выяснил, что ему нечем прикурить, и попросил огня.

— Не курю, — сказал Кику. — Сигареты — страшное искушение. А как ты думаешь?

— Так оно и есть, — ответил Гринберг, прикуривая.

— Ясно. Сергей, я вижу, что глаза и уши тебе ни к чему. Если этот зверь способен говорить, ты должен был сразу же отложить процесс, чтобы мы успели получить о нем всю информацию.

— М-м-м... я так и собирался сделать.

— Он *собирался*! Сынок, подсознательная тревога должна была оглушить тебя как колокол. А получилось, что ты оказался втянутым в это дело, и когда ты думал, что процесс окончен, все только и началось. И все

из-за этой девчонки, просто ребенка! Слава богу, что я не читал протокол, держу пари, что вот там-то бы я посмеялся.

Гринберг вспыхнул. Он-то все читал.

— А теперь, когда она поймала тебя в ловушку, ты потерял ориентировку, вместо того, чтобы принять вызов и встретить его... Чем встретить? Первым делом, отсрочить процесс, назначить дополнительное расследование, с чего ты должен был начать и...

— Но я назначил его.

— Не прерывай меня. Я хочу, чтобы ты рассмотрел ситуацию со всех сторон. Ты вынес решение, равного которому не было с тех пор, как Соломон приказал разделить ребенка на две части. Где ты изучал право?

— В Гарварде, — мрачно ответил Гринберг.

— М-да... Ну ладно, не буду больше казнить тебя, ты и так находишься в затруднительном положении. Но во имя семидесяти семиглазых богов Сарванчилла, скажи, что ты собираешься делать? Сначала ты отклонил прошение местных властей об уничтожении этого создания... потом дал задний ход и удовлетворил просителей, сказав им, что они могут избавиться от него... Исходя из того, что Департамент подмахнет это решение. И все это за десять минут. Сынок, я не думаю, что ты хотел выглядеть дураком, но зачем надо было втягивать в эту петрушку и Департамент?

— Босс, — смиренно признал Гринберг, — я сделал ошибку. Когда я это понял, то предпринял единственное, что мне оставалось: дал задний ход. Зверь в самом деле опасен, и Вествилл не в состоянии держать его под контролем. И если бы это не было свыше моих сил, я бы приказал уничтожить его немедленно, не дожидаясь санкции Департамента... и вашей лично.

— Фу!

— Вы не были на моем месте, сэр. Вы не видели, как рушились массивные стены здания суда. Вы не видели, как он разметал их.

— Не старайся поразить меня. Ты когда-нибудь видел город после бомбежки? Что там стены в вашем суде... может быть, на них нажился какой-то вороватый подрядчик.

— Но, босс, вам надо было видеть клетку, которую он разворотил. Сваренные стальные первосортные бруссы. Он переломил их как соломинки.

— Я не сомневаюсь, что ты их тщательно осмотрел. Но почему ты не обратил внимания, что его в ней заперли и он не мог выйти?

— А? Ну, это не дело Департамента — проверять тюрьмы.

— Сынок, все факторы, хоть каким-то боком касающиеся понятия «Вне», имеют самое прямое отношение к Департаменту. И ты это знаешь. Но когда ты будешь помнить об этом во сне и наяву, чистя ботинки или разливая суп на благотворительном базаре, ты поймешь, что это суть нашей работы. И ты будешь держать ушки на макушке и ловить носом все, что может быть названо «особыми ситуациями». А теперь расскажи мне об этом существе. Я читал твой отчет, я видел снимки, но я не чувствую его.

— Ну, он относится к многоногому, не сбалансированному типу. Восемь ног, примерно семь футов в холке. Он...

Кику выпрямился.

— Восемь ног? А руки?

— Руки? Их нет.

— Какие-нибудь другие органы для манипуляций? Видоизмененные конечности?

— Ничего, шеф... будь что-либо подобное, я бы сразу приказал провести полное и всестороннее обследование. Ноги у него как бочонки, но двигается он с изяществом. Но чего ради вы...

— Неважно. Что еще? Продолжай.

— Он напоминает нечто среднее между риноцеросом и трицератопсом, хотя артикуляция у него весьма своеобразная.

Молодой хозяин зовет его Луммоксом^{*}, и это имя ему подходит. Обаятельное, но глупое существо. В этом и кроется опасность: он настолько огромен и могуч, что из-за своей неповоротливости и несообразительности может причинить человеку вред. Он разговаривает, но

* Луммокс — увалень.

это речь примерно четырехлетнего ребенка... голос у него такой, словно он проглотил маленькую девочку.

— Почему ты считаешь его глупым? Из твоего отчета я понял, что владелец считает это существо достаточно сообразительным.

Гринберг улыбнулся.

— Ему очень хочется, чтобы это было так. Я говорил с ним, босс. Оно в самом деле глупо.

— Не вижу, из чего ты сделал такой вывод. Считать, что внеземное существо глупо только потому, что оно не может разговаривать на языке землян — то же самое, что считать итальянцев неграмотными лишь потому, что они говорят на ломаном английском. Одно не вытекает из другого.

— Но, видите ли, босс, у него нет рук. Высший уровень его интеллекта не превышает обезьяний. Может быть, собачий. Но не больше.

— Могу допустить, что ты придерживаешься ортодоксальных взглядов на теорию ксенологии. Но когда-нибудь твое предубеждение станет подавляющим и оскорбительным для классической ксенологии. Мы обнаружили цивилизацию, которая развивается вне нашей системы понятий и не нуждается в них...

— Хотите пари?

— Нет. Где сейчас данные об этом увальне?

Гринберг несколько смутился.

— Босс, я отдал все материалы в лабораторию для микрофильмирования. С минуты на минуту они будут на вашем столе.

— О'кей, ты расторопен. Изложи-ка устно...

— У меня установились хорошие отношения с местным судьей, и я попросил его держать меня в курсе дела. Конечно, они не могут содержать эту гору в местной Бастилии; в сущности, у них нет таких запоров, которые могли бы остановить его... в чем они убедились на горьком опыте. И выстроить они тоже ничего не успеют... уж поверьте мне, та клетка, что он разворотил, была что надо. Правда, шеф полиции кое-что придумал: у них есть бетонный резервуар высотой в девять футов, часть противопожарной системы. Они возвели рампу, подняли Луммокса, опустили в резервуар и убрали

рампу. Похоже, так они выкрутятся из положения: эта зверюга не умеет прыгать.

— Звучит неплохо.

— Да, но это не все. Судья О'Фаррел сообщил мне, что шеф полиции так взбудоражен, что решил не ждать одобрения Департамента и немедленно приступить к экзекуции.

— Что?

— Разрешите мне кончить. Он никому ничего не сказал — но входной клапан вроде бы случайно оказался открытым, и за ночь резервуар наполнился водой до краев. К утру Луммокс оказался на дне. Шериф Дрейзер решил, что его «забывчивость» принесла успех и Луммокс потонул.

— Ах, вот как?

— Но Луммокс вышел сухим из воды. Когда ее спустили, он сказал: «С добрым утром».

— Возможно, земноводное. Какие действия ты предпринял, чтобы остановить это своеволие?

— Минутку, сэр. Дрейзер знал, что огнестрельное оружие и взрывчатка бесполезны... вы читали об этом... во всяком случае в том объеме, который можно пускать в ход в черте города. Он решил прибегнуть к яду. Ничего не зная об этом существе, он взял поддюжины сортов и разновидностей яда в количестве, достаточном, чтобы отправить на тот свет целый полк, и смешал их с разной пищей.

— Ну и?

— Луммокс слопал все подчистую. Его даже в сон не потянуло; в сущности, это угощение лишь подхлестнуло его аппетит, ибо следующим блюдом для него стал тот самый входной клапан, и резервуар снова стал наполняться. Они должны были остановить насосную станцию.

Кику фыркнул от смеха.

— Он начинает мне нравиться, этот Луммокс. Ты говоришь, он съел этот клапан? Из чего тот был сделан?

— Не знаю. Думаю, обычный сплав.

— Х-хм-м... Похоже, его диета несколько суховата. А может быть, у него зоб, как у птиц.

— Я бы не удивился.

— Что шериф сделал потом?

— Пока ничего. Я попросил О'Фаррела предупредить Дрейзера, что он кончит в исправительной колонии в тридцати световых годах от Вествилла, если попытается свалить вину на Департамент. И сейчас он ломает голову, как решить эту проблему. Последняя его идея — залить Луммокса бетоном и оставить подыхать. Но О'Фаррел поставил на этом проекте крест как на бесчеловечном.

— Таким образом, Луммокс все еще сидит в резервуаре, ожидая, что мы предпримем, не так ли?

— Думаю, что так, сэр. Во всяком случае, вчера он еще был там.

— Ладно, он может подождать. Пока они не придумают чего-нибудь еще. — Мистер Кику взял краткий отчет Гринберга и его рекомендации.

— Как я понимаю, вы не одобряете мои действия, сэр? — спросил Гринберг.

— Нет. С чего ты это взял? — Кику подписал санкцию на уничтожение Луммокса, которую тут же поглотила корзинка для исходящих бумаг. — Если я отменяю чьи-то распоряжения... мне остается только выгнать такого работника... а у меня есть другая работа для тебя.

— Ох, — вздохнул Гринберг; лучше было бы отсрочить смертный приговор. Что ж... очень жаль... но зверь в самом деле опасен.

— Ты боишься змей? — продолжил мистер Кику.

— Нет. Они мне даже нравятся.

— Прекрасно! Хотя не могу представить, как они могут нравиться. Я всегда до смерти боялся их. Еще мальчишкой в Африке... впрочем, неважно. Ты когда-нибудь работал с раригиалианами? Я что-то не припомню.

— У меня был переводчик с Раригиалиана в деле «Вега-четыре». Мы неплохо сработались.

— Надеюсь, что так. Сергей, на мне висит дело, в котором участвует посредник с Раригиалиана, доктор Фтаемл. Ты должен был слышать о нем.

— Да, конечно, сэр.

— Должен сказать, что когда он появляется... — Кику издал сдавленное проклятье. — Впрочем, с Фтаемлом все в порядке. Но его присутствие связано с каким-то

запахом тревоги... и боюсь, моя личная фобия не позволяет моему носу достаточно точно улавливать этот запах. Так что я назначаю тебя моим ассистентом по вынюхиванию.

— Вы так доверяете моему носу, босс?

— Мы сейчас в положении, когда слепой ведет слепого, если ты позволишь мне вольное обращение с метафорой. Но, между нами, кое-что мы должны выяснить.

— Пусть будет так, сэр. Могу я осведомиться, в чем сущность вашего поручения?

— Дело в том...

Но Кики не дали закончить — на пульте вспыхнул огонек, и голос секретаря сказал:

— Явился ваш психотерапевт, сэр.

Кики взглянул на часы.

— Как летит время... Проводи его в мой гардероб. Я сейчас буду. — Он повернулся к Гринбергу: — Фтаемл будет здесь через тридцать минут. Я должен привести себя в форму. Все, что нужно, ты найдешь в моей папке «К исполнению»... дел хватит! — Мистер Кики бросил взгляд на корзину для входящих бумаг, которая за время их разговора успела наполниться до краев. — Да, пяти минут будет маловато. Но надо разобраться с этим ворохом. Визируй моим именем, а все, что, как ты считаешь, я должен просмотреть сам, оставляй... но лучше, чтобы таких бумаг было не больше полдюжины — иначе я отошлю тебя обратно в Гарвард!

Мистер Кики торопливо вышел и, заглянув к секретарю, дал указание фиксировать все, что будет происходить в течение следующего получаса... Интересно, как парень справится с делами. Мистера Кики давно уже беспокоила мысль о преемнике, ему хотелось, чтобы Гринберг занял его место. А пока этого не произошло, он должен безжалостно натаскивать мальчишку.

Кики направился в свой гардероб; откатившись в створону, дверь мягко закрылась за ним, и Гринберг остался один. Едва он потянулся за папкой, в которой лежали документы, требующие срочного исполнения, как в корзину для входящих скользнула очередная бумага, а на панели мигнул красный огонек и зажужжал зуммер.

Он подхватил бумагу, быстро пробежал глазами до середины, но только успел понять, что она срочная, как комбинация из света и звука на панели сообщила, что вызывают по линии внутридепартаментской связи. На засветившемся экранчике Гринберг узнал шефа бюро систем связи.

— А где босс? — возбужденно спросил тот.

Гринберг перекинул тумблер двухсторонней связи.

— Я за него, — сказал он. — Грею его кресло. Я получил твою памятную записку, Стен, и читаю ее.

Ибаньес раздраженно дернулся.

— Не в этом дело. Дай мне босса.

Гринберг помедлил. Проблема, которой занимался Ибаньес, относилась к числу простых, но достаточно занудных. На каждом корабле, регулярно совершающем рейсы Земля-Венера, есть врач, являющийся представителем бюро общественного здоровья. Но вот «Ариэль», уже готовящийся к посадке в Порт-Либия, внезапно был поставлен своим врачом на карантин и теперь томился в ожидании на предпосадочной орбите. На его борту был венерианский министр иностранных дел... что было очень кстати, так как ожидалось, что Венера поддержит позицию Земли против Марса на предстоящей тройственной конференции.

Гринберг мог отложить решение проблемы до появления босса, мог взвалить ее решение на его плечи, мог обратиться через голову босса непосредственно к Секретарю (что, впрочем, предполагало, что он придет к нему с уже готовым решением и получит на него санкцию) или... он мог действовать сам, используя авторитет мистера Кику.

Мистер Кику не предполагал, что возникнет острая ситуация... но у босса была досадная привычка бросать щенят на глубокое место и смотреть, как они выплывают.

Гринберг быстро собрался с мыслями.

— Прости, Стен, — сказал он, — с боссом поговорить тебе не удастся. Я действую от его имени.

— С каких пор?

— Только пока он отсутствует.

Ибаньес нахмурился.

— Слушай, парень, лучше бы тебе найти босса. Может быть, ты шлепаешь его фамилию на обыкновенные бумаги... но это дело не из таких. Мы должны спешно посадить корабль. Тебе крепко намылят шею, если ты возьмешь на себя право отмены такой базовой установки, как карантинная политика. Пошевели мозгами.

Нарушить карантин? Гринберг вспомнил Большую Чуму 51-го года, когда все биологи были безмятежно уверены, что все живое на планете надежно защищено от инфекций из других миров.

— Карантин мы нарушать не будем.

Ибаньес болезненно сморщился.

— Сергей, мы можем поставить конференцию под угрозу... Да что я говорю?! Поставить под угрозу? Мы не можем допустить, чтобы работа десяти лет пошла насмарку лишь потому, что у кого-то из механиков легкая лихорадка. Карантин должен быть нарушен. Но я не хочу, чтобы ты брал это на себя.

Гринберг помедлил.

— Босса ждет тяжелая работа, и он под глубоким гипнозом. Ты сможешь увидеть его не раньше, чем через пару часов.

Ибаньес побледнел.

— Я попытаюсь убедить Секретаря. Мы не можем ждать два часа. Эта священная корова с Венеры в таком состоянии, что может приказать своему шкиперу рулить домой... мы не имеем права рисковать.

— С другой стороны, нельзя допустить возможность эпидемии. Вот что ты сделаешь. Вызови министра и скажи, что лично отправляешься за ним. Возьми десантную шлюпку. Посади его к себе на борт и оставь «Ариэль» на карантинной орбите. Как только он окажется на борту шлюпки... и не раньше... скажи ему, что вы оба, он и ты, примете участие в конференции, не выходя из скафандров. В скафандрах своя опрессованная система подачи воздуха; они используются при посещении планет, чья болезнетворная флора еще не исследована. Конечно, команда шлюпки должна будет тоже отправиться на карантин.

— Скафандр! О, он будет в восторге! Уж лучше отменить конференцию. Такое унижение может настро-

ить его против нас — это совершенно точно. Такие деятели жутко самолюбивы.

— Конечно, он будет в восторге, — подтвердил Гринберг, — когда ты объяснишь ему, в чем дело. «Безопасность выдающейся личности», «нежелание рисковать благополучием нашей возлюбленной сестры» и так далее. Если у него еще будут какие-то сомнения, свяжи его с кем-нибудь из отдела общественных отношений. И позаботься, чтобы во время конференции рядом с ним был врач в белом халате и пара сестер. Во время перерывов, чтобы он мог отдыхать, в Зале Героев, рядом с конференц-залом, организуй ему чуть ли не больничную палату с отлаженной системой коммуникаций. Пусть он думает, что даже на краю гибели он мужественно исполняет свои обязанности. Понял? Как-то подведи его к этой мысли... еще до того, как шлюпка приземлится.

— Думаешь, это сработает? — нерешительно спросил Ибаньес.

— Зависит от тебя. Я спущу твой меморандум, прикажу соблюдать карантин, но одновременно дам тебе указание проявить инициативу, чтобы обеспечить его присутствие на конференции.

— Ну что ж... ладно. — Ибаньес внезапно улыбнулся. — Черт с ним, с меморандумом. Берусь за дело. — Он отключился.

Гринберг вернулся к столу, чувствуя радостное возбуждение от мысли, что он сыграл роль господ бога. Интересно, подумал он, что бы на моем месте сделал босс?.. Могло быть много правильных решений, он выбрал одно из них и чувствовал, что не ошибся. Сергей снова обратился к папке с неотложными делами.

Внезапно он остановился. Что-то подсознательно угнетало его. Он чувствовал, что боссу не хотелось утверждать смертный приговор Луммоксу. Черт возьми, босс же говорил ему, что он не прав, что следовало бы провести полное расследование. Но босс, уважая право подчиненного на самостоятельные решения, не стал настаивать на своем.

Но теперь он сам сидел в кресле босса. И что?

Чего ради босс сунул его на это место? Не для того ли, чтобы он получил возможность исправить свои собственные ошибки? Вряд ли. Шеф проницателен, но не всезнающ; он не мог предположить, что Гринберг решит пересмотреть свои действия.

И все же... Он позвонил личному секретарю босса.

— Милдред?

— Да, мистер Гринберг?

— Это краткое резюме о вмешательстве, где я участвовал... номер РТ-ноль-четыреста одиннадцать. Оно прошло пятнадцать минут назад. Я хочу вернуть его.

— Его, наверное, уже отправили, — с сомнением сказал Милдред. — Отдел отправки завершил все свои операции семь минут назад.

— Нужно поторопиться. Если бумага уже покинула здание, вышлите ее аннулирование и подтверждение одного, ясно? И верните мне оригинал.

Наконец Сергей добрался до папки с неотложными делами. Как мистер Кику и говорил, отделение с пометкой «Фтаемл» не отличалось полнотой. Он прочитал на обложке надпись «Чудовище и Красавица» и удивился. Босс не был обделен чувством юмора... но оно проявлялось порой столь неожиданно, что люди нередко попадали в трудное положение.

Внезапно брови Гринберга поползли кверху. Эти неутомимые переводчики, маклеры, посредники и толкователи, эти раргиллиане, как правило, появлялись на сцене лишь во время переговоров между двумя расами. Присутствие доктора Фтаемла на Земле означало, что негуманоиды встревожены... Негуманоидами их можно было назвать лишь условно: психология этих существ настолько отличалась от человеческой, что общение с ними было довольно затруднительным. Но Гринберг не ожидал, что ученый доктор будет представлять расу, о которой он ничего не слышал... «Хрошии».

Вполне возможно, что Гринберг просто забыл о существовании народа с именем, напоминающим чих; они могли представлять совершенно незначительную популяцию с низким культурным уровнем, с неразвитой экономикой, не способную к самостоятельным космическим путешествиям. Или же они могли быть приняты

в Сообщество Цивилизаций, пока Гринберг был занят делами вне Солнечной системы. Как только человечество начало устанавливать контакты с другими расами, тоже совершающими межзвездные путешествия, семья тех, кто по праву мог считаться «гуманоидами», стала пополняться так быстро, что их всех было трудно удерживать в памяти. Чем больше человечество расширяло свои горизонты, тем труднее было держать эти горизонты в поле зрения.

Или, может быть, он знал хорошии под каким-то другим именем? Гринберг повернулся к универсальному справочнику мистера Кику и ввел в него это имя.

Машина проглотила название, а затем на экране дисплея вспыхнуло: «ИНФОРМАЦИЯ ОТСУТСТВУЕТ».

Гринберг с трудом перевел дыхание при мысли, что информация о хорошии могла как-то исчезнуть... или ее вообще не существует.

Он расширил круг поисков. Универсальный справочник Британского Музея был осведомлен не более, чем компьютер Заместителя Секретаря, хотя его память занимала огромное здание в другой части Столицы и целая армия кибернетиков и энциклопедистов, не покладая рук, кормила фактами его ненасытное чрево. Теперь Гринберг мог быть уверен, что, откуда бы хорошии ни явились, Федерация о них ничего не знала. Что само по себе было удивительным.

Вздохнув, Гринберг продолжил чтение. Он выяснил, что хорошии находились в пределах досягаемости передач, — на крутовой орбите, в пятидесяти тысячах миль от Земли. Отметив, что он ничего не слышал об этих пришельцах лишь потому, что доктор Фтаемл настоятельно советовал мистеру Кику воздержаться от попытки подняться на борт чужеземцев, Гринберг опять вздохнул.

Вскоре внимание его отвлекло возвращение бумаг по делу Луммокса, среди которых было и утвержденное мистером Кику решение. Подумав несколько мгновений, Сергей дополнил резолюцию следующими словами: «Решение утверждаю... но оно не должно быть проведено в жизнь до завершения полного научного исследования данного существа. Местные власти по

рекомендации Бюро Ксенологии должны обеспечить приемлемые условия его существования, произвести транспортировку, а также оценку стоимости».

Гринберг удостоверил приписку печатью Кiku и отправил бумаги обратно, не без смущения отметив, что ныне распоряжение приобрело несколько странный вид... словно на Луммокса наложил лапу какой-то ксенобиолог, чего босс никогда бы не допустил. Тем не менее, на сердце у него полегчало. Все, что он делал до сих пор, было неправильно, но тут он был *прав*.

Внимание его снова вернулось к хрошии... и снова брови поползли кверху. Хрошии явились не для того, чтобы установить отношения с Землей, они повисли над планетой в поисках какой-то соотечественницы. Исходя из того, что сообщил доктор Фтаемл, они уверены, что Земля держит ее в плену, и намерены требовать ее освобождения.

Гринберг почувствовал себя участником дурной мелодрамы. Эти существа с именем, напоминающим астматический хрип, избрали явно не ту планету для своих игр. На Земле негуманоидное существо без паспорта, без досье, находящегося в их Департаменте, без веских и санкционированных причин для посещения Земли столь же беспомощно, как невеста, потерявшая церковь, в которой она должна венчаться. В свое время его, конечно, обнаружат... что за идиотизм! Ведь оно даже не пройдет карантина!

Чего ради босс не сказал, чтобы они собирали свои пожитки и уматывали домой?

Кроме того, они представляют, как она попала на Землю? Пешком? Или на крыльях лебедя? Межзвездный корабль не может приземлиться сам, его обслуживают «челноки». Неужели они считают, что их соотечественница пробралась на Землю на «челноке»: «Простите меня, сэр, но я спасаюсь от своего мужа, он вон в той части Галактики. Вы не против, если я залезу под сиденье и таким образом проникну на вашу планету?»

«Бог подаст» — вот что ей скажут. На «челноках» терпеть не могут зайцев; Гринберг чувствовал это каждый раз, предъявляя дипломатическое удостоверение.

Что-то все время не давало ему покоя... наконец он вспомнил, как босс допытывался, есть ли руки у Луммокса? Он понял, что Кику хотел удостовериться, не является ли Луммокс пропавшим хрошии, ведь последнее, по словам Фтаемла, имеют восемь ног. Гринберг присвистнул. Луммокс не мог ни построить космический корабль, ни управлять им. И у него не было родственников. Естественно, босс не видел Луммокса и не представлял, насколько он страшен.

И, кроме того, Луммокс на Земле уже больше сотни лет. Что-то поздновато для поисков.

Главный вопрос заключался в том, что делать с хрошии, раз уж мы вошли в контакт с ними. Все, что имело отношение к «Вне», оказывалось интересным, познавательным и полезным для человечества, как только с ним удавалось познакомиться поближе и проанализировать... а та раса, которая была способна на самостоятельные межзвездные перелеты, без сомнения, относилась к таковым явлениям. Гринберг не сомневался, что босс постарается поводить их за нос, пока не присмотрится, что сулит будущее. Ну и отлично — Гринбергу остается лишь поддержать его.

Сергей пробежал глазами оставшуюся часть сообщения. Все, что нужно, он почерпнул из краткого резюме; все остальное было цветистыми оборотами Фтаемла.

Мистер Кику объявился над его плечом и сказал:

— Корзина полна, как всегда.

— Привет, босс. Но подумайте, сколько в ней было бы, если бы каждые две секунды я не опустошал ее, не читая.

Гринберг освободил кресло.

Мистер Кику кивнул.

— Я знаю. Порой я шлепаю «Согласен» без разбору.

— Как самочувствие?

— Готов хоть обниматься с ним. И что в этих змеях, что я не могу их выносить?

— Это относится к области духа.

— Доктор Морган знает свое дело. Если у тебя когда-нибудь расшатятся нервы, можешь обратиться к нему.

Гринберг ухмыльнулся.

— Босс, единственное, что меня беспокоит, это бессонница в рабочее время. Никак не могу уснуть за столом.

— Это самый первый симптом. Ты еще вспомнишь о нервах. — Мистер Кику взглянул на часы. — Наш друг с шевелящимися волосами уже давал о себе знать?

— Еще нет. — Гринберг рассказал о карантине на «Аризле» и о том, что он сделал. Мистер Кику кивнул, что было равнозначно благодарности на плацу у развернутого полкового знамени. Гринберг ощутил прилив теплого счастья и взялся рассказывать, как он начал пересматривать решение о Луммоксе, самокритично, но в допустимых пределах. — Знаете, босс, когда сидишь в этом кресле, появляется совершенно особый угол зрения.

— Это я понял довольно давно.

— Ага. И пока я тут сидел, все думал об этой истории с посещением.

— Ну и что? Нам придется иметь с ними дело.

— Так я и думал. И тем не менее... хотя... — Гринберг выпалил, какую он наложил резолюцию относительно Луммокса, и застыл в ожидании.

Мистер Кику снова кивнул. Он решил было сказать Гринбергу, что его действия помогли ему сохранить лицо, но удержался. Вместо этого он наклонился к панели.

— Милдред? Что-нибудь слышно от доктора Фтаемла?

— Только что прибыл, сэр.

— Хорошо. Западный конференц-зал, пожалуйста. — Он отключился и повернулся к Гринбергу: — А теперь, сынок, будем очаровывать змей. Флейта у тебя с собой?

Космос глубок, экселленц

— Доктор Фтаемл, это мой коллега, мистер Гринберг.

Раргиллианин склонился в глубоком поклоне. Потрясая двойными коленными суставами, он изобразил странный для человеческого глаза ритуальный танец.

— Я знаю о высокой репутации distinguished мистера Гринберга из уст моих compatriots, которым выпало счастье работать с ним. Я польщен, сэр.

Гринберг ответил в том же стиле вежливых преувеличений, который был избран для космолингвы.

— Я давно таил надежду почерпнуть опыта в общении со столь высокоученой персоной, как доктор Фтаемл, но никогда не предполагал, что моя надежда распухнет таким пышным цветом. Ваш слуга и ученик, сэр.

— Хм-м-м! — прервал их мистер Кику. — Доктор, то деликатное дело, в котором вы взяли на себя миссию посредника, столь важно, что до недавнего времени я со своим обычным штатом не мог уделить ему столько времени, сколько оно заслуживает. Мистер Гринберг является чрезвычайным послом и полномочным министром, выделенным в мое распоряжение Федерацией специально для этой цели.

Гринберг удивленно моргнул при этих словах босса, но сохранил каменное выражение лица. Он уже раньше обратил внимание, что босс сказал «коллега» вместо «помощник», но счел эту оговорку обычной уловкой, чтобы повысить престиж стороны, участвующей в переговорах, — но он не ожидал, что ему будет выдан такой щедрый патент на следующий чин. Интересно, скажется ли это на зарплате?

Доктор Фтаемл снова поклонился.

— Я бесконечно благодарен, что имею возможность сотрудничать с вашим превосходительством.

Гринберг подозревал, что им не удалось одурачить раргиллианина; тем не менее благодарность Фтаемла была искренней, так как он сам был в ранге посла.

Пока секретарша расставляла угощение, они перевели дыхание. Фтаемл выбрал французское вино, а Гринберг и Кикю, как им посоветовал Хобсон, раргиллианский напиток — нечто, названное «вином» лишь из-за бедности языка и напоминающее хлеб, разболтанный в молоке и отдающий серной кислотой. Пока напиток не коснулся губ, Гринберг поторопился изобразить редкостное удовольствие и с уважением отметил, что босс рискнул попробовать жидкость.

Ритуальная церемония, которой придерживались семь-десять цивилизаций, шла своим чередом, и Гринберг получил время присмотреться к Фтаемлу. Медузоид был одет в дорогую пародию на земной мундир: кургузый фрак, кружевное жабо и полосатые брюки. Данное одеяние успешно скрывало его истинную, нечеловеческую сущность: сейчас он напоминал обыкновенного гуманоида с двумя ногами, двумя руками и продолговатой головой.

Но Гринберг вырос в обществе Великих Марсиан и имел дело с различными существами; он не считал, что «человек» должен иметь только человеческое обличье, и не отдавал предпочтения чисто человеческим формам. С точки зрения самого Фтаемла, он был обаятелен и грациозен. Его сухая хитиновая кожа, оранжевая с зелеными подтеками, была ничуть не хуже декоративной леопардовой шкуры. Отсутствие носа ничуть не портило впечатления и компенсировалось подвижным чувственным ртом.

Гринберг решил, что Фтаемл прячет свой хвост под одеждой, обернув его вокруг туловища, дабы избежать ненужных намеков, что он похож на какое-то земное существо, к коим раргиллиане очень чувствительны: до сих пор им была памятна та история в Риме, когда на приеме один из них смахнул хвостом свечу. Другие раргиллиане, с которыми Гринбергу приходилось сотрудничать, старались вообще не пользоваться одеждой и носили свои хвосты гордо вздернутыми вверх, как мартовские коты. Так было, например, на Веге-VI, воспоминания о которой заставили Гринберга содрогнуться.

Он посмотрел на вибриссы медузоида. Они отнюдь не напоминали змей. Босс явно относился к ним с излишней нервозностью. Конечно, они были с фут длиной и толщиной с его большой палец, но у них не было ни глаз, ни пасти, ни зубов — это были просто вибриссы, усики, и не больше. У многих других рас тоже есть такие усики. А что такое наши пальцы, как не короткие усики?

Мистер Кику и доктор Фтаемл опустили на стол бокалы почти одновременно.

— Доктор, консультировались ли вы со своими доверителями?

— Сэр, мне была оказана такая честь. И могу ли я выразить вам благодарность за десантную шлюпку, которую вы столь любезно предоставили в мое распоряжение, чтобы я имел возможность, покидая поверхность вашей очаровательной планеты, снестись с теми, кого я имею честь здесь представлять. И, отдавая должное тем выдающимся личностям, которым я ныне служу, должен сказать, что она куда больше подходит для моей конституции, нежели аналогичное устройство их корабля.

— Не стоит благодарности. Мы всегда рады услужить нашим друзьям.

— Вы исключительно любезны, господин Заместитель.

— Итак, что же они сказали?

Доктор Фтаемл содрогнулся всем телом.

— Я искренне сокрушаюсь от необходимости сообщить вам, что они непоколебимы. Они настаивают,

чтобы их малыш (он женского пола) был возвращен им без промедления.

Мистер Кику нахмурился.

— Я не сомневаюсь, вы объяснили им, что мы никогда не слышали о нем, что у нас есть веские основания считать, что он никогда не посещал нашу планету, и еще более веские основания считать, что он... то есть, она никогда не жила на нашей планете.

— Все это я сделал. Надеюсь, вы простите мою невежливость, если я передам их ответ в выражениях грубых, но точных. — Он смущенно повел плечами. — Они говорят, что вы лжете.

Мистер Кику не возразил, зная, что, когда раргиллиане исполняют роль посредника, они не вкладывают в эти обязанности ничего личного, действуя как телеграф.

— Было бы куда лучше, если бы я в самом деле лгал. Тогда в конце концов я мог бы поймать их пострела и с этим делом было бы покончено.

— Лично я верю вам, — внезапно сказал доктор Фтаемл.

— Благодарю вас. Почему?

— Потому что вы употребили сослагательное наклонение.

— Ах, вот как. Сообщили ли вы им, что на нашей планете пребывает более семи тысяч разновидностей внеземных существ, каждая из которых представлена сотнями и тысячами индивидуумов? Что из них примерно тридцать тысяч — разумные существа? Но что только очень немногие из них обладают физическими характеристиками, отдаленно напоминающими ваших хрошии, и относительно всех их мы знаем, откуда они родом, с какой планеты?

— Я раргиллианин, сэр. Я сказал им все это и даже больше, используя их собственный язык и изложив факты гораздо яснее, чем вы могли бы это объяснить какому-нибудь землянину.

— Я верю вам. — Мистер Кику хлопнул по крышке стола. — У вас есть какие-то предложения?

— Минутку, — вмешался Гринберг. — Нет ли у вас изображения типичного хрошии? Оно могло бы помочь.

— Хрошиу, — поправил Фтаемл. — Или, в данном случае, хрошиа. Прошу простить, они не употребляют символику типа изображений. К сожалению, у меня нет возможности исполнить вашу просьбу.

— Раса безглазых?

— Нет, экселленц. Выглядят они вполне прилично и даже изящно. Но их глаза и нервная система несколько отличаются от наших. То, что они называют изображением, было бы для нас совершенной бессмыслицей. Даже я нахожу это довольно затруднительным, хотя общепризнано, что моя раса наиболее приспособлена для интерпретации абстрактных символов. Если раргилианин... — Он замолчал и принялся прихорашиваться.

— Ну хорошо... опишите нам одного из них. Используя все свои широкоизвестные семантические способности.

— С удовольствием. Корабль, созданный хрошии, относится к боевому классу и...

Мистер Кику прервал его.

— К боевому классу? Доктор, вы хотите сказать, что это военное судно? Вы мне этого не говорили.

Доктор Фтаемл изобразил огорчение.

— Я считал, что этот факт общеизвестен и достаточно непригляден.

— И я такого же мнения. — Мистер Кику задумался: не стоит ли ему поднять по тревоге Генеральный Штаб Федерации. Не сейчас, решил он. Мистер Кику всегда был настроен резко отрицательно к вмешательству военной мощи в процесс переговоров, ибо был уверен, что демонстрация силы служит признаком неудачи со стороны дипломатов, а также практически сводит на нет шансы достичь соглашения в будущем. Свое мнение он мог обосновать, но предпочитал держать его при себе. — Продолжайте, пожалуйста.

— Хрошии-военные являются трехполыми; разница между ними не бросается в глаза, и у нас нет необходимости в уточнениях. Мои доверители, руководящие экспедицией на этом корабле, примерно на шесть дюймов выше этого помещения и вдвое тяжелее вас. У каждого из них четыре пары ног и две руки. Руки у них маленькие, но сильные и исключительно ловкие.

По-моему, хорошии отличаются необыкновенной красотой и функционируют с редкой грацией. Они с большим искусством работают с машинами, инструментами и совершают очень тонкие манипуляции.

Пока Фтаемл говорил, Гринберг слегка расслабился. До этого намеки раргиллианина все же беспокоили его: вдруг это создание Луммокс окажется одним из хорошии... но теперь он понял, что опасения его основывались всего лишь на случайном совпадении числа ног... точно так же страуса можно было бы спутать с человеком, потому что у него две ноги! Мысленно Сергей упорно пытался отнести Луммокса к какой-нибудь категории существ, но ни одна из известных пока не подходила.

Доктор Фтаемл продолжал.

— ... но выдающиеся характеристики хорошии не исчерпываются простыми данными о размерах, весе, строении тела и функциях, ибо самое потрясающее впечатление производит их интеллектуальная мощь. — Медузоид причмокнул от восхищения. — Я почти уже пришел к решению отказаться от профессионального вознаграждения и считать мою службу не обязанностью, а привилегией.

Вот это уже произвело на Гринберга впечатление. Эти хорошии в самом деле что-то представляют собой; насколько бы честным посредником раргиллианин не был, он позволит человеку умереть от жажды, но не скажет ему ни слова об источнике воды прежде, чем гонорар не будет у него в руках.

— Единственное, — добавил Фтаемл, — что удержало меня от подобного решения, — это понимание, что кое в чем я их превосхожу. Они не лингвисты. Их речь богата и выразительна, но, кроме нее, они не владеют никаким другим языком. Даже вы талантливее их в лингвистическом отношении. — Фтаемл вытянул свои гротескные руки чисто по-галльски и закончил: — Таким образом, я пересмотрел отношение к себе и потребовал двойной оплаты.

Он замолчал. Мистер Кику молча смотрел в стол, а Гринберг просто ждал. Наконец Кику сказал:

— Что вы предлагаете?

— Мой уважаемый друг, есть только один путь. Хрошиа, которую они ищут, должна быть найдена.

— Но у нас ее нет!

Фтаемл испустил глубокий вздох.

— Все это достойно сожаления.

Гринберг внимательно посмотрел на него: вздох не содержал осуждения. Он чувствовал, что раргиллианин приберег что-то из ряда вон выходящее... что было смешно; приняв на себя роль посредника, раргиллианин был больше, чем кто-либо другой озабочен успехом переговоров: любой исход, кроме успешного, вызывал у них потерю самоуважения.

— Доктор Фтаемл, — сказал он, — когда вы принимали на себя миссию посредника, предполагали ли вы, что мы будем в состоянии удовлетворить их требование и доставить эту хрошиа?

Ноздри собеседника внезапно опали. Гринберг вздернул бровь и сухо сказал:

— Я вижу, что нет. Могу ли я осведомиться, почему в таком случае вы все же взяли на себя роль посредника?

Фтаемл ответил медленно и без своей обычной доверительности:

— Сэр, никто не может отказаться от сотрудничества с хрошии. Поверьте мне — никто.

— Хм-м-м... эти мне хрошии. Доктор, надеюсь, вы простите меня, но из ваших слов нам так и не удалось составить полное представление об этих созданиях. Вы сказали, они обладают такой интеллектуальной мощью, что даже лучшие умы столь высокоразвитой расы, как ваша... я имею в виду вас... полностью подавляются ими. Вы дали понять, что они сильны и в других областях... И даже вы, гордый, свободный народ, вынуждены повиноваться их желаниям. Сейчас они прибыли к нам на единственном корабле, который висит над планетой, способной установить полную и всепоглощающую гегемонию в этом секторе космоса... и все же вы говорите, что «достойно сожаления», если мы не удовлетворим их невыполнимое требование, — сказал Кикю.

— Так оно и есть, — осторожно сказал Фтаемл.

— Когда раргиллианин находится при исполнении своих профессиональных обязанностей, я не могу ему

не верить. Это-то и вызывает у меня тревогу. Эти сверхсущества... почему мы никогда раньше не слышали о них?

— Космос глубок, экселленц.

— Да, да. Не сомневаюсь, — сказал Кику, — что есть тысячи великих рас, которых мы никогда не встречали и не встретим. Но неужели и для вас это первый контакт с хрошии?

— Нет. Мы давно знали о них... раньше, чем о вас.

— Что? — Гринберг кинул на Кику быстрый взгляд.

— Что за отношения между Раргиллом и хрошии? И почему Федерации о них ничего не известно? — продолжил Кику.

— Должен ли я считать ваш вопрос упреком? Если да, то могу сказать, что я не отвечаю за действия своего правительства.

— Мы просто интересуемся, — заверил его Гринберг. — Федерация стремится постоянно расширять свои дипломатические связи. И я удивлен, узнав, что ваша раса, которая всегда декларировала дружбу с нами, зная о существовании могучей цивилизации, не поставила Федерацию об этом в известность.

— Не могу не отметить, экселленц, что я поражен вашим удивлением. Космос глубок и неисчерпаем... а моя раса испокон веков известна как раса путешественников. Может быть, Федерация не догадалась правильно сформулировать вопрос? Что же касается остального, то мои соотечественники не имеют с могущественными хрошии ни дипломатических, ни каких-либо иных отношений. Они существа, которые, как вы выражаетесь, заняты своими собственными делами, и мы очень рады... рады тому, что не имеем к ним отношения. Корабли хрошии не появлялись в нашем небе уже более пяти ваших столетий, но вот хрошии прилетели и потребовали от нас определенных услуг...

— Чем больше я узнаю, — сказал Гринберг, — тем больше ничего не понимаю. Значит, они остановились на Раргилле, чтобы взять посредника, вместо того, чтобы направиться прямо сюда?

— Не совсем так. Появившись в нашем пространстве, они осведомились, слышали ли мы когда-нибудь о вас.

Мы сказали, что да, мы знаем о вас... ибо когда хрошии спрашивают, им нельзя не ответить! Мы указали им, где находится ваше светило, и на мою долю выпала редкая удача представлять их. — Он пожал плечами. — И вот я здесь.

— Минутку, — сказал Гринберг. — Значит, они сообщили вам, что ищут пропавшую хрошиа, уже на подходе к Земле? И, должно быть, именно тогда вы решили, что их миссия не увенчается успехом. Почему?

— Разве это не очевидно? Мы, раргиллиане, используя вашу любимую и довольно точную идиому, самые большие сплетники в космосе. Из вежливости вы можете называть нас «историками», но я предпочитаю более жизненное выражение. Сплетники. Мы всюду бываем, всех знаем, говорим на всех языках. Мне не нужно «поднимать документы», дабы удостовериться, что люди с Земли никогда не были в средоточии звездной системы хрошии. Окажись вы там, вы, конечно, не обошли бы их своим вниманием, результатом чего была бы война. Она могла бы превратиться в «переполох в курятнике»... кстати, интересное выражение, и я хотел бы побывать в курятнике, коль скоро я здесь. И эта война породила бы массу анекдотов и интересных историй, которые рассказывались бы всюду, где собирались хотя бы два раргиллианина. Поэтому я понял, что они должны ошибаться; им не удастся найти то, что они ищут.

— Иными словами, — подвел итог Гринберг, — вы указали им не ту планету... и взвалили все проблемы на нас.

— Нет! Нет! — запротестовал доктор Фтаемл. — Идентифицировали мы вас совершенно точно. Дело было не столько в вашей планете, поскольку хрошии не знали, откуда вы пришли, сколько в вас самих. Существа, которых они хотели разыскать, были люди с Земли — до мельчайших деталей, вплоть до ногтей на руках и расположения внутренних органов.

— И тем не менее, вы знали, что они ошибаются. Доктор, я не так искушен в семантике, как вы. Но я вижу здесь определенное противоречие... или парадокс.

— Разрешите, я вам объясню. Мы, для которых слова являются профессиональным оружием, лучше

других знаем их никчемность. Парадокс может существовать только в словах, а не в фактах, которые обозначаются этими словами. Как только хрошии точно описали людей с Земли, и как только я понял, что люди не имеют представления о хрошии, я пришел к тому выводу, к которому и должен был прийти, — что в этой Галактике есть еще одна раса, похожая на вашу как две горошины из одного стручка. Или бобы? Вам больше нравятся бобы?

— Хватит и горошины, — сказал серьезно мистер Кику.

— Благодарю вас. У вас очень богатый язык; пока я здесь, я постараюсь освежить свои знания. Поверите ли, человек, у которого я брал первые уроки, научил меня идиомам, совершенно неприемлемым в вашем изысканном обществе. Вот как, например...

— Да, да, — поспешно согласился мистер Кику. — Я вам верю. Некоторые из наших соотечественников обладают весьма странным чувством юмора. Значит, вы считаете, что в нашем звездном скоплении есть раса, похожая на нашу как близнецы? Оценивая возможность такого совпадения, я нахожу данный факт весьма... м-м-м... забавным.

— Просторы космоса, господин Заместитель, с точки зрения юмора, достаточно неприглядны. Мы на Раргилле всегда считали создателя изрядным юмористом.

— Вы познакомили с этим выводом ваших клиентов?

— Да... и впоследствии, в беседах с ними, я, тщательно аргументировав, излагал его не раз. Но результат можно было предсказать.

— Что вы имеете в виду?

— У каждой расы свои достоинства, свои слабости. Когда мощный интеллект хрошии приходит к какому-то выводу, они не отказываются от него с легкостью. Вы называете таких людей «упрямыми».

— Тупоголовыми, доктор Фтаемл, тупоголовыми!

— Прошу вас, мой дорогой сэр! Я надеюсь, что вы сможете держать себя в рамках. Если мне будет позволено, я сообщу, что вы оказались не в состоянии найти их сокровище, хотя и провели тщательные всеохваты-

вающие поиски. Я ваш друг... и не надо считать, что эти переговоры завершатся неудачей.

— Я в своей жизни еще не проигрывал переговоры, — кисло ответил мистер Кику. — Если вам не удастся переспорить какого-нибудь типа, вы можете пережить это. Но я не вижу, что еще мы можем им предложить. Правда, есть одна возможность, о которой мы говорили в прошлый раз... вы захватили с собой координаты их планеты? Или они отказались их дать?

— Они со мной. Говорю вам, хрощии совершенно не боятся, что кто-то узнает их местонахождение. Их это просто не волнует. — Доктор Фтаемл открыл маленький плоский чемоданчик, искусно имитирующий земной. — Тем не менее, все выяснить будет не просто. Сначала я перевел координаты из их системы единиц в те, которые в ходу на Раргилле, который считает себя центром мироздания; для этой цели мне пришлось убеждать в целесообразности такой работы, а затем соотносить их космическое время с раргиллианским. А теперь я со стыдом должен признаться, что не знаком с вашей методикой оценки космических величин, что необходимо для перевода наших мер.

— Вам нечего стыдиться, — ответил мистер Кику, — я сам ничего не знаю о наших методах астронавигации. Придется обращаться к специалистам. Минутку. — Он нажал кнопку, вмонтированную в стол. — Мне Астро-бюро.

— Они все ушли домой, — ответил бесстрастный женский голос, — кроме дежурного офицера по астронавигации.

— Он-то мне и нужен. Подать его сюда!

— Доктор Вернер, — быстро отозвался мужской голос, — дежурный офицер.

— Здесь Кику. Доктор, вы можете перевести космические координаты из одной системы в другую?

— Конечно, сэр.

— Имели ли вы дело с раргиллианской системой единиц?

— Раргиллианской? — дежурный офицер присвистнул. — Это не простая штука, сэр. Тут вам нужен доктор Сингх.

— Ну-ка, быстренько доставьте его.

— Так он уже ушел домой, сэр. Будет только утром.

— Я не спрашиваю, где он; я сказал, доставьте его сюда... и побыстрее. Пусть полиция обшарит город. Можете поднять армию, если необходимо. Он нужен мне немедленно.

— Э-э-э... да, сэр.

Мистер Кику повернулся к доктору Фтаемлу.

— Я надеюсь, что смогу доказать, что ни один корабль с Земли не посещал планету хрошии. К счастью, у нас есть астронавигационные данные по каждому межзвездному путешествию. И мое мнение таково: настало время, когда обе стороны должны встретиться для переговоров лицом к лицу. С вашей неоценимой помощью мы сможем доказать им, что нам нечего скрывать, что все достижения нашей цивилизации к их услугам и что мы были бы рады помочь им в поисках их младенца... но ее здесь нет. А затем, если у них есть что предложить, мы могли бы... — Дверь в дальнем конце комнаты отворилась, мистер Кику остановился, а затем сказал ровным тоном: — Как поживаете, господин Секретарь?

Высокочитимый Рой Макклюр, Секретарь Межзвездного Департамента Федеративного Союза Цивилизаций вошел в помещение. При виде мистера Кику взор его оживился.

— Вот вы где, Генри! А я уже обыскался. Эта глупая девчонка не знает, куда вы делись, но я прикинул, что вы еще не покинули Департамент. Вы должны...

Мистер Кику решительно взял его за локоть и громко сказал:

— Господин Секретарь, разрешите мне представить доктора Фтаемла, посланника де-факто могущественных хрошии.

— Как поживаете, доктор? Или вы предпочитаете титул «Ваше превосходительство»? — У Макклюра хватило ума не отвести взгляда.

— «Доктор» звучит как нельзя лучше. Благодарю вас, я чувствую себя прекрасно. Могу ли я осведомиться о вашем здоровье?

— О, неплохо, неплохо... если бы не навалилось все сразу. В связи с этим... позвольте ли вы похитить у вас моего заместителя? Я приношу извинения, но возникла неотложная необходимость.

— Конечно, господин Секретарь. Я полон искреннего желания сделать все для вашего удовольствия.

Мистер Макклюр с подозрением взглянул на медузоида, но пришел к выводу, что не в состоянии понять выражение его лица... если оно вообще может иметь выражение, уточнил он про себя.

— Э-э-э... надеюсь, о вас позаботились, доктор?

— Да, благодарю вас.

— Отлично. Право, я очень извиняюсь, но... Генри, можно вас?

Мистер Кикю поклонился раригианину и встал из-за стола с такой невозмутимостью на лице, что Гринберг содрогнулся. Он подошел к Макклюру, и они о чем-то зашептались. До Гринберга донеслось:

— Да, да! Но это исключительно важно, я уверяю вас, Генри, чего ради вы вздумали посадить этот корабль, не посоветовавшись предварительно со мной?

Что ответил Кикю, расслышать не удалось. Макклюр продолжал:

— Чепуха! Вы должны были просто выйти и встретить их. Вы не могли...

Мистер Кикю резко отвернулся от собеседника.

— Доктор Фтаемл, намерены ли вы вернуться к хороши до вечера?

— Спешить нет оснований. Я всецело в вашем распоряжении, сэр.

— Вы очень любезны. Могу ли я оставить вас на попечение мистера Гринберга? Мы побеседуем позже. Раригианин поклонился.

— Почту за честь.

— Я предвкушаю удовольствие видеть вас завтра.

Доктор Фтаемл еще раз поклонился.

— До завтра, господин Секретарь. Ваш слуга, господин Заместитель.

Секретарь и его заместитель удалились, а Гринберг не знал: то ли плакать, то ли смеяться. Ему было стыдно за все человечество. Медузоид молча наблюдал за ним.

Гринберг криво усмехнулся и сказал:

— Доктор, есть ли ругательства в паргиллианском языке?

— Сэр, я могу богохульствовать более чем на тысяче языках... например, сравнение с тухлым яйцом имеет сотни разновидностей. Не желаете ли с моей помощью освежить некоторые из них?

Гринберг сел и от души рассмеялся.

— Доктор, вы мне нравитесь. Нет, вы мне в самом деле нравитесь... безотносительно к тому, что мы должны проявлять обоюдную вежливость.

Фтаемл сложил губы в гримасу, отдаленно напоминающую улыбку.

— Благодарю вас, сэр. Я испытываю к вам такие же чувства... благодарю вас. Могу ли я откровенно высказать свое мнение по поводу происходящего? Ко всему надо относиться философски.

— Я понимаю. Извините. Большинство из моих соотечественников искренне убеждены, что их предрассудки санкционированы самим господом богом. Я хотел бы, чтобы это было не так.

— Вам нечего стыдиться. Уверяю вас, сэр, такие же предрассудки свойственны всем расам и распространены повсеместно... включая и мою собственную расу. Если бы вы знали языки... Все они несут в себе образ их владельца, а сквозь все идиомы прослеживается одна настойчивая мысль: «Он чужеземец, а потому варвар».

Гринберг мрачно усмехнулся.

— Ничего приятного, не так ли?

— Приятного? Почему, сэр? Это очень забавно. Это единственная шутка, которую господь бог не перестает повторять.— И медузоид добавил: — Каковы ваши намерения, сэр? Продолжим исследование данной темы? Или вы хотите просто поболтать, потянуть время до возвращения вашего... коллеги?

Гринберг понял, что паргиллианин со всей возможной вежливостью дал ему понять, что он, Гринберг, не может действовать без Кику. Спорить не имело смысла... и, кроме того, он был голоден. — Мне кажется, что сегодня мы уже поработали достаточно, доктор. Не окажете ли мне честь отобедать вместе со мной?

— Я буду в восторге! Но... вы знаете особенности нашей диеты?

— Конечно. Ведь я провел несколько недель с одним из ваших соотечественников. Мы можем отправиться в отель «Универсал».

— Да, конечно, — без особого энтузиазма согласился доктор.

— Но, может быть, найдем что-нибудь получше.

— Я слышал, у вас есть рестораны с варьете... это возможно? Или это?..

— Ночной клуб? — Гринберг задумался. — Да! «Космик»! Кухня такая же, как в «Универсале».

Они уже собирались уходить, как дверь приоткрылась и в нее заглянул невысокий смуглый человек.

— О, простите. Я думал, мистер Кику здесь.

Гринберг вспомнил, что шеф искал специалиста по релятивистской математике.

— Минутку. Вы, должно быть, доктор Сингх?

— Да.

— Мистеру Кику пришлось выйти. За него я. — Он познакомил математика с раргиллианином и объяснил, в чем суть проблемы. Доктор Сингх просмотрел расчеты раргиллианина и кивнул.

— Потребуется время.

— Могу ли я помочь вам, доктор? — спросил Фтаемл.

— В этом нет необходимости. Ваших записей вполне достаточно. — Получив это заверение, Гринберг и Фтаемл отправились в город.

В варьете участвовали жонглеры, восхитившие Фтаемла, и девочки, которые понравились Гринбергу. Было уже довольно поздно, когда Гринберг оставил Фтаемла в одном из спецномеров, резервированных Межзвездным Департаментом в «Универсале» для негуманоидов. Спускаясь на лифте, Гринберг не мог сдерживать зевоты, но решил, что, с точки зрения налаживания хороших отношений, вечер отнюдь не был потерян. Несмотря на усталость, он все же остановился около Департамента. В ходе вечера Фтаемл выболтал нечто, о чем шефу стоило бы знать... если Кику нет на месте, он хотя бы

оставит ему на столе записку. Наслаждаясь мастерством жонглеров, раргилианин высказал сожаление, что, увы, все должно скоро кончиться.

— Что вы имеете в виду? — спросил Гринберг.

— Когда могущественная Земля превратится в прах... — начал было медузоид, но осекся.

Гринберг пристал к Фтаемлу, как с ножом к горлу, но медузоид отговорился, что пошутил.

Гринберг не был уверен, что в словах Фтаемла заключалось что-то существенное. Но раргилианский юмор обычно отличался тонкостью. И Сергей решил как можно скорее сообщить боссу об этом разговоре. Может быть, это странное судно нуждается в обработке парализующими частотами или в ударе вакуумной бомбы.

У дверей Сергея остановил ночной стражник.

— Мистер Гринберг, мистер Кику искал вас полчаса тому назад.

Он поблагодарил стражника и поспешил наверх. Гринберг обнаружил шефа за столом; корзинка для входящих была, как обычно, набита до краев, но он не обращал на нее никакого внимания.

— Добрый вечер, Сергей, — взглянув на Гринберга, тихо сказал Кику. — Посмотри эти бумаги.

В бумагах был результат обсчета Сингхом заметок доктора Фтаемла. Гринберг быстро просмотрел геоцентрические координаты и подвел итог:

— Больше девятисот световых лет! — сказал он. — И в том направлении. Не удивительно, что мы не принимали их в расчет.

— Не в этом дело, — возразил Кику. — Не в цифрах. Эти выкладки подтверждают заявление хрошии о том, что их планету посещал наш корабль. А вот дата посещения...

Гринберг еще раз просмотрел расчеты и почувствовал, как у него стянуло кожу на лбу. Повернувшись к компьютеру, он хотел набрать код вопроса, но Кику остановил его.

— Не трудись. Твое предположение совершенно верно. «Летающее лезвие». Второй полет.

— «Летающее лезвие», — тупо повторил Гринберг.

— Да. Мы никогда в точности не знали, где они были, и поэтому не могли ничего предполагать. Но мы совершенно точно знаем, *когда* был совершен этот полет. Все сходится. И это куда проще, чем гипотеза доктора Фтаемла о двух расах-близнецах.

— Конечно. — Сергей посмотрел на босса. — Значит, это Луммокс?

— Да. Это Луммокс.

— Но этого *не может* быть. У Луммокса нет рук. Он глуп. Глуп, как кролик.

— Да, этого не может быть. Но это есть.

«Мама знает лучше»

В резервуаре Луммокса уже не было. Он устал и решил отправиться домой. Для этого надо было сделать пролом в стене, чтобы без хлопот выбраться наружу, и Луммокс постарался проломить стену как можно аккуратнее, с минимальным ущербом для резервуара. О таких пустяках он не собирался спорить с Джоном Томасом — о чем тут говорить?

Кое-кто из людей всполошился, когда Луммокс выбрался наружу, но он не обратил на них внимания. Главное — ни на кого не наступить, и двигался он с горделивым достоинством. Даже когда пожарники стали поливать Луммокса из брандспойтов, он уже не реагировал так, как в тот день, когда вышел на прогулку; он просто зажмурил глаза, закрыл ноздри, опустил голову и затрусил домой.

Джон Томас встретил Луммокса на полпути, его взбудоражили чьи-то истерические крики о помощи. Луммокс остановился, и после взаимных приветствий Джон Томас вскарабкался ему на спину и они отправились домой.

Шериф Дрейзер был непоколебим.

— Разворачивай животное, — рывкнул он, — гони его обратно!

— Сами попробуйте, — мрачно сказал Джон Томас.

— Я с тебя шкуру спущу! Я... я...

— А что я сделал?

— Ты... лучше бы ты ничего не делал. Эта зверюга вырвалась и...

— Я там даже не был, — сказал Джон Томас.

Луммокс продолжал двигаться неторопливой рысью.

— Да, но... все равно! Он на свободе. Твоя обязанность — оказать содействие закону и водворить его обратно. Джон Стюарт, тебя ждут крупные неприятности!

— Не понимаю, что вы имеете в виду. Вы его у меня забрали. Вынесли ему приговор и сказали, что он мне больше не принадлежит. Вы пытались убить его, не дожидаясь, пока правительство утвердит приговор. Если он принадлежит мне, я должен подать на вас в суд. Если он мне не принадлежит, то меня ни капельки не волнует, как Луммокс выбрался из этой идиотской банки. — Джон Томас наклонился и посмотрел вниз. — Почему бы вам не залезть в свою машину, шериф, вместо того, чтобы с вашей одышкой бегать вокруг нас?

Вряд ли шерифу Дрейзеру пришелся по душе этот совет, но он и впрямь влез в машину и приказал шоферу гнать вперед. Едва придя в себя, он высунулся из окна.

— Джон Стюарт, — прорычал он, — я не бросаю слов на ветер. И не твое дело обсуждать мои действия. Горожане возложили на меня обязанность поддерживать мир и покой в городе. Я обращаюсь к тебе официально — и учти, магнитофон в машине включен, — ты должен мне помочь вернуть это животное в резервуар.

— А потом я смогу пойти домой? — с невинным видом спросил Джон Томас.

— А? Конечно.

— Спасибо, шериф. А как вы думаете — долго ли Луммоксу торчать в резервуаре после того, как я водворю его туда и пойду домой? Или вы планируете сделать из меня полицейского?

Шериф Дрейзер задумался. Луммокс тем временем продолжал двигаться к дому.

Тем не менее, Дрейзер решил, что столкнулся лишь с временным затруднением: настойчивость, которая сделала его хорошим офицером, была его врожденной чертой. Но он должен был признать, что в округе станет куда спокойнее, если зверь будет находиться под присмотром Джонни, пока он не найдет безошибочный способ покончить с ним. Распоряжение Заместителя Секретаря Межзвездного Департамента об уничтожении Луммокса было у него на руках, и он чувствовал себя достаточно уверенно... хотя старый судья О'Фаррел лишь саркастически ухмылялся, когда он хватался за пистолет. Отмена же этого приказа не попала к нему. Новый клерк из бюро связи Департамента сделал маленькую ошибочку, всего лишь переставив один символ. Отмена приговора пошла на Плутон... и все последующие бумаги под тем же шифром последовали за ней.

Дрейзер сидел в своей конторе, крутя в руках смертный приговор Луммоксу, и размышлял, как лучше привести его в исполнение. Электроток? Может быть... но он не знал, какое напряжение потребуется в данном случае. Перерезать Луммоксу горло? Шериф никак не мог представить, какой нужен нож и что станет делать в это время зверь.

Ни взрывчатка, ни огнестрельное оружие не подойдут. Хотя... Если заставить чудовище как можно шире открыть пасть, тогда можно зашвырнуть ему в глотку заряд, который выпотрошит его дочиста. Так точно — оно сразу же подохнет! Броню носят многие животные — черепахи, крокодилы, например, — но у всех она снаружи, а не внутри. И эта зверюга не исключение: шериф несколько раз заглядывал ему в пасть, когда пытался скормить яд. Броневые плиты у Луммокса только снаружи, а внутри все розовое, влажное и мягкое, как у всех.

Значит, так: он скажет, чтобы мальчишка Стюарт приказал зверюге открыть пасть, и... нет, тоже не пойдет. Мальчишка увидит, что я собираюсь делать, и тогда... еще одна вдова полицейского будет получать пенсию. Мальчишка совершенно отбилсЯ от рук... про-

сто удивительно, как мальчик из хорошей семьи катится по наклонной плоскости прямым в тюрьму.

Нет, мальчишку надо под каким-нибудь предлогом отправить вниз, в город, и в его отсутствие все сделать. Они могут предложить животному какую-нибудь вкуснятину и сказать: «Ах, какая прелесть!», и оно откроет пасть...

Он посмотрел на часы. Сегодня? Нет, ему еще надо выбрать оружие и кое с кем переговорить, чтобы все шло, как часы. Завтра рано утром... лучше всего убрать мальчишку сразу же после завтрака.

Луммокс был счастлив очутиться дома, всем своим видом показывая — кто старое помянет, тому глаз вон. Он ни словом не обмолвился о шерифе Дрейзере, он всегда, если даже знал, что кто-то к нему настроен неблагоприятно, делал вид, что все в порядке. Его прекрасное настроение выражалось в том, что он то и дело старался водрузить свою голову Джонни на колени, чтобы тот поласкал его. Прошло много времени с тех пор, как он был достаточно мал для таких игр; теперь он клал Джонни на колени один нос и держал голову на весу, пока Джонни чесал ему нос осколком кирпича.

Джонни был почти счастлив. С возвращением Луммокса он чувствовал себя значительно лучше, но знал, что ничего еще не решено, шериф Дрейзер обязательно попытается убить Луммокса. И Джонни постоянно, до головной боли, думал, что предпринять.

А тут еще мать подлила масла в огонь, взбеленившись, когда увидела, что «это животное!» возвращается в дом Стюартов. Джон Стюарт, пропустив мимо ушей ее крики, угрозы и приказания, принялся кормить и поить своего друга. Несколько позже шторм продолжился уже в доме, когда мать заявила, что позвонит шерифу Дрейзеру. Джонни ждал шторма, но был совершенно уверен, что ничего не произойдет... Так оно и случилось: мать осталась дома. Джонни погрузился в размышления; опыт жизни бок о бок с матерью научил его уступать и повиноваться. Вступать с ней в конфликт было для него гораздо мучительнее, чем для нее. Каждый раз, когда

отец улетал или возвращался, он говорил Джонни: «Заботься о своей матери, сынок. Не причиняй ей горя...»

Ну, что ж, он пытался... он в самом деле делал все, что мог. Но совершенно ясно, у отца и в мыслях не было, что мать постарается избавиться от Луммокса. А уж она-то должна была знать: она выходила замуж, прекрасно понимая, что Луммокс — неотъемлемая часть их жизни. Так что же она?..

Вот Бетти никогда бы так не поступила.

Или и она тоже?..

Женщины вообще очень странные существа. Может быть, он и Луммокс должны собрать пожитки и попробовать жить самостоятельно. Он размышлял обо всем этом до самого вечера, пока возился и играл с Луммоксом. Припухлости Лумми по-прежнему беспокоили его. Одна, похоже, была готова лопнуть. Может, ее надо вскрыть? А спросить не у кого.

Не хватало, чтобы ко всему Лумми еще заболел!

Обедать Джонни не пошел. И в конце концов мать пришла во двор с подносом.

— Я думаю, ты можешь позавтракать здесь вместе с Луммоксом, — мягко сказала она.

Джонни подозрительно посмотрел на нее.

— Спасибо, мама. В самом деле, и... словом, спасибо.

— Как Лумми?

— О, с ним все в порядке.

— Это хорошо.

Она ушла, и Джонни посмотрел ей вслед. Плохо, когда мать сердится, но еще хуже ее мягкое, ласковое обращение и этот хитрый кошачий взгляд. Тем не менее, обед был отличным, и Джонни съел все подчистую — после завтрака у него крошки во рту не было. Мать вернулась через полчаса.

— Ты поел, дорогой?

— Да... все было отлично, спасибо, мама.

— И тебе спасибо, дорогой. Не можешь ли ты отнести поднос? И будь, пожалуйста, дома: к восьми часам должен прийти мистер Перкинс, он хочет поговорить с тобой.

— Мистер Перкинс? Кто это? — Но мать уже скрылась за дверью.

Джонни нашел ее в холле, где, расположившись в кресле, она штопала его носки. Улыбнувшись, она сказала:

— Ну, как ты себя чувствуешь?

— Отлично. Скажи, мама, что это за мистер Перкинс? Почему он хочет встретиться именно со мной?

— Он позвонил и попросил о встрече. Я сказала ему, что он может подойти к восьми.

— Он сказал, что ему надо?

— М-м-м... он что-то говорил, но я считаю, что мистер Перкинс должен объясниться непосредственно с тобой.

— Насчет Луммокса?

— Перестань меня допрашивать. Скоро сам все узнаешь.

— Но, видишь ли...

— Давай больше не будем говорить об этом. Сними ботинки, дорогой. Я хочу примерить тебе носки.

Сбитый с толку, он стал снимать обувь, но внезапно остановился.

— Мама, не надо штопать мне носки.

— В чем дело, дорогой? Маме нравится что-то делать для тебя.

— Да, но... Видишь ли, я не люблю штопанных носков. Они вечно натирают ноги, и я уже много раз показывал тебе.

— Не говори глупости! Как могут мягкие шерстяные носки натирать ноги? Знал бы ты, сколько приходится платить за носки из натуральной шерсти и ручной вязки! Любой сын был бы только благодарен!

— Но я же тебе сказал, что они мне не нравятся!

— Иногда, сынок, я прямо не знаю, что с тобой делать, честное слово. — Мать вздохнула и отложила в сторону вязание. — Иди вымой руки... и лицо тоже. Причеши волосы. Мистер Перкинс будет с минуты на минуту.

— Скажи, этот мистер Перкинс...

— Поторопись, дорогой. Матери и так трудно...

Мистер Перкинс оказался сама любезность; несмотря на все подозрения, Джону Томасу он понравился. После обмена любезностями за ритуальным столиком с кофе он перешел к делу.

Перкинс представлял лабораторию Экзотических Форм Жизни Музея Натуральной Истории. И услышав об истории Луммокса, увидев его изображение и узнав о процессе... Музей решил купить Луммокса.

— К моему удивлению, — добавил он, — просматривая архивы музея, я выяснил, что мы уже пытались купить это существо... у вашего дедушки, насколько я понимаю. Все данные совпадают. Известно ли вам...

— Это был мой пра-пра-прадедушка, — прервал его Джонни. — Но он не продавался тогда — не продается и сейчас!

Миссис Стюарт подняла глаза от спиц и сказала:

— Будь поумнее, мой дорогой. У тебя сейчас не то положение.

Джон Томас упрямо молчал. Мистер Перкинс продолжал с мягкой улыбкой:

— Я уважаю ваши чувства, мистер Стюарт. Но прежде, чем я вылетел, наш юридический отдел исследовал суть дела, и я знаком с вашими насущными проблемами. Поверьте, я прибыл не для того, чтобы усложнять их; мы берем вашего питомца под защиту, и вам не придется больше волноваться.

— Я не продам Луммокса, — настойчиво сказал Джон Томас.

— Почему? А если это единственный выход из положения?

— Ну... потому что я не могу. Если бы даже хотел. Он достался мне не для продажи, еще до того, как я появился на свет... еще до моей матери. Вот в чем дело. — Джонни строго посмотрел на мать. — Мама, я не понимаю, к чему ты клонишь?

— Хватит об этом, — тихо сказала она. — Мама знает, что лучше для тебя.

Джон Томас помрачнел, и мистер Перкинс ловко сменил тему разговора.

— Во всяком случае, раз уж я проделал такой путь, не мог бы я познакомиться с вашим питомцем? Мне очень интересно...

— Почему же нельзя, — Джон Томас медленно поднялся на ноги и пошел к выходу.

Увидев Луммокса, мистер Перкинс сделал глубокий вдох и с шумом выпустил воздух.

— Восхитительно! — Он обошел Луммокса, изумляясь на каждом шагу. — Просто потрясающе! Уникально! Это самое большое внеземное существо, которое я когда-либо видел! Ума не приложу, как его доставили на Землю!

— Ну, с тех пор он немного подрос, — признал Джон Томас.

— Понимаю. Я слышал, он немного подражает человеческой речи. Не могли бы вы попросить его произнести несколько звуков?

— Чего? Он не подражает... он *говорит*.

— В самом деле?

— Конечно. Эй, Лумми, мальчик мой, как ты поживаешь?

— Отлично, — пискнул Луммокс. — А что ему надо?

— Да ничего особенного. Он просто хочет посмотреть на тебя.

— Он говорит! — Мистер Перкинс в изумлении вытаращил глаза. — Мистер Стюарт, лаборатория просто обязана получить этот образец!

— Я уже сказал вам — с этим покончено.

— Я с самого начала готов был выложить приличную сумму, а теперь, когда я увидел... и услышал его...

Джон Томас почувствовал, что сейчас взорвется, но сдержался и сказал:

— Мистер Перкинс, вы женаты?

— Да. А что?

— И дети есть?

— Девочка. Ей всего пять лет. — Лицо Перкинса смягчилось.

— Я предлагаю вам сделку. Давайте обменяемся. И без всяких вопросов. И пусть каждый делает со своим «образцом» все, что захочет.

Перкинс залился румянцем, а затем улыбнулся.

— Туше! Я сражен наповал. Но, — продолжал он, — давайте не будем торопиться. Вы не представляете, какое искушение представляет это существо для человека науки. В самом деле. — Он с тоской посмотрел на Луммокса и спросил: — Не вернуться ли нам?

Когда они вошли, миссис Стюарт взглянула на них. Перкинс отрицательно качнул головой. Они расположились в креслах, и мистер Перкинс сложил кончики пальцев.

— Миссис Стюарт, вы предупреждали меня, что разговор будет нелегким, но если я скажу директору Лаборатории, что мы даже не смогли толком поговорить, я буду выглядеть просто глупо. Могу ли я рассказать вам конкретнее о предложении музея... просто ради информации?

— Ну что ж... — Джон Томас нахмурился. — Я думаю, беды в этом не будет.

— Спасибо. Я должен сделать хоть что-нибудь, чтобы оправдать расходы на дорогу. Разрешите мне проанализировать ситуацию. Это создание... ваш друг Луммокс... или, лучше, «наш друг Луммокс», ибо я влюбился в него, как только увидел... наш друг Луммокс под угрозой смертного приговора, не так ли? Таково решение суда.

— Да, — вынужден был признать Джон Томас. — Но приговор еще не утвержден Межзвездным Департаментом.

— Я знаю. Но полиция уже готовится привести его в исполнение, не дожидаясь формального утверждения. Так?

Взглянув на мать, Джон Томас удержал ругательства, готовые сорваться с языка.

— Тупые идиоты! Но как бы там ни было, им не удастся убить Луммокса, они слишком глупы.

— Я согласен с вашей оценкой... в частном порядке. Этот буйвол, шеф полиции... Но они все же могут уничтожить совершенно уникальное создание! Непостижимо!

Откашлявшись, миссис Стюарт сказала:

— Шериф Дрейзер — прекрасный джентльмен.

Мистер Перкинс повернулся к ней.

— Миссис Стюарт, я не собирался порочить вашего приятеля. Но я должен сказать прямо: у шерифа нет прав самолично вершить суд. Такое отношение нетерпимо со стороны любого гражданина, тем более — представителя закона.

— Он должен думать о безопасности общества, — настойчиво сказала миссис Стюарт.

— Совершенно верно. Возможно, у него есть какие-то смягчающие обстоятельства. Я беру обратно свои слова. В данном случае я не настаиваю на своей точке зрения.

— Я рада слышать, что вы не собираетесь продолжать эту тему. Но можем ли мы вернуться к предмету разговора?

Джон Томас почувствовал, что в нем начинает просыпаться теплое чувство к ученому — мать обошлась с Перкинсом точно так, как не раз поступала с ним. И, кроме того, Перкинсу нравился Луммокс.

— В любую минуту, завтра или даже еще сегодня, Межзвездный Департамент санкционирует уничтожение Луммокса и...

— А вдруг нет...

— Можете ли вы класть на одну чашу весов жизнь Луммокса, а на другую — столь слабую надежду? Шеф полиции снова возьмется за дело — и на этот раз он обязательно доберется до Луммокса.

— Нет! Он не знает, как это сделать! Мы еще посмеемся над ним!

Мистер Перкинс печально покачал головой.

— Это голос не разума, а сердца. Шериф не будет терять времени даром. Он только выглядит глупым; второй раз он не попадет впросак. Если сам не додумается — обратится к экспертам, специалистам. Мистер Стюарт, любой биолог, лишь посмотрев на Луммокса, может прикинуть два или три верных способа, как покончить с ним быстро и эффективно. Даже я, лишь увидев его, подумал об этом.

Джон Томас с тревогой посмотрел на ученого.

— Но ведь вы не станете подсказывать шерифу Дрейзеру?

— Конечно, нет! Я скорее язык себе откушу. Но есть тысячи других, которые с удовольствием придут ему на помощь. Или он может нащупать путь сам. И будьте уверены: если вы решите ждать утверждения или отмены смертного приговора, может быть слишком поздно.

Джон Томас не нашелся, что ответить. Миссис Стюарт тихо добавила:

— Ты не можешь в одиночку выступать против всех. И ты должен понять: твое упрямство приведет к гибели Луммокса.

Джон Томас вцепился зубами в костяшки кулака.

— Что же я могу сделать? — еле слышно сказал он.

— Многое, если вы позволите мне помочь вам. Прежде всего, давайте внесем ясность. Если вы доверите нам своего питомца, никто не сможет причинить ему вред. Вы, наверное, слышали разговоры о вивисекциях и всем таком прочем... так вот — забудьте их. Наша цель — создать для животного среду, как нельзя больше похожую на ту, в которой он жил на своей родной планете, и изучать его. Мы хотим, чтобы животные были здоровы и счастливы, и прилагаем немало усилий, чтобы достичь этого. И когда в конце концов Луммокс умрет естественной смертью, его останки займут свое место на нашей постоянной выставке.

— А вы бы хотели, чтобы вас выпотрошили и выставили? — резко спросил Джон Томас.

— Что? — Перкинс сначала удивился, а потом рассмеялся. — Меня лично это не волнует: я уже завещал свой скелет медицинскому колледжу моей альма матер. Да и Луммокса это не будет волновать. Суть дела в том, чтобы вырвать его из лап полиции... и чтобы он мог в спокойствии дожить до преклонных лет.

— Подождите. Даже если вы его купите, он все равно останется здесь. И они доберутся до него и убьют. Разве не так?

— И да, и нет. Скорее, нет. Продажа его Музею не означает отмену приговора, но, верьте мне, он никогда не будет приведен в исполнение. Я консультировался с нашим юридическим отделом. Во-первых, вы дадите мне расписку в получении денег, и это сразу же обеспечит Музею легальное положение. Должен сказать, что сегодня вечером я уже беседовал с вашим судьей и получил временное распоряжение, откладывающее приведение приговора в исполнение на несколько дней. Это решение он принял сам, дабы наконец выяснилась ситуация с окончательным вла-

дельцем. Теперь, если в этом возникнет необходимость, мы можем напрямик отправиться к Секретарю Межзвездного Департамента... и я обещаю вам, что, как только права Музея будут подтверждены, Луммокс окажется в полной безопасности.

— Вы уверены в этом?

— Достаточно, чтобы рисковать деньгами Музея. Если я ошибаюсь, меня просто выгонят с работы. — Перкинс улыбнулся. — Но я не ошибаюсь. Едва я получил временное распоряжение, я позвонил в Музей и сделал его постоянным. Следующим шагом я устраню все опасности. Средств для этого хватит... и они произведут соответствующий эффект. Останется один шериф полиции... и если в вас он еще видит препятствие, с которым может справиться, он никогда не сможет противостоять той силе, которую, в случае необходимости, выдвинет против него наш Музей. И все будет в порядке, все будут счастливы! — Перкинс снова улыбнулся. — Все продумано!

Джон Томас прошелся по комнате, сел и уставился в потолок.

— Видите ли, мистер Перкинс, я понимаю, что должен что-то делать для спасения Луммокса. Но сегодня я не вижу никакого пути... и, наверное, у меня не хватает смелости посмотреть фактам в лицо.

— Значит, вы согласны?

— Прошу вас, не торопитесь! Во всем этом нет ничего хорошего. Лумми будет тосковать в одиночестве. Он никогда не привыкнет к нему. Ему лучше умереть, чем быть пожизненно заключенным. Не знаю... но ему, наверное, в самом деле лучше умереть, чем мучиться от одиночества, в окружении чужих существ, которые будут тыкать и тормозить его, приставая с разными тестами. Но я не могу спросить его, чего он хочет, потому что он просто не понимает, что такое смерть. Но он знает, что такое чужаки.

Мистер Перкинс закусил губу и подумал, что с этим молодым человеком очень трудно сговориться.

— Мистер Стюарт! А если вы отправитесь к нам вместе с Луммоксом?

— Что? Как?

— Думаю, что могу обещать вам должность при Музее... Во всяком случае, в моем отделе есть вакансия; я могу оформить вас на работу тотчас же, а бюрократическими формальностями займемся позже. Кроме того, неплохо, если экзотическими животными будет заниматься человек знающий.

Но прежде, чем Джонни ответил, подала голос его мать:

— Нет!

— Простите, что вы сказали, миссис Стюарт?

— Это не тема для разговора, мистер Перкинс. Я надеялась, что вы найдете приличный способ помочь нам выпутаться из этой дурацкой ситуации. Но с вашим последним предложением согласиться не могу. Мой сын должен поступить в колледж. Я не позволю, чтобы он тратил свою жизнь, убирая в клетках за животными... как мусорщик! Ни за что!

— Мама, но ведь если...

— Джон Томас! Прошу тебя! Все разговоры кончены!

Мистер Перкинс перевел взгляд с опечаленного лица мальчика на суровое лицо его матери.

— Хочу уточнить, — сказал он, — что для Музея это не представляет трудности. Разрешите, я вам все объясню, миссис Стюарт. Я буду держать это место... ну, скажем, месяцев шесть... о, прошу вас, миссис Стюарт! Примет ли ваш сын мое предложение или нет — это ваши проблемы... и я уверен, что вы не нуждаетесь в моих советах. Я только хотел бы уверить вашего сына, что Музей отнюдь не собирается разлучать его с питомцем. Разве в этом есть что-то плохое?

Спицы миссис Стюарт пощелкивали как отлаженный механизм.

— Думаю, что нет, — признала она.

— Мистер Стюарт?

— Подождите. Мама, ты же не думаешь, что я...

— Прошу вас, мистер Стюарт. Музей Естественной Истории не интересуют ваши семейные отношения. Вы знаете наше предложение. Принимаете ли вы его?

— Мне кажется, вы не упомянули о финансовой стороне вопроса, мистер Перкинс, — вмешалась миссис Стюарт.

— О, в самом деле! Ну, скажем, двадцать тысяч...

— Чистыми?

— Чистыми? Вряд ли... сумма включает в себя и накладные расходы.

— Чистыми, мистер Перкинс, — твердо сказала она. Перкинс пожал плечами.

— Хорошо.

— Договорились.

— Отлично.

— Эй, постойте! — запротестовал Джон Томас. — Ни о чем еще мы не договорились. Нам надо еще кое-что уладить. Я не позволю, чтобы Луммокса...

— Тихо! Дорогой мой, я терпела, сколько могла, но всему есть предел. И глупостям тоже. Мистер Перкинс, он согласен. Бумаги у вас с собой?

— Мы еще не договорились!

— Минуту! — мистер Перкинс поднялся. — Мадам, я понял, что могу получить подпись вашего сына на платежных документах?

— Вы ее получите.

— Хм-м-м... Ну, мистер Стюарт?

— Я ничего не буду подписывать, пока мы не договоримся, что я буду вместе с Луммоксом.

— Миссис Стюарт?

— Это смешно.

— Я тоже так думаю. Но тут я бессилён. — Мистер Перкинс встал. — Спокойной ночи, мистер Стюарт. Благодарю вас за то, что дали возможность изложить мое предложение, и за то, что я увидел Луммокса. Нет, нет, не провожайте меня, дверь я найду.

Перкинс двинулся к выходу. Мать и сын не смотрели друг на друга. У дверей он остановился.

— Мистер Стюарт?

— Да, мистер Перкинс.

— Не можете ли вы сделать одно одолжение? Сделайте как можно больше снимков Луммокса. Если можете — в цвете, стерео, в движении, со звуками. Я мог бы вызвать сюда профессионалов... но, думаю, у нас уже нет времени. Вы понимаете, о чем я говорю. Мы не оберемся стыда, если для науки не останется никаких

следов от него. Поэтому сделайте все, что в ваших силах. — И он снова двинулся к выходу.

Джон Томас сглотнул комок в горле и вскочил с кресла.

— Мистер Перкинс! Эй! Вернитесь!

Через несколько минут он уже подписывал бумаги. Буквы подрагивали, но подпись была четкой и разборчивой.

— А теперь, миссис Стюарт, — мягко сказал Перкинс, — будьте любезны подписаться внизу, там, где слово «опекун»... благодарю вас! Ах, да! Всей суммы у меня нет с собой: я приехал уже после закрытия банка. Поэтому сейчас вы получите то, что у меня в наличии, а остальное — до того, как мы перевезем Луммокса.

— Нет, — сказал Джон Томас. — Я забыл вам сказать. Музей может возмещать свои расходы, как хочет, но я не возьму никаких денег. Я буду чувствовать себя Иудой.

— Джон Томас! — резко сказала мать. — Я запрещаю тебе...

— Ты лучше помолчи, мама, — вспыхнул он. — Ты же знаешь, что обо всем этом сказал бы отец.

Мистер Перкинс громко откашлялся.

— Мне надо еще привести в порядок кое-какие дела. Времени у меня маловато: судья О'Фаррел сказал, что ложится в десять часов. Миссис Стюарт, Музей считает себя связанным моим предложением. Мистер Стюарт, я оставляю вас улаживать свои отношения с матушкой, как вы найдете удобным. Спокойной вам ночи! — Он положил документы в карман и быстро вышел.

Через час они все так же сидели в гостиной, и на лицах их были усталость и раздражение. Мать заставила Джонни согласиться на предложение, что деньги будут лежать нетронутыми, пока он не даст на то своего согласия. «Я должен был пойти на это, — думал он, — взамен разрешения на работу с Луммоксом».

Мать покачала головой.

— Мы забыли еще об одном вопросе. Кроме всего прочего, ты должен поступить в колледж. И ты не можешь взять с собой это животное. Так что у тебя нет оснований предполагать, что ты вечно будешь с ним.

— Да? Но я помню, что ты обещала заботиться о нем... ты обещала отцу.

— Оставь отца в покое! Теперь-то я могу тебе сказать: еще давным-давно я решила, что в тот день, когда ты кончишь школу, зверюга отправится в зоосад. Эта история опередила мое решение всего на несколько дней.

Он смотрел на нее, не в состоянии что-либо сказать.

— Джонни... Мой дорогой Джонни...

— Да?

— Послушай меня, дорогой. Мы наговорили друг другу немало горьких слов, и я жалею, что они были сказаны... я уверена, что ты не хотел их говорить. Но ты понимаешь, что мама думает только о том, чтобы тебе было хорошо? Не так ли?

— Ну... я надеюсь.

— Мама только об этом и думает... чтобы ее большому мальчику было хорошо. Ты еще молод, а когда человек молод, некоторые вещи кажутся ему куда более важными, чем они есть на самом деле. Но когда ты вырастешь, ты поймешь, что мама все знала лучше. Разве ты этого не понимаешь?

— Мама... вот насчет той работы. Если бы я только мог...

— Прошу тебя, дорогой. У мамочки ужасно болит голова. Мы больше не будем говорить на эту тему. Иди, выпишись, а завтра все станет на свои места. — Миссис Стюарт потрепала Джонни по щеке, наклонилась и поцеловала. — Спокойной ночи, дорогой.

— Ага...

Джонни еще долго сидел в холле, пытаясь понять, что происходит. Он знал, что должен чувствовать себя победителем... ведь кто, как не он, спас Лумми?

Но спокойствия не было; он чувствовал себя как зверь, который, спасаясь от капкана, отгрыз себе лапу... боль и ужас, а не спасение и облегчение.

Наконец он встал и пошел посмотреть на Луммокса.

Благоразумные поступки

С Луммоксом Джон Томас пробыл недолго, потому что правду он ему сказать не мог, а больше говорить было не о чем. Луммокс чувствовал, что Джон Томас чем-то расстроен, и все время задавал ему вопросы; наконец Джон Томас обнял его, шлепнул по боку и сказал:

— Да все в порядке! Замолчи и спи! И дай мне слово, что ты никуда не уйдешь со двора, а то я тебе ноги переломаяю.

— Честное слово, Джонни. Снаружи мне не нравится. Люди такие странные.

— Вот запомни это и больше не повторяй того, что ты делал.

— Не буду, Джонни. Лопни мое сердце.

Расставшись с Луммоксом, Джон Томас залез в постель. Но ему не спалось. Полежав, он кое-как оделся и полез на чердак. Дом был очень старый, и у него был самый настоящий чердак, куда надо было взбираться по лестнице и затем пролезать через люк в потолке. Мансарда принадлежала только Джону Томасу. Хотя уборка своей комнаты входила в его обязанности (впрочем, он делал это с охотой), мать иногда «прибирала» в ней. И тогда могло произойти все, что угодно. Кое-какие бума-

ги могли исчезнуть, затеряться, или мать, уверенная, что между родителями и детьми не должно быть никаких секретов, могла прочесть их.

Поэтому все, что Джонни считал нужным хранить в тайне, он держал на чердаке; мать никогда не поднималась сюда — на лестнице у нее кружилась голова. Чердак представлял собой маленькую, душную и захламленную комнату, нечто вроде семейного склада. На самом же деле чердачная комната предназначалась для самых разных целей: несколько лет назад он выращивал на чердаке змей; здесь же хранились книги, о которых каждый мальчишка не считает нужным ставить в известность своих родителей. На чердаке у Джонни был даже телефон, он сам его сделал с помощью инструментов, хранившихся в спальне. Телефон был результатом его занятий курсом физики и работал прекрасно. Джон Томас позаботился, чтобы мать не догадалась о его существовании, а то к ним обязательно явился бы техник с телефонной станции.

В этот вечер он не стал ни с кем говорить, тем более, что было слишком поздно звонить в общежитие, где жила Бетти. Ему хотелось побыть одному... и снова перелистать кое-какие бумаги, в которые он уже давно не заглядывал. Нырнув под свой рабочий стол, он нажал потайную защелку, и в стене открылась панель. На полке лежали книги и бумаги. Он вынул их.

Вот блокнот — дневник его прадедушки, который тот вел во время второго исследовательского полета «Летающего лезвия». Бумагам было более ста лет, и чувствовалось, что они прошли через много рук. Джон Томас перечитывал дневник десятки раз и подозревал, что и отец, и дедушка делали то же самое. Страницы были хрупкими и чуть ли не рассыпались в руках.

Осторожно перелистывая страницы, Джонни скорее проглядывал их, чем вчитывался. Его глаза остановились на запомнившихся строчках:

«... кое-кто из ребят паникует, особенно женатые. Но они должны были подумать обо всем раньше, прежде, чем поставили свои подписи. Теперь известны границы, к которым мы стремимся; мы сделаем рывок и вынырнем где-то далеко от дома. Кто знает, что нас ждет. Мы уходим в дальнее плавание».

Джон Томас перевернул еще несколько страниц. Историю «Летающего лезвия» он знал почти наизусть, и теперь она не вызывала в нем ни благоговения, ни трепета. Один из первых межзвездных кораблей — и его команда уходила в неизвестность с теми же чувствами, с которыми пускались в плавание по загадочным морям моряки золотого пятнадцатого века, под ногами которых была шаткая дощатая палуба их суденышек. «Летающее лезвие» и его братья двинулись в тот же путь, одолели эйнштейновский барьер, надеясь, что обязательно вернуться. Джон Томас Стюарт VIII был на борту «Летающего лезвия» во время второго путешествия, вернулся домой, женился, произвел на свет сына и стал устраиваться... именно он пристроил чердак на крыше дома.

А затем в одну из ночей он услышал клич диких гусей, вечных бродяг, и снова подписал контракт. И уже не вернулся.

А вот первое упоминание о Луммоксе:

«Эта планета как нельзя лучше напоминает добрую старую Землю, и мы поистине отдыхаем после последних трех, хаос которых бросился в глаза еще до посадки. Здесь же эволюция пошла по другому пути... похоже, что все сущее вокруг имеет по восемь ног. Здешняя «мышь» похожа на сороконожку, кроликоподобное создание с шестью короткими опорными ногами и двумя толчковыми; взлетая, оно запросто перепрыгивает дерево. Одного такого малыша я поймал (если можно так выразиться... в сущности, он сам подошел ко мне и вскарабкался на колени) и успел так привязаться к нему, что, наверное, возьму его с собой как талисман. Он напоминает мне щенка, только несколько половчее. Постараюсь протащить его на борт, чтобы никто не увидел, и пуще всего — биологи».

В событиях следующего дня Луммокс не упоминался, автор был занят более серьезными вещами.

«Это неожиданно, как горшок с полки, свалилось нам на голову... Цивилизация. Наши офицеры в таком восторге, что потеряли головы. Одного я видел на расстоянии. То же обилие ног, но, с другой стороны, не можешь не думать, что станет с нашей бедной Землей, если эти динозавры соберутся к нам в гости».

И дальше...

«Я все время ломал себе голову, чем кормить Сосунка. Но оказалось, беспокоиться не о чем, он ест все, что ни дашь... грызет все, что не привинчено и не приклепано. Недавно он съел мое вечное перо, что заставило меня немного поволноваться. Не думаю, чтобы чернила отравили его, но вот как насчет металла и пластика? Он же как ребенок: все, до чего может дотянуться, тащит себе в рот.

Сосунок развивается с каждым днем. Похоже, эта маленькая дворняжка пытается разговаривать; общаясь со мной, он поскуливает, а я ему отвечаю таким же образом. Затем он взбирается ко мне на колени и откровенно сообщает, что очень любит меня. И провалиться мне сквозь землю, если я отдам его биологам, даже если они застукают меня. Эти умники готовы распотрошить любое живое существо, лишь бы посмотреть, что там у него внутри тикает. А малыш мне доверяет, и я никого не подпущу к нему».

Джон Томас-юниор никогда не пускался в дальнее плавание. Он погиб при аварии этажерки, которая только-только получила название «аэроплан». Это было как раз перед первой мировой войной.

Д. Т. Стюарт III погиб, стремясь к более высокой цели: подлодка, на которой он был артиллеристом, проникла в Цусимский пролив, но так и не вернулась.

Джон Томас Стюарт IV нашел свой конец во время первого броска на Луну.

Джон Томас V эмигрировал на Марс. Его сын — самая известная личность династии; Джонни вспомнил, как его утомляли, пока он рос, постоянные упоминания, что он носитель того же имени, что и генерал Стюарт, — первый губернатор Марсианской Общины после революции. Джонни подумал, что бы случилось с его пра-пра-прадедушкой, если бы революция не увенчалась успехом? Наверно, его повесили бы... а теперь ему ставят памятники.

Много страниц и строк были посвящены попыткам дедушки Джона обелить имя своего собственного дедушки — сын генерала Стюарта отнюдь не был героем в глазах общества: последние пятнадцать лет своей жизни он провел в исправительной колонии на Тритоне. Его жена вернулась к своей семье на Землю и взяла девичью фамилию, которую унаследовал и ее сын.

Но он подрост, и настал день, когда ее сын гордо предстал перед судом, чтобы сменить фамилию Карлтон Джиммидж на Джон Томас Стюарт VIII. Именно он притащил Луммокса на Землю и потратил все наградные за второе путешествие «Летающего Лезвия» в расчете восстановить бывшее благосостояние семьи. Он много рассказывал своему сыну о неприятной истории, случившейся в его семье; в его записях этому было посвящено немало страниц.

Защищая доброе имя, дедушка Джонни стал своим собственным адвокатом. В записках коротко упоминалось, что Джон Стюарт IX ушел в отставку и никогда больше не был в космосе; но Джонни знал, что поступил он так не по собственной воле, а по приговору суда; отец рассказывал ему об этом... но, кроме того, он сообщил, что дедушка мог полностью обелить себя, будь у него на то желание. «Джонни, — добавил как-то отец, — я бы предпочел, чтобы ты был всегда верен друзьям, а не стремился украсить грудь наградами».

В то время старик был еще жив. Как-то, при случае, когда отец нес патрульную службу, Джонни дал деду понять, что ему кое-что известно.

Дед пришел в ярость.

— Болтун! — рывкнул он. — Он меня в гроб вгонит!

— Но папа сказал, что шкипер был один из тех, кто...

— Твой папа не был там. Капитан Доминик был лучшим шкипером из тех, кто когда-либо задраивал за собой люк... пусть его душа почиет в мире. Расставь лучше шашки, сынок. Я сейчас положу тебя на лопатки.

После того, как дедушка умер, Джонни попытался выяснить все до конца, но отец уходил от ответа.

— Твой дедушка был сентиментальным романтиком, Джонни.

Джонни спрятал книги и бумаги, уныло подумав, что воспоминания о предках ничего не дали: Луммокс по-прежнему не выходил из головы. Джонни решил, что надо бы спуститься вниз и немного поспать.

Он уже двинулся к выходу, как на телефоне загорелась лампочка вызова; он схватил трубку прежде, чем зазвучал сигнал, ибо не хотел, чтобы проснулась мать.

— Да?

— Это ты, Джонни?

— Ну да. Я не могу тебя увидеть, Бетти: я на чердаке.

— Не только поэтому. Я отключила видео. В холле темно, как в могиле, и мне не разрешают звонить так поздно. А твоя графиня не подслушивает?

— Нет.

— Тогда я быстренько. Мои шпионы донесли, что Дрейзер получил одобрение.

— Нет!

— Да. Что нам теперь делать? Мы не можем сидеть сложа руки.

— Ну, я уже кое-что сделал.

— Что именно? Надеюсь, никаких глупостей. Не надо было мне сегодня уезжать.

— Тут я с мистером Перкинсом...

— Перкинсом? С этим типом, который сегодня вечером встречался с судьей О'Фаррелом?

— Да. Откуда ты знаешь?

— Слушай, давай не будем терять времени. Я все знаю. Рассказывай, чем кончилось.

— Ну... — Смущаясь, Джон Томас все рассказал. Бетти слушала его молча, что придавало ему бодрости; он поймал себя на том, что излагает скорее точки зрения матери и мистера Перкинса, чем свою. — Вот так нынче обстоят дела, — грустно закончил он.

— Значит, вот что ты им сказал. Хорошо. Следующий наш шаг. Если это может сделать Музей, значит, и мы можем. Все дело в том, чтобы уговорить дедушку О'Фаррела на...

— Бетти, ты не понимаешь. Я продал Луммокса.

— Что? Ты *продал* Луммокса?

— Да. У меня не было другого выхода. Если бы я не...

— Ты продал Луммокса.

— Бетти, я ничего не...

Но она отключилась.

Он попытался созвониться с ней снова, но услышал только голос автоответчика: «Аппарат отключен до восьми часов утра. Если вы хотите что-то сообщить, то...» — Он повесил трубку.

Джонни сидел, поникнув головой, и думал, что было бы лучше умереть. Хуже всего, что Бетти права. Он позволил загнать себя в угол и сделал ошибку. Просто

потому, что ему показалось: ничего другого он не может сделать.

Но Бетти вокруг пальца не обведешь. Может быть, ей тоже ничего бы не удалось... Но она, по крайней мере, знала — надо что-то предпринять.

Так он сидел, мучаясь, не зная, где выход. И чем больше он размышлял, тем больший гнев охватывал его. Он поддался каким-то глупостям... потому что глупости эти выглядели столь рассудительными... столь логичными... столь полными здравого смысла.

Черт побери этот здравый смысл! Никто из его предков не придерживался этого проклятого здравого смысла, никто! И кто он такой, чтобы изменять традициям?

Никто из предков не был благоразумен. Взять хотя бы его пра-пра-прадедушку... когда ему все осточертело, он вверг планету в кровавый хаос семилетней войны. Да, теперь его называют героем... Но разве началась бы революция, если бы он руководствовался только здравым смыслом?

Или взять... Проклятье, взять любого из них! Пай-мальчиков среди них не было. Неужели дедушка продал бы Луммокса? Да он бы весь этот суд разнес голыми руками. Будь дед здесь, он бы встал с кольцом рядом с Луммоксом — и будь против него хоть весь мир, он не позволил бы тронуть и волосок на спине Лумма.

Нет, он не притронется ни к одному центу из грязных денег Перкинса: это он знал точно.

Но что делать?

Бежать на Марс? В соответствии с Законом Лафайетта он — гражданин Марса и может претендовать на участок земли. Но как попасть туда? И, что хуже всего, как переправить Луммокса?

В этом все дело. Надо обдумать спокойно.

Наконец Джонни набросал план, в котором была лишь одна ценность, — не было здравого смысла и в равной мере были перемешаны глупость и риск. И Джонни решил, что дедушка остался бы доволен.

Обычаи, правила и гадкий утенок

Джонни спустился вниз и постоял, прислушиваясь, у дверей в комнату матери. Он не ожидал услышать ничего тревожного; действие это было скорее инстинктивным. Затем он вернулся к себе и стал спешно собираться, начав с того, что натянул походное обмундирование и горные ботинки. Спальный мешок лежал в ящике стола; Джонни вытащил его оттуда, приторочил к рюкзаку и засунул в боковой карман мешка маленькую силовую установку. Все остальное, необходимое для бродячей жизни под открытым небом, он рассовал по остальным карманам и клапанам.

Подсчитав наличность, Джонни тихо присвистнул: все его деньги лежали на срочном вкладе и не было никакой надежды раздобыть их оттуда. Ну что ж, ничего не поделаешь... он стал спускаться вниз, но, вспомнив нечто важное, вернулся к своему столу.

«Дорогая мама, — написал он. — Пожалуйста, скажи мистеру Перкинсу, что наши с ним дела кончены. Ты можешь использовать деньги, отложенные на мой колледж, чтобы расплатиться с пострадавшими. Мы с Лу-мом уходим, и искать нас не стоит. Прости меня, но я

должен это сделать». — Прочитав записку, Джонни решил, что добавлять к ней ничего не стоит, приписал «С любовью» и подписался.

Он начал было набрасывать записку к Бетти, но порвал ее, попытался написать снова и наконец сказал себе, что отправит ей письмо, когда у него будет что сказать. Джонни спустился вниз, положил записку на обеденный стол и направился в кладовую за припасами. Через несколько минут, таща большой мешок, набитый пакетами и банками, он вошел в домик Луммокса.

Его друг спал. Сторожевой глаз узнал Джонни, и Луммокс не пошевелился. Джон Томас подошел к Луммоксу и шлепнул его изо всех сил.

— Эй, Лум! Просыпайся!

Зверь открыл остальные глаза, сладко зевнул и потянулся.

— Здравствуй, Джонни, — пискнул он.

— Поднимайся. Мы уходим в путешествие.

Луммокс вытянул ноги и встал. По его спине от ушей до копчика пробежала сладкая дрожь.

— Хорошо.

— Сделай мне сиденье и возьми вот это. — Джонни подхватил мешок с припасами. Луммокс повиновался без комментариев. Джонни закинул припасы Луммоксу на спину и влез сам. Скоро они уже были на дороге, которая вела от дома Стюартов.

При всей импульсивности своих действий Джон Томас понимал, что скрыться и спрятать Луммокса — дело почти неосуществимое; в любом месте Луммокс будет привлекать к себе внимание, как турецкий барабан в ванной. И все же во всех действиях Джона Томаса была толика логики: как ни странно, в окрестностях Вествилла были места, где можно спрятать Луммокса.

Город лежал в долине между горами; сразу к востоку от равнины хребты поднимались в небо. В нескольких милях от городка простирались тысячи квадратных миль девственных лесов, которые выглядели точно так же, как в те времена, когда индейцы встречали Колумба. В течение короткого охотничьего сезона леса кишели

охотниками в красных камзолах, которые гоняли оленей, лосей и всякую другую живность, но большую часть года в лесах было тихо и безлюдно.

Если он с Луммоксом сможет незамеченным добраться до этих мест, вполне возможно, что они и спасутся от погони — по крайней мере, пока у него хватит припасов. А когда они кончатся... что ж, он будет жить так, как Луммокс... питаться тем, что ему удастся добыть, может быть, оленьиной. Или, скажем, он спустится в город без Луммокса и ни за что не скажет, где тот находится, пока его не согласятся выслушать. Сейчас он не хотел прикидывать, как развернутся события; пока главной заботой было укрыть Луммокса от преследования, а потом уже обдумывать их положение... словом, надо было засунуть Луммокса куда-нибудь, где старый хорек Дрейзер его не найдет.

Джон Томас решил повернуть Луммокса к востоку и через долину направиться к горам. Луммокс мог идти по любой почве, будучи зависимым от нее не более, чем танк... но на мягкой земле он оставлял следы столь же отчетливые, как тот же танк. Необходимо было найти твердое покрытие.

Джон вспомнил о старой дороге. Столетие назад трансконтинентальная трасса пересекала эти места к югу от Вествилла и, извиваясь, уходила еще выше к Большому Каньону. Она была проложена задолго до появления энергетических дорог, которые прорезали горы вместо того, чтобы карабкаться по ним. Но старая дорога, заброшенная и местами заросшая, покрытие которой растрескалось от мороза и жары, все же сохранилась... и вполне годилась для могучей поступи Луммокса. Они обогнули дом, пересекли три мили открытого пространства и достигли того места, где экспресс-трасса ныряла в первый туннель и где от нее, поднимаясь в гору, ответвлялся старый путь. Джонни направился не прямо к развилке, а, остановившись в сотне ярдов от нее, замаскировал Луммокса, строго наказав ему не шевелиться, и отправился на разведку. Он не хотел рисковать, неосмотрительно переводя Луммокса через экспресс-трассу.

Память его не подвела: петля развилки ныряла под трассу. Дорога в этом месте была утрамбована гранитной крошкой, и Джонни понадеялся, что даже тяжелые ноги Луммокса не оставят на ней следов. Вернувшись, он обнаружил, что Луммокс меланхолично доедает какое-то объявление. Поругав его, он отнял объявление, но затем, решив, что лучше не оставлять следов, вернул его Луммоксу. И, когда тот перестал чавкать, они тронулись в путь.

Джонни расслабился только на старой дороге. Первые несколько миль дорога была в хорошем состоянии. Но сквозного движения по ней не было, поскольку она кончалась тупиком. Пару раз над ними пролетали аэрокары, доставляя домой припозднившихся посетителей театров, но если водители и заметили огромное животное, трусившее по дороге внизу, то не подали виду.

Дорога, извивавшаяся по краю каньона, вынырнула на равнину, где их встретил барьер поперек трассы: «ДОРОГА ЗАКРЫТА... ПРОЕЗД ЗАПРЕЩЕН». Джонни слез со спины Луммокса и осмотрелся.

Шлагбаум представлял собой обыкновенный брус, поддерживавшийся противовесом.

— Лумми, ты можешь перешагнуть через это бревно, не касаясь его?

— Конечно, Джонни.

— Отлично. Давай — только помедленнее. Ты не должен его ронять. Даже не прикасайся к нему.

— Не буду, Джонни. — Вместо того, чтобы переступить через барьер, подобно лошади, перешагивающей через небольшое препятствие, Луммокс подобрал все свои ноги и перелетел через препятствие.

Джонни ожидал его, присев за барьером.

— Я не знал, что ты можешь так.

— Я тоже.

Дорога круто пошла вверх. Джонни остановился, чтобы покрепче примотать груз. Веревку он пропустил под брюхом Луммокса, а оставшуюся бухту положил себе на колени.

— Все в порядке, Лумми. Ну-ка, прибавь скорость. Но только не прыгай, я не хочу свалиться.

— Держись, Джонни! — Луммокс ускорил шаг, не меняя, впрочем, его обычного порядка. Перешел на быструю рысь. Джонни почувствовал, что крепко притомился и духом и телом. Теперь, когда он понял, что здесь, вдалеке от домов и оживленных дорог, они в безопасности, он позволил усталости овладеть им. Он прилег на спину, почувствовав, как Луммокс устраивает для него удобное ложе. Мерное движение и ровный топот могучих ног усыпили его.

Луммокс продолжал уверенно прокладывать себе путь по каменному крошеву. Сейчас он пользовался ночным зрением и шел, не опасаясь, что споткнется. Он знал, что Джонни спит, и старался двигаться как можно более плавно. Наконец и он притомился и решил подремать. Все то время, что Луммокс провел вне дома, ему не удавалось как следует выспаться... вокруг творились разные глупости, и он, кроме того, беспокоился, не зная, где Джонни. Поэтому он вытаращил свой сторожевой глаз, прикрыл остальные и переключился на задний мозг, который располагался около крестца. Луммокс продолжал двигаться в глубоком сне, оставив бодрствовать лишь небольшую часть мозга, которая вела его по правильному пути, предупреждала о препятствиях на дороге и обеспечивала ровную неутомимую работу восьми огромных ног.

Джон Томас проснулся, когда звезды уже начали меркнуть в утреннем небе. Передернувшись от холода, он потянулся. Вокруг стояли высокие горы, дорога вилась вокруг одной из них, а затем ныряла к реке далеко внизу. Джонни приподнялся.

— Эй, Лумми!

Ответа не последовало. Джонни снова окликнул друга. Луммокс ответил сонным голосом:

— В чем дело, Джонни?

— Да ты спал!

— А ты не говорил, что нельзя, Джонни.

— Ну ладно... Мы на той же самой дороге?

Луммокс проконсультировался со своим вторым мозгом.

— Конечно. А ты хотел на другую дорогу?

— Нет. Но нам надо сойти с нее. Становится светло.

— Почему?

Джон Томас не знал, что ответить; попытка объяснить Луммоксу, что над ним висит смертный приговор и поэтому они вынуждены скрываться, не увенчалась бы успехом.

— Надо, вот почему, — сказал он. — А сейчас продолжай идти. Я скажу, где свернуть.

Русло потока поднималось им навстречу; пройдя милю или около того, они обнаружили, что дорога лежит всего лишь в нескольких футах над стремниной. Вскоре они вышли к месту, где речная долина, заваленная валунами, расширялась.

— Здесь! — крикнул Джонни.

— Будем завтракать? — осведомился Луммокс.

— Еще нет. Видишь эти скалы внизу?

— Да.

— Я хочу, чтобы ты прошел между ними. Только не ступай своими лапами туда, где мягко. Иди между скалами по булыжникам. Понял меня?

— И не оставлять никаких следов? — недоверчиво спросил Луммокс.

— Совершенно верно. Если кто-нибудь спустится и увидит следы, тебе придется отправиться обратно в город — потому что по следам нас могут найти. Пони-маешь?

— Я не буду оставлять следов, Джонни.

Луммокс сполз вниз в сухое русло, извиваясь, словно гигантский червяк. Спасаясь от падения, Джон Томас одной рукой схватился за веревку, а другой — за мешок с припасами и завопил.

Луммокс остановился.

— С тобой все в порядке, Джонни? — спросил он.

— Да. Просто ты удивил меня. Спустись пониже и оставайся на камнях.

Затем подошли к потоку, нашли брод и перебрались на другую сторону. Скоро они оказались в нескольких сотнях ярдов от дороги. День стоял во всей красе, и Джонни обеспокоился, как бы их не заметили с воздуха, хотя вряд ли тревогу могли поднять так быстро.

Впереди и вверху сосны спускались к берегу. Сосняк был достаточно густ, даже чтобы скрыть Луммокса, хотя

с высоты он выглядел как огромный горный валун. Но искать место лучше уже не было времени.

— Вверх и под те деревья, Лум. Только не обвали берег. Ступай аккуратнее.

Они вошли под сень деревьев и остановились. Джонни спрыгнул на землю. Луммокс оборвал охапку веток и стал жевать их. Джон Томас вспомнил, что тоже давно уже не ел, но он настолько устал, что не ощущал голода. Он хотел спать, только спать... потому что всю дорогу он, придерживаясь за веревку, дремал вполглаза.

Но Джонни боялся, что если он пустит Луммокса пасть, пока спит, то этот большой увалень может выбраться на открытое место, откуда его легко можно засечь.

— Знаешь что, Лумми? Давай вздремнем перед завтраком.

— Зачем?

— Ну, видишь ли, Джонни смертельно устал. Ты просто приляг здесь, а я пристрою рядом с тобой мой спальный мешок. А потом, когда встанем, мы поедем.

— А пока не встанем, есть не будем?

— Не будем.

— Что ж... ладно, — печально кивнул Луммокс.

Джон Томас вытащил из укладки спальный мешок. Раздернув легкую мембрану, он сунул внутрь силовую установку и, включив нагреватель, принялся надувать матрац. От разреженного горного воздуха он быстро запыхался, поэтому, надув матрац лишь наполовину и подрагивая от холодного воздуха, Джонни скользнул внутрь и задернул мембрану, оставив лишь дырочку для носа.

— Спок-ночи, Лумми.

— Спок-ночи, Джонни.

Мистер Кику спал плохо и поднялся рано. Позавтракал он сам, решив не будить жену, и отправился в Межзвездный Департамент. В огромном здании еще было совершенно тихо и пусто, только несколько ночных дежурных. За столом мистер Кику попытался погрузиться в размышления.

Всю ночь подсознание не давало ему покоя, заставляя вспоминать, что же такое важное он упустил из виду. Мистер Кику относился к своему подсознанию с большим уважением, придерживаясь теории, что подлинный процесс мышления происходит отнюдь не в коре больших полушарий, которые всего лишь окошко дисплея, на котором высвечивается ответ.

Молодой Гринберг что-то говорил... что-то относительно того, что раргиллианин верит в серьезную опасность, которую несет для Земли даже единственный корабль хрошии. Мистер Кику оценил это утверждение как неуклюжую попытку хитрого мальчишки оправдать собственную слабость. Но теперь переговоры практически закончены... осталась лишь одна деталь, которая имела отношение к хрошии.

Однако подсознание так не считало.

Он наклонился к панели видефона и вызвал ночного дежурного.

— Говорит Кику. Дайте мне отель «Универсал». Найдите в нем доктора Фтаемла, раргиллианина. Как только он закажет завтрак, свяжите меня с ним. Нет, не будите его, пусть отдыхает.

Сделав то, что необходимо было сделать, Кику вернулся к рутинной работе по расчистке накопившихся бумаг.

В первый раз за несколько дней его корзина для входящих полностью опустела, а здание только начало оживать, когда на панели вспыхнул красноватый огонек срочного вызова.

— Кику.

— Сэр, — на экране появилось встревоженное лицо, — я относительно этого звонка в отель «Универсал». Доктор Фтаемл не заказывал завтрака.

— Наверное, поздно лег. Это его право.

— Нет, сэр. Я думаю, он вообще отказался от завтрака. Он направляется в космопорт.

— Как давно он выехал?

— Пять-десять минут тому назад. Мне только что это стало известно.

— Отлично. Вызови космопорт, скажи им, чтобы они не торопились с его кораблем. Дай им понять, что речь

идет о дипломатических тонкостях и что они должны пошевелить мозгами... а не просто нацарапать разрешение на старт и снова завалиться спать. Затем найди доктора Фтаемла и передай, что я приветствую его и осведомляюсь, не окажется ли он мне честь подождать меня несколько минут? Я отправляюсь в космопорт.

— Да, сэр.

— Моя просьба имеет особое значение и для вас... поняли, Знедов? Приложите все усилия, и я посмотрю, на что вы способны.

— Понял вас, сэр.

Мистер Кику отключился и вызвал транспортный отдел.

— Говорит Кику. Я вылетаю в космопорт, как только поднимусь на крышу. Обеспечьте мне «молнию» и полицейский эскорт.

— Есть, сэр!

Мистер Кику остановился только, чтобы сказать своему секретарю, куда он направляется, и взлетел на крышу.

В космопорте доктор Фтаемл ждал его у прохода для пассажиров, наблюдая за взлетным полем и пытаясь раскурить сигару. Мистер Кику подошел и поклонился.

— Доброе утро, доктор. Очень любезно с вашей стороны, что вы дождались меня.

Раргиллианин широким жестом отвел сигару в сторону.

— Это честь для меня, сэр. Отправляться в путь, провожаемым особой вашего ранга, столь занятой... — Он закончил пожатием плеч, выражавшим и изумление, и удовольствие.

— Долго я вас не задержу. Но я не хотел лишать себя удовольствия увидеть вас сегодня и не знал, что вы собираетесь нас покинуть.

— Это моя вина, господин Заместитель. Я собирался обернуться туда и обратно и завтра ожидать удовольствия встречи с вами.

— Ясно. Ну что же, возможно, уже завтра я смогу представить вам на рассмотрение приемлемое решение проблемы.

Фтаемл был несколько удивлен.

— Успешное?

— Надеюсь. Данные, которые вы вчера нам предоставили, дали ключ к ее решению.

— Должен ли я понимать, что вы нашли пропавшую хрошию?

— Возможно. Знаете ли вы сказку о гадком утенке?

— О гадком утенке? — У раргиллианина был такой вид, словно он спешно перелистывал свое досье. — Да, мне знакома эта идиома.

— Используя данный вами ключ, мистер Гринберг напал на след гадкого утенка. И если он окажется тем лебедем, которого мы ищем, то...

Казалось, раргиллианин с трудом верил сказанному.

— И это... тот самый «лебедь», господин Заместитель?

— Увидим. Логика подсказывает, что он должен быть им, но так ли это, трудно сказать.

— М-м-м... могу ли я сообщить эти сведения моим клиентам?

— Я бы предпочел подождать, пока я не свяжусь с мистером Гринбергом. Он покинул столицу с целью провести расследование. Могу ли я проводить вас до шлюпки?

— Конечно, сэр.

— Доктор... есть еще кое-что.

— Да, сэр?

— Прошлой ночью в разговоре с мистером Гринбергом вы обронили несколько странных слов... возможно, это была шутка... или, может быть, он вас неправильно понял. Вы сказали что-то вроде того, что Земля может «испариться».

Несколько мгновений раргиллианин молчал. Но, заговорив, он ушел от вопроса.

— Скажите, сэр, какое логическое умозаключение подвело вас к мысли, что гадкий утенок окажется лебедем?

Мистер Кику тщательно обдумал свой ответ.

— Один земной корабль посетил некую странную планету в то время, которое совпадает с вашими данными. Главенствующей расой там были хрошии: идентификация доказывает это. Одна из форм жизни была

доставлена на Землю. Прошло около ста двадцати лет, но она до сих пор жива; мистер Гринберг хочет доставить ее для опознания вашим доверителям.

— Должно быть, все так и есть, — мягко сказал доктор Фтаемл. — Я не верю, но так *должно* быть. — Он заговорил громче и веселее. — Сэр, вы доставили мне огромное счастье.

— В самом деле?

— Огромное. В то же время вы дали мне возможность говорить совершенно открыто.

— За время нашего сотрудничества вы всегда могли говорить совершенно свободно. Правда, я не знаю, что за инструкции вы получили от ваших клиентов.

— Они не накладывали никаких ограничений на мою речь. Но... Обращали ли вы внимание, как обычаи той или иной расы находят отражение в ее языке?

— Пару раз у меня была возможность отметить данный факт, — осторожно ответил мистер Кику.

— Я был в этом уверен. Когда вы посещаете своего друга в больнице и знаете, что он должен умереть, а вы ничем не можете помочь ему, — неужели вы будете с ним говорить о его беде?

— Нет. Во всяком случае, пока он сам не заговорит об этом.

— Совершенно верно! Общаясь с вами и мистером Гринбергом, я был вынужден приспосабливаться к вашим обычаям.

— Доктор Фтаемл, — медленно сказал мистер Кику, — давайте будем совершенно откровенны. Правильно ли я вас понял? Вы уверены, что этот единственный корабль представляет серьезную опасность для нашей планеты, которая обладает достаточными средствами защиты?

— Я буду совершенно откровенен, сэр. Как только хорошии придут к выводу, что в результате действий данной планеты или же отдельных ее обитателей их соплеменник умер или же исчез навсегда, Земле не будет причинен какой-либо вред — Земля будет просто уничтожена.

— Этим одним кораблем?

— Одним-единственным.

Мистер Кику покачал головой.

— Доктор, я убежден, что вы верите в правоту своих слов. Я — нет. Всеобъемлющая защитная мощь основной планеты Федерации вряд ли известна вам во всей полноте. Я не могу предположить, что ваши доверители столь глупы и не представляют, что у нас есть зубы.

У доктора Фтаемла был печальный вид.

— Даже используя языки всех цивилизованных народов, я не смогу найти слов, чтобы убедить вас. Но верьте мне... все, что вы можете им противопоставить, будет столь же беспомощно, как камешки против ваших ракет.

— Увидим. Или, к счастью, не увидим. Мне не нравится оружие, доктор; это последний довод, который пускает в ход примитивная дипломатия. Говорили ли вы с ними, что Федерация была бы не против принять их в Сообщество Цивилизаций?

— Мне было очень нелегко объяснить им сущность вашего предложения.

— Неужели они настолько воинственны?

— Они совершенно не воинственны. Как бы мне это объяснить вам? Считаете ли вы себя воинственным, когда вы гоняете... шлепаете... давите мух? С вашей точки зрения, да и с моей, хрошии практически бессмертны. Они настолько неуязвимы для обычных опасностей, что они ведут себя, как... что за идиома у вас?... да, олимпийцы... они смотрят на нас с олимпийских высот. Они не видят никакого смысла в общении с низшей расой; поэтому ваше предложение не было воспринято всерьез, хотя, верьте мне, я приложил все усилия...

— Они сущие идиоты, — мрачно сказал мистер Кику.

— Отнюдь, сэр. Они совершенно точно оценивают и вашу расу, и мою. Они понимают, что любая культура, овладевшая межзвездными путешествиями, обладает хотя бы определенным уровнем способностей. К тому же они знают, что вы считаете себя довольно могущественными. Именно поэтому они рассматривают возможность применения силы как средство убедить вас, что вы должны вернуть им хрошиа... они считают, что это будет чем-то вроде стрекала для быка: указание, которое он способен понять.

— Х-хм-хм... И вам известно, как они собираются это продемонстрировать?

— Известно. Этим утром я направляюсь к ним с целью убедить их помедлить. Они собираются, так сказать, легонько притронуться к поверхности вашего спутника, оставив на нем выжженную полосу длиной примерно в тысячу миль, чтобы убедить вас, что они... м-м-м... не собираются шутить.

— На меня это не произвело бы впечатления. Мы можем отдать нашему флоту соответствующий приказ и оставить такой же знак. Но мы этого не собираемся делать.

— Неужели вы можете сделать это всего лишь одним кораблем, за несколько секунд, без всяких приготовлений и с дистанции в четверть миллиона миль?

— А вы считаете, они могут?

— Я уверен в этом. Всего лишь небольшая демонстрация. Господин Заместитель, в этой части небосклона появилась новая звезда, у которой нет аналогов в природе.

Мистер Кикку помедлил. Если все это правда, то тогда ситуация, при которой хрошии покажут свои когти, может служить и его собственным целям. Потеря нескольких бесполезных лунных гор ничего не значит... но эвакуировать даже нескольких обитателей этих мест будет довольно трудно.

— Вы говорили им, что наша Луна обитаема?

— Их хрошиа там не обитает — и это все, что имеет для них значение.

— М-да... я понимаю. Доктор, могли бы вы сообщить им, что, во-первых, мы практически обнаружили их хрошию, и, во-вторых, она находится на одном из спутников, что и объясняет столь затянувшиеся поиски?

Раргиллианин изобразил широкую человеческую улыбку.

— Сэр, я восхищаюсь вами. Я буду счастлив доставить подобное известие. Я уверен, что демонстрации силы не будет.

— Доброго вам здоровья, доктор. Я буду на связи с вами.

— И доброго вам здоровья, сэр.

На обратном пути мистер Кику обнаружил, что присутствие медузоида уже не производит на него отталивающего впечатления... то есть, внешность Фтаемла была столь же ужасна, но доктор Морган в самом деле оказался умелым психотерапевтом.

Корзина для бумаг, как обычно, была полна до краев. Кику выкинул всех этих хроший из головы и с наслаждением погрузился в работу. Несколько позже полудня отдел связи оповестил его, что с ним хочет поговорить мистер Гринберг.

— Давайте его сюда, — сказал мистер Кику, чувствуя, что куски головоломки, наконец, складываются в законченную картину.

— Босс? — начал Гринберг.

— Да, Сергей. Какого черта ты такой расстроенный?

— Потому что я ломаю себе голову, как мне наняться рядовым во Внешний Легион.

— Кончай бродить вокруг да около. Что случилось?

— Птичка улетела.

— Улетела? Куда?

— Хотел бы я знать. Скорее всего, в леса к западу от Вествилла.

— Тогда чего ради ты тратишь время на болтовню со мной? Отправляйся и доставь мне ее.

Гринберг вздохнул.

— Мне бы вашу уверенность. Видите ли, босс, эти заросли покрывают примерно десять миллионов квадратных акров — высокие деревья, огромные горы и ни одной тропинки. А местный шеф полиции со всей своей командой наступает мне на пятки. Он отдал приказ стрелять во все, что движется, и такой же приказ получили все разведывательные корабли.

— Что?

— То, что я сказал. Пришла ваша подпись на приговоре суда, а отмена его где-то затерялась... как, я не знаю. А шериф — ископаемое с психологией мелкого клерка. Он тычет пальцем в приказ, и его ни в чем не убедить... он даже не позволил мне использовать полицейскую систему связи. И поскольку наше вмешательство не предусмотрено, я не могу сдвинуть его ни на йоту.

— И ты с этим смирился? — едко спросил мистер Кику. — Скоро дождешься, что тебя будут бить по физиономии.

— Близко к этому. Я дозвонился до мэра — его нет в городе. До губернатора — он на сессии. Сунулся к главному лесничему... похоже, он в отпуске. После нашего разговора я пойду выламывать руки этому деятелю, пока у него в глазах не потемнеет и...

— Тебе давно следовало это сделать.

— Я не трачу времени зря. Я позвонил вам, чтобы вы поддали им жару. Мне нужна помощь.

— Ты ее получишь.

— Да, но не только для того, чтобы дозвониться до губернатора и обеспечить ваше вмешательство. Даже когда я доберусь до этого полицейского идиота и уговорю его отозвать своих псов, мне все равно нужна будет помощь. Босс, десять миллионов квадратных акров сплошных гор... это означает люди и корабли, много людей и много кораблей. Это работа не для одного человека с портфелем. Нет, я все-таки завербуюсь во Внешний Легион.

— Мы оба туда пойдем, — хмыкнул мистер Кику. — Ладно, давай. Двигай.

— Как приятно было поговорить с вами.

Отключившись, мистер Кику начал стремительно действовать, обеспечивая вмешательство Департамента: он послал сверхсрочные телеграммы губернатору штата, мэру Вествилла и в Вествиллский окружной суд. Сделав все необходимое, он несколько секунд сидел неподвижно, перебирая в памяти, что еще надо было бы сделать... затем отправился к Секретарю предупредить, что, возможно, потребуется помощь военных.

Закон Сигни

Проснувшись и вспомнив, где он находится, Джон Томас ощутил беспокойство. В спальном мешке было тепло. Чувствовал Джонни себя хорошо отдохнувшим и расслабленным. Постепенно перед его глазами всплыли картины окружающей местности; вспомнив, как и почему он здесь очутился, Джонни высунул нос из спальника. Солнце стояло уже высоко, и вокруг разливалось приятное тепло. Луммокс бродил поблизости.

— Эй, Лумми!

— Хей, Джонни! Ты долго спал. И храпел.

— Неужто? — Выбравшись наружу, Джонни собрал одежду, скатал спальный мешок. Затем он повернулся в сторону Луммокса — и застыл.

— *Что это?*

Рядом с Луммоксом лежал мертвый медведь гризли — расплюснутый в лепешку. Из рта и носа зверя тянулись струйки засохшей крови.

— Это завтрак, — объяснил Луммокс.

Джонни с отвращением смотрел на то, что осталось от медведя.

— Только не для меня. Где ты его раздобыл?

— Я поборол его, — сказал Луммокс и смущенно улыбнулся.

— Не поборол, а поймал.

— Но я в самом деле поборол его. Он хотел добраться до тебя, и мы с ним поборолись.

— Ну ладно. Спасибо тебе. — Джон Томас снова посмотрел на медведя, отвернулся и открыл мешок с припасами.

Вынув банку, где была яичница с ветчиной, он отвинтил крышку и стал ждать, пока содержимое банки согреется.

Луммокс воспринял его действия как сигнал, что настало время позавтракать и для него, что он немедленно и сделал — первым делом запихнул в пасть медведя, затем пару сосенок и пустую банку от завтрака. Когда они спустились к воде, Джонни осторожно оглядел небосклон, а Луммокс запил свой завтрак чистой горной водой. Встав на колени, Джонни тоже напился, после чего вымыл лицо и руки и вытер их подолом рубашки.

— Что теперь будем делать, Джонни? — спросил Луммокс. — Пойдем гулять? Может быть, еще кого-нибудь поборем?

— Нет, — отрезал Джонни. — Мы вернемся под эти деревья и будем лежать там до темноты. Ты должен вести себя точно камень. — Джонни поднялся на берег в сопровождении Луммокса. — Садись, — приказал он. — Я хочу посмотреть на твои опухоли.

Луммокс повиновался, и его хозяин начал осмотр. Ощупывая опухоли, Джонни чувствовал растущую тревогу. Опухоли заметно увеличились, и Джонни пытался припомнить, к чему это может привести. Кожа на них воспалилась и натянулась, заметно утончившись, и теперь уже ничем не напоминала могучую броню, прикрывавшую тело Луммокса. На ощупь опухоли были сухими и горячими. Джонни осторожно ощупал левую — Луммокс отпрянул.

— Беспокоит? — с тревогой спросил Джонни.

— Я так больше не могу, — запротестовал Луммокс. — Он вытянул ноги, поднялся и, подойдя к сосне, стал тереться об нее опухолью.

— Эй! — крикнул Джонни. — Не делай этого! Ты повредишь себе...

— Но оно зудит, — возразил Луммокс, продолжая чесаться.

Твердо намереваясь добиться своего, Джон Томас подошел к другу. И в тот же момент опухоль лопнула. Джонни в ужасе отпрянул.

Что-то непонятное, мокрое и темное, облепленное клочьями разодранной кожи, вывалилось из опухоли, повисло, а затем развернулось как змея, повисшая на лианах в джунглях. В эти ужасные мгновения Джонни пришло в голову, что он видит нечто... нечто вроде гигантского червя, который, паразитируя, поедает изнутри своего хозяина. С запоздалым раскаянием он вспомнил, как заставлял Лумми карабкаться в гору... когда эта штука грызла его.

Луммокс облегченно потянулся и вздохнул.

— Ух! Теперь мне куда лучше.

— Луммокс, ты в порядке?

— А что со мной должно быть, Джонни?

— Но... что это такое?

— Что? — Странное образование свисало вниз, и Луммокс посмотрел на него. — Ах, это... — небрежно сказал он.

Оконечность отростка развернулась, как распутившийся цветок, и Джонни увидел, что это было.

Луммокс вырастил руку.

Скоро рука высохла, обрела окраску и начала твердеть. Луммокс не обращал на нее особого внимания, но Джон Томас следил, как она приобретает законченную форму. У руки были два сустава, типа локтевых, и кисть с пальцами. Пальцев было пять, каждый состоял из семи фаланг, и средний палец был более длинным и гибким, напоминая маленький слоновый хобот. От человеческой кисти рука эта отличалась, но не было никаких сомнений в ее предназначении — во всяком случае, если сначала фаланги пальцев двигались довольно беспомощно, то постепенно их движения становились все увереннее.

Луммокс не возражал против того, чтобы Джон Томас изучал его руку, но не проявлял особого интереса к ее

развитию; он вел себя так, словно с ним после завтрака всегда случалось нечто подобное.

— Дай я посмотрю вторую опухоль, — сказал Джонни. Нарост с правой стороны набух еще больше. Как только Джон Томас притронулся к нему, Луммокс отпрянул и направился к соседнему дереву. — Подожди! — окликнул его Джон Томас. — Постой!

— Но мне надо почесаться.

— Ты изувечишь себя. Стой тихонько. Я кое-что попробую сделать.

Луммокс неохотно повиновался; из ножен на поясе Джонни вынул клинок и сделал осторожный надрез в центре опухоли.

Разрез стремительно расширился и вылетевшая правая рука Луммокса едва не шлепнула Джонни по лицу.

— Спасибо, Джонни!

— Всегда пожалуйста. — Джонни спрятал нож и задумчиво посмотрел на новорожденную руку.

Он не мог еще представить, что Луммокс будет делать со своими так неожиданно появившимися новыми органами. Но он понимал, что они меняют дело. Каким образом, Джонни еще не знал. Может быть, теперь ему не придется заботиться о Лумми так, как прежде. С другой стороны, теперь за ним надо присматривать, потому что Лумми обязательно сделает что-то, чего делать не должен. Джонни вспомнил поговорку: «Слава богу, что у кошек нет рук...» А Луммокс любопытнее любого котенка.

Но, как бы там ни было, без колебаний решил Джонни, одного это не меняет: шериф Дрейзер до них не доберется!

Сквозь ветви он оглядел небо, прикидывая, можно ли их заметить сверху.

— Лум...

— Да, Джонни?

— Подогни ноги. И стань похожим на скалу.

— Ой, давай лучше погуляем, Джонни.

— Мы пойдем гулять вечером. А пока не стемнеет, я хочу, чтобы ты оставался на месте и не шевелился.

— Ох, Джонни!

— Слушай, ты же не хочешь снова отправиться в город, не так ли? Так что перестань болтать.

— Что ж, если ты так считаешь... — Луммокс опустился на землю. Джон Томас сел рядом, прислонился к нему и задумался.

Возможно, он как-то выкрутится, и они с Лумми смогут зарабатывать себе на жизнь... например, будут участвовать в карнавалах. Ни один карнавал не обходится без В.З.-существ — даже если половина из них всего лишь чучела — а Луммокс самый что ни на есть настоящий внеземной. Возможно, Джонни научит его делать какие-нибудь штуки своими руками, играть там или что-то еще. Может быть, в цирк им пойти?..

Нет, все это не годится для Лумми: на людях он начинает нервничать. Черт, как бы им заработать... не говоря уж о том, что должна улечься вся эта шумиха! Заняться фермерством? Луммокс сильнее любого трактора, а с руками он может делать любые работы на ферме. Может, в этом выход, хотя, честно говоря, он никогда серьезно не думал о работе на земле.

Джонни представил себя и Луммокса обрабатывающими землю... колосья ржи... грядки с овощами... и не заметил, как уснул.

Разбудил его странный звук, и он смутно припомнил, что уже слышал нечто подобное. Открыв глаза, он огляделся и увидел, что лежит рядом с Луммоксом. Тот оставался на старом месте... но вовсю размахивал руками. Одну, с зажатым в кисти камнем, он занес над головой. Раздался тот же самый звук... и небольшая осинка неподалеку внезапно рухнула. Несколько других осин уже лежали на земле.

Джон Томас вскочил на ноги.

— Эй, прекрати!

Луммокс остановился.

— В чем дело, Джонни? — обиженно спросил он. Перед ним лежала куча булыжников, за одним из которых он потянулся.

— Перестань бросать камни в деревья.

— Но ты это сам делаешь, Джонни.

— Да, но я не ломаю их. Можешь есть их на здоровье, но не надо выдирать с корнем.

— Тогда я пойду есть их.

— Отлично. — Джонни огляделся. Уже смеркалось, через несколько минут солнце закатится. — Иди и подкрепись. Хотя подожди минутку. — Он осмотрел руки Луммокса. Они уже были такого же цвета, как и остальное тело, и начали заметно твердеть. Но самое удивительное, что руки стали примерно вдвое толще, чем при появлении, и теперь достигали объема бедра Джонни. Кожа с них почти вся слезла, а оставшаяся шелушилась, и Джонни ободрал ее. — Ладно, давай.

Пока Джонни готовил себе еду, Луммокс расправился с обломанными осинками и закусил на сладкое консервной банкой. Стемнело. Они выбрались на дорогу.

В эту вторую ночь происшествий было еще меньше, чем в первую. Чем выше они взбирались, тем холоднее становилось; наконец, Джонни засунул силовую установку прямо под свитер. Скоро он согрелся и перестал дрожать.

— Лум, если я засну, разбуди меня, когда начнет светать.

— О'кей, Джонни, — Луммокс переадресовал приказ своему заднему мозгу — просто так, на всякий случай. Холод Луммокса не беспокоил, он его просто не чувствовал, потому что терморегуляция тела у него была гораздо эффективнее, чем у Джонни, эффективнее даже, чем у силовой установки.

Джон Томас дремал, просыпался и снова проваливался в дремоту. В таком состоянии он находился, когда первые лучи солнца коснулись далеких вершин и Луммокс окликнул его. Джонни сел и стал озираться в поисках места, которое могло бы дать им приют. На этот раз счастье от них отвернулось: они были прямо на открытом месте, которое кончалось глубоким мрачным провалом. По мере того, как шли минуты и становилось все светлее, его охватывала паника.

Ничего другого не оставалось, как идти дальше вперед. Далеко над ними прошел стартоплан. Он услышал лишь рев его моторов, но самого корабля не увидел. А через несколько минут, оглядевшись, он заметил пятнышко в небе, смахивающее на орла.

Но очень быстро ему пришлось убедиться, что над ними висит на крыльях одинокая человеческая фигурка.

— Стоп, Луммокс! Замри, как камень.

— Как камень, Джонни?

— Заткнись и делай, что тебе говорят!

Луммокс замолчал и повиновался. Джон Томас скользнул вниз и скорчился под головой Луммокса, стараясь стать как можно меньше. Он надеялся, что флаер пролетит мимо.

Но флаер в знакомом залихватском стиле сделал петлю и пошел на посадку. Джонни с облегчением вздохнул, увидев, что на пятачок, который он приметил впереди, садится Бетти Соренсен.

— Привет, Лумми! — крикнула она, затем повернулась к Джонни, уперла руки в бока и сказала: — Ну! Хорош! Удрал, не сказав мне ни слова!

— Да я... я хотел, Червячок, честное слово. Но у меня не получилось... извини меня.

Сердитое выражение исчезло с ее лица и она улыбнулась.

— Ну, ладно. Раньше я думала о тебе куда хуже. Наконец-то ты *что-то* сделал, Джонни. Я уж боялась, что ты сам станешь таким же увальнем, как Луммокс, который только и ждет, чтобы его кто-то растолкал.

Джон Томас был слишком обрадован ее появлением, чтобы спорить.

— Слушай... а как ты нас нашла?

— Чего? Ты, умная голова, две ночи уходил от города, а находишься всего лишь на расстоянии одного короткого перелета... как было тебя не найти?

— Понимаю, но как ты вычислила, где нас надо искать?

Она пожала плечами.

— Старое правило: я представила себя упрямым ослом и пошла прямо, куда глаза глядят. Я прикинула, что ты обязательно пойдешь по этой дороге, поэтому и крутилась над ней. А если ты не хочешь, чтобы тебя через несколько минут заметили, тебе надо побыстрее убираться отсюда куда-нибудь под прикрытие. Так что, давай! Лумми, старина, включай свою машину.

Она протянула руку, Джонни помог Бетти взобраться на спину Луммокса, и они двинулись в путь.

— Я хотел уйти с дороги, — волнуясь, объяснил Джонни, — но мы так и не нашли подходящего места.

— Вижу. Теперь выпусти пары... за этим поворотом — водопад Адама и Евы, и мы можем сойти с дороги как раз над ним.

— Вот мы где оказались!

— Да. — Бетти наклонилась вперед, тщетно пытаясь рассмотреть дорогу из-за поворота скалы. И в это время она впервые увидела руки Луммокса. — Джонни! — воскликнула она, схватив его за плечо. — На Луммокса напал боа-конструктор!

— Что? Не глупи. Это всего лишь его правая рука.

— Его *что?* Джонни, ты с ума сошел!

— Успокойся и перестань меня тискать. Я сказал «рука»... помнишь те опухоли? Так вот, в них были руки.

— Опухоли... руки? — Бетти вздохнула. — Я встала слишком рано и еще не позавтракала. И тут еще такое потрясение. Ладно, скажи ему, чтобы он остановился. Я хочу посмотреть на них.

— А как быть с укрытием?

— Ах, да! Ты прав. Ты всегда прав — правда, с опозданием в две-три недели.

— Не заводись. Вот и водопад.

Они подошли к воде поближе, подножье каньона поднималось к их ногам, как бы встречая путешественников. Здесь была единственная возможность сойти с дороги и разбить бивуак в месте, напоминающем их предыдущую стоянку. Джонни чувствовал себя гораздо спокойнее, когда Луммокс был укрыт под густой сенью деревьев.

Пока Джон Томас готовил завтрак, Бетти изучала новорожденные конечности Луммокса.

— Луммокс, — укоризненно сказала она, — ты ничего не говорил маме о них.

— А ты не спрашивала меня, — возразил Луммокс.

— Прошу прощения! Ну ладно, а что ты можешь делать своими руками?

— Я могу бросать камни. Джонни, я хорошо бросаю камни?

— Нет! — торопливо сказал Джонни. — Бетти, ты кофе будешь пить с молоком?

— Обыкновенное, — ответила Бетти, продолжая изучать руки Луммокса. Что-то не давало ей покоя, и Бетти надеялась, что скоро сообразит, в чем тут дело. Но теперь — завтрак.

После того, как они скормили пустые банки Луммоксу, Бетти приступила к «допросу» Джонни.

— Имеешь ли ты представление, невинное дитя, — сказала она Джону Томасу, — какую бурю ты вызвал своим исчезновением?

— Я думаю, шерифу Дрейзеру пришлось побегать.

— Не сомневайся. Ты совершенно прав. Но оставь его в покое: есть еще кое-что.

— Мистер Перкинс?

— Точно. Еще?

— Конечно, ма.

— Естественно. Она разрывается между рыданиями по поводу ее исчезнувшего ребенка и угрозами в твой адрес, криками, что ты ей больше не сын.

— Представляю, — невесело согласился Джонни. — Я знаю свою маму. Ладно... я знал, что доставляю всем беспокойство. Но я был должен...

— Конечно, ты должен, мой дорогой упрямец, хотя ты проделал все с грацией гиппопотама. Но я не о них вела речь.

— Что?

— Джонни, в штате Джорджия есть маленький городок... ну, скажем, Адриан. Он так мал, что в нем нет даже отделения полиции, всего лишь один констебль. Знаешь ли ты, как его зовут?

— Чего? Конечно, нет.

— Очень плохо. Ибо, насколько я смогла выяснить, этот констебль является единственным полицейским в Америке, который не разыскивает тебя. Поэтому я и полетела разыскивать тебя — хотя как ты мог, подлое животное, исчезнуть, не потрудившись поставить меня в известность?

— Я же говорил тебе, что извиняюсь!

— И я простила тебя. Я буду тебя прощать не меньше десяти лет.

— Что за глупости с этим констеблем? И почему все должны меня разыскивать? Мне вполне хватает одного шерифа Дрейзера.

— Он объявил общую тревогу и назначил награду за Луммокса, живого или мертвого... желательно мертвого. Они серьезно взялись за дело, Джонни... Очень серьезно. Поэтому, какие бы планы ты ни строил, мы должны их отбросить и придумать новый, получше. Что ты об этом думаешь? И думаешь ли вообще?

— Ну... я думал продержаться таким образом ночь-другую, — побледнев, медленно ответил Джонни, — пока не найдем место для укрытия.

Бетти покачала головой.

— Не годится. Если идти таким путем, они без труда догадаются, в каком месте поблизости от Вествила можно укрыть такое создание, как Луммокс. И...

— Да мы уйдем с дороги!

— Конечно. И они будут прочесывать этот лес, дерево за деревом. Они в самом деле собираются это сделать.

— Ты не дала мне кончить. Знаешь старую урановую шахту? «Власть и Слава»? Ты идешь наверх по дороге Мертвого Волка, потом берешь к северу на гравийную дорогу. Вот там мы и спрячемся. Большой туннель вполне подходит, чтобы скрыть Луммокса.

— Проблеск здравого смысла в этом есть. Но его не хватает, чтобы противостоять всем...

Бетти замолчала. Джонни поерзал и сказал:

— Ну, ладно. Если это не годится, что делать?

— Умолкни. Я думаю. — Бетти лежала на спине, глядя в синее небо над горами. — Твоя мысль о шахте «Власть и Слава» не так уж и плоха; пока я не придумаю чего-нибудь лучшего, она вполне годится.

— Не понимаю, как они смогут там нас обнаружить. Шахта расположена так далеко...

— Не сомневайся, ее обыщут. Хотя это может ввести в заблуждение шерифа Дрейзера; я уверена, что он свою собственную шляпу не возьмется искать без ордера на обыск. Но он организовал воздушную разведку, и они уверены, что обнаружат вас. В полиции знают, что ты взял спальник и припасы; это значит, что ты будешь останавливаться на ночевки. Нашла тебя я, найдут и они.

Я обнаружила тебя, потому что знала, как ты будешь действовать, а они прибегнут к логике, которая срывается медленнее. Но безошибочно. Они найдут вас... и это будет конец для Луммокса. Шансов вам они не оставят... может быть, разбомбят его.

Джон Томас живо представил себе столь мрачное будущее.

— Тогда какой смысл прятать его в шахте?

— Чтобы протянуть день-другой, потому что я еще не готова вытащить его оттуда.

— Как?

— Вот так. Мы спрячем его в городе.

— Что? Червячок, на тебя действует высота.

— В городе и под крышей... единственное место в большом-пребольшом мире, где его не будут искать. Может быть, в домике мистера Ито, — добавила она.

— Что? Я теперь точно вижу: ты сошла с ума.

— А тебе известно более безопасное место? Сын мистера Ито ничего не имеет против тебя; не далее как вчера мы с ним очень душевно поговорили. Я пошла прямо к нему и все ему объяснила. Один из его садовых домиков вполне подойдет... может, домик и неказистый, но подключен к электропитанию. Никому не придет в голову, что за его матовыми окнами скрывается Лумми.

— Не понимаю, как мы все это сделаем?

— Предоставь это мне. Если я не доберусь до садового домика, а я доберусь... тогда я раздобуду какой-нибудь пустой сарай или что-то вроде этого. Сегодня вечером мы отведем Лумми к шахте, а я улечу и все организую. Завтра вечером я с Лумми отправлюсь в город и...

— Что ты несешь? Нам потребовалось две ночи, чтобы дойти сюда, и остается еще хороший кусок вечера, чтобы добраться до шахты. Ты не сможешь доставить его обратно за одну ночь.

— Как быстро Лумми может двигаться, если постарается?

— Но никто не усидит на нем, когда он идет галопом. Даже я.

— А я и не собираюсь ехать на нем верхом; я буду лететь над ним, указывая дорогу, и помогу ему осторож-

но спуститься с кручи. Три часа, примерно так?.. И еще час, чтобы укрыть его в садовом домике.

— Ну... разве что так.

— Так, потому что ничего лучшего нет. А потом ты дашь себя поймать.

— Чего ради?

— Мы их за нос поводим. Они поймают тебя, а ты скажешь, что отправился на поиски урановых залежей... я снабжу тебя счетчиком Гейгера. Где Луммокс, ты не знаешь; ты поцеловал его на прощание и ушел себе, оставив его там, где он был, а теперь вернулся, потому что не хочешь больше ни с кем ссориться. Ты должен убедить их... *ни в коем случае* не позволяй, чтобы использовали измеритель истины.

— Да, но... Слушай, Червячок, а какой в этом смысл? Луммокс не может вечно оставаться в садовом домике.

— Мы просто тянем время. Как только они его увидят, они прикончат его... И они это сделают. Поэтому мы будем скрывать его, пока не сможем изменить положение вещей.

— А я-то думал, что смогу его спасти, продав Музею, — грустно сказал Джонни.

— Нет! Твой внутренний голос был совершенно прав, Джонни, хотя у тебя самого мозгов не больше, чем в дверной ручке. Слушай... ты помнишь Закон Сигни?

— Закон Сигни? Мы проходили что-то такое, когда изучали основы Обычаев Цивилизации.

— Совершенно верно. Припомни его.

— Как там было? — Сдвинув брови, Джон Томас стал копаться в памяти. — Ага! «Факт владения речью и манипуляторами должен восприниматься таким образом, что их владелец является мыслящим существом и, следовательно, обладает всеми неотъемлемыми человеческими правами — пока не будет убедительно доказано обратное». — Джонни вскочил. — Вот оно что! Они не могут теперь убить Луммокса!.. У него есть руки!

«Слишком поздно, Джонни»

— Шевели мозгами, — сказала Бетти. — Ты знаешь историю об одном типе, которого адвокат уверял, что за *это* его в тюрьму не посадят?

— За что «за это»?

— Неважно. А клиент ответил: «Но, ваша милость, пока мы об этом только говорим». Суть дела в том, что Закон Сигни — это только теория; пока мы не заставим суд изменить свою точку зрения, мы должны прятать Луммокса.

— Ну да, понятно. Наверное, ты права.

— Я всегда права, — с достоинством признала Бетти. — Джонни, я прямо умираю от жажды: думать — очень утомительная работа, и у меня всегда горло пересыхает. Ты захватил воды из ручья?

— Нет.

— Ведро не было?

— Где-то оно есть. — Джонни порылся в мешке, нашел складное ведро и расправил.

— Дай мне его. Я хочу размять ноги.

— Следи за флаерами!

— Поучи свою бабушку. — Взяв ведро, Бетти, держась в тени деревьев, побежала по склону к берегу. Джонни смотрел, как ее стройная фигура мелькает в лучах солнца, пробивающихся меж сосен, и думал, какая она симпатичная... С головы до ног настоящий товарищ, лучше любого парня. И не будь у нее этого дурацкого стремления командовать, которым вообще отличаются все женщины, Бетти была бы хоть куда...

Осторожно неся пластиковое ведро, Бетти поднялась наверх.

— Пей!

— Ты первая.

— Я уже напилась из ручья.

— Ну ладно. — Джонни жадно припал к ведру. — Знаешь, Бетти, не будь у тебя коленки вывернуты, ты была бы ничего.

— У кого коленки вывернуты?

— А мордашка симпатичная, — невозмутимо продолжал Джонни. — Не будь этого небольшого недостатка, ты бы...

Он не успел закончить — Бетти поднырнула и сшибла его на землю. Вода облила Джонни с головы до ног. Они продолжали возиться, пока Джонни не перехватил и не зажал Бетти руки.

— Проси пощады!

— Черт бы тебя побрал, Джон Стюарт! Ладно, прошу пощады. А теперь дай мне встать.

— Идет.

Джонни поднялся, Бетти осталась сидеть, поджав ноги. Взглянув на Джонни, она рассмеялась. Оба были в грязи и царапинах, которые кое-где переходили в синяки, но чувствовали себя как нельзя лучше. Луммокс наблюдал за их шутливой борьбой не без интереса, но спокойно, поскольку Джонни и Бетти никогда не дрались по-настоящему.

— Джонни весь мокрый, — прокомментировал Луммокс исход поединка.

— Конечно, Лумми, он самый мокрый из нас. — Бетти оглядела приятеля сверху донизу. — Будь у меня две прищепки, я бы подвесила тебя на дереве. За уши, естественно.

— Сегодня такой день, что мы высохнем через пять минут.

— Я не промокла, ведь я в комбинезоне. А ты выглядишь, как драный кот.

— Ну и пусть. — Джонни прилег, нашел сосновую иголку и задумчиво прикусил ее. — Какие здесь прекрасные места, Червячок. Может, нам не стоит идти в шахту?

— Знаешь что — после того, как вся эта неразбериха кончится, перед школой мы вернемся сюда и разобьем здесь на несколько днейков лагерь. И Луммокса возьмем... пойдешь с нами, Лумми?

— Конечно, — согласился Луммокс. — Буду ловить. Бросать камни. Весело.

— И что бы о нас говорил весь город?

— Не капризничай. Мы здесь — и это главное.

— Это исключительный случай.

— Беспокоишься о своей высоконравственной репутации?

— Ну, кто-то же должен думать и о таких вещах. Мать говорит, что мальчишкам не нравится, если девочки проявляют уж очень большую активность. Она говорит, что все должно быть наоборот.

— Конечно, так было — и будет. — Бетти задумалась. — Но, Джонни, ты слишком прислушиваешься к словам матери.

— Наверное, так оно и есть.

— Старайся жить своим умом. А то ни одной девочке не придет в голову выйти за тебя замуж.

Джонни улыбнулся.

— Я этим и страхуюсь.

Бетти моргнула и покраснела.

— Я не о себе говорю! Ты-то мне и даром не нужен!..

Джонни решил сменить предмет разговора.

— Честно говоря, — сказал он, — когда человек привыкает к чему-то, ему трудно жить по-другому. Вот, например, ты помнишь мою тетю Тесси? Она верит в астрологию.

— Не может быть!

— Точно тебе говорю. А ведь выглядит она вполне нормально, не так ли? Но с ней ничего не поделаешь, и

я прямо схожу с ума, потому что она только об этом и говорит, а мать настаивает, чтобы я был с тетей вежливым. Скажи я ей, что у нее что-то с головой не в порядке, на нее это не подействует. Куда там! Я должен выслушивать ее бред и делать вид, что тетя совершенно нормальна, хотя она может сосчитать до десяти только на счетах.

— Счеты?

— Ну, такие прутики с нанизанными костяшками. Ей нравится, чтобы ее слушали, открыв рот, а я должен доставлять ей это удовольствие.

— А ты не доставляй, — внезапно сказала Бетти. — Не обращай внимания на то, что говорит мать.

— Червячок, ты оказываешь на меня плохое влияние.

— Конечно, Джонни, — согласилась Бетти. — Я рассказывала тебе, почему я развелась с моими родителями?

— Нет. Никогда. Это ваши дела.

— Так оно и есть. Но я подумала, если я тебе расскажу, ты будешь лучше понимать меня. Наклонись. — Притянув Джонни за мочку уха, Бетти стала что-то шептать. По мере того, как она говорила, на лице Джона Томаса появлялось выражение искреннего изумления.

— В самом деле?

— Факт. Они этого никогда не оспаривали, поэтому я никому и не должна была говорить. Но так оно и было. Я пришла в суд и развелась, и мне дали профессионального опекуна без всяких нудных идей. Но, понимаешь, Джонни, я не для того все это рассказывала, чтобы ты хлопал глазами. То, что тебе досталось в наследство, еще далеко не все; ты сам должен быть личностью, индивидуальностью. Ты — это не твои родители. Не мать, и не отец. Но ты слишком поздно стал понимать это. — Бетти выпрямилась. — Так что будь самим собой и имей смелость принимать собственные решения. И никому не подражай.

— Червячок, когда ты говоришь обо всех этих вещах, ты выглядишь такой... такой рассудительной.

— Потому что я всегда такая. А теперь я хотела бы заняться твоими припасами. Очень проголодалась.

— Ну, прямо как Луммокс. Мешок с припасами наверху.

— Перекусим? — востропнулся Луммокс, услышав свое имя.

— М-м-м... Бетти, я бы не хотел, чтобы он обламывал деревья, особенно днем. Сколько им потребуется времени, чтобы засечь меня?

— Думаю, не больше трех дней.

— Ладно. Я захватил еды дней на пять, просто на всякий случай. — Джонни отобрал двенадцать консервных банок и дал их Луммоксу. Открывать их он не стал, потому что Луммокс любил проглатывать их целиком и потом ощущать, как в животе у него внезапно становится тепло. Луммокс покончил со своей порцией консервов раньше, чем Бетти вскрыла свою банку.

После еды Джонни вернулся к старой теме.

— Бетти, ты в самом деле думаешь, что... — он оборвал себя. — Ты что-нибудь слышишь?

Бетти прислушалась и серьезно кивнула.

— Как далеко?

— Не больше двухсот.

— Они прощупывают. Луммокс! Замри!

— Замру, Джонни. А почему я должен замереть?

— Молчи!

— Не сходи с ума, — сказала Бетти. — Скорее всего, они просто прочесывают все подряд. Они не смогут обнаружить нас под этими деревьями даже в телескоп. — Но теперь и Бетти выглядела встревоженной. — Как бы я хотела, чтобы Луммокс уже был в туннеле. Если у кого-то хватит ума просканировать нашу дорогу, пока мы здесь... ну, тут уже ничего не поделаешь.

Джон Томас не слушал ее. Он весь наклонился вперед, приставив ладони к ушам, как рупоры.

— Т-с-с! — прошептал он. — Бетти! Они возвращаются!

— Не паникуй. Просто нас захватило другое крыло поисков.

Но, говоря эти слова, Бетти уже знала, что ошибается. Звук прошел над ними, взмыл и перешел в ровный стон.

Они посмотрели вверх, но из-за плотности крон и высоты ничего не увидели.

Внезапно в глаза им ударила вспышка света такой яркости, что, когда она погасла, свет солнца, казалось, поблек. Бетти сглотнула комок в горле.

— Что это?

— Сверхчувствительная аппаратура. Ультрафлешь, — мрачно ответил Джонни. — Теперь они приглядываются к тому, что разглядели в телескоп.

Звук у них над головами ушел еще выше, а затем почти исчез; снова сверкнула ослепляющая вспышка.

— Стереоснимок сделали, — с такой же мрачностью объяснил Джонни. — И если раньше они только подозревали, то теперь-то они нас точно увидят.

— Джонни, мы должны уводить Луммокса отсюда!

— Как? Пустить его вверх по дороге, чтобы его разбомбили? Нет, девочка, наша единственная надежда, что они примут его за большой валун, — слава богу, что я заставил его стоять, не шевелясь. И мы не должны двигаться, — добавил он. — Может, они уйдут.

Но и эта последняя надежда исчезла. Они услышали, как один за другим подошли еще четыре корабля. Джонни вычислял их движение.

— Один занял позицию с юга. Третий, похоже, пошел к северу. Теперь они закрывают запад... сукины дети. Они нас взяли в оборот, Червячок.

Бетти посмотрела на Джонни, лицо у нее было мертвенно-бледным.

— Что нам делать, Джонни?

— Что делать? Скорее всего, ничего... Хотя подожди. Нырй между деревьями вниз, к ручью. Возьми с собой крылья. Затем вниз по потоку, уйди подальше — и в воздух. Держись пониже, пока не вырвешься из-под их зонтика. Тебя они выпустят — ты им не нужна.

— А что ты будешь делать?

— Я? Я остаюсь здесь.

— И я тоже.

Джонни вышел из себя.

— У меня и так хватает забот, Червячок. Ты должна уже быть в пути!

— Как ты думаешь, что они могут сделать? У тебя нет даже оружия.

— Есть, — ответил Джон Томас, притрагиваясь к ножу, висевшему у него на поясе. — А Луммокс может кидать камни.

Бетти посмотрела на Джонни, а затем истерически расхохоталась.

— Что? В самом деле — камни! Ох, Джонни...

— Во всяком случае, голыми руками они нас не возьмут. А теперь удирай отсюда — и быстро!

— Нет!

— Слушай, у нас нет времени спорить. Все ясно и понятно. Я остаюсь с Луммоксом, это мое право. Он мой.

Бетти залилась слезами.

— А ты — мой, ты, большой глупый дурачок!

Джонни попытался ответить ей и не смог. Лицо его исказилось гримасой от сдерживаемых слез. Луммокс переступил с ноги на ногу.

— В чем дело, Джонни?

— А? Ничего. — Джонни встал и потрепал своего друга по спине. — Ничего, старина. Джонни с тобой. Все в порядке.

— В порядке, Джонни.

— Да, — еле слышно подтвердила Бетти. — Все в порядке. Это будет быстро, Джонни? — прерывающимся шепотом спросила она. — Мы ничего не почувствуем?

— Надеюсь! Эх, всего полсекунды мне не хватило, чтобы дать тебе по загривку и спихнуть вниз... и все бы у тебя было в порядке!

Бетти спокойно покачала головой, на лице ее теперь не было ни гнева, ни страха.

— Слишком поздно, Джонни. И ты это знаешь. Не ругай меня... только держи меня за руку.

— Но... — Джонни остановился. — Слышишь?

— Их становится все больше.

— Точно. Скорее всего, они строят вокруг нас восьмиугольник... чтобы мы уж точно не ушли от них.

Внезапный громовой раскат избавил Бетти от необходимости отвечать. Стало ясно, что один из кораблей снижается, и вот они уже могли его видеть в тысяче футов над их головами. Затем оттуда раздался металлический голос чудовищной силы:

— Стюарт! Джон Стюарт! Выходи на открытое место!

Джонни вырвал нож из ножен, закинул голову и крикнул:

— Приходи и возьми меня!

Бетти вся просияла, с гордостью посмотрела на Джонни и вцепилась ему в рукав.

— Скажи им, Джонни! — шепнула она. — Мой Джонни!

По всей видимости, человек с металлическим голосом имел микрофон направленного действия.

— Ты нам не нужен, — ответил он, — и мы никому не хотим причинить вреда. Выходи!

Джонни выплюнул односложное ругательство и крикнул:

— Мы не выйдем!

Громовой голос продолжал:

— Последнее предупреждение, Джон Стюарт. Выходи с пустыми руками. Мы высылаем за тобой шлюпку.

— Высылайте! — крикнул в ответ Джонни. — Мы взорвем ее! Собери побольше камней, Лумми! — хрипло приказал он Луммоксу.

— А? Конечно! Можно, Джонни?

— Еще нет. Я скажу, когда.

Голос молчал. Ни одно судно не спускалось к ним. Вместо этого другой, не командирский корабль приблизился и завис в ста футах над вершинами сосен и примерно на таком же расстоянии сбоку от них. Медленно, с черепашьей скоростью, он начал описывать круг над ними.

Затем раздался режущий уши грохот, и гигантское дерево рухнуло навзничь. За ним последовало другое. Словно невидимая гигантская рука, протянувшаяся с зависшего корабля, проламывала просеку, отжимая их в сторону, и скоро круговая просека обложила их со всех сторон.

— Почему они это делают? — прошептала Бетти.

— Это судно лесной службы. Они выживают нас.

— Но зачем? Почему бы им разом не покончить со всем этим? — Бетти начала бить дрожь, и Джонни обхватил ее за плечи.

— Не знаю, Червячок. Здесь они командуют.

Судно завершило круг и зависло прямо перед ними, похоже, собираясь совершить посадку. С осторожно-

стью зубного врача, выдирающего зуб, оператор, опускаясь, нацелился на одно дерево, выдернул его из земли и отбросил в сторону. Затем другое — и еще одно. Постепенно сквозь мачтовый сосняк пролегла широкая тропа, которая вела как раз к их убежищу.

Им не оставалось ничего, кроме как ждать. Корабль, в котором, как понимал Джонни, уже ждали встречи с ними рейнджеры, отбросил последнее дерево, которое еще как-то скрывало их, и пополз к ним, заставив их задрожать, а Луммокса взвизгнуть от страха. Джон Томас ласково шлепнул Луммокса по боку.

— Спокойнее, мальчик. Джонни с тобой.

Он подумал было, что они могли бы куда-нибудь отступить с той прогалины, которая окружала их, но понял: смысла в этом уже нет.

Теперь на атакующую позицию вышло другое судно. Оно внезапно вынырнуло из-за лесного танка и резко спикировало в конце коридора. Джонни сглотнул слюну и сказал:

— Давай, Лумми! В любого, кто только высунется из этого корабля — и без промаха!

— Держу пари, Джонни! — Луммокс набрал в обе руки по пригоршне боеприпасов.

Но ему не пришлось пустить их в ход. Джон Томас почувствовал, что словно опускается в мокрый бетон, который поднялся ему до груди. Рядом хрипло дышала Бетти и вскрикивал Луммокс. Затем он пискнул:

— Джонни! Вязну...

— Все в порядке, мальчик, — попытался выдавить из себя Джон Томас. — Не сопротивляйся. Спокойней. Бетти, как ты?

— Не могу дышать, — прохрипела она.

— Не сопротивляйся. Они нас взяли.

Из открытой двери люка показались восемь фигур. В них не осталось почти ничего человеческого, с головы до ног они были покрыты тяжелой металлической чешуей. На каждом — шлем, напоминающий маску фехтовальщика, а за спиной — горб полевого антигравитатора. По двое нападавшие осторожно выдвинулись на откры-

тое пространство прохода между деревьями и замедлили шаг; что-то заискрило, и каждого из них окружил фиолетовый ореол, после чего солдаты продолжили движение.

Вторая четверка тащила большой цилиндр из металлической сетки. Они легко вели его по воздуху. Мужчина во главе группы приказал:

— Растягивайтесь пошире, подальше от зверя. Сначала вытащим ребят, а потом займемся им. — Командовал он четко и весело. Стараясь держаться подальше от Луммокса, команда приблизилась к странной троице. — Полегче! Давай этих двух! — приказал командир. Продолговатая клетка нависла над Бетти и Джоном Томасом, медленно опускаясь им на головы; командир щелкнул каким-то тумблером — сетка заискрила и, упав, накрыла обоих.

— Неплохая шумовка, чтобы вытащить вас из патоки, а?

У Джонни дрожал подбородок, но он смотрел прямо на командира и, напрягая все мускулы, чтобы высвободить ноги, выкрикнул оскорбление в его адрес.

— Ну-ну, — мягко пожурил офицер. — Не стоит так себя вести. Вы нас сами к этому вынудили. — Он посмотрел на возвышавшегося над ним Луммокса. — Ну и создание! В самом деле громадина! Вот уж с кем не хотел бы встретиться на лесной тропинке и без оружия.

Джонни почувствовал, как потоком хлынули слезы.

— Ну, давай! — крикнул он прерывающимся голосом. — Кончайте, наконец!

— Что?

— Он никому не приносил вреда! Поэтому убейте его побыстрее... не надо играть с ним в кошки-мышки. — Джонни опустился на колени и зарыдал, закрыв лицо руками. Бетти обхватила его за плечи и рыдала вместе с ним.

Офицер растерянно огляделся.

— О чем ты говоришь, сынок? Мы здесь не для того, чтобы причинить ему вред. У нас приказ доставить его без царапинки — пусть даже я потеряю своих людей. Самый идиотский приказ, который я когда-либо получал.

И тут пришла Пигги-Вигги

Мистер Кику чувствовал себя прекрасно. Завтрак не лежал горячим комом у него в желудке, прибегать к таблеткам не было необходимости — так же, как углубляться в созерцание его будущего поместья. Трехсторонняя Конференция прошла как нельзя лучше, и даже марсианская делегация наконец взялась за ум. Не обращая внимания на мерцающие желтые огоньки на своей панели, он принялся распевать: «Франки и Джонни любили друг друга... ах, ребята, как они любили друг друга... и в верности клялись...»

Мистер Кику обладал приятным баритоном и полным отсутствием слуха.

Больше всего его радовало, что эта глупая, ни с чем не сообразная история с хрошиа подошла к концу... и никто себе не поломал шеи на ней. Старый добрый доктор Фтаемл намекнул, что имеются неплохие шансы на установление дипломатических отношений, ибо хрошии были предельно обрадованы, обнаружив наконец свою пропавшую соотечественницу.

Да, дипломатические отношения с такой могучей расой, как хрошии, были бы весьма полезны... они должны стать нашими союзниками, хотя это не так просто,

скорее всего, придется подождать какое-то время. Возможно, не очень долго, прикинул мистер Кику, пока они перестанут сходить с ума от Луммокса; они его... или ее прямо обожествляют.

Вспоминая все происшедшее, можно понять их реакцию. Кто мог предположить, что существо величиной в полдома и возрастом в сто пятьдесят лет все еще ребенок? Или что у представителей этой расы руки появляются лишь тогда, когда ребенок становится достаточно взрослым, чтобы пользоваться ими? Интересно, почему эта хрошиа значительно крупнее, чем ее соотечественники? Именно ее размеры смутили Гринберга, да и его самого сбили с толку. Интересно, в чем тут дело... надо посоветоваться с ксенологами.

Хотя не стоит. Наконец Луммокс отправился... точнее, отправилась на корабль хроший. Без шума, без хлопот, без особых церемоний. Опасность позади. Неужели они в самом деле могли испепелить, испарить Землю? Хорошо, что мы так и не выяснили это. Все хорошо, что хорошо кончается. И мистер Кику снова замурлыкал.

Мистер Кику продолжал напевать, когда тревожно замерцал сигнал «срочный вызов», и промурлыкал последние строчки прямо в лицо Гринбергу: «... пока будут звезды сиять, мы...»

— Сергей, ты можешь петь тенором? — спросил он.

— Чего ради вас это волнует, босс? Никогда не пробовал.

— Ты просто завидуешь. В чем дело, сынок? Все в порядке?

— Видите ли, босс... тут маленькая заминка. Со мной доктор Фтаемл. Можем ли мы с вами встретиться?

— В чем дело?

— Поговорим, когда будем одни. Годится комната для совещаний?

— Приходи в кабинет, — мрачно сказал мистер Кику. Отключившись, он открыл ящик стола и потянулся за таблетками.

Гринберг и медузоид явились тотчас же; Гринберг, демонстрируя крайнее изнеможение, сразу же шлепнулся в кресло, вытащил из кармана сигареты, но обронил их. Вежливо поприветствовав доктора Фтаемла, мистер Кику сразу же обратился к Гринбергу:

— Ну?

— Луммокс не хочет трогаться с места.

— Что?

— Отказывается. Хрошии носят с места на место, как муравьи, буквально выходят из себя. Пришлось поставить заграждения, и теперь та часть космопорта, где они сели, блокирована. Надо что-то делать.

— Чего ради? Тут есть чему удивляться, но это уже не наше дело. А почему она отказывается грузиться?

— Ну... — Гринберг беспомощно посмотрел на Фтаемла.

— Разрешите мне разъяснить ситуацию, — вежливо вступил в разговор раргиллианин. — Видите ли, сэр, хрошиа отказывается идти на судно без своего хозяина.

— Хозяина?

— Без мальчика, босс. Без Джона Томаса Стюарта.

— Совершенно верно, — подтвердил Фтаемл. — Хрошиа утверждает, что она растила и воспитывала «Джонов Томасов» долгое время, и она отказывается возвращаться домой без Джона Томаса. И тут она непоколебима.

— Понятно, — кивнул мистер Кику. — Иными словами, мальчик и хрошиа привязаны друг к другу. Ничего удивительного: они вместе росли. Но Луммоксу придется примириться с этой разлукой — так же, как Джону Томасу. Насколько я понимаю, он доставил нам немало хлопот; пришлось сказать ему, чтобы он держал язык за зубами, и отправить его домой. Вот что они должны сделать: сказать ей, чтобы она помалкивала, запихнуть ее, если понадобится, силой на корабль и отправляться восвояси. В конце концов, ради этого они и явились к нам.

— Разрешите сказать вам, сэр, — ответил раргиллианин, — что используя привычные термины, вы ошибаетесь, оценивая суть проблемы. Я говорил с ней на ее собственном языке.

— Что? Неужели она успела так быстро выучить его?

— Она давно уже знает его. Хрошии, господин Заместитель Секретаря, знают собственный язык с колыбели. Это инстинктивное знание языка служит объяснением того, почему им так трудно осваивать другие языки и пользоваться ими. Хрошиа говорит на вашем языке примерно на уровне четырехлетнего ребенка, хотя, насколько я понимаю, она познакомилась с ним доволь-

но давно. Но на своем собственном языке она говорит совершенно бегло... и достаточно резко, что я с сожалением вынужден признать.

— Ах вот как? Ну что ж, изложите. Слова не могут нас задеть.

— Она сказала... она отдала командиру экспедиции приказ немедленно найти ее любимца. Немедленно. В противном случае, заявила она, она останется здесь и будет растить «Джонов Томасов».

— И, — добавил Гринберг, — командир предъявил нам ультиматум: немедленно представить Джона Томаса... или же...

— И это «или же» означает то, что я предполагал? — медленно сказал мистер Кику.

— То самое. И после того, как я увидел их корабль, я не сомневаюсь в их возможностях.

— Вы должны понять, сэр, — серьезно добавил доктор Фтаемл, — что командир расстроен так же, как и вы. Но он должен приложить все усилия, чтобы удовлетворить желание хрошии. Определенное сочетание генов было запланировано более двух тысяч ваших лет назад, и они не могут столь легко отказаться от него. Он не может позволить ей остаться... и не может заставить ее силой отправиться в путь. Он очень встревожен.

— Так же, как и мы, не так ли? — Мистер Кику взял еще две пилюли. — Доктор Фтаемл, у меня есть послание вашим доверителям. Прошу вас передать его совершенно точно.

— Будет исполнено, сэр.

— Передайте им, пожалуйста, что мы с возмущением отвергаем их ультиматум. Я прошу вас...

— Сэр! Я вас умоляю!

— Я прошу вас точно следовать моим указаниям. Не пытайтесь смягчить то, что я скажу. Скажите, что мы устали всемерно помогать им. Что мы добились успехов, но не приемлем, когда на нашу любезность нам отвечают угрозами. Скажите, что их поведение нетерпимо среди цивилизованных существ и что мы отзываем свое предложение вступить в Сообщество Цивилизаций. Скажите, что я плюю им в физиономию... найдите столь же выразительную идиому. Скажите им, что свободный человек может умереть, но никогда не подчинится силе.

Широко ухмыляясь, Гринберг похлопал в ладоши, изображая древний знак одобрения. Казалось, что внешняя хитиновая оболочка доктора Фтаемла покрывалась смертельной бледностью.

— Сэр, — сказал он, — я выражаю огромное сожаление в связи с тем, что вынужден доставить ваше послание.

Мистер Кику холодно усмехнулся.

— Передайте все, что я сказал. Но прежде, чем вы это сделаете, найдите возможность поговорить с этой хрошиа... с Луммоксом. Можете вы это сделать?

— Могу вас заверить в этом, сэр.

— Скажите ей, что командир экспедиции, одержимый непомерным рвением, собирается убить этого человека, Джона Томаса Стюарта. Проследите, чтобы она точно поняла, в чем смысл угрозы.

Раргиллианин растянул ротовое отверстие в широкой улыбке.

— Простите меня, сэр, я вас недооценивал. Оба послания будут доставлены — именно так, как вы сказали.

— Это все.

— Желаю вам доброго здоровья, сэр. — Раргиллианин, повернувшись к Гринбергу, обнял его за плечи свободной рукой. — Брат мой Сергей, в каком бы лабиринте мы с вами ни оказались, мы всегда найдем тот или иной выход — не так ли?

— Совершенно верно, док.

Фтаемл покинул их. Мистер Кику повернулся к Гринбергу и сказал:

— Доставь мне сюда этого мальчишку, Стюарта. Сам, лично — и поскорее. М-м-м... захвати и его мать. Ведь он еще несовершеннолетний?

— Да. Босс, что вы задумали? Вы же не хотите передать его этим?.. Особенно после того, как они получили от вас хорошую зуботычину?

— Конечно, хочу. Но на моих условиях. Ни в коем случае я не дам этому зверинцу оснований думать, что они могут диктовать нам условия. Мы используем ситуацию, чтобы добиться своих целей. А теперь отправляйся!

— Иду.

Мистер Кику остался сидеть за столом, рассеянно перебирая бумаги, пока его подсознание решало про-

блему Луммокса. Он подозревал, что прилив достиг высшей точки... для людей. Надо было прикинуть, каким образом удастся справиться с ситуацией. Он как раз обдумывал эту проблему, когда дверь открылась и вошел досточтимый мистер Рой Макклюр.

— Вот вы где, Генри! Собирайтесь и пойдём... Бейла Мургатройд будет ждать встречи с вами.

— Бейла — кто?

— Бейла Мургатройд. *Та самая* Бейла Мургатройд.

— Я должен ее знать?

— Что? Человеке, неужели вы никогда не смотрите стереовидение?

— Если я могу избежать этого — никогда.

Мистер Макклюр осуждающе покачал головой.

— Генри, вы заработались. Вы похоронили себя в этих четырех стенах, вы лишь нажимаете свои кнопки и даже не знаете, что делается в мире.

— Возможно.

— Так оно и есть. Вы стали неприкасаемым... хотя это хорошая штука, если вам не приходится иметь дело с людьми.

Мистер Кику позволил себе усмешку.

— Я тоже так думаю, сэр.

— Ставлю три против одного, что вы даже не подозреваете, кто выигрывает в Мировых Сериях?

— Мировые Серии? Бейсбол, что ли? Прошу прощения, но в свое время я не мог даже следить за матчами по крикету.

— Теперь вы понимаете, что я имел в виду?.. Если вы могли спутать крикет с бейсболом... впрочем, неважно. Раз не знаете, кто такая знаменитая Бейла Мургатройд, я вам скажу. Она, так сказать, мать Пигги-Вигги.

— Пигги-Вигги? — непонимающе откликнулся мистер Кику.

— Я сойду с вами с ума. Она придумывает для детей истории с Пигги-Вигги. Ну, вы же знаете — «Пигги-Вигги на Луне», «Пигги-Вигги отправляется на Марс», «Пигги-Вигги и пираты космоса».

— Боюсь, что не знаю.

— Трудно поверить. Разве у вас нет детей?

— Трое.

Мистер Макклор продолжил тираду:

— Теперь она подняла Пигги-Вигги на такую высоту, что это в самом деле нечто. Естественно, для детей, но все это так утомительно, что и взрослые смотрят. Видите ли, Пигги-Вигги — кукла, примерно с фут величиной. Она летает в космос, спасает людей, борется с пиратами, она воспевает добрые старые времена... и детям она очень нравится. А в конце каждого выпуска появляется миссис Мургатройд, они берут по стакану «Ханки» и очень мило болтают. Вам нравится «Ханки»?

— Нет.

— Ну, есть-то вы его ели. Эта самая сногшибательная реклама завтраков, все ее знают.

— Это так важно?

— Важно? Человеке, знаете ли вы, сколько людей едят завтрак по утрам?

— Нет, не знаю. Надеюсь, не так много. Во всяком случае, я не завтракаю.

Мистер Макклор посмотрел на свои часы.

— Мы должны спешить. Техники уже готовят аппаратуру. Она будет здесь с минуты на минуту.

— Техники?

— Разве я не сказал вам? Миссис Мургатройд будет интервьюировать нас, а на коленях у нее будет сидеть Пигги-Вигги и принимать участие в разговоре. Затем они вставят наш с вами разговор в передачу. Прекрасная реклама для Департамента.

— Нет!

— Что? Мистер Кику, правильно ли я вас понял?

— Господин Секретарь, — сдерживаясь, сказал Кику. — Скорее всего, я не смогу участвовать... Я... я испытываю страх перед публичными выступлениями.

— Что я слышу? Это абсурд! Вы помогали мне открывать Трехстороннюю Конференцию. Вы говорили без малейших записей полчаса.

— Это другое дело. Это был деловой разговор между профессионалами.

Секретарь нахмурился.

— Я не могу настаивать, тем более, если это заставляет вас нервничать. Но миссис Мургатройд специально попросила, чтобы вы участвовали. Видите ли... — Макклор слегка смутился. — ... Пигги-Вигги выступает за

расовую терпимость и все такое. Под разной кожей все мы братья... словом, такие штуки, за которые мы все ратуем, не так ли?

— Простите, — твердо стоял на своем мистер Кику. — И тем не менее.

— Да перестаньте, Генри! Вы ведь, конечно, не хотите, чтобы я настаивал?

— Господин Секретарь, — тихо ответил Кику, — вы без труда можете выяснить, что мои рабочие обязанности не требуют участия в качестве актера в стереовизионных передачах. Если вы дадите мне письменное распоряжение, я буду вынужден представить его на рассмотрение в соответствующую инстанцию, которая и даст вам официальный ответ.

Мистер Макклор нахмурился.

— Генри, каким упрямым маленьким созданием вы можете иногда быть! Могу только удивляться, каким образом вам удалось так высоко взобраться?

Мистер Кику промолчал, а господин Секретарь продолжал:

— Я не хочу, чтобы вы подсовывали мне книгу приказов; я слишком стар, чтобы играть роль лисы, которая загоняет кроликов. Должен сказать, что никогда не предполагал, что вы можете поставить меня в такое положение.

— Простите, сэр. Мне в самом деле неудобно.

— И мне тоже. Я все же попытаюсь убедить вас, что это очень важно для нашего Департамента... хотя мы не можем приказывать его работникам делать то или это. Видите ли, Бейла Мургатройд выражает интересы «Друзей Луммокса». Таким образом...

— «Друзей Луммокса»?

— Я знал, что теперь вы посмотрите на это по-другому. Кроме того, вся эта суматоха заварилась не без вашей помощи. И отсюда следует...

— Ради всех святых, что это значит — «Друзья Луммокса»?

— Участвуя в интервью, вы можете задать этот вопрос им самим. И если бы я не был вынужден спешить на ланч с Весом Роббинсом, мы с вами оказались бы в одной лодке.

— Я должен заняться бумагами, как обычно.

— Миссис Мургатройд — это не как обычно, я все время пытаюсь вам это доказать. Ваши мальчики погрязли в своих протоколах и прецедентах и потеряли всякий контакт с людьми. И если вы не учтете мои слова, вам никогда не забраться на самый верх.

— Меня это меньше всего интересует.

— Да? — Секретарь слегка смутился. — Я имел в виду, туда, где обитают самые обычные политики вроде меня, которые держат руку на пульсе... хотя, должен признать, у меня нет ваших способностей. Понимаете?

— В этой работе найдется применение талантам любого из нас, сэр. Но продолжим. Упоминание о «Друзьях Луммокса», возможно, проскочило мимо меня, не оставив следа в памяти.

— Возможно. Я ни в коем случае не критикую ваше отношение к работе. Что говорить, она достаточно тяжела... космос требует постоянного внимания. Но что касается истории с этим «Д. Л.» — мы были вынуждены принять участие в какой-то глупой истории на западной окраине. Вы должны знать о ней, потому что посылали туда кого-то из своих ребят, — и дело это было связано с какой-то... м-м-м... хорушей Луммокс. Приговор суда... то есть наш приговор, можете вы уточнить, требовал уничтожить животное. Кстати, Генри, добьетесь ли вы когда-нибудь дисциплины от своих работников?

— Нет, сэр.

— В чем дело?

— Он не проявил недисциплинированности, сэр. Исходя из имеющихся данных, он был совершенно прав.

— Я смотрю на это по-другому... Лучше перешлите это дело мне. Я хочу лично ознакомиться с ним.

— Сэр, — мягко спросил мистер Кику, — не думаете ли вы упрекнуть меня в пренебрежении административной дисциплиной?

— Что? Я всего лишь хочу просмотреть дело.

— Ибо в таком случае вы можете тотчас же получить мое прошение об отставке. Если я не могу больше исполнять свои обязанности...

— Что вы имеете в виду? Генри, не торопитесь. — Секретарь побарабанил пальцами по столу мистера Кику. — Успокойтесь, человек, и давайте откровенно поговорим друг с другом. Я понимаю, что ваши ребята,

стоит вам захотеть, представят любое дело так, как вам выгодно... и завтра мне уже в политике делать будет нечего. Но пока я тащу этот груз, я буду настаивать на соблюдении дисциплины. Имею я на это право?

— Да... право вы имеете.

— Не говоря уж об ответственности. Возможно, вы и правы относительно этого работника, кто бы он ни был... вы обычно правы, в противном случае, у нас бы все застопорилось. Но когда я считаю необходимым ознакомиться с каким-то делом, это мое право. Если я считаю, что вы должны подписать какой-то документ, вы его подписываете, потому что я прошу вас это сделать. Если же не прошу, то держитесь в определенных рамках. Я достаточно ясно выразился?

— Яснее некуда. Я поторопился, господин Секретарь. Досье с делом будет на вашем столе.

— И, во-вторых, не волнуйтесь. Если речь идет об одном из ваших любимчиков...

— У меня нет любимчиков, мистер Макклюр. Я ко всем отношусь одинаково, невзирая на личности.

— Иногда мне кажется, что вы ненавидите сами себя. Итак, на чем мы остановились? Ах, да! Так вот, когда мы оказались впутаны в эту ужасную историю с хорушиями, миссис Мургатройд увидела шанс для неплохого дела. Конечно, она увидела в нем и возможность оживить свою собственную программу, но это к делу не относится. Так или иначе, Пигги стала рассказывать всем малышам об этих ужасах и обратилась к ним с просьбой писать и вступать в ряды Друзей Луммокса. В первые двадцать четыре часа было получено три миллиона посланий. А теперь половина ребятишек нашего континента и бог знает сколько еще во всех остальных местах входят в число «Друзей Луммокса» и умоляют спасти его от преследований.

— Ее, — поправил мистер Кику.

— Что?

— Прошу прощения. Думаю, что в данном случае ни одно из местоимений не является верным. У хрошии шесть различных полов. Вы можете звать Луммокса «он» или «она», но, в сущности, нам нужно какое-то новое слово. Но имеет ли это значение?

— Во всяком случае, не для меня, — согласился Макклюр. — Но если бы мы в самом деле вынесли Луммоксу смертный приговор, я верю, эти детишки совершили бы революцию. Честное слово. Я уже не говорю просто о поклонниках, о фанах Пигги-Вигги. Но Бейла Мургатройд хочет во что бы то ни стало нам помочь. Значит, она проинтервьюирует нас, и я отвечу на основные вопросы, а вы уточните детали. Ну, словом, все, касающееся того, как Департамент защищает права наших негуманоидных друзей и о том, что все обязаны проявлять терпимость... наша обычная линия. Потом Пигги-Вигги спросит вас, что случилось с Луммоксом, а вы расскажете малышам, что Луммокс на самом деле оказался заколдованным принцем... или принцессой... и как Луммокс улетит к себе домой в небо. Это будет сногшибательно. Это все, что вы должны будете сделать, — добавил Макклюр. — Они сделают снимок, как Луммокс поднимается в корабль и делает на прощание ручкой. А мы съедим по тарелке «Ханки» — не беспокойтесь, я уж позабочусь, чтобы ваша тарелка была пуста! — а Пигги-Вигги споет своего «Жаворонка». Конец. Займет все это не больше двадцати минут, но мы сделаем большое дело для Департамента. О'кей?

— Нет.

— Ну, Генри... ладно, вы можете не есть эти «Ханки».

— Нет.

— Генри, вы невозможный человек. Разве вы не согласны, что это наше прямое дело — помогать детям осознавать их ответственность и учить, как правильно поступать в наш сложный век, век Сообщества Цивилизаций?

— Нет, сэр, не согласен. Это дело родителей и учителей, а не правительства. Департамент делает больше, чем в его силах. Перед лицом растущих ксенологических проблем. — И про себя мистер Кику добавил: «Даже если бы я согласился, все равно бы не ел эти «Ханки»!»

— Хм-м-м... Довольно узкий подход, Генри. Бюрократический, позволю себе сказать. Вы прекрасно знаете, что во всей этой истории мы чувствовали себя, как на горячей сковородке, тем более, что нас подогревали со всех сторон — вопило «Общество за Сохранение Ста-

тус-Кво», а Лига «Сохраним Землю для Людей» прямо накидывалась на нас. Совету пришлось нелегко. И вот у нас появляется возможность настроить общественное мнение против этих любителей бить горшки, а вы отказываетесь нам помогать. Вам никогда не приходилось иметь дело с типами из «Статус-Кво» и шутами из «Земли для Людей» — потому что именно я оберегал вас.

— Простите, сэр. Но вам не стоит тратить на них время. Вне всякого сомнения, вы знаете, что за спинами этих шумных организаций кроются чисто денежные интересы. Пусть с ними борются люди и организации, придерживающиеся противоположной экономической ориентации, — импортеры, владельцы транспортных линий, ученые. Наше дело — международные отношения. Если на нас будут оказывать давление различные группы, мы выпустим на них группы специалистов по общественному мнению — для этого они и существуют.

— А кто же я, как не тот самый высококвалифицированный специалист? — рассердился Макклор. — И у меня нет никаких иллюзий относительно этой чертовой работы.

— Неправда, сэр. Вы берете на себя политическую ответственность. Я же стараюсь держаться в стороне от нее — насколько мне позволяет моя работа.

— Ха! Политикойправляете именно вы. А потом прищипориваете меня. Я начинаю это понимать.

— Простите, сэр. Насколько я понимаю, все занимаются политикой... даже швейцар в пределах своих возможностей. Это неизбежно. Я стараюсь делать свою работу.

Вошел личный секретарь мистера Кику.

— Мистер Кику, у вас ли господин Секретарь? Его ждет миссис Бейла Мургатройд.

— Сейчас буду, — отозвался мистер Макклор.

— Милдред, — тихо добавил мистер Кику, — посмотрите, чтобы ею занялись. Мы немного задерживаемся.

— Да, сэр. Помощник господина Секретаря позаботится о ней.

— Отлично.

— Задерживаться мы не будем, — предупредил Макклор мистера Кику. — Не хотите, как хотите... хотя вы меня разочаровали. Но я не могу заставлять ее ждать.

— Садитесь, господин Секретарь.

— Что?

— Садитесь, сэр. Есть вещи, из-за которых даже могущественная миссис Мургатройд может подождать. Большая беда свалилась нам на голову. Вы должны предстать перед Советом, зная о ней... возможно, нам придется собрать специальную сессию уже сегодня вечером.

— Что? Почему вы мне ничего не говорили?

— Я как раз прикидывал, как вам сообщить об этом, когда вы вошли. И последние несколько минут я уже не раз пытался дать вам понять, что у Департамента есть куда более важные дела, чем продавать «Ханки».

Макклюр посмотрел на него, затем подошел к столу Кику.

— Милдред! — вызвал он секретаря. — Это я. Скажи коммодору Мэрти, что я задерживаюсь по неотложному делу и что он должен из кожи вылезти, но развеселить миссис Мургатройд.

— Да, господин Секретарь.

Макклюр снова повернулся к Кику.

— Итак, Генри. Прекратите читать мне лекции и приступайте к сути.

Мистер Кику исчерпывающе изложил состояние дел с новым кризисом. Мистер Макклюр слушал молча, без комментариев. Когда мистер Кику подошел к тому пункту, как он отверг ультиматум, снова ожила связь.

— Шеф? Здесь Мэрти. Миссис Мургатройд ждет еще одно свидание.

— Она спешит?

— Конечно, сэр.

— Слушай, Джек, я буду через несколько минут, займись ею.

— Но...

— Обольсти ее, если понадобится. А теперь отключайся. Я занят! — Нахмурившись, Макклюр повернулся к мистеру Кику. — Генри, вы снова повесили меня на гвоздик. Вы не оставили мне ничего другого, кроме как играть в ваши игры.

— Могу ли я осведомиться, что вы можете сделать?

— М-м-м? — Макклюр снова нахмурился. — Думаю, могу повторить только то, что вы сказали... только в

более крепких выражениях. Признаю, что, скорее всего, и не предполагал вмешиваться в эту историю с Луммоksom. Вы проявили находчивость.

— Понимаю, сэр. Перед лицом того факта, что мы отвергли их ультиматум, что в предварительном порядке может предпринять Секретарь? Я должен добавить, что хотел бы избежать необходимости от имени Департамента наметать Совету, что необходимо привести в боевую готовность наши станции на внешних планетах.

— О чем вы говорите? Ничего такого не понадобится! Я могу приказать Внутренней Гвардии приблизиться и вышвырнуть их в небо — под мою ответственность. Кроме того, они в нашей внутренней защитной зоне... это будет простая полицейская акция.

«Это то, что, как я и предполагал, он собирается сделать», — подумал мистер Кику...

— Вы предполагаете, — сказал он, — что их корабль кубарем улетит в небеса... а если наоборот?

— Что? Это абсурд!

— Господин Секретарь, единственная вещь, которую я усвоил за сорок лет работы на этом посту — это следующее: когда вы имеете дело с тем, что «Вне», такие слова употреблять не стоит.

— Ну, я бы... Генри, а ведь вы серьезно верите, что они могут угрожать нам. Вы по-настоящему напуганы. — Он всмотрелся в лицо мистера Кику. — Вы что-то не договариваете? У вас есть доказательство того, что они могут привести в исполнение свои абсурдные угрозы?

— Нет, сэр.

— Ну и?

— Мистер Макклор, в моей стране более трехсот лет назад существовало могучее и мужественное племя. Кучка европейцев что-то потребовала от них... какие-то налоги, как они их называли. Вождь племени был очень храбр, его окружали многочисленные опытные воины. Он знал, что у чужеземцев есть оружие, но свое оружие было и у них. Но полагался он, главным образом, на храбрость своих воинов и на их численность. Он умно продумал план боя и завлек врагов в каньон.

— И что дальше?

— Люди племени никогда не слышали о пулеметах. Знакомство с ними было последним, что они узнали в жизни, — потому что они были очень смелыми и шли на врага стройными рядами. Племени больше не существует, ни одного человека.

— Если вы хотите запугать меня, то... впрочем, неважно. Но свидетельств вы мне так и не представили. Кроме того, мы отнюдь не какое-то племя дикарей. Ничего общего.

— Возможно. Но пулеметы тех лет были лишь немногим лучше обыкновенного оружия. Да, у нас есть то, по сравнению с чем пулемет будет чем-то вроде перочинного ножа. И тем не менее...

— Вы имеете в виду, что эти хорушии обладают оружием, которое способно превратить все наши достижения в металлолом. Честно говоря, мне не хочется верить в это, и я не верю. Выше мощи атомного ядра в космосе нет ничего. Вы знаете это, и я знаю это. У нас оно есть. Не сомневаюсь, что у них оно есть тоже, но нас больше в миллионы раз и мы на своей земле.

— Так думал и вождь племени.

— Совершенно разные вещи.

— Может быть, — устало ответил мистер Кику. — Я не запугиваю вас каким-то таинственным оружием, которое лежит вне пределов нашего понимания; просто я каждый раз удивляюсь, видя, как незначительное усовершенствование может преобразить известное оружие... а возможности такого подхода предоставляет любая теория. Конечно, я не знаю точно...

— В общем-то, и я, но уверен, что... Вот что, Генри, я сейчас же отдам приказ начать полицейскую акцию.

— Да, сэр.

— Ну! Да не сидите же с каменным лицом — «Да, сэр!» Вы же не знаете — так? Так почему я должен знать?

— Я не осуждаю вас, сэр. Вам потребуется прямая связь? Или вы предпочитаете, чтобы командир базы прибыл сюда?

— Генри, вне всякого сомнения, на всех семнадцати планетах вы самый ужасный человек. Я спрашиваю вас, почему у вас не должен этого делать?

— Причин к тому я не вижу, сэр. Я могу только изложить свои соображения, почему я не рекомендую вам так поступать.

— Ну?

— Потому что я не знаю. Потому что я чувствую только страх перед гуманоидами, которые могут быть и куда более контактными, чем мы сами, но которые, руководимые суеверным страхом, могут наделать массу бед. И пока я не буду знать, я не собираюсь играть в русскую рулетку, ставя на карту судьбу своей планеты. Я предпочитаю использовать словесное оружие, доколе это возможно. Итак, вы хотите отдать приказ, сэр? Должен ли я позаботиться о дальнейших деталях?

— Перестаньте меня доводить! — Макклор, побагровев, посмотрел на своего заместителя. — Думаю, что сейчас вы будете угрожать мне отставкой.

Мистер Кикку позволил себе слегка улыбнуться.

— Мистер Макклор, я никогда не подаю прошения об отставке дважды в течение одного дня. Я подожду с ним до окончания полицейской акции, — добавил он. — И если мы оба останемся живы и я должен буду признать, что ошибался в главном, моя отставка станет необходима. Я надеюсь, сэр, что вы окажетесь правы. Я предпочту доживать свой век не у дел, но в мире и покое, чем посмертно доказывать свою правоту.

Макклор пожевал губами, но не ответил. Мистер Кикку продолжал тихим голосом:

— Могу ли я в рамках моих обязанностей внести предложение?

— Конечно. Вы отвечаете только перед законом. Говорите.

— Можем ли мы начать атаку через несколько минут? Стремительность поможет нам компенсировать то, что мы потеряли при задержке. Астробюро может дать элементы орбиты вражеского корабля. — Мистер Кикку наклонился к панели.

Она ожила прежде, чем он прикоснулся к ней.

— Шеф? Это Мэрти. Я лезу из кожи вон, но она...

— Скажи ей, что я не могу встретиться с ней!

— Сэр?

— Ну... подольстись к ней. Ты знаешь, как это делается. А теперь заткнись и не мешай мне.

— Понял, сэр.

Мистер Кику снова вызвал Астробюро.

— Главного баллистика... и немедленно. А, Картье... подбивайте итоги — и побыстрее. Словом, мне нужны элементы...

Макклюр потянулся и прервал связь.

— Ладно! Будем считать, что вам удалось взять меня на пушку.

— Я не брал вас на пушку, сэр.

— Хорошо, хорошо, вы меня убедили, что у вас на плечах мудрая голова. Я не более, чем вы, хочу вслепую рисковать пятью миллиардами жизней. Ну, хотите, я встану перед вами на колени?

— Ни в коем случае, сэр. Но я испытываю большое облегчение. Благодарю вас.

— Ах, это вы испытываете облегчение? А как насчет меня? А теперь скажите, как вы собираетесь распутывать этот клубок? Я в полных потемках.

— Я понял вас, господин Секретарь. Первым делом, я послал за этим мальчишкой Стюартом...

— За Стюартом? Зачем?

— Надо убедить его ехать. Мне нужно его согласие.

Секретарь посмотрел на мистера Кику, не веря своим ушам.

— Должен ли я вас понимать, мистер Кику, так, что после того, как бы отвергли их ультиматум, вы собираетесь капитулировать — и это все, что вы можете предложить?

— Вы неправильно поняли меня, сэр.

— Меня не интересуют ваши дипломатические выражения. Мы никогда не уступим им мальчишку. Я не хочу рисковать вслепую, но это другое дело. Какое бы на меня ни оказывалось давление, я никогда не отдам ни единого человека... и могу вас уверить, что Совет согласится со мной. Есть такое понятие, как человеческое достоинство. Должен добавить, что я изумлен... и возмущен.

— Могу я продолжать, сэр?

— Ну что ж... продолжайте. Излагайте свои мысли.

— Мысль о том, чтобы отдать мальчика, не приходила мне в голову. Наука дипломатического умиротворения давно уже разработана. И собирайся я принести маль-

чика в жертву, я должен был бы аплодировать вашему возмущению.

— Но вы сказали...

— Прошу вас, сэр. Я знаю, что я сказал. Я послал за мальчиком, чтобы получить представление о его собственных желаниях. Вполне возможно, что и он хочет быть вместе с Луммоксом, даже страстно желает этого.

Макклюр покачал головой.

— Даже если парень настолько сошел с ума, мы все равно не можем ему позволить сделать это. На расстоянии девятистот световых лет от любого человеческого существа? Я скорее предпочел бы отравить ребенка...

— Это не совсем верная картина, сэр. Даже если я заручусь его согласием, я не собираюсь выкладывать на стол этот факт во время переговоров... а буду вести игру с тузом в рукаве. И тут нам будет о чем поторговаться.

— Например?

— Их наука. Их торговля. Новые горизонты в космосе. Остальные возможности даже я с трудом могу проследить.

Макклюр обмяк.

— Я в этом не уверен, но что нам делать, только атаковать? Человек должен быть готов к риску. Раздавить гадину, которая нам угрожает... но мне это не нравится.

— Господин Секретарь, если мой план не сработает... или же не получит вашего одобрения, я вместе с вами брошу вызов небу. Но мы должны попробовать заключить сделку... не забывая о своем человеческом достоинстве.

— Ну что ж... начинайте. Держите меня в курсе дела, — вздохнул Макклюр.

«Нет, господин Секретарь»

На следующее утро жена мистера Кику разбудила его очень поздно. Она делала это время от времени, резонно полагая, что нет такого кризиса, из-за которого человек не мог бы поспать, если ему надо отдохнуть. Поднявшись в свой кабинет, он обнаружил там Весли Роббинса, специального помощника Секретаря по связям с общественностью, который спал в его кресле. Роббинс был далеко не дипломатом, не собирался им быть и демонстрировал это при каждом удобном случае.

— Доброе утро, Вес, — мягко поздоровался мистер Кику.

— Как вам это нравится? — Вес бросил на стол Заместителя Секретаря пачку «Столичной газеты». — Это вы видели?

— Нет, — мистер Кику развернул газету.

— Двадцать три года имею дело с газетами... и меня обошли как мальчишку.

**ИНОЗЕМНЫЕ ЗАХВАТЧИКИ УГРОЖАЮТ
ВОЙНОЙ !!!**

ВРАЖЕСКИЙ ВЫЗОВ !

Столица. 12 сент... Секретарь по делам космоса Макклор сообщил сегодня, что иноземные пришельцы, именуемые «хрошии», приземлившиеся в космопорту Столицы, угрожая военными действиями, выдвинули требование, чтобы Федерация..

Мистер Кику просмотрел заметку, отметив, что его ответ хрошии исказили и приписали Макклору и что нигде не упоминалось о возможности мирного соглашения. Анонс оповещал, что, по мнению Генерального Штаба, у всех планет Федерации нет ни малейшего повода беспокоиться из-за наглого вызова пришельцев. Сенатор из Южной Азии обратился с запросом, какие шаги предпринимаются... Мистер Кику просмотрел все полосы, отбросив 90 процентов их содержания, включая взрыв возмущения со стороны Лиги «Сохраним Землю для Людей» и редакционную колонку «Мы стоим на распутье». Было здесь и интервью с миссис Мургрот-Ройд, но у него не было времени выяснять, на чьей стороне Пигги-Вигги.

— Что за суматоха? — спросил Роббинс. — Где вы прячете сигареты?

— Похоже, мы слишком щедро тратим бумагу, — заметил мистер Кику. — Сигареты в ручке кресла для гостей.

— И как вам все это нравится? Я застигнут врасплох. Почему никто мне ничего не сказал?

— Минутку! — Мистер Кику наклонился к панели на своем столе. — Отдел безопасности? А, это вы, О'Нейл... Разместить дополнительные полицейские силы вокруг корабля хрошии!...

— Уже сделано, босс. Но почему нас никто не поставил в известность?

— Прекрасный вопрос. Какие бы силы вы ни использовали, пусть их будет как можно больше. Не должно быть только волнений: мы не можем допустить ни малейшего инцидента. Наскребите как можно больше специалистов по умиротворению толпы, обратитесь к другим агентствам. Затем обратите особое внимание на организацию лунатиков... и всех ксенофобов, я имею в виду. Что вас еще беспокоит?

— Ничего, с чем бы мы не могли справиться. Но я ничего не обещаю. Все же я думаю, что кто-то должен выступить и...

— Конечно. Держите со мной связь, — мистер Кику повернулся к Роббинсу. — Как появилось это интервью?

— Разве я имею к нему отношение? Он отправлялся на обед, посвященный Трехсторонней Конференции, спокойный, как сейф. Речь, которую я ему подготовил, он одобрил. Я вручил ему одну копию, а остальные раздал ребятам, намекнув, как лучше ее обыгрывать. Все были спокойны и счастливы. Утром я проснулся, как ни в чем не бывало, а после того, как выпил кофе, уже кипел и булькал. Если бы кто-нибудь знал, чем мне приходится заниматься! Нет, уйду и буду валяться на пляже.

— Разумная мысль. Вес, разрешите мне ввести вас в курс дела. Ничто не предвещало такого развития событий, но теперь... — мистер Кику кратко обрисовал последний кризис.

— Я понимаю, и Номер Первый выдернул из-под вас одеяло. Ловко сработано.

— Надо с ним увидеться. Он здесь?

— Да. Я вас дожидался, старина. Вы его придержите, пока я ему врежу. Или придумаем что-то другое?

— Все, что хотите. Двинулись?

Секретарь был у себя; о них было доложено, и Макклор встал, чтобы усадить их. После того, как все уселись, Роббинс помедлил, ожидая, что слово возьмет мистер Кику, но тот сидел с невозмутимым лицом, напоминая статую из черного дерева.

Макклор начал нервничать.

— Ну, Генри! Нелегкое утречко выдалось... я уже завяз по горло с...

— Я предполагал, что вы хотите проинструктировать нас, господин Секретарь?

— Насчет чего?

— Вы просматривали утренние газеты, сэр?

— М-м-м... да.

— Наша политика изменилась. Помощник Секретаря Роббинс и я хотели бы получить инструкции относительно новой политики.

— Какой новой политики?

— Вашей новой политики, касающейся хрошии, господин Секретарь. Или газеты ошибаются?

— А? Ну, это не совсем точно. Они, конечно, несколько преувеличили. Но политика не меняется. Я просто сказал людям то, что они должны знать.

— То, что они должны знать. — Мистер Кику сцепил пальцы рук. — Ах, да. В правительстве, действующем на основе свободного волеизъявления свободных людей, это действительно так. А некий старый бюрократ, подобный вашему покорному слуге, иногда забывает эту фундаментальную истину. Спасибо, что вы мне ее напомнили. — На минуту он потерял свое космическое спокойствие, а затем добавил: — Думаю, сейчас самое время исправить мое упущение и сказать людям все.

— Что вы имеете в виду?

— Ну как же, всю историю целиком, господин Секретарь. Как из-за нашего пренебрежения и неуважения к правам других существ, и сейчас и в прошлом, мы похитили представителя цивилизованной расы. Как только слепой случай сохранил этого инопланетянина в живых! Как в результате этих действий мы поставили нашу собственную планету на грань уничтожения — и как высокоинтеллектуальные личности, представляющие дружественную нам силу (я имею в виду доктора Фтаемла), дали нам понять, что эти хрошии могут в самом деле уничтожить нас. Необходимо также сообщить человечеству, что вчера лишь несколько минут отделяли нас от того, чтобы отдать приказ о нападении на этих инопланетян, — но у нас сдали нервы, и мы решили поторговаться, так как не имели точного представления об их силе, кроме трезвого мнения доктора Фтаемла. Да, вы должны это сказать.

Во время этой тирады рот Макклюра был открыт так же широко, как и его глаза.

— Силы небесные, Генри! Вы что — хотите вызвать бунт?!

— Сэр! Я уже принял все меры, чтобы предотвратить бунт... ксенофобия всегда готова вспыхнуть, а *это*... — он указал на газеты, — может сыграть роль детонатора. Но пусть вас это не останавливает. Мы, бюрократы,

страдаем патерналистским отношением, когда проще делать то, что нам кажется благом, и потом уже сообщать об этом... скажем, о том, как мы раздумывали, вступить ли в переговоры или же взорвать корабль. Господин Секретарь, помните ли вы, что этот Совет, членом которого вы являетесь, несет ответственность не только перед Северо-Американским Союзом, не только перед людьми Земли, но и перед всеми суверенными членами Федерации, и на Земле, и где бы то ни было?

— Ну и что с того? Главная сила — это мы.

— Что вы имеете в виду, говоря «мы»? Конечно, не мою маленькую страну. Я думаю, что если эта проблема будет вынесена на голосование в Совет, сможет ли он проголосовать за то, чтобы отдать одного малозначащего гражданина, дабы избежать риска межзвездной войны? И как, интересно, проголосует Марс?

Секретарь встал и стал мерить шагами свой кабинет. Кабинет занимал большое помещение, куда больше, чем у Кику. Остановившись в дальнем его конце, Макклор стоял и смотрел на Башню Трех Планет, на Зал Цивилизаций. Мистер Кику сидел молча. Вес Роббинс заворочался в кресле, вытянув перед собой длинные ноги. Он полировал ногти карманным ножом; длинные и черные, они давно нуждались в уходе.

Макклор внезапно повернулся к мистеру Кику.

— Видите ли, Генри, если бы вы не играли словами, я не оказался бы в таком положении.

— В таком положении?

— Да, именно. О, я знаю ваше искусство говорить витиевато и запутанно, но я не вчера родился. Вы отлично знаете, что если бы мы сообщили прессе все эти несущественные детали... все эти глупости, которыми вас снабдил доктор Фатима... или как его там... это раригиллианское чудовище... да, и вы угрожаете сообщить прессе, что я недрогнувшей рукой был готов отдать приказ о нападении... о чем я впервые слышу!.. Эти шакалы получили бы все, что им необходимо, и в Совете поднялся бы такой шум, что был бы слышен до Плутона! Все правительства снабдили бы своих делегатов специальными инструкциями, и, возможно, блок Земли был

бы забаллотирован. И как раз во время этой сложной Трехсторонней Конференции... это было бы губительно! Да, именно так... *губительно!* — Макклюр перевел дыхание. — Нет, вы так просто не уйдете! Вы уволены... понимаете меня? Уволены! Я позабочусь, чтобы найти подходящий предлог, но это будет сделано — и немедленно! Я увольняю вас. Можете отправляться домой.

— Очень хорошо, господин Секретарь, — бесстрастно сказал мистер Кику и, встав, направился к дверям, ведущим в его кабинет.

В тишине громко щелкнул складной ножик Веса Роббинса. Роббинс встал.

— Подождите, Генри! Мак...

Мистер Макклюр оглянулся.

— Что? А вы что тут делаете? И я вам не «Мак» — здесь официальное учреждение. Здесь я — Секретарь, как только что дал понять Кику.

— Да, пока еще вы Секретарь — на ближайшие два часа, не больше.

— Что? Не будьте смешны! Вес, вы вынудите меня уволить и вас, если будете говорить со мной подобным образом. Мистер Кику, вы можете идти.

— Не уходите, Генри! И перестаньте лезть из кожи, Мак. Вы не можете уволить меня: я ушел со службы десять минут назад. Мак, вы в самом деле ничего не понимаете? Вспомните, я знал вас еще тогда, когда вы были свежееиспеченным сенатором, мечтающим, чтобы ему посвятили пять строчек в колонке светских сплетен. Тогда вы мне нравились. У вас было чисто звериное чутье, которое так редко встречается. А теперь вы готовы выбросить меня на свалку, и вы мне больше не нравитесь. Но, в память о былых днях, скажите мне: почему вы так стремитесь перерезать собственное горло?

— Что? Ну, уж только не мое. Я не из тех, кто позволяет перерезать себе горло. Я видел, как это делалось... Но Кику не на того напал.

Роббинс медленно покачал головой.

— Мак, вы сами пускаете себя ко дну. Вам лучше отрезать Генри язык прежде, чем газетчики доберутся до него. Можете использовать мой нож.

Макклор потерял было дар речи, но оправился и рывкнул:

— Мистер Кику! Вы не имеете права говорить с прессой. Это приказ!

Роббинс откусил заусеницу, сплюнул и сказал:

— Ради бога, Мак! Вы не можете одновременно увольнять его и запрещать ему говорить...

— Секреты Департамента...

— Эти департаментские секреты — мое больное место! Может быть, в соответствии с ними, вы имеете право назначить ему какое-то особое выходное пособие, но неужели вы думаете, что его это остановит? Генри — человек, у которого нет страхов, нет надежд, нет иллюзий, и вы не можете дотянуться до него. И если все, что он может рассказать репортерам, вы окрестите «секретами», это принесет вам куда больше вреда, чем если вы не будете дурачить их.

— Могу я сказать несколько слов?

— А? Пожалуйста, мистер Кику.

— Благодарю вас, господин Секретарь. Я не собираюсь сообщать прессе аспекты этого дела. Я просто хотел доказать, доводя ситуацию до абсурда, что правило, по которому народ должен быть информирован... может, как и каждое правило... привести к неприятным результатам, если его применять слепо. Я вижу, что вы действовали непродуманно, сэр. Я хотел удержать вас от дальнейших необдуманных поступков, пока мы не выработаем меры, которые смогут предотвратить неприятности.

Макклор внимательно посмотрел на Кику.

— Что вы имеете в виду, Генри?

— Я всегда имею в виду только то, что говорю. Это экономит время.

Макклор повернулся к Роббинсу.

— Вы видите, Вес? Не на то дерево лаает. Генри благородный человек, если даже мы и расходимся с ним во мнениях. Видите ли, Генри, я поторопился. Я решил, что вы мне угрожаете. Забудьте все, что я говорил относительно вашей отставки и принимайтесь за дело. Ну?

— Нет, сэр.

— Что я слышу? Хватит, человеке, не будьте ребенком. Я был вне себя. Я был оскорблен, я сделал ошибку. Я извиняюсь. Кроме того, мы не должны забывать о благе общества.

Роббинс оскорбительно хмыкнул. Мистер Кику был вежлив.

— Нет, господин Секретарь, на меня это не действует. После того, как я один раз был вами уволен, я не могу больше пользоваться таким вашим доверием, которого требует работа под вашим руководством. Дипломат может действовать, только если ему доверяют; часто это его единственное оружие.

— М-м-м... ну, я готов признать, что ошибался. В самом деле.

— Я верю вам, сэр. Могу ли я высказать последнее и совершенно неофициальное предположение?

— Что за вопрос, конечно, Генри.

— Кампф будет самым подходящим человеком для обыденной работы, пока вы не подберете новую команду.

— Да, да, конечно. Если вы так считаете, так оно и должно быть. Но, Генри... он будет исполнять эти обязанности только временно, пока вы все не обдумаете. Потом мы скажем, что он плохо себя чувствует или что-то в этом роде.

— Нет, — холодно откланялся мистер Кику и направился в свой кабинет.

Но прежде чем он сделал несколько шагов, Роббинс гаркнул:

— Вы, двое, успокойтесь. Ничего еще не решено. Макклор! Вы сказали, что Генри благородный человек. Но вы кое-что забыли.

— Да? Что именно?

— Генри всегда играет строго по правилам. Что же касается меня, я вырос на заднем дворе и меня все эти тонкости не интересуют. Я соберу ребят и все им выложу. Я им расскажу, где собака зарыта, кто тележку опрокинул и кто кладет ноги на стол.

— Если вы сообщите такие непроверенные сведения, — возмутился Макклор, — не рассчитывайте, что

вам когда-нибудь удастся получить работу при нынешней администрации!

— Не угрожайте мне, вы, перезревшая тыква! Карьера меня не интересует, и без работы я не останусь. После того, как я спою свою песенку, меня ждет работа в «Столице — от и до», где я буду вести колонку и с удовольствием рассказывать читателям, как живут наши супермены.

— Вам совершенно чужды всякие понятия о верности и благородстве.

— В ваших устах, Мак, это звучит поистине прекрасно. А чему верны вы? Только стремлению сберечь свою политическую физиономию?

— Это в самом деле не совсем благородно, Вес, — мягко вмешался мистер Кику. — Секретарь совершенно твердо высказывался относительно того, что мальчик не должен быть принесен в жертву.

— О'кей, Мак, запишем это на ваш счет. Но вы хотели принести в жертву сорок лет беспорочной службы Генри, чтобы спасти свою собственную отвратную физиономию. И не беспокойтесь: что касается меня, я позабочусь, чтобы она украсила первые полосы всех газет. Мак, больше всего газетчики не терпят тех, кто рвется в заголовки. В стремлении человека видеть свое имя набранным большими буквами есть что-то омерзительное и отвратное. Я не могу переделать вас, да и не хочу, но будьте уверены, ваше имя будет вынесено во все заголовки, вот такими буквами... но это будет в последний раз, пока...

— Что вы имеете в виду... «пока»?

— Пока мы не соберем Шалтая-Болтая опять.

— Ах, вот как? Смотрите, Вес, я ни с чем не посчитаюсь.

— Конечно, вы так и будете действовать. — Роббинс нахмурился. — Яснее ясного. Можно преподнести голову Генри на блюде. Взвалить на него всю ответственность за вчерашнее интервью. Он дал вам неправильный совет. Он уволен — все довольны и ликуют.

— Так я и предполагал. И я буду рад помочь... советом, как завершить всю эту историю с хрошии, — вмешался мистер Кику.

— Но вы не радуйтесь, Мак, — предупредил Роббинс. — Это вполне приемлемое решение, и оно сработает... потому что Генри мыслит гораздо шире, чем вы, и не изменяет своим взглядам. Но это не то, что мы собираемся делать.

— Но если сам Генри согласен, то ради высших интересов...

— Бросьте! На блюде будет голова не Генри, а ваша.

Их взгляды встретились. Наконец Макклор сказал:

— Если вы собираетесь так действовать, можете убираться. Если вы хотите драки, вы ее получите. И первая история, которая получит огласку, будет о том, как я уволил вас обоих за нелояльность и некомпетентность.

Роббинс нахально усмехнулся.

— Надеюсь, вы так и поступите. Вот тогда-то я и посмеюсь. Хотите послушать, как пойдут дела?

— Ну что ж... попробуйте.

— Так или иначе, с вами все ясно. А теперь помолчите и дайте мне сказать. С вами покончено, Мак. Я не специалист по ксенологии, но даже я вижу, что может дать цивилизации ваш подход. Вы действуете как сельский судья в таком тонком и деликатном деле, как отношения с негуманоидными расами. Именно поэтому вы дошли до точки. Вопрос стоит так: хватит ли у вас сил выбрать нелегкий путь? Или вы выберете путь полегче, чтобы заработать пару напыщенных фраз в учебнике истории?

Макклор насупился, но Роббинса не прерывал.

— Я вынужден выложить то, что мне известно, — продолжил Вес. — Произойдет одно из двух. Или же Генеральный Секретарь вышвырнет вас к чертовой матери, или же он рискнет вернуть вас и быть готовым к тому, что Совету будет выражено недоверие. Так оно и будет. Марсианская Община с визгом и воплями ударится в паническое бегство, Венера последует за ней, а внешние колонии и присоединившиеся к нам ксенокультуры примкнут к ним. И, в конце концов, вы обнаружите, что большинство народов Земли требует, чтобы Северо-Американский Союз выдал виновную личность, чтобы избежать окончательного банкротства Федера-

ции. Единственное, что вы должны сделать, — это толкнуть первую костяшку домино; остальные упадут сами собой... и вы будете погребены под ними. Вас не выберут даже ловцом бродячих собак и кошек. Но есть и более простой путь. Вы уходите в отставку... но мы не сообщаем об этом примерно в течение двух недель... Генри, как вы думаете, двух недель хватит?

— Должно хватить, — серьезно сказал мистер Кику.

— В течение этого времени вы и нос не высунете без разрешения Генри. Слова не скажете, пока я это слово не одобрю. Затем, на вершине славы, после окончания Дела Хрошии, которое увенчает вашу карьеру, вы уйдете в отставку. Может быть, со временем появится возможность дать вам какую-нибудь должность попышнее... если только вы будете хорошим мальчиком. А, Генри?

Мистер Кику кивнул.

Макклюр перевел взгляд с бесстрастного лица Кику на Роббинса.

— Вы двое устроили заговор против меня. А как вы посмотрите на то, если я вас обоих пошлю к дьяволу?

— Поверьте мне, это ничего не изменит. После того, как администрация рухнет, новый Генеральный Секретарь вернет Генри из отставки, на ваше место сядет надежный человек, и Генри начнет выкручиваться с хрошии. Будет потеряно три дня или того меньше. Отмыть вас добела почти невозможно, но мы хотим дать вам шанс. Так, Генри?

— Так будет лучше всего. Не будем выносить сор из избы. Грязное белье не стоит перетряхивать на людях.

Макклюр пожевал губами.

— Я должен все это обдумать.

— Отлично! Я подожду, пока вы с этим справитесь. Генри, почему бы вам не вернуться к работе? Держу пари, что эта чертова панель светится, как рождественская елка.

— Очень хорошо, — и мистер Кику покинул помещение.

Его панель в самом деле напоминала праздничный фейерверк, в котором выделялись три красных огонька и дюжина желтых. Он справился с самыми срочными вызовами, быстро разделался с остальными и принялся

разгребать свою корзину, стремительно подписывая все, что ему попадалось.

Едва он задробил выездную визу весьма выдающегося лектора, вошел Роббинс и бросил на стол бумагу.

— Его отставка. Надо сразу же показать ее Генеральному Секретарю.

Мистер Киду взял документ.

— Я это сделаю.

— Я не хотел, чтобы вы присутствовали при том, как я ему выкручивал руки. Без свидетелей легче говорить «Ой, дяденька!» Понимаете?

— Да.

— И не роняйте слез. С нас хватит. А теперь я отправлюсь писать речь, которую он произнесет перед Советом. Затем я постараюсь найти ребят, с которыми он говорил прошлой ночью, и, ради блага нашей старой милой планеты, к которой мы все так привыкли, убедить их в дальнейшем придерживаться правильной линии. Им это не понравится.

— Думаю.

— Но им придется с этим смириться. Нам, людям, надо держаться вместе, ведь нас так мало.

— Это я всегда чувствовал. Спасибо, Вес.

— Не стоит благодарности. Я не сказал ему одну вещь...

— А именно?

— Я не сказал ему, что мальчика зовут Джон Томас Стюарт. Я не уверен, что Марсианская Община проглотила бы, не разжевывая, этот факт. Кроме того, Совет мог поддержать Мака... и тогда у нас был бы шанс убедиться, держит ли свое слово хрошианская леди.

— Я тоже думал об этом. Не нашлось времени высказать сомнение.

— Это точно. Так много возможностей держать язык за зубами, что... Чему вы улыбаетесь?

— Я думаю, как хорошо, что хрошии не читают наших газет.

«Судьба? Чушь!»

Миссис Стюарт газеты читала. Гринберг выбился из сил, убеждая ее отправиться в Столицу вместе с сыном. Он не имел права объяснить ей, в чем дело. Но убедил ее встретиться с ним на следующее утро. И, в конце концов, он добился своего, миссис Стюарт согласилась поехать в Столицу на следующее утро.

Когда же он явился за ними, то выяснил, что он уже «персона нон грата». Миссис Стюарт была просто вне себя от ярости и сунула ему газету в лицо.

— Ну и что? Я просмотрел ее в отеле. Сушая ерунда.

— Это я и хотел сказать маме, — мрачно сказал Джон Стюарт, — но она меня не слушает.

— Вам бы лучше помолчать, Джон Томас. Ну, мистер Гринберг? Что вы теперь скажете?

Гринберг не мог подобрать нужных слов. Как только он увидел интервью Секретаря, сразу же попробовал созвониться с мистером Кику, но Милдред сказала, что босс и мистер Роббинс у Секретаря и их нельзя беспокоить. Он сказал ей, что позвонит позже, смутно догадываясь, что хлопот у него еще хватит.

— Миссис Стюарт, вы, конечно, знаете, что газетные сообщения бывают преувеличены. Не было и речи о заложниках, и, кроме того...

— Что вы мне рассказываете, когда здесь все сказано совершенно ясно! Это интервью, которое дал Секретарь по делам космоса. Кто знает лучше? Вы? Или Секретарь?

У Гринберга было свое мнение на этот счет, но он предпочел придерживаться его при себе.

— Прошу вас, миссис Стюарт. Газетные сообщения нельзя принимать на веру. Бывает, что они не имеют ничего общего с действительностью. Я просто прошу вас прибыть в Столицу для спокойного разговора с заместителем Секретаря.

— Ничего подобного! Если заместитель Секретаря хочет видеть меня, пусть он приезжает сюда.

— Мадам, если это будет необходимо, он непременно придет. Мистер Кику — джентльмен, придерживающийся старомодных воззрений, и он никогда бы не заставил леди ехать к нему, если бы это не было связано с общественными делами. Вы же знаете, что сейчас идет межпланетная конференция?

— Я взяла за правило, — чопорно ответила миссис Стюарт, — никогда не интересоваться политикой.

— Кое-кто из нас должен этим заниматься. — Гринберг вздохнул. — Из-за этой конференции мистер Кику не может прибыть сюда. Но мы надеемся, что вы пойдете ему навстречу.

— Мистер Гринберг, я дала свое согласие с большой неохотой. Теперь я выяснила, что вы обманывали меня. Почему я должна верить вам? Вы готовите какой-то фокус? Заговор, чтобы отдать моего сына этим чудовищам?

— Мадам, клянусь честью офицера Федерации и заверяю вас...

— Избавьте меня, мистер Гринберг. А теперь вы должны извинить меня...

— Миссис Стюарт, я прошу вас. Если вы только...

— Мистер Гринберг, не заставляйте меня проявлять невежливость по отношению к гостю. Мне нечего больше сказать.

Гринберг ушел. На пороге он оглянулся, надеясь увидеть мальчика, но Джон Томас исчез. Гринберг вернулся в отель. Он не собирался возвращаться в Столицу, не завершив свою миссию, но он понимал, что сейчас, пока миссис Стюарт не остыла, говорить с ней бесполезно.

В надежде избежать репортеров, он попросил водителя аэротакси опуститься на крышу отеля, но репортер с диктофоном уже ждал его там.

— Полминутки, господин Посланник. Мое имя Хови. Нельзя ли несколько слов относительно заявления мистера Маккляюра?

— Комментариев не будет.

— Иными словами, вы согласны с ним?

— Комментариев не будет.

— Значит, не согласны?

— Комментариев не будет. Я спешу. — Это было правдой: он торопился позвонить и выяснить, во имя всех голубых Галактик, что же там в самом деле произошло.

— Простите, одну секунду. Вествилл — довольно отдаленное место, и я хотел бы узнать все из первых уст прежде, чем из центральной конторы приедет тяжеловес, который меня просто задвинет в угол...

Гринберг задумался... как бы он ни относился к прессе, парень прав; Сергей знал, как это бывает, когда кто-то постарше отнимает у тебя из-под носа тему.

— О'кей. Но давайте побыстрее. Я в самом деле спешу. — Он вынул сигареты. — Огонька не найдется?

— О, конечно! — Они закурили, и Хови продолжил: — Люди говорят, что эта бомба Секретаря — всего лишь дымовая завеса и что вы явились сюда, чтобы заполучить мальчишку Стюарта и передать его этим типам хрошии. Как насчет этого?

— Комментариев не... Впрочем, сделаем так: точно процитируйте меня. Никто из граждан Федерации не был и не будет выдан заложником кому бы то ни было.

— Это официальное заявление?

— Официальное, — твердо сказал Гринберг.

— Тогда что вы здесь делаете? Я понимаю, что вы хотите доставить Стюарта и его мать в Столицу. Но анклав Столицы не является легальной частью Северо-Американского Союза, не так ли? Если они окажутся там, наши местные национальные власти будут не в состоянии защитить их.

Гринберг гневно вздернул голову.

— Каждый гражданин Федерации находится у себя дома в анклав. Он обладает теми же правами, что и у себя на родине.

— Чего ради они нужны там?

Гринберг соврал легко и без запинки.

— Джон Томас Стюарт знает психологию хрошии лучше других людей. И поскольку мы имеем с ними дело, мы нуждаемся в его помощи.

— Вот это да! «Мальчик из Вествила становится дипломатическим послом». Как вам такой заголовок?

— Звучит отлично, — одобрил Гринберг. — Ну, хватит с вас? Я спешу.

— Вполне, — согласился Хови. — Растяну на тысячу слов. Спасибо, господин Посланник. Увидимся позже.

Спустившись, Гринберг запер двери и направился к телефону, твердо решив дозвониться до Департамента, но его опередили. С экрана ожившего аппарата на него смотрел шериф Дрейзер.

— Господин Посланник Гринберг...

— Как поживаете, шериф?

— Неплохо, благодарю вас. Но, мистер Гринберг... мне только что позвонила миссис Стюарт.

— Да? — Гринберг ощутил острое желание съесть одну из пилюль своего шефа.

— Мистер Гринберг, мы всегда старались относиться к вам по-джентльменски.

— Неужели? — едко отпарировал Гринберг. — Неужели, когда вы пытались уничтожить хрошиа, не дожидаясь утверждения решения, это тоже было джентльменским отношением?

Дрейзер побагровел.

— Это было ошибкой. Но это не имеет ничего общего с тем, что я должен вам сказать.

— Например?

— Сын миссис Стюарт исчез. Она считает, что он должен находиться у вас.

— Вот как? Она ошибается. Я не знаю, где он.

— Это правда, господин Посланник?

— Шериф, я не привык, чтобы меня называли лжецом. Но Дрейзера уже понесло.

— Извиняюсь. Но вот что я должен добавить. Миссис Стюарт не хочет, чтобы ее сын покидал город. И полиция дала ей стопроцентную гарантию в этом.

— И правильно сделала.

— Не сбивайте меня с толку, господин Посланник.

Вы очень важное официальное лицо — но если вы выходите за рамки своих полномочий, вы становитесь обыкновенным гражданином. Я читал это сообщение в газете, и оно мне не нравится.

— Шериф, если вы считаете, что я делаю что-то недозволенное, прошу вас выполнять свои обязанности.

— Так я и буду действовать, сэр. Именно так.

Отключившись, Гринберг снова стал названивать, но потом задумался. Будь у босса новые инструкции, он обязательно выслал бы их... но Кику не терпел тех полевых агентов, которые, едва их просквозит неожиданным ветерком, начинают кричать «мама!». Он должен переубедить миссис Стюарт — или сидеть ему здесь до зимы.

Пока он предавался размышлениям, аппарат снова ожил; ответив, он обнаружил, что смотрит на Бетти Соренсен. Она улыбнулась и сказала:

— Это мисс Смит.

— М-м-м... как поживаете, мисс Смит?

— Хорошо, спасибо. Но к делу. У меня есть клиент, мистер Браун. Он спешно хочет отправиться в путешествие. И вот что он хочет знать: в том городе, куда он намеревается отправиться, у него есть друг, и если он решится на путешествие, сможет ли он увидеть своего друга?

Гринберг быстро обдумал ситуацию. Хрошии кишат вокруг Луммокса как мухи; отпустить к ним мальчика было бы опасно, и мистер Кику никогда бы не стал настаивать на этом.

Но ведь, если необходимо, полиция может окружить космопорт непроходимой «липучкой»! А хрошии отнюдь не сверхсущества.

— Сообщите мистеру Брауну, что он увидит своего друга.

— Благодарю вас. Скажите, может ли ваш пилот взять нас на борт?

Гринберг помедлил с ответом.

— Для мистера Брауна лучше отправиться в путешествие на коммерческой линии. Минутку. — Он нашел расписание полетов, которое висело в каждой комнате отеля. — Корабль отправляется примерно через час. Он успеет?

— О, да. Но... видите ли, вопрос упирается в деньги.

— Не позволите ли предоставить вам небольшой заем? Вам, а не мистеру Брауну.

Бетти расплылась в улыбке.

— Это было бы прекрасно!

— Не подскажите ли, как я могу вам его передать?

Бетти подсказала — в закусочной «Шоколадный бар», напротив Центральной школы. Через несколько минут Гринберг ждал ее там, потягивая кофе с молоком. Бетти влетела в кафе; он передал ей конверт, и она исчезла. Сергей оставался, пока не выпил кофе, а затем вернулся в отель.

Подождав пару часов, он позвонил миссис Стюарт.

— Я только что получил сообщение, что ваш сын самостоятельно отправился в Столицу. — Подождав, пока она успокоится, он добавил: — Миссис Стюарт, пока я еще в Вествилле, но собираюсь лететь в Столицу. Не хотите ли отправиться вместе со мной? Мой корабль быстрее, чем коммерческие линии.

Через полчаса они приземлились в Столице.

Первым с Джоном Томасом встретился мистер Кику. Достаточно старый, чтобы быть его дедушкой, он встретил Джона Томаса как равного и, поблагодарив за приезд, предложил закусить и освежиться. Затем он сжато рассказал ему, в чем дело: Луммокс отказывается возвращаться домой без Джона Томаса.

— А для хрошии исключительно важно, чтобы Луммокс оказался дома. Важно это и для нас — но по другим причинам.

— Вы хотите сказать, — прямо спросил Джон Томас, — что если я не соглашусь, они угрожают нам войной? Так сказано в газете.

Какое-то мгновение мистер Кику помедлил.

— Они могут пойти на это. Но я хотел посоветоваться с вами не только поэтому. Я сомневаюсь, что они решатся на что-то, если ваш друг Луммокс будет против этого. А Луммокс, конечно же, возмутится, если что-то будет угрожать вам смертью, например, нападение на нашу планету.

— В этом-то я уверен. Но чего ради они будут слушать его? Он что — королевская персона или что-то в этом роде?

— Возможно, именно так, хотя мы пока не разобра-

лись в их обычаях. Но, во всяком случае, желания Луммокса очень важны для них.

Джон Томас в изумлении покачал головой.

— Смешно. А я его еще учил все время...

— Во всяком случае, я не прошу вас спасти нас от возможного военного столкновения. Я прошу вас лишь об одной услуге, которая принесет только пользу, а не вред; мы хотим установить с ними дружественные отношения. И я пригласил вас сюда, чтобы услышать ваши намерения. Если бы я счел возможным, чтобы вы отправились с Луммоксом на эту планету, — они называют ее Хрошииюд — что бы вы сказали? Хорошенько подумайте, не торопитесь с ответом.

— Мне не надо обдумывать. Я поеду.

— Не торопитесь.

— Я не тороплюсь. Я необходим Лумми. С чужими он никогда не будет счастлив. Кроме того, он мне тоже нужен. Вы же не думаете, что я его брошу?

— Нет, не думаю. Но это серьезное решение. Вам придется отправиться примерно за тысячу световых лет от дома.

Джон Томас пожал плечами.

— Там был мой пра-прадедушка. Почему я не могу?

— М-м-м... да. Я запомнил, чей вы потомок. Не хотите ли поинтересоваться, кто еще из людей отправится вместе с вами? Или вам все равно?

— Что? — Джон Томас задумался. — Это решится само собой. Такие детали — не мое дело.

— Мы тщательно проработали их, — ответил мистер Кику. Он встал. — Спасибо, что пришли.

— Не стоит благодарности, сэр. И... когда я смогу увидеть Луммокса?

Мистер Кику задумчиво закусил губу.

— Не сразу, первым делом кое-что еще надо отрегулировать. Пока у вас есть время, повеселитесь. Я выделил специального человека, который будет сопровождать вас и оплачивать ваши расходы. Кроме того, он будет вашим телохранителем.

— Телохранителем? Чего ради? Я уже вырос.

— Без сомнения. Но, кроме всего прочего, мне бы не хотелось, чтобы вас донимали репортеры. Понимаете? Конечно, я могу вас только просить об этом.

— О да, мистер Кику... если это нужно.

— Нужно.

Джона Томаса мистер Кику принимал в своем кабинете; миссис Стюарт — в роскошно убранном помещении рядом с конференц-залом, обстановка которого была тщательно продумана психологом с целью производить впечатление на посетителей. Мистер Кику понимал, что ему предстоит нелегкая встреча.

Он вежливо предложил ей чай, придерживаясь в начале разговора общих мест.

— Очень любезно с вашей стороны, мадам, что вы откликнулись на мое приглашение. Сахар? Лимон?

— Благодарю вас, не надо. Мистер Кику, первым делом я хочу внести ясность...

— Попробуйте эти маленькие пирожные. Удобно ли устроил вас мистер Гринберг?

— Что? Ах, да, прекрасный номер, с великолепным видом на Небесный Сад. Но, мистер Кику...

— Прошу прощения, что вынудил вас явиться ко мне. Но я узник своих обязанностей. Понимаете, в каком я положении? — Он беспомощно вскинул руки. — Я никак не могу покинуть Столицу.

— Да, я это понимаю, но...

— Я ценю вашу отзывчивость. Вы можете оставаться здесь в качестве нашего официального гостя, сколько вам заблагорассудится. В Столице есть что посмотреть, даже если вы бывали в ней не раз... в чем я не сомневаюсь. Уверен, что магазины доставили вам много радости.

— Ну, строго говоря, раньше я здесь не бывала. Что касается магазинов, то некоторые из них в самом деле выглядят интригующе.

— Так пусть они доставят вам удовольствие, моя дорогая леди. Нет никакого смысла из-за дел лишать себя радости. Что же касается дела, я беседовал с вашим сыном.

— Мистер Кику...

— Прошу прощения. Я буду краток. Мы готовим на планету хорошии обширную миссию с культурными и научными целями. Я хочу включить в ее состав вашего сына как специального посла. Он согласен. — Мистер Кику помедлил, ожидая взрыва.

— Это немыслимо! Это даже не подлежит обсуждению.

— Почему, миссис Стюарт?

— Мистер Кику, неужели вы настолько бесчеловечное существо? Я знаю, что вы имеете в виду... вы намереваетесь отдать моего сына, моего единственного сына в качестве заложника этим чудовищам. Невероятно!

Мистер Кику покачал головой.

— Мадам, вас, скорее всего, ввели в заблуждение эти дикие газетные статьи. Но видели ли вы последнюю? Речь Секретаря в Совете?

— Нет, но...

— Я подготовлю для вас экземпляр. Там объяснено, как это глупое недоразумение проникло в печать. И там же подчеркнуто, что Федерация придерживается своей древней и неизменной политики. «Все За Одного...» — если даже необходимо встать против всей Галактики. В данном случае ваш сын и есть этот «Один»; за ним стоит много планет. Но главное в том, что ваш сын будет участником мирной миссии, направляющейся к дружественной расе. Он поможет строить мост культуры между двумя цивилизованными, но очень разными расами.

— Хм-м-м! В газетах сказано, что эти хрошии потребовали от вас, чтобы вы немедленно доставили им моего сына. Объясните мне это, если сможете!

— Тут виноваты трудности перевода. Да, они говорили конкретно о вашем сыне, называя его по имени, но выражая желание видеть его от имени того, кто в течение долгих лет жил у вас, — Луммокса. Потому что Луммокс глубоко привязан к вашему сыну. Эта дружба между двумя существами, столь разными по форме, по образу мышления, по конструкции — одна из самых величайших удач, которые только выпадали на долю нашей расы с тех пор, как выяснилось, что мы не единственные избранники Всевышнего. Это стечение обстоятельств позволит нам одним махом перекинуть мост через пропасть взаимного непонимания, преодоление которой обычно связано с годами заблуждений и трагических ошибок. — Он помолчал и добавил: — Я не могу не думать о вашем сыне, как о подарке судьбы.

Миссис Стюарт фыркнула.

— Судьбы? Чушь!

— Вы в этом уверены, мадам?

— В этом-то я могу быть уверена: мой сын *никуда* не отправится. На следующей неделе он проследует в свой колледж.

— Вас беспокоят проблемы его образования, мадам?

— Что? Да, конечно. Я хотела бы, чтобы он получил хорошее образование. Его отец специально для этого оставил средства — и я выполняю его волю.

— Я могу успокоить вас. Вместе с посольством мы высылаем миссию по вопросам культуры, экономики и торговли, научную миссию и много других специалистов самого высокого класса. Ни один колледж не может собрать у себя такое созвездие талантов. Это трудно даже для больших институтов. Ваш сын будет проходить обучение, и не от случая к случаю, а систематически. Если он получит ученую степень, она будет утверждена... м-м-м, ну, скажем, в Институте Внешних Наук. — Он улыбнулся. — Это вас устроит?

— Господи, в жизни не слышала такого глупого предложения. Кроме того, институт — это не колледж.

— Степени он присуждать может. Но это не самое важное, мадам. Суть дела в том, что ваш сын получит высшее образование, не имеющее себе равных. Я знаю, что он хочет изучать ксенологию. Не только у его учителей будут для этого прекрасные возможности, но и он, в сущности, будет жить в подлинной ксенологической лаборатории и принимать участие в исследованиях. Мы так мало знаем о хрошии; ваш сын будет работать на передних рубежах науки.

— Он *не будет* изучать ксенологию.

— Вот как? А он говорил мистеру Гринбергу, что хотел бы...

— Да, у него есть эти глупые идеи, но я не намерена поддерживать их. Он будет изучать какую-нибудь настоящую профессию — юриспруденцию, например.

Брови мистера Кику поползли вверх.

— Прошу вас, миссис Стюарт, — мягко сказал он. — Я сам юрист. И он может оказаться на моем месте.

Миссис Стюарт подозрительно взглянула на Кику. Он продолжал:

— Не можете ли вы сказать мне, почему вы собираетесь помешать ему?

— Но я не... Я не вижу причин, почему я должна. Мистер Кику, эта дискуссия не имеет смысла.

— Думаю, вы ошибаетесь, мадам. Могу ли я рассказать вам одну историю. — Получив согласие, мистер Кику продолжил: — Эти хрошии совершенно непохожи на нас. То, что привычно для нас, вызывает у них удивление и так далее. Единственное, что нас сближает — это то, что обе расы разумны. Их недружелюбие по отношению к нам настолько непреодолимо, что я бы впал в отчаяние, если бы не одна вещь. Вы не догадываетесь, какая?

— Откуда? Я не могу себе представить.

— Ваш сын и Луммокс. Их отношения доказывают, что мы можем многого добиться, если очень постараемся. Но я отвлекся. Много лет назад, больше сотни, молодая хрошиа, встретив приятного незнакомца, последовала за ним. Вы знаете нашу половину истории. Разрешите, я поведаю вам ее продолжение, я услышал его с помощью переводчика и наших ксенологов. Маленькая хрошиа была очень важна для своих соплеменников; они сбились с ног в ее поисках. У них для продолжения рода необходимо сплетение шести различных генетических разновидностей... словом, в этих тонкостях надо долго разбираться.

Своя роль была у маленькой хрошиа, роль, предназначенная ей две тысячи лет назад, во времена Иисуса Христа. Ее участие было необходимым звеном в огромном мероприятии для расы, которая должна развиваться. Развитие ее длилось, должен сказать, тридцать восемь тысяч лет, наших лет. Можете ли вы представить себе это, миссис Стюарт? Мне лично трудно. План этот реализовывался в те времена, когда кроманьонец спорил с неандертальцем за нашу планету... но, может быть, мое беспокойство объясняется тем, что мы самая недолговечная раса из тех, что встретились нам в космосе.

Что бы сделали мы, если бы наш ребенок пропал и о нем ничего не было бы слышно более ста лет? Не стоит даже говорить об этом; но наши возможные действия не имеют ничего общего с поведением хрошии. Ее благополучие не очень беспокоило их; они не думали о ней, как о мертвой... они считали, что она находится в другом месте, — и все. Так просто они не умирают. Даже голодая, они не умирают. Может быть, вы слышали о плоских червях? Об эйпланариях?

— Я никогда не проявляла интереса к ксенобиологии, мистер Кику.

— Мне было свойственно то же заблуждение, мадам. Я всегда спрашивал: «А что это за планета?» Эйпланарии — наши родственники; на Земле гораздо больше плоских червей, чем людей. Но их характеризует нечто общее с хрошии: и те, и другие особи растут, когда их кормят, и усыхают в период голодовки... что делает их практически бессмертными, если исключить несчастные случаи. Я все время удивлялся, почему Луммокс значительно больше остальных хрошии. Тайны здесь нет... вы кормили Луммокса слишком хорошо.

— Сколько раз я говорила об этом Джону Томасу!

— Ничего страшного не произошло. Они уже пытаются вернуть ее к нормальным размерам. И похоже, хрошии не гnevаются на нас за кражу, или похищение, или умыкание их младенца. Они знали, что ее порода характеризуется живостью и любовью к приключениям. Но она нужна им, и они искали ее год за годом, исходя из того, что она могла исчезнуть лишь с помощью определенной группы визитеров из космоса; они знали, как те выглядят, но не знали, из какой части космоса они явились.

Такая неопределенность могла бы обескуражить нас... но только не их. Я лишь смутно представляю себе, как в течение ста лет они просеивали слухи, задавали вопросы, исследуя одну странную планету за другой, — для них это время прошло, как для нас несколько месяцев. Наконец они нашли ее. Они не проявили в наш адрес ни гнева, ни благодарности: они просто не брали нас в расчет.

Это может быть нашим единственным контактом с благородными хрошии, если мы не используем представившуюся нам возможность для развития отношений. Хрошиа, ныне выросшая до столь внушительных размеров, но продолжающая оставаться ребенком, отказывается покидать Землю без своего друга, своего чудовища — с их точки зрения. Они находятся в ужасном положении, но они не могут ее заставить. И я прошу вас представить, какое горькое разочарование они испытывают в настоящий момент... все готово для продолжения рода, запланированного в те времена, когда Цезарь завоевывал Галлию, все остальные генетические разновидности, полные сил, готовы к исполнению своих функций... а Луммокс отказывается возвращаться домой. Она не проявляет никакого интереса к своему предназначению... учтите, она еще

очень молода: наши собственные дети в таком возрасте так же далеки от понятия социальной ответственности. Во всяком случае, она не двинется с места без Джона Томаса Стюарта. — Мистер Кику простер руки. — Понимаете ли вы сложность положения, в котором они находятся?

Миссис Стюарт поджала губы.

— Простите, но меня это не касается.

— Понимаю. В таком случае, самое простое, что мы можем сделать, это вернуть Луммокса домой... к вам домой, я имею в виду... и...

— Что? О, нет!

— Мадам?

— Вы не имеете права возвращать это животное! Я не позволю.

Мистер Кику потер подбородок.

— Я не понимаю вас, мадам. У Луммокса есть дом; он был им задолго до того, как стал вашим. Луммокс, как я прикидываю, прожил в нем в пять раз дольше вас. И если мне не изменяет память, он принадлежит не вам, а вашему сыну. Не так ли?

— Я не хочу иметь с ним ничего общего! Вы не имеете права навязывать мне это животное!

— Суд может решить, что за него отвечает ваш сын. Но к чему так все усложнять? Я все время пытаюсь понять, почему вы столь явно противитесь благополучию вашего сына?

Миссис Стюарт сидела молча, с трудом переводя дыхание, и мистер Кику не прерывал ее молчания. Наконец она сказала:

— Мистер Кику, я потеряла в космосе мужа, и я не позволю сыну идти по тому же пути. Я настаиваю на том, чтобы он оставался и жил на Земле.

Мистер Кику печально покачал головой.

— Миссис Стюарт, сыновей мы теряем, едва только они появляются на свет.

Вынув платок, миссис Стюарт приложила его к глазам.

— Я не могу позволить ему уйти в космос... он всего лишь маленький мальчик!

— Он мужчина, миссис Стюарт. На поле битвы умирали те, кто был моложе его.

— Неужели, по вашему мнению, это единственный удел мужчины?

— Я не знаю лучшей доли. Я зову моих помощников «мальчиками», — продолжал он, — потому что я стар. Вы считаете своего сына мальчиком, потому что вы относительно немолоды. Простите меня. Но считать, что мальчик становится мужчиной после определенного дня рождения, — это заблуждение. Ваш сын — мужчина, и у вас нет морального права относиться к нему, как к ребенку.

— Вы говорите ужасные вещи! Это неправда: я всего лишь стараюсь помочь ему и уберечь от неверных шагов.

Мистер Киду печально усмехнулся.

— Мадам, самое распространенное заблуждение, свойственное нашей расе, — это способность рационально объяснять своекорыстные интересы. Я повторяю, у вас нет права ломать его характер.

— У меня больше прав, чем у вас! Я его мать.

— Неужели «родитель» означает то же, что и «владелец»? В любом случае, мы на разных полюсах: вы стараетесь подавить его, я же стараюсь помочь ему делать то, что он хочет.

— Исходя из самых низменных мотивов!

— Ни ваши, ни мои не являются таковыми. — Киду встал. — Если вам нечего больше сказать, дальнейший разговор представляется мне бесплодным. Приношу свои извинения.

— Я не пущу его! Он еще маленький... у меня есть право!

— Ограниченное право, мадам. Он может разойтись с вами.

Миссис Стюарт вздрогнула.

— Он не посмеет! Со своей родной матерью!

— Отчего же? Наш суд по вопросам детства давно пришел к выводу о необходимости арбитражного рассмотрения в тех случаях, когда авторитет родителей превращается в давящее препятствие, мешающее человеку выбирать свой собственный путь; и обычно эти дела решаются однозначно. Миссис Стюарт, думаю, лучше всего принять все случившееся с искренней благодарностью. Не препятствуйте ему, иначе вы потеряете его окончательно. Он улетит.

Недипломатические отношения

Мистер Кикку вернулся в свой кабинет, когда его желудок начали сжимать голодные спазмы, но он не позволил себе терять время на таблетки. Вместо этого он наклонился над панелью.

— Сергей! Немедленно ко мне!

Войдя, Гринберг положил на стол две кассеты пленки.

— С удовольствием избавляюсь. Фу!

— Сотри их, пожалуйста. А также забудь, что когда-нибудь слушал их.

— Буду счастлив. — Гринберг кинул кассеты с пленками в открывшуюся полость. — Неужели вы не могли дать ему что-нибудь успокаивающее?

— К сожалению, нет.

— Вес Роббинс был ужасно груб с ним. Я чувствовал себя подглядывающим в замочную скважину. Чего ради вы пожелали, чтобы я там присутствовал и все слышал? Я не хочу иметь с этим дела. Или я обязан?

— Нет. Но тебе полезно знать, как это делается.

— М-м-м... Босс... хотели ли вы остаться, когда он выгонял вас?

— Не задавай глупых вопросов.

— Простите. А как вы завершили другое нелегкое дело?

— Она его не пускает.

— Вот как?

— Но он улетит.

— Она будет сходить с ума.

— Она сама этого хотела. — Мистер Кику снова наклонился над панелью. — Все?

— Мистер Роббинс на похоронах венерианского министра иностранных дел, — ответил женский голос, — вместе с Секретарем.

— Ах, да. Попросите его связаться со мной, когда он вернется.

— Да, мистер Кику.

— Спасибо, Шицуки. — Заместитель Секретаря повернулся к Гринбергу. — Сергей, твой ранг, когда вы приступили к этому делу, был дипломатический офицер первого класса?

— Был.

— Совершенно верно. Теперь ты будешь действовать в роли старшего дипломатического офицера. Но я не буду оповещать об этом три месяца, чтобы никто не совал сюда носа.

— Прекрасно. Но чем я заслужил? Тем, что регулярно чищу зубы? Или кому-то нравится, что мой атташе-кейс всегда отполирован?

— Ты отправишься на Хрошииюд как представитель и глава миссии. Мистер Макклор будет послом, но я сомневаюсь, что он сможет выучить язык... Это потребует от тебя дополнительных усилий по исполнению и его обязанностей. Поэтому ты должен освоить их язык хотя бы в рабочих пределах. Понимаешь меня?

Гринберг прикинул, что его ждет: Макклор будет говорить с хрошии через него, что сделает Макклора полностью зависимым и заставит его ходить по струнке.

— Да, — задумчиво ответил он, — но как насчет доктора Фтаемла? Посол будет использовать его как переводчика куда чаще, чем меня.

Мысленно Сергей добавил: «Не делайте этого; если рядом будет Фтаемл, Макклор обойдется без меня... и

я останусь на бобах в девятистах световых лет от Земли, без всякой помощи».

— Ты уж прости меня, — ответил Кику, — но я не могу уступить тебе Фтаемла. Я предпочту видеть его здесь как переводчика при миссии хрошии, которую они оставляют здесь. Он согласен.

— Если мне придется иметь дело с хрошии, — нахмурился Гринберг, — я буду с грустью вспоминать его ум. Но когда они успели обо всем договориться? Или я что-то проспал? Или когда я был в Вествилле?

— Они еще не договорились. Но договорятся.

— Я преклоняюсь перед вашей уверенностью, босс. Пока вы вели бои с миссис Стюарт, Фтаемл рассказал, что хрошии продолжают настаивать на прибытии мальчишки Стюарта. Теперь, когда вы знаете, что с ним все в порядке, может быть, стоит их успокоить? Фтаемл уже нервничает. Он говорит, что единственная вещь, которая удерживает их от того, чтобы задать нам жару, это опасение разгневать нашего старого друга Лумкса.

— Нет, — сказал Кику, — мы ничего не будем им говорить. И Фтаемлу тоже. Я хочу, чтобы он сам все понял.

Гринберг принялся грызть костяшки пальцев.

— Босс, — медленно сказал он, — не напрашиваемся ли мы на неприятности? Или вы считаете, что у них нет подавляющего преимущества над нами? И если нам придется помериться с ними, может, мы выиграем?

— Я серьезно сомневаюсь в этом. Но Стюарт — моя козырная карта.

— Так я и думал. Я далек от мысли подсказывать вам, как и что надо делать... но если риск так велик, не вправе ли люди знать, что их ждет?

— Вправе. Но мы ничего не скажем.

— Как и раньше?

Мистер Кику нахмурился.

— Сергей, — медленно сказал он, — это общество было знакомо с кризисами задолго до того, как первая ракета достигла Луны. В течение трех столетий ученые, инженеры и исследователи раз за разом осваивали новые рубежи, сталкивались с новыми опасностями. И

каждый раз политики лезли из кожи вон, чтобы собрать все воедино, напоминая жонглера, запустившего в воздух слишком много предметов и ловящего их. Все это неизбежно.

Но мы избрали республиканскую форму правления, стараемся придерживаться демократических обычаев. Мы можем гордиться этими обычаями. Но настоящей демократии у нас нет и быть не может. И я считаю, наша обязанность — служить обществу, когда оно сталкивается со странными и пугающими мирами. Было бы куда приятнее подвергать каждую проблему широкому обсуждению, выносить ее на голосование, а если коллективное решение оказывается ошибочным, повторять все снова. Мы редко можем позволить себе такую роскошь. Сплошь и рядом мы как пилот, который действует в минуты смертельной опасности. Его ли дело затевать дискуссии с пассажирами? Обязанность пилота в том, чтобы, используя свои знания и опыт, доставить их в безопасности на землю.

— Говорите вы весьма убедительно, босс. Боюсь, что вы правы.

— Боюсь, что так, — сказал мистер Кику. — Я приказал приготовить на завтра конференц-зал для встречи с хрошии.

— О'кей. Я скажу Фтаемлу. Пусть за ночь они успокоятся.

— Так как они все равно взбудоражены, мы еще потянем время до завтрашнего дня и доведем их до точки кипения. — Мистер Кику задумался. — И пусть Фтаемл скажет им вот что. Наши обычаи требуют, чтобы сторона, желающая вступить в переговоры, предварительно высылала подарки: то есть, они должны нас одарить. Скажи им, что богатство подарков будет говорить о серьезности, с которой сторона относится к предмету разговора; неказистые подарки вызовут предубеждение к их предложениям.

Гринберг нахмурился.

— Вы задумали какую-то хитрую штуку, но я пока ничего не понимаю. Фтаемл знает, что наши обычаи не требуют этого.

— Так постарайся убедить его, что он просто не знаком с этим обычаем. Или уговори Фтаемла, что так надо. Я вижу, что его мучает: он должен хранить верность своим хозяевам, но его симпатии принадлежат нам.

— Лучше я его не буду дурачить. Заставлять раргилианина врать, когда он находится при исполнении служебных обязанностей... сомневаюсь, что он сможет это сделать.

— Тогда сформулируй наше требование так, чтобы оно не было ложью. Скажи ему, что это очень старый обычай... что является правдой... и что мы прибегаем к нему только в исключительно важных случаях... как, например, сейчас. Пусть он видит, что ты откровенен и к чему ты стремишься.

— Это можно. Но чего ради, босс? Только, чтобы выиграть дело?

— Совершенно верно. Мы вступаем в переговоры с позиции слабости, начинаем игру со второй руки. И я надеюсь, что проситель, приносящий подарки, — это универсальный символ для Вселенной и даст нам определенное преимущество.

— А вдруг они не примут наше предложение?

— Тогда будем сидеть до последнего, пока они не согласятся. Начиная собирать свою команду, — добавил мистер Кику. — Завтра покажешь мне список.

Гринберг тяжело вздохнул.

— А я еще хотел сегодня пораньше лечь спать.

— При нашей профессии на это трудно рассчитывать. Да, и еще... Как только закончится наша конференция, пошлите знающего человека... Возможно, Питерса... на их корабль, чтобы посмотреть, какие переделки нужно сделать для размещения пассажиров-землян. Затем мы сообщим об этом хрошии.

— Минутку, босс. Я предпочел бы наш корабль.

— Наши корабли последуют за ними, но хрошиа Луммокс полетит с остальными хрошии, а молодой Стюарт будет вместе с Луммоксом. Поэтому ваша миссия разместится тоже на их корабле, мальчика должны сопровождать земляне.

— Да, понимаю.

— Тогда за дело, мой друг.

Конференция

Первый этаж здания Управления Межпланетных Дел был выбран для конференции потому, что двери в его комнатах и залах были достаточно высоки, а полы — достаточно прочны. Безопаснее, конечно, было бы провести конференцию в космопорте, как и предполагал доктор Фтаемл, но мистер Кику настаивал, чтобы хорошие явились к нему и чтобы соблюдены были все формальности дипломатических церемоний. Исходя из требований протокола, мистер Кику и настоял на встрече в конференц-зале, что был у него под боком.

Первыми были доставлены подарки.

Они громоздились по обе стороны огромного зала, впечатляя своим количеством, хотя их ценность и предназначение пока оставались неизвестными; ксенологи Департамента вели себя как дети, рвущиеся к сверткам под новогодней елкой, но мистер Кику приказал им держаться в стороне, пока не окончится конференция.

Сергей Гринберг присоединился к мистеру Кику в комнате для отдыха. Он был встревожен.

— Не нравится мне все это, босс.

Мистер Кику взглянул на Гринберга.

— Почему?

Гринберг посмотрел на остальных присутствующих — Макклюра и двойника Генерального Секретаря. Двойник, неплохой актер, кивнул и вернулся к изучению речи, с которой ему предстояло выступать, а Макклюр раздраженно сказал:

— В чем дело, Гринберг? Эти черти что-то замышляют?

— Надеюсь, что нет, — Гринберг обращался к Кику. — Я все осмотрел с воздуха. Выглядит неплохо. На Бульваре Солнца, отсюда и до порта, стоят баррикады, а за ними столько спецсил, что хватит для небольшой войны. Колонна хрошии только что двинулась из космопорта, и я пролетел над ней. Каждые четверть мили стоят их силы, и в каждом узловом пункте они оставляют какие-то приспособления. Возможно, это всего лишь устройства связи, но я что-то сомневаюсь. Думаю, это оружие.

— Я тоже, — согласился мистер Кику.

Секретарь разволновался.

— Но, послушайте, мистер Кику...

— Прошу прощения, мистер Макклюр. Сергей, Начальник Штаба уже сообщал мне об этом. Я сказал Генеральному Секретарю, что, по моему мнению, мы не должны ничего предпринимать, пока они не попробуют пересечь линию наших заграждений.

— Мы потеряем уйму людей.

— Может быть. Но что бы сделал ты, Сергей, будучи приглашенным во вражеский лагерь на переговоры? Полностью доверился бы врагам? Или бы попытался как-то прикрыть свой отход?

— М-м-м... да.

— Я рассматриваю сложившуюся ситуацию, как наиболее благоприятную для нас из всех, что были раньше. Если они тащат за собой оружие, на что я надеюсь, это значит, что они относятся к нам достаточно серьезно. Никто не будет стрелять из пушек по воробьям. — Он огляделся. — Не пора ли нам идти? Думаю, мы достаточно их потравили. Вы готовы, Артур?

— Конечно, — двойник Генерального Секретаря отбросил в сторону исписанные листки. — Этот парень Роббинс знает свое дело. Ни одно из предложений не

перегружено согласными, а первые пять строк я выплесну прямо фонтаном!

— Отлично. — Они двинулись: актер первым, за ним Секретарь, а за ним — Постоянный Заместитель Секретаря в сопровождении своих помощников.

Из всей длинной процессии хрошии, которая покинула космопорт, в зал вошла только дюжина из них, но даже и сейчас зал оказался заполненным. Мистер Кику с интересом посмотрел на них: ведь он в первый раз оказался лицом к лицу с хрошии. Он удостоверился, что этим существам отнюдь не свойственно выражение дурашливого кукольного добродушия, которое было у Луммокса, хотя парламентареры были меньше Луммокса. Прямо перед платформой стоял один из них, сопровождаемый по бокам двумя спутниками, и все они смотрели в упор на Кику. Взгляд этот был холодный и оценивающий. Мистер Кику ощутил определенное неудобство — ему захотелось опустить глаза. Вместо этого он выпрямился и припомнил, что, по мнению его психотерапевта, взгляд он умеет выдерживать не хуже хрошии.

Гринберг тронул его за локоть.

— Они и сюда притащили оружие, — шепнул он. — Вон там, видите? Сзади?

— Мы не должны показывать, что нам это известно, — спокойно ответил мистер Кику. — Будем считать, что это их аппаратура для трансляции конференции.

Доктор Фтаемл стоял рядом с передним хрошии, и заместитель Секретаря сказал ему:

— Сообщите, что здесь присутствует Генеральный Секретарь. Представьте его как главу семнадцати могущественных планет.

Раргиллианин помедлил.

— А как быть с Президентом вашего Совета?

— В таких случаях обоим представляет Генеральный Секретарь.

— Очень хорошо, мой друг.

Раргиллианин заговорил на высоких тонах, которые напомнили Кику писк игрушечной куклы. Хрошии кратко ответил ему в том же тоне, и внезапно Кику перестал чувствовать напряжение, которое охватило его при виде этих существ. Невозможно испытывать почтение и пре-

клонение по отношению к существу, которое питает, как брошенная кукла. Но он заставил себя вспомнить, что смертельно опасный приказ может быть отдан на любом языке.

Фтаемл обратился к нему.

— Рядом со мной... — Фтаемл издал короткий визг на странном языке, — тот, кто является командиром корабля и главой экспедиции. Она... нет, пожалуй, «он» будет лучше... он — потомственный маршал и... — Раргиллианин остановился и обеспокоенно дернулся. — В вашем языке нет обозначения соответствующего ранга. Я бы предпочел сказать «владелец дворца».

Гринберг внезапно вмешался.

— А как насчет слова «босс», док?

— Прекрасное предложение! Да, он — Босс. Ее... его положение в обществе, может быть, и не столь высоко, но его авторитет практически не имеет пределов.

— Достаточен ли его чин для того, чтобы вести переговоры и заключить договор? — спросил Кику.

— О, вне всякого сомнения!

— Тогда приступим. — Мистер Кику повернулся к актеру и кивнул. Затем, наклонившись к панели, стоящей перед ним, включил систему аварийной связи и спросил: — Все в порядке?

— Да, сэр, — раздался тихий голос в его ушной раковине. — Один раз картина пропала, но сейчас все в порядке.

— Видят ли нас Генеральный Секретарь и Начальник Штаба?

— Думаю, что да, сэр. Их кабинеты на связи.

— Отлично.

Мистер Кику стал слушать речь Генерального Секретаря. Она была немногословна, но преисполнена большого достоинства. Актер говорил так, чтобы Фтаемл успевал переводить. Генеральный Секретарь приветствовал прибытие хрошии на Землю, заверил их, что все люди Земли испытывают большую радость, что наконец найден их потерянный ребенок, и добавил, что этот счастливый случай должен стать для хрошии поводом занять подобающее место в Обществе Цивилизаций.

Затем двойник Генерального Секретаря сел на место и, поскольку никаких практических действий от него больше не требовалось, сразу же отключился, оставшись горделиво сидеть с открытыми глазами. В такой позе римского императора он мог сидеть часами, не обращая внимания ни на какое зрелище или церемонию, в которых был вынужден участвовать.

Столь же краток был и Макклур. Он повторил слова Генерального Секретаря, добавив, что теперь Федерация готова обсудить все деловые вопросы взаимоотношений между Федерацией и благородными хрошии.

Гринберг наклонился к Кикку и шепнул:

— Хлопать надо, босс?

— Заткнись, — дружелюбно сказал ему мистер Кикку и обратился к раргиллианину: — Доктор Фтаемл, собирается ли командир судна и экспедиции выступить с ответным словом?

— Думаю, что нет. — Фтаемл переговорил с главой хрошии и снова повернулся к мистеру Кикку: — Его слова представляют собой не столько формальный ответ, сколько достаточно весомый комментарий к двум прослушанным речам. Он говорит, что хрошии не нуждаются в других... м-м-м... низших расах и говорит, что не собирается заниматься ничем другим, кроме того, что уже было обговорено.

— Если они в самом деле не испытывают нужды ни в ком, спросите его, чего ради они явились к нам и почему предлагают нам подарки?

— Но вы сами настаивали на них, мой друг! — изумился Фтаемл.

— Благодарю вас, доктор, но в данный момент я не нуждаюсь в ваших комментариях. Потребуйте от него ответа. И, пожалуйста, не подсказывайте ему.

— Попытаюсь. — Фтаемл обменялся несколькими визглыми звуками с командиром хрошии. — Прошу прощения. Он говорит, что они приняли ваше детское требование как простейший способ достичь своей цели. А сейчас он хотел бы поговорить о выдаче им Джона Томаса Стюарта.

— Скажите им, пожалуйста, что в данный момент этот вопрос не подлежит обсуждению. Повестка дня пред-

полагает, что первым делом мы должны обсудить установление дипломатических отношений.

— Простите, сэр. Понятие «дипломатические отношения» довольно трудно для перевода. Я работал над его осмыслением и толкованием несколько дней.

— Тогда скажите ему, что в настоящий момент он видит перед собой образец дипломатических отношений. Свободные существа, беседующие как равные, с мирными намерениями, для общей выгоды.

Раргиллианин сделал вид, что вздохнул.

— Каждое из этих понятий достаточно сложно для перевода. Но я попытаюсь. — Наконец он перевел: — Потомственный маршал говорит, что если все, что мы делаем, является дипломатическими отношениями, то они у вас есть. Где мальчишка Стюарт?

— Не так быстро. Повестка дня должна быть исчерпана пункт за пунктом. Они должны допустить к себе наше посольство и миссию, ставящую перед собой цели торговли, культурного и научного обмена. Аналогичные посольство и миссия должны остаться у нас. Должно быть запланировано регулярное сообщение между двумя нашими суверенными образованиями. И прежде, чем все эти вопросы не будут отрегулированы, не будет никакого разговора о Стюарте.

— Я еще раз попытаюсь. — Фтаема долго втолковывал что-то «боссу» хрошии; ответ последнего был краток. — Он сказал, чтобы я передал вам следующее: все эти предложения отвергаются как несущественные для цели встречи. Где мальчишка Стюарт?

— В таком случае, — тихо сказал мистер Кику, — скажите им, что с варварами мы дела не имеем. Скажите им, чтобы они забирали свое барахло, — и чтобы перевод был совершенно точным! — которым они замусорили наш дом, и немедленно убирались на свое судно. Им предлагается немедленно покинуть Землю. Они могут забирать с собой свою драгоценную хрошиа, пусть даже силой, если они хотят когда-нибудь увидеть ее, — потому что им никогда больше не будет разрешена посадка на Землю.

Фтаема выглядел так, словно с трудом сдерживал слезы.

— Прошу вас! Я умоляю вас не настраивать их против себя. Я буду изгнан из корпорации... я нарушаю свои профессиональные обязанности... но должен сообщить вам, что они в состоянии сразу же разрушить город, даже не прибегая к ресурсам своего судна.

— Передайте то, что я сказал. Конференция окончена. — Мистер Кику встал, непреклонным взглядом поднял с места всех остальных и во главе их направился в комнату за конференц-залом.

Двойник Генерального Секретаря вышел вперед. Макклор придержал мистера Кику за руку.

— Генри, вы блестяще провели встречу, благодарю. Но не увлеклись ли вы? Ведь они — дикие животные. Это может...

— Мистер Макклор, — мягко прервал его мистер Кику, — как сказал один ваш достойный предшественник, в обращении с определенным типом существ вы должны им наступать на ноги, пока они не начнут извиняться. — Он вежливо пропустил Секретаря в двери.

— А если они не сделают этого?

— Да, тут есть определенный риск. Но прошу вас... не надо обсуждать эту тему в их присутствии. — Они вошли в комнату для отдыха, и дверь за ними закрылась.

— Прекрасно, босс, — Гринберг повернулся к Кику, — но что мы будем делать?

— Ждать.

— О'кей. — Гринберг, нервничая, подошел к стенной панели и, пощелкав тумблерами, включил изображение покинутой аудитории. Хрошии все еще находились на месте. Он с трудом различил Фтаемла, окруженного существами, значительно превосходящими его по размерам.

— Я вам больше не нужен, сэр? — спросил двойник мистера Кику.

— Нет, Артур. Вы хорошо справились.

— Благодарю вас. Мне осталось только снять грим — и мчусь подменять другого.

— Ясно. Смотрите, чтобы не произошло путаницы.

— Ерунда. Фотографы знают свое дело.

Насвистывая, он ушел. Макклюр сел, закурил сигарету, выпустил кольцо дыма и стряхнул пепел.

— Генри, вы должны поставить в известность Начальника Штаба.

— Он знает. Нам остается только ждать.

Они сидели и ждали. Внезапно Гринберг сказал:

— Идет Фтаемл. — Рванувшись к дверям, он впустил раргиллианина.

Доктор Фтаемл выглядел предельно уставшим.

— Мой дорогой мистер Кику, командир хрошии сообщил мне, что они согласятся с вашими пожеланиями ради стремления к конечной цели. Он настаивает, чтобы доставили мальчика Стюарта.

— Будьте любезны, сообщите ему, что он заблуждается, пытаясь понять сущность дружеских отношений между цивилизованными народами. Мы не отдаем в залог свободу любого нашего гражданина против его желания — в любом случае. Затем сообщите им, что я приказываю им немедленно обратиться.

— Я сделаю это против своей воли, — мрачно сказал Фтаемл.

Вернулся он почти сразу же.

— Они согласны на ваши условия.

— Отлично. Идем, Сергей. Мистер Макклюр, пока в вашем присутствии нет необходимости. — Мистер Кику вышел в холл, сопровождаемый Гринбергом и Фтаемлом.

Мистеру Кику показалось, что окраска «босса» хрошии стала бледнее, чем обычно. Но необходимость уточнения массы вопросов тут же заняла все его внимание — надо было отобрать равное количество людей и хрошии в состав миссий, обеспечить доставку всего необходимого на корабль хрошии, определить, кто будет послом от хрошии в Федерации, и так далее. Фтаемл заверил их, что ранг того, кто предназначен быть послом, лишь на одну ступень уступает командиру экспедиции.

— А теперь, — перевел Фтаемл требование маршала, — настало время получить в наше распоряжение Джона Томаса Стюарта. Я думаю, вы отдали все необходимые распоряжения, мой друг? — встревоженно

добавил Фтаемл. — Мне не нравится, что все так затянулось. Надо торопиться.

Чувство напряжения, сковывавшее желудок, стало отпускать, и мистер Кику с облегчением сказал:

— Я не вижу трудностей. Теперь, когда между нами установлены подходящие отношения, Стюарт не будет иметь ничего против поездки. И со всей убедительностью дайте им понять, что он отправляется как свободный гражданин, а не как раб или чья-то игрушка. Хорошии обязаны гарантировать его статус и возможность свободного возвращения на их корабле, когда бы он ни выразил это желание.

Фтаемл перевел.

— Их все устраивает, — сообщил он ответ, — кроме того, что я перевел бы как «несущественная деталь». Мальчик Стюарт будет относиться к имуществу хорошиа Луммокс. И, естественно, — я стараюсь переводить как можно точнее — вопрос о его возвращении будет личной прерогативой его владельца — хорошиа Луммокса. Если он устанет от его присутствия или захочет расстаться с ним, корабль будет к его услугам.

— Нет.

— Что нет, сэр?

— Простое отрицание. Обсуждение вопроса о мальчике Стюарте завершено.

Фтаемл повернулся к своим клиентам.

— Они говорят, — сообщил он, — что в таком случае не будет и договора.

— Я знаю. Договор не может быть подписан... у них есть слово, означающее «слуги»?

— У них есть слуги нескольких рангов, есть высшие, есть низшие.

— Используйте слово, обозначающее самый низший ранг. Скажите им, что никакого договора не будет, потому что слуги не имеют права подписывать договор. Наконец, скажите им, чтобы они убирались — и побыстрее.

Фтаемл с грустью посмотрел на Кику.

— Я восхищаюсь вами, мой друг, но не одобряю вас.

Он повернулся к командиру экспедиции и пропищал несколько фраз.

Тот широко открыл рот и, уставившись на Кику, заверещал, как кукла, которой наступили на живот. Фтаемл дернулся и отступил на несколько шагов назад.

— Ужасное богохульство... непереводаимо... — Чудовище продолжало издавать звуки, Фтаемл, содрогаясь, пытался успеть за ним. — Полное презрение... низкие животные... съесть вас с потрохами... и все ваше потомство до седьмого колена... вашу презренную расу надо учить хорошим манерам... похитители детей... умыкатели младенцев... — Он остановился в крайнем возбуждении.

Огромный хрошии двинулся к краю платформы и остановился, оказавшись нос к носу с Кику. Гринберг сунул руку под стол и нащупал контрольную кнопку, которая опускала платформу на нижний этаж... устройство было необходимо, потому что в этом зале, случалось, бывали острые баталии.

Но мистер Кику сидел с каменной неподвижностью. Они не мигая смотрели друг на друга — массивное существо откуда-то «извне» и маленький пожилой человек. В огромном зале стояла мертвая тишина, никто не шевелился.

Наконец сзади прорезался визгливый вопль, словно из корзины вылезла целая куча говорящих кукол. Командир хрошии резко повернулся, заставив содрогнуться перекрытия, и визгливо рявкнул на сопровождающих. Получив ответ, он пропищал несколько коротких команд. Все двенадцать хрошии кинулись к дверям, двигаясь неуклюже, но очень быстро.

Встав, мистер Кику смотрел им вслед. Гринберг схватил его за руку.

— Босс! К вам рвется Начальник Штаба!

— Скажи ему, чтобы он не торопился. Это сейчас самое главное — чтобы он не торопился. Наша машина на месте?

«Простите, мы вам тут все перепутали»

Джон Томас Стюарт XI ждал, когда его пригласят на конференцию; сам он из своих апартаментов выбраться не мог. Он обитал в отеле «Универсал» в номере, предназначенном для него и его матери. Он играл в шашки со своим телохранителем, когда впорхнула Бетти Соренсен в сопровождении мисс Хольц. Майра Хольц была оперативным работником Бюро Безопасности Департамента и исполняла обязанности полицейского под прикрытием приятного фасада своей внешности. Инструкции мистера Кику относительно Бетти, полученные ею, были просты: «Не спускать с нее глаз. У нее вкус к приключениям».

— Привет, Джонни, — сказала Бетти. — А я уж думала, что ты сидишь на верхушке вулкана.

— Они меня не пускают.

— Меня тоже, — Бетти огляделась. — А где ее высочество графиня?

— Побежала по магазинам. По крайней мере меня не трогает. Она купила уже двенадцать шляпок. Что ты сделала со своим лицом?

Бетти повернулась к зеркалу.

— Ах, это? Называется «Контуры Космоса». Последний писк моды.

— Ты выглядишь, как размалеванная зебра.

— А ты неотесанный чурбан. Эд, а вам нравится?

Эд Коуэн оторвался от доски и торопливо ответил:

— Не могу понять. Но моя жена говорит, что у меня нет вкуса.

— Как и у большинства мужчин. Джонни, мы с Майрой хотели бы пригласить вас обоих прогуляться по городу. Как вы насчет этого?

— Я бы не советовал, Майра, — буркнул Коуэн.

— Это ее идея, — ответила Майра.

— Но почему бы и нет? — сказал Джон Томас Коуэну. — Меня уже тошнит от этих шашек.

— Ну что ж... думаю, надо связаться с конторой. Ты можешь понадобиться в любой момент.

— Фу! — вмешалась Бетти. — У вас же есть микро-рации. Во всяком случае, у Майры.

Коуэн покачал головой.

— Давайте не будем рисковать.

— Неужели я арестована? — настаивала Бетти. — А Джонни?

— М-м-м... нет. Можно считать, что находитесь под охраной.

— Значит, вы можете охранять его в любом месте. Или оставайтесь здесь и играйте в шашки сами с собой. Идем, Джонни.

Коуэн взглянул на Майру, та, подумав, ответила:

— Думаю, все будет в порядке, Эд. Мы же будем с ними.

Коуэн пожал плечами и встал. Джонни сказал Бетти:

— Пока у тебя такая физиономия, я не покажусь с тобой на людях. Иди умойся.

— Но, Джонни! Мне потребовалось два часа, чтобы...

— Они оплачены, не так ли?

— Да, но...

— Иди умойся. Или мы никуда не пойдем. Как вы считаете, мисс Хольц?

Левую щеку специального оперативного работника Майры Хольц украшал только скромный цветочек, наложенный на общий тон.

— Бетти вполне может обойтись, — задумчиво сказала она. — Во всяком случае, в ее возрасте...

— Ах, вы, компания пуритан! — горько вздохнула Бетти, показала язык Джонни и побрела в ванную. Она вышла оттуда с розовым сияющим лицом. — Я чувствую себя прямо голой. Идем!

У лифта произошла очередная стычка, которую выиграл Эд Коуэн. Вместо того, чтобы спуститься на улицу, он вынудил их подняться на крышу, чтобы взять аэротакси и полюбоваться городом с высоты.

— Вам, ребята, — сказал он, — надо бы внимательнее проглядывать газеты за последние несколько дней. В этом городе психов выше головы. И я не хочу никаких историй.

— Они бы все равно не цеплялись к нам — с таким лицом, как у меня было, никто бы нас не узнал...

— И тем не менее...

— Мы и вас могли бы раскрасить. Любого мужчину можно преобразить с помощью макияжа.

В конце концов Бетти безропотно вошла в лифт. Все поднялись на крышу, где и взяли аэротакси.

— Куда прикажете, шеф?

— Значит, так, — распорядился Коуэн, — сделайте большой круг и покажите нам город сверху. Рассчитывайте на час.

— Как прикажете. Я не могу только пересекать Бульвар Солнца. Какой-то парад или что-то в этом роде.

— Знаю.

— Слушайте, — вмешался Джонни, — а что, если нам слетать в космопорт?

— Нет, — уточнил Коуэн. — Только не туда.

— А почему, Эд? Я так и не видел Луммокса. Я хочу на него посмотреть. Может быть, ему плохо без меня.

— Это как раз то, что ты не должен делать. Мы не должны приближаться к кораблю хрошии.

— Но ведь с воздуха я могу на него посмотреть, не так ли?

— Нет!

— Но...

— Оставь его в покое, — посоветовала Бетти. — Мы просто возьмем другое такси. Деньги у меня есть. Пошли, Джонни! Пока, Эд.

— Послушайте, — взмолился пилот. — Я могу доставить вас хоть в Тимбукту. Но я не могу до бесконечности болтаться на посадочной площадке. Коп меня выставит.

— Давай в космопорт, — сдался Эд.

Обширное пространство, где расположились хрошии, было окружено сплошным кольцом ограждений. Лишь в одном месте, через которое двинулась делегация, в заграждениях был проем. Весь Бульвар Солнца был наглухо перекрыт баррикадами, тянущимися вплоть до места встречи. Внутри огороженного пространства стоял огромный и неуклюжий грузовой корабль хрошии, не уступающий по размерам земным кораблям межзвездных рейсов. Джонни посмотрел на него и подумал, как он будет выглядеть на Хрошииюде. Он испытал дискомфортное ощущение при этой мысли — но не потому, что боялся, а потому, что еще не сказал Бетти, что его ждет. Пару раз он пытался поговорить с ней на эту тему, но каждый раз что-то мешало ему сказать, что они должны расстаться. И так как Бетти не пыталась возвращаться к этому разговору, он решил, что пока она не должна знать.

В воздухе болталось порядочно зевак; немало их стояло и по обе стороны заграждений. Впрочем, пустое любопытство не было свойственно обитателям Столицы; они гордились своей невозмутимостью, да и в самом деле хрошии ничем в принципе не отличались от дюжины других дружественных рас, некоторые из которых были даже членами Федерации.

Хрошии, как муравьи, копошились у своего корабля, делая что-то непонятное при помощи каких-то инструментов и орудий. Джонни попытался подсчитать их число, решил, что их там, как в муравейнике. Несколько дюжин, это точно... но сколько на самом деле?

Аэротакси заложило вираж неподалеку от полицейского вертолета. И вдруг Джонни заорал:

— Эй! Вон Лумми!

Бетти чуть не вывернула шею.

— Где, Джонни?

— Вон он, вышел из-за того конца их судна! Вон! — Он повернулся к пилоту. — Скажите, мистер, не могли бы вы подлететь к тому концу и опуститься пониже?

Пилот посмотрел на Коуэна. Тот кивнул. Они обогнули полицейских и подлетели к кораблю хрошии с другой стороны. Выбрав удобный момент, водитель аэротакси снизился. Теперь Луммокс был ясно виден. Его сопровождала группа хрошии, над которыми он высился подобно башне.

— Жаль, что нет бинокля, — пожаловался Джонни. — Я не могу его толком разглядеть.

— Поищи слева от себя, — посоветовал водитель.

Бинокль оказался самым обыкновенным, оптическим, без системы электронного увеличения, но Луммокс стал виден куда яснее. Он смотрел прямо на своего друга.

— Как он выглядит, Джонни?

— Вроде неплохо. Хотя немного отощал. Они его, наверное, не кормят как следует.

— Мистер Гринберг сказал мне, что они вообще его не кормят. Я думала, ты знаешь.

— Что? Они не имеют права так относиться к Лумми!

— Но я не представляю, что мы тут можем сделать?

— Ну, ладно... — Джонни опустил иллюминатор и высунулся из него, пытаясь получше рассмотреть, что происходит внизу. — Слушайте, а нельзя ли поближе? Я хочу дать им хорошую взбучку.

Коуэн отрицательно покачал головой. Пилот проворчал:

— Я не хочу связываться с полицией. — Все же он еще приспустил аппарат, пока не оказался на одном уровне с полицейскими.

В ту же секунду рывкнул громкоговоритель на полицейском вертолете:

— Эй, вы! Номер четыре-восемьдесят четыре! Куда претесь на своей жестянке? Убирайтесь отсюда!

Пробормотав что-то, водитель начал разворачивать машину.

— Эй! — крикнул Джонни, не отрывая бинокля от глаз. — Слышит ли он меня? Лумми! — изо всех сил крикнул он, перекрывая свист ветра. — О, Луммокс!

Хрошиа поднял голову и с волнением стал оглядываться вокруг.

Коуэн отбросил Джонни от иллюминатора и потянулся закрыть его. Но Джонни высвободился из его рук.

— Вы все яйцеголовые! — в гневе закричал он. — Хватит водить меня за нос! Луммокс! Это я, Джоннибой! Я над тобой! Иди ко мне!..

Коуэн оттащил его вглубь салона и задраил иллюминатор.

— Я знал, что нам нельзы быть здесь! Пилот, в другую сторону!

— С удовольствием!

— Выходите за линию ограждения. Я хочу посмотреть, что там будет происходить.

— Как вам будет угодно.

Теперь увидеть, что делалось внизу, можно было и без бинокля. Луммокс рванулся напрямик на барьер, и пчелиный рой такси, сновавших взад и вперед, рассыпался во все стороны. Заграждения не остановили хрошиа ни на секунду, Луммокс просто разметал их.

— Прыгающий танк! — с уважением сказал Коуэн. — Но «липучка» его остановит.

Он ошибся. Луммокс только несколько замедлил свое неукротимое движение вперед, его могучие ноги двигались с некоторым усилием, словно воздух вокруг него превратился в трясину. Но он продвигался с неукротимостью ледника, пробиваясь к тому месту, где над ним висело аэротакси.

Остальные хрошии тоже хлынули через проем. Им-мобилизационное поле притормаживало их, но они продолжали двигаться вперед. Коуэн увидел, что Луммокс первым освободился из пут поля и припустил галопом; люди рассыпались перед ним во все стороны.

— Майра, — рявкнул Коуэн, — немедленно связь с военным командованием! Вызываю Штаб!

Бетти схватила Коуэна за рукав.

— Нет!

— Что? Снова ты? Заткнись, или я дам тебе затрещину!

— Мистер Коуэн, вы *должны* меня выслушать! — Она говорила быстро, захлебываясь и глотая слова. — Не

надо вызывать подмогу. Луммокс не будет слушать никого, кроме Джонни, — а они не будут слушать никого, кроме Луммокса. И вы это знаете. Поэтому опустите такси пониже, чтобы Джонни мог поговорить с Луммоксом, а то пострадает масса людей, и вы будете в этом виноваты.

Оперативный работник Службы Безопасности Первого Класа посмотрел на Бетти и быстро прикинул, что в таком случае останется от его надежд и намечающейся карьеры. Это отняло не больше секунды, и он почти немедленно принял смелое решение.

— Вниз! — рявкнул он. — Выпусти ее с мальчиком и нас!

— И зачем только я связался с вами, — застонал пилот. — Но бросил машину вниз столь стремительно, что внутри все задребезжало. Коуэн распахнул дверь и вместе с Джоном Томасом выскочил наружу. Майра Хольц попыталась придержать Бетти, но безуспешно. Она сама выпрыгнула в последний момент, когда аэротакси уже стало подниматься.

— Джонни! — вне себя запищал Луммокс и протер могучие руки в универсальном для всего космоса знаке приветствия.

Джон Томас рванулся к звездному зверю.

— Лумми! Как ты себя чувствуешь? С тобой все в порядке?

— Конечно. Почему бы и нет? Привет, Бетти.

— Привет, Лумми.

— Правда, есть хочется, — задумчиво сказал Луммокс.

— Мы тут все наладим.

— Тогда хорошо. Я еще ничего не ел.

Джон Томас продолжал обниматься с Луммоксом, отвечая на его вопросы и сам расспрашивая, когда заметил, что один из хрошии оттирает от них мисс Хольц. Остальные столпились вокруг, словно прикидывая, как им надлежит поступить в такой ситуации. Когда Джонни увидел, как Эд Коуэн, выхватив пистолет, кинулся между хрошии и Майрой, он быстро сказал Луммоксу:

— Слушай, это мои друзья. Скажи своим приятелям, чтобы они оставили их в покое и пропустили сюда внутрь. И быстро!

— Как скажешь, Джонни.

Хрошиа высоким визгливым голосом обратилась к своей родне, и все мгновенно повиновались.

— И сделай нам седло. Мы пойдем с тобой и будем долго говорить.

— О, конечно, Джонни.

Вскарабкавшись на загравок Луммоксу, Джонни за руку подтянул Бетти, и они двинулись сквозь пролом в барьере. Дойдя до границы «липучки», все остановились, но «липучка» уже исчезла, и дальнейшее движение не представляло трудностей.

Когда мистер Кику, Сергей Гринберг и доктор Фтаемл прибыли в космопорт, они обнаружили вереницу боевых бронированных машин, занявших позиции. Все хрошии были внутри проломанного заграждения, но полицейские патрули уже были сменены военными формированиями, а где-то далеко вне поля зрения тяжелые бомбардировщики были готовы для последнего рывка, который должен был превратить окружающее пространство в радиоактивную пустыню.

Генеральный Секретарь и Начальник Штаба встретили их у баррикады. Генеральный Секретарь был мрачен и серьезен.

— Это вы, Генри! Похоже, мы проиграли. В этом нет вашей ошибки.

Мистер Кику посмотрел на сгрудившихся хрошии.

— Может быть.

Начальник Штаба добавил:

— В радиусе взрыва мы постараемся эвакуировать все живое, и как можно быстрее. Но если до этого дойдет... я не знаю, что делать с двумя молодыми людьми там внутри.

— Поэтому давайте пока ничего не будем делать. Пока.

— Думаю, вы не понимаете всей серьезности ситуации, господин Заместитель Секретаря. Например, мы разместили вокруг данного места имобилизационное

поле. Его больше не существует. Они просто отшвырнули его. И не только здесь. Повсюду.

— Ясно. Мне кажется, это вы не понимаете всей серьезности положения, генерал. Во всяком случае, несколько слов не принесут вреда. Идем, Сергей. А вы, доктор? — Мистер Кику покинул группу, столпившуюся вокруг Генерального Секретаря, и двинулся к пролому в баррикаде. Ветер, свирепствовавший на плоской равнине в милю радиусом, заставил его согнуться и придерживать шляпу. — Не люблю ветреную погоду, — пожаловался он доктору Фтаемлу. — Есть в ней какая-то беспорядочность.

— Нас ждут еще более сильные ветры, — печально ответил раргилианин. — Друг мой, достаточно ли мудро вы поступаете? Меня-то они не тронут: я у них на службе. Но вы...

— Что еще я должен делать?

— Не знаю. Но бывают ситуации, в которых смелость становится бесцельной.

— Возможно. Я еще не сталкивался с такими.

— Сегодня мы находимся именно в таковой.

Они достигли огромной массы хрошии, закрывавших Луммокса. Две человеческие фигурки на спине Луммокса были от них не ближе ста ярдов. Мистер Кику остановился.

— Скажите им, чтобы они освободили мне путь. Я хочу увидеть хрошиа Луммокс.

Фтаемл перевел. Ничего не произошло, хотя хрошии и зашевелились.

— Босс, — вмешался Гринберг, — а если попросить Луммокса и ребят подойти сюда? От этой толпы пахнет неприятностями.

— Нет. Я не могу перекричать этот ветер. Мне это не нравится. Так что позови сам парнишку Стюарта и попроси его проложить нам дорогу.

— О'кей, босс. Вот посмеются мои внучата... если вообще они у меня будут. — Гринберг приложил руку ко рту и закричал: — Джонни! Джон Стюарт! Скажи Луммоксу, пусть они нас пропустят!

— Обязательно!

Перед ними мгновенно, словно выметенное метлой, открылось пространство, достаточное, чтобы по нему

проехала колонна грузовиков. Маленькая процессия двинулась мимо хрошии вперед. Гринберг почувствовал, что по спине у него забегали мурашки.

Казалось, что мистера Кику беспокоила только борьба с ветром, который стремился сорвать с него шляпу. Они остановились перед Луммоком.

— Как поживаете, мистер Кику? — крикнул Джон Томас. — Нам спуститься?

— Наверное, это будет лучше всего.

Соскочив, Джонни поймал Бетти.

— Простите, мы вам тут все перепутали.

— Это я должен извиниться. Будьте любезны, не могли бы вы представить меня своему другу?

— О, конечно, Луммокс, это мистер Кику. Он прекрасный человек и мой друг.

— Как поживаете, мистер Кику?

— Здравствуйте, Луммокс. — Мистер Кику задумался. — Доктор, нет ли здесь среди хрошии того командира? Ну, того, кто так свирепо смотрел на меня.

Раригианин огляделся.

— Да, он здесь.

— Ясно. Спросите его, сообщил ли он о результатах конференции?

— Очень хорошо. — Медузоид поговорил с командиром хрошии. — Он говорит, что нет.

— Ага. Джон Томас, мы были готовы заключить договор с хрошии относительно того, о чем мы с вами говорили. Внезапно они разорвали соглашение, когда выяснили, что мы решительно отказываемся выдавать вас просто заложником без всяких гарантий. Не можете ли вы помочь мне выяснить, было ли это желанием вашего друга?

— Вы имеете в виду Луммокса? Сейчас.

— Отлично. Подождите минутку. Доктор Фтаемл, будьте любезны, сообщите суть нашего соглашения Луммоксу — но обязательно в присутствии командира. Или все эти понятия вне ее понимания?

— С чего вы взяли? Да ей было не меньше двухсот земных лет, когда она попала сюда.

— Так много? Тогда излагайте.

Почтительно взвизгнув, раргиллианин обратился к Луммоксу. Несколько раз Луммокс прерывал его вопросами, а затем снова продолжал слушать. Когда доктор Фтаемл закончил, Луммокс обратился к командиру экспедиции. Фтаемл перевел:

— Она спрашивает: «Неужели это правда?»

Командир оттеснил всех остальных настолько далеко, насколько мог, и теперь стоял перед Луммоксом рядом с маленькой группкой людей. Переминаясь с ноги на ногу, он напоминал включенный трактор. Уткнувшись физиономией в землю, он пропищал ответ.

— Он признает, что все было именно так, но просит принять во внимание...

— Поскорее бы они разобрались, — поежился мистер Кику. — А то я начинаю мерзнуть. — Его колени в самом деле подрагивали.

— Объяснение не принято. Я могу передать вам смысл слов, но интонации их непередаваемы!

Внезапно Луммокс издал пронзительный визг и четырьмя ногами сдал назад, освободив перед собой пространство. Подняв голову, огромное существо размахнулось и влепило несчастному командиру сокрушительную затрепину.

Оторвавшись от земли, маршал пролетел несколько метров и рухнул на толпу хрошии. Медленно и неуверенно поднявшись на ноги, он подполз к Луммоксу.

Луммокс принялся говорить.

— Она говорит... о, я хотел бы, чтобы вы слышали, как она говорит!.. что так долго, как будет существовать Галактика, друзья Джонни будут ее друзьями. Она говорит, что те, кто не являются друзьями ее друзей, для нее ничто, меньше, чем ничто, она их просто не замечает. И она призывает в подтверждение сказанного имени... ну, тут идет перечисление всех ее предков, со всех сторон, что довольно утомительно. Переводить дальше?

— Не трудитесь, — сказал мистер Кику. — «Да» — это «да» на любом языке.

— Но с какой изысканностью она излагает, — удивился Фтаемл. — Какие ужасные и удивительные события она вспоминает, простираясь памятью в далекое прошлое.

— Меня интересует только ее оценка будущего... и как нам спрятаться от этого проклятого ветра, — поежился мистер Кику. — Я тронут.

Доктор Фтаемл снял свой плащ и набросил его на узкие плечи мистера Кику.

— Мой друг... брат мой... простите меня.

— Нет, нет, вам будет холодно.

— Ни в коем случае.

— Тогда давайте поделим его.

— Для меня это большая честь, — растрогался медузоид, и его ноздри задрожали от наплыва эмоций. Он нырнул под плащ, и они вдвоем тесно прижались друг к другу, пока Луммокс кончал свою речь. Бетти повернулась к Джонни.

— Ты бы этого для меня никогда не сделал.

— Так ведь, Червячок, тебе ведь никогда не бывает холодно.

— Хотя бы просто обними меня!

— Да? Перед всеми? Иди обнимайся с Луммоксом.

Все хорошии почтительно слушали Луммокса. И по мере того, как красноречие его достигало пределов, они все больше приникали к земле, вытягивая ноги, пока все не застыли в той же униженной позе, что и командир. Наконец все было закончено, и Луммокс бросил короткое резкое замечание. Хорошии задвигались.

— Она говорит, — перевел Фтаемл, — что сейчас она хочет побыть со своими друзьями.

— Спросите ее, — попросил мистер Кику, — может ли она заверить своего друга Джона Томаса, что все, сказанное ею, свято и нерушимо?

— Секунду. — И пока все остальные хорошии торопливо покидали их, Фтаемл сказал Луммоксу несколько слов.

Выслушав их, Луммокс повернулся к Джону Томасу. Из огромной пасти раздался голос маленькой девочки:

— Это так, Джонни. Лопни мое сердце.

Серьезно и торжественно Джон Томас кивнул Луммоксу в ответ.

— Не беспокойтесь, мистер Кику. На Луммокса вы можете положиться.

Девяносто семь блюд с угощениями

— Запускайте ее.

Мистер Кику нервничал. Окинув взглядом сервировку чайного столика, он убедился, что уютная небольшая комнатка для совещаний узкого круга выглядит так, как он хотел. В это время дверь распахнулась и в помещение впорхнула улыбающаяся Бетти Соренсен.

— Здравствуйте, мистер Кику, — сказала она и непринужденно устроилась в кресле.

— Как поживаете, мисс Соренсен?

— Зовите меня Бетти. Все мои друзья так обращаются ко мне.

— Благодарю вас. Хотел бы я быть одним из них.

Посмотрев на Бетти, мистер Кику невольно вздрогнул. Бетти только что кончила экспериментировать с новой раскраской, и сейчас лицо ее напоминало нечто вроде шахматной доски. Кроме того, чувствовалось, что она не обошла своим вниманием магазины, и на ней был наряд явно не для ее возраста. Мистер Кику был вынужден напомнить, что к моде надо подходить осторожно.

— Видите ли... моя дорогая юная леди, мне довольно затруднительно объяснить вам цель нашей встречи.

— А вы не торопитесь. Мне лично спешить некуда.

— Разрешите предложить вам чаю?

— Давайте я вам налью. Будет совсем по-домашнему. — Мистер Кику не спорил и, взяв чашку чая, растянулся в кресле с чувством облегчения, которого давно не испытывал.

— Думаю, вам нравится ваше сегодняшнее положение?

— Еще бы! Мне никогда еще не доводилось ходить по магазинам, не тратя ни пенни. Только счета подписываю.

— Так пусть вас это радует. Заверяю вас, что ваши траты не пройдут ни по какой статье бюджета. Для этого у нас есть специальный фонд. Вы же сирота, не так ли?

— Сирота по закону. Я — Дитя Свободы. Мой опекун — Вествиллский Дом для Детей Свободы. А в чем дело?

— Значит, вы еще несовершеннолетняя?

— Это зависит от точки зрения. Я лично считаю, что уже совершеннолетняя, а суд придерживается другого мнения. Но, слава Богу, долго он не будет упорствовать.

— М-да. Наверное, мне надо было сказать, что все это я знаю.

— Я так и думала. А в чем дело?

— М-м-м... Разрешите начать несколько издалека. Вы когда-нибудь выращивали кроликов? Или держали кошек?

— Кошки у меня были.

— Мы столкнулись с определенными трудностями относительно хрошиа, которую мы знаем под именем Луммокс. Ничего страшного: договор с ними в порядке, поскольку она дала слово. Но, как бы это поточнее выразиться, если бы нам удалось поставить Луммокса в определенное положение, он... она еще теплее бы относилась к нам и наши будущие отношения стали бы еще лучше...

— Я думаю, мы можем говорить совершенно откровенно. В чем суть дела, мистер Кику?

— М-да... Мы оба знаем, что хрошиа Луммокс в течение долгих лет была воспитанником Джона Томаса Стюарта.

— Это верно. Сейчас об этом смешно говорить, правда?

— В общем-то, да. А до этого Луммокс воспитывал отец Джона Томаса, а до этого... словом, с ним имели дело четыре поколения.

— Да, совершенно точно. И лучшего воспитанника нельзя было и пожелать.

— В этом-то все и дело, мисс Соренсен... Бетти. С точки зрения Джона Томаса и его предков. Но всегда есть, как минимум, две точки зрения. Как считает Луммокс, он... она... отнюдь не воспитанник. Наоборот. Это Джон Томас его воспитанник. Цель жизни Луммокса — воспитывать Джонов Томасов.

Глаза Бетти расширились, а затем она рассмеялась.

— Мистер Кику! Не может быть!

— Я говорю совершенно серьезно. Все дело в точке зрения, а если принять во внимание отрезок времени, эта точка зрения вполне резонна. Это его единственное хобби, единственный, повторяю, смысл жизни. Пусть это звучит по-детски, но ведь Луммокс, в сущности, еще ребенок.

С трудом подавив приступ смеха, Бетти наконец взяла себя в руки.

— «Воспитывать Джонов Томасов!» А сам Джонни знает об этом?

— В общем-то, да, но я объяснил ему все это несколько по-иному.

— А миссис Стюарт знает?

— Э-э-э... я не счел необходимым сообщать ей об этом.

— Можно, я расскажу ей? Хотела бы я видеть ее лицо. «Джонов Томасов»... о, Господи!

— Я думаю, это будет для нее слишком жестоко, — твердо сказал мистер Кику.

— Да, наверное. Ладно, я не буду этого делать. Но помечтать-то можно?

— Все мы можем мечтать. Но я продолжаю: это невинное занятие доставляет Луммоксу огромное удовольствие. И он намерен продолжать его до бесконечности. В этом-то и причина того, что мы столкнулись с любопытной ситуацией, когда хрошии, обнаружив своего ис-

чезнувшего младенца, оказались не в состоянии покинуть Землю. Луммокс хочет продолжать... м-м-м, воспитывать Джонов Томасов. — Мистер Кику помедлил.

— Ну же, мистер Кику! Продолжайте!

— Э-э-э... каковы ваши собственные планы, Бетти... мисс Соренсен?

— Мои? Я их еще ни с кем не обсуждала.

— М-да. Простите, если я слишком назойлив. Видите ли... возникла необходимость в продолжении... и Луммокс очень обеспокоен этим. Если бы мы имели дело с кошками... или с кроликами... — Он остановился, не в силах дальше продолжать.

Бетти внимательно посмотрела на измученное лицо Кику.

— Мистер Кику, вы, очевидно, хотите сказать, что необходимо, как минимум, два кролика, чтобы получился третий?

— В общем-то, да.

— Ах, вот в чем дело? Стоило ли из-за этого огород городить? Всем это известно. Я хочу спросить, Луммоксу известно это правило, относящееся к Джоном Томасам?

Мистер Кику мог только кивнуть.

— Ах вы, бедняга, вам стоило черкнуть мне пару слов — и все. И вам бы не пришлось так мучиться. И я бы сообразила, что должна вам помочь. Вы именно это имели в виду, когда спрашивали о моих планах?

— Я не имею намерений вмешиваться в вашу жизнь... просто я хотел осведомиться о ваших намерениях.

— Собираюсь ли я выходить замуж за Джона Томаса? А никаких других намерений у меня и не было. Естественно.

Мистер Кику облегченно вздохнул.

— Благодарю вас.

— Я это делаю отнюдь не для того, чтобы порадовать вас.

— Ни в коем случае! Я благодарю вас за помощь и содействие.

— Благодарите Луммокса. Добрый старый Луммокс! Вы не имеете права обманывать его.

— Значит, я могу считать, что мы обо всем договорились?

— Что? Я ему еще не делала предложения. Но я сделаю... хотя обожду — ближе к отлету. Вы же знаете, каковы эти мужчины, — нервничают, суетятся. Я не хочу, чтобы у него было время для волнений. А как было у вас? Жена сама сделала вам предложение? Или она ждала, пока вы созреете и перезреете?

— Видите ли, обычаи моего народа несколько отличаются от ваших. Ее отец договорился с моим отцом.

— Просто какое-то рабство, — ужаснулась Бетти.

— Без сомнения. Тем не менее, я бы не сказал, что несчастлив. — Мистер Кику встал. — Я очень рад, что наш разговор окончился на столь приятной дружественной ноте.

— Минутку, мистер Кику. Кое-что еще надо урегулировать. Например, что получит Джон Томас?

— Э-э?

— Контракт.

— А, это! С финансовой точки зрения ему не на что будет жаловаться. В основном, он будет заниматься образованием, но я подумываю о том, чтобы дать ему какой-нибудь номинальный титул в посольстве — специальный атташе или помощник секретаря, или что-то еще.

Бетти молча слушала.

— Конечно, поскольку вы отправляетесь вдвоем, было бы неплохо и вам дать какой-нибудь полуофициальный статус. Скажем, вас устроит специальный помощник на полставки? Это вам обоим даст прекрасную возможность свить уютное гнездышко, если вы вернетесь... то есть, когда вы вернетесь.

Она покачала головой.

— Джонни не честолюбив. Честолюбива я.

— Да?

— Джонни должен быть послом у хорошии.

Мистер Кику с трудом нашелся, что ответить. Наконец он выговорил:

— Моя дорогая юная леди! Это совершенно невозможно.

— Это вы так думаете. Смотрите сами — мистер Макклор туп как пень и всюду прикрывается вами, не так ли? И не наводите тень на плетень: теперь-то

у меня есть хорошие друзья в вашем Департаменте. Так оно и было. Так что этот пост должен принадлежать Джонни.

— Но, моя дорогая, — слабо пытался сопротивляться мистер Кику, — это не та должность для неподготовленного мальчика... хотя я питаю к мистеру Стюарту искреннее уважение.

— Макклор — пустое место, не правда ли? Это знают все. А Джонни отнюдь не пустое место. Кто больше всех знает о хорошии? Джонни.

— Моя дорогая, я охотно признаю богатство его знаний и искренне благодарен судьбе, что мы имеем возможность использовать их. Но послом? Нет.

— Да.

— Полномочный Посол? Это исключительно высокое звание, но я хотел бы вот на что обратить внимание. В сущности, послом будет мистер Гринберг. Нам нужны дипломаты.

— А что трудного в том, чтобы быть дипломатом? Или, говоря другими словами, что Макклор может, чего не мог бы мой Джонни сделать еще лучше?

Мистер Кику глубоко вздохнул.

— Все, что я могу сказать, — в данном случае мы имеем дело с ситуацией, которую я вынужден принимать как таковую, даже зная ее порочность, а также другие недостатки, которые я не собираюсь излагать. И будь вы моей дочерью, я бы отшлепал вас. Словом — нет.

Бетти мило улыбнулась мистеру Кику.

— Держу пари, вы бы со мной не справились: мы в разных весовых категориях. Но дело не в этом. Мне кажется, что вы не понимаете положения дел.

— Не понимаю?

— Не понимаете. В этой сделке для вас важны Джонни и я. Особенно Джонни.

— Да. Особенно Джонни. Ваше присутствие не столь существенно... даже для... э-э-э... появления новых Джонов Томасов.

— Хотите пари? Неужели вы думаете, что могли бы оторвать Джона Томаса Стюарта хоть на дюйм от поверхности этой планеты, если я буду против?

— М-да... Тут есть над чем подумать.

— Вот и я о том же. Я могу все поставить на карту. И если бы не я, что бы с вами было? Один, в пустынном поле, под ветром, вы старались бы снова, снова и снова пробиться сквозь эту толпу... но рядом не было бы Джонни, который пришел бы к вам на помощь.

Мистер Кику подошел к окну и выглянул из него. Внезапно он повернулся.

— Хотите еще чаю? — вежливо спросила Бетти.

— Спасибо, нет. Мисс, имеете ли вы хоть какое-то представление, что такое чрезвычайный посол и полномочный министр?

— Я слышала эти термины.

— Это звание того же ранга и так же оплачивается, как и полномочный посол, не считая особых случаев. Здесь мы имеем дело с таковым. Мистер Гринберг будет послом с вытекающими из этого обязанностями; особый ранг будет присвоен Джону Томасу Стюарту.

— И ранг, и зарплата, — уточнила Бетти. — Я почувствовала, что мне нравится ходить по магазинам.

— И зарплата, — согласился Кику. — У вас, леди, мораль упрямой черепахи и хватка лесной сороки. Ладно, можете считать, что мы договорились... если вы уговорите нашего молодого человека согласиться с вами.

Бетти хмыкнула.

— Вот это-то меня не беспокоит.

— Я о другом. Как бы его врожденная скромность не возмутилась вашей хваткой. Я считал, что его устроит пост помощника секретаря посольства. Впрочем, увидим.

— Увидим. Кстати, где он?

— Простите?

— В отеле его нет. Вы его видели?

— Он должен быть здесь.

— Тогда все в порядке. — Встав, Бетти погладила мистера Кику по щеке. — Вы нравитесь мне, мистер Кику. А теперь тащите Джонни сюда и оставьте нас одних. Минут на двадцать. И вам не о чем беспокоиться.

— Мисс Соренсен, как случилось, что вы не потребовали должности посла для себя?

Луммокс был единственным негуманоидом, который присутствовал на бракосочетании. Мистер Кику стоял рядом с невестой. Он отметил, что на этот раз она обошлась без макияжа, что заставило его задуматься.

Жених и невеста получили, как полагается, девяносто семь блюд с подношениями, большинство из которых они не могли ни взять с собой, ни использовать, включая полностью оплаченное путешествие на Гавайские острова. Миссис Стюарт плакала, хотя картина происходящего доставляла ей удовольствие: как бы там ни было, свадьба прошла как нельзя лучше. Мистер Кику пролил несколько слезинок во время церемонии, но надо учесть, что он был очень сентиментальный и чувствительный человек.

На следующее утро он сидел за своим рабочим столом, разложив перед собой проспекты ферм в Кении, но он не смотрел в них. После того, как столь удачно поженили детей, они с доктором Фтаемлом покинули церемонию и пустились в долгое путешествие по городу — и сейчас он чувствовал приятное расслабление. И хотя в голове у него позванивало, а координация оставляла желать лучшего, с желудком все было в порядке. Словом, чувствовал он себя отлично.

Мистер Кику сделал над собой усилие и попытался вспомнить все, что произошло. Слава богу, все эти тревоги и беспокойства, начало которым было положено неким недалёковидным космонавтом столетие назад, теперь не имели смысла и можно было унести мыслью к сельским просторам, поскольку все бумаги и протоколы были подписаны. Ох, люди, люди!

Затем он сказал себе, что не стоит утрызаться допущенными ошибками.

Прошлой ночью добрый старый Фтаемл что-то сказал ему... что-то... но что именно? Во всяком случае, он пришел к выводу, что у хрошии никогда не было оружия, способного причинить Земле серьезный урон. Конечно, раргиллианин не в состоянии лгать, он же профессионал... но можно сказать, что он скользнул по касательной рядом с правдой, чтобы столь трудные переговоры завершились успехом.

Ну что же, если все завершилось без серьезных катаклизмов, он может только радоваться. Но должен помнить, что угроза, которая может в очередной раз свалиться на него с неба, будет подлинной. И тут уж придется снова ломать себе голову.

До него донесся голос Милдред:

— Мистер Кику, вас ждет рандавианская делегация.

— Скажите им, что у меня линька!

— Сэр?

— Впрочем, неважно. Скажите им, что я сейчас буду.

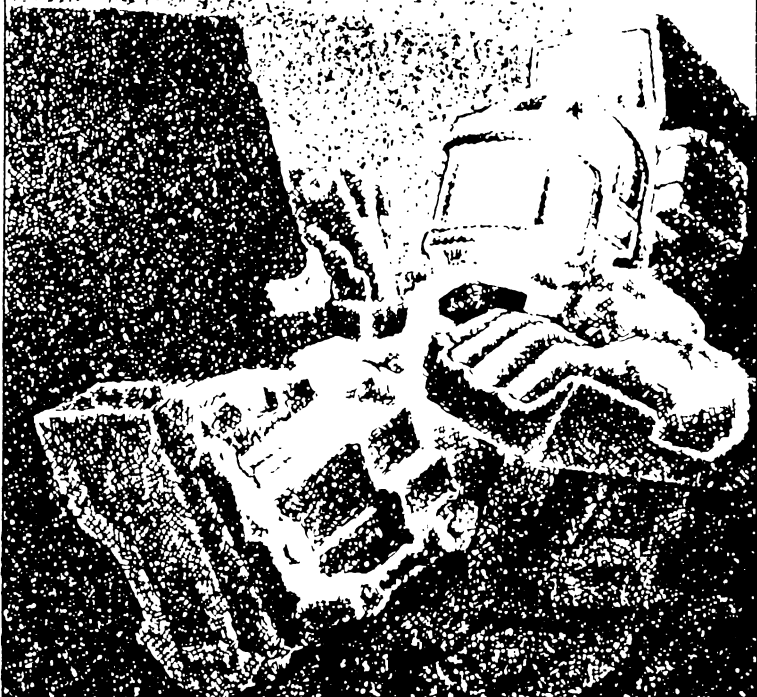
В восточном конференц-зале.

Мистер Кику вздохнул, кинул в рот очередную пилюлю, поднялся и направился к дверям, в очередной раз чувствуя себя мальчиком, которому предстоит затыкать пальцем дыру в плотине. Китайские церемонии, подумал он, но коль скоро ты уж включился в них, они будут вечно с тобой.

Благодушное настроение по-прежнему не покидало его, и он замурлыкал единственную известную ему песенку: «... у этой сказки нет конца, у этой сказки нет морали. И я вам только покажу, что люди вечно в мире вдали...»

А в это время далеко в пространствах космоса новый Секретарь по Межзвездным делам беседовал с благородными хрошии. И Ее Императорское Высочество, Инфанта своего народа, 213-я по прямой восходящей линии, наследница матриархата Семи Солнц, будущая правительница восьми миллиардов своих соплеменников, некогда известная под именем «Луммокс», с наслаждением принимала двоих своих питомцев на борту имперской яхты.

ИМЕЮ
СКАФАНДР —

ГОТОВ ПУТЕ-
ШЕСТВОВАТЬ

Глава 1

Однажды я сказал отцу:

— Папа, я хочу на Луну.

— Пожалуйста, — ответил он и снова уткнулся в книгу.

Он читал «Трое в лодке, не считая собаки» Джерома К. Джерома, которую, по-моему, знал уже наизусть.

— Слушай, папа, я же не шучу.

На этот раз он заложил страницу пальцем и ответил:

— Я тебе разрешаю, поезжай.

— Да... Но как?

— Как? — Во взгляде его проскользнуло легкое удивление. — Ну это уж твоя забота, Клиффорд.

Вот какой у меня папа. Когда я попросил у него велосипед, он ответил: «Ступай и купи», даже глаз не оторвав от книги, и я пошел в столовую, где у нас стоит корзинка с деньгами, чтобы взять нужную сумму. Но в корзинке нашлось лишь одиннадцать долларов сорок три цента, и... между мной и велосипедом пролегла не одна миля скошенных газонов. А к папе я больше не обращался, потому что если денег нет в корзинке, значит их нет вообще.

Обременять себя банковскими счетами отец не желает: просто держит в доме корзинку для денег, а рядышком еще одну, на которой написано: «Дядя Сэм».

Ее содержимое он раз в год упаковывает в бандероль и отправляет в налоговое управление. Этот его способ уплаты налогов регулярно доводит фининспекцию до белого каления. Как-то к нам приехал ее представитель, чтобы потолковать с папой по-крупному.

Сначала он закусил удила, но потом взмолился:

— Послушайте, доктор Рассел, мы же знаем, кто вы. И вам-то уж совсем непростительно отказываться вести документацию по установленной форме.

— Откуда вы взяли, что я ее не веду? — спросил папа. — Веду, и очень аккуратно. Вот здесь. — И он постучал себя по лбу.

— Но закон требует вести документацию в письменном виде.

— А вы почитайте законы повнимательней, — посоветовал папа. — Нет на свете такого закона, чтобы требовать от человека умения читать и писать. Не хотите ли еще кофе?

Инспектор пытался уговорить папу посылать деньги чеком или почтовым переводом, но папа показал ему надпись мелкими буквами на долларовой бумажке: «... принимается как законное возмещение всех долгов, государственных и частных».

В отчаянной попытке добиться хоть какого-нибудь результата инспектор любезнейшим образом попросил отца не заполнять в налоговой декларации графу «род занятий» выражением «шпион».

— А почему бы и нет?

— То есть как «почему»? Ну, потому, что никакой вы не шпион... и вообще, это шокирует...

— А вы в ФБР справлялись?

— Нет.

— Да они, наверное, и не ответили бы. Но поскольку вы вели себя очень вежливо, я согласен впредь писать «безработный шпион». Идет?

Инспектор выскочил, чуть было не забыв свой портфель.

Папа как скажет, так и будет, спорить не желает и от своих решений не отступает.

Когда он разрешил мне лететь на Луну, если я сам сумею все устроить, он говорил совершенно серьезно.

Я мог теперь отправляться хоть завтра, если, конечно, обзаведусь билетом на лунный рейс.

Однако отец задумчиво добавил:

— Наверное, есть много способов добраться до Луны, сынок. Изучи их все. Знаешь ли, это мне напоминает отрывок, который я сейчас читаю. Они тут пытаются вскрыть банку консервированных ананасов, а Гаррис забыл консервный нож в Лондоне. Они тоже перебрали множество способов.

Он начал читать мне вслух, но я выскользнул за дверь: этот отрывок я слышал раз пятьсот. Ну если не пятьсот, то триста уж точно.

Я пошел в сарай, который давно оборудовал себе под мастерскую, и начал перебирать в уме все возможные способы. Способ первый: поступить в Академию ВВС в Колорадо-Спрингз. Если меня примут, если я доучусь до конца и получу диплом, если меня отберут в космический патруль, то лишь тогда появится шанс, что когда-нибудь меня назначат нести службу на Лунную базу или хотя бы на один из спутников.

Способ следующий: изучать инженерное дело, стать специалистом по ракетным двигателям и добиться работы, связанной с Луной. Там уже перебивали, да и сейчас сидят десятки, если не сотни, инженеров самых различных профилей: электронщики, криогенщики, металлурги, специалисты по керамике, кондиционированию воздуха, не говоря уж о ракетчиках.

Вот так. Из миллиона инженеров туда попадает, дай Бог, горсточка. Мне же и в почтальоны никогда не удавалось пробиться, когда мы играли в почту.

Человек, скажем, может быть врачом, юристом, геологом, инструментальщиком — да мало ли кем! — и попасть на Луну, получив хорошую зарплату, потому что нужен именно он, и никто другой. К зарплате я относился равнодушно. Но как добиться того, чтобы стать самым лучшим в своей профессии?

И, конечно, самый простой способ: въехать в кассу на тележке с деньгами и купить себе билет.

Но этот самый простой способ мне не доступен, всю мою наличность составляют восемьдесят семь центов. Я начал упорно думать. В школе половина ребят откровенно рвалась в космос. Остальные, понимая ограничен-

ность своих возможностей, делали вид, что им это безразлично, так же вели себя и еще несколько слабаков, которые не покинули бы Землю ни за какие коврижки. Мы часто беседовали на эту тему, и кое-кто из нас твердо решил лететь на Луну. А у меня началась настоящая лихорадка, когда «Американ экспресс» и «Кук и сыновья» объявили об открытии туристского маршрута.

Я увидел их рекламы, перелистывая «Нэшнл Джо-грэфик», когда сидел в приемной зубного врача. Они просто перевернули мне душу.

Мысль о том, что любой богатч мог запросто выложить деньги и гулять по Луне, была невыносима. Я же просто должен был лететь. Но на туристскую поездку денег мне никогда не набрать, разве что в таком отдаленном будущем, когда о полете и мечтать не придется. Так как же мне попасть на Луну?

Вы ведь тоже небось читали рассказы о «бедных, но честных» ребятах, пробившихся на самый верх, потому что они были самыми умными во всем графстве, а то и в целом штате. Но рассказы эти не про меня. Я, правда, числился в первой десятке нашего выпуска Сентервильской средней школы, но этого недостаточно, чтобы получить стипендию в Массачусетском технологическом институте. Я констатирую объективный факт: школа у нас не очень хорошая. Ходить в нее здорово — мы чемпионы по баскетболу, наш ансамбль народного танца известен по всему штату, и каждую среду мировые танцующие. Жизнь в школе — первый сорт.

Вот только учились мы мало. Упор делали в основном на то, что наш директор, м-р Хэнли, называл «подготовкой к вступлению в жизнь», а вовсе не на тригонометрию. Нас, может, и подготовили к вступлению в жизнь, но уж никак не к поступлению в Калифорнийский технологический.

И выяснил я это все отнюдь не сам. Принес я как-то домой вопросник, составленный группой социологов по программе «жизнь в семье». Один из вопросов звучал следующим образом: «Как организован ваш семейный совет?»

Я и спросил за ужином:

— Пап, как у нас организован семейный совет?

— Не приставай к папе, милый, — ответила мама.

— Что? Ну-ка, дай взглянуть, — сказал отец.

Прочитав вопросник, он велел мне принести мои учебники. Поскольку я их оставил в классе, он послал меня за ними в школу. Папа редко приказывает, но если уж он чего-то требует, надо выполнять.

Предметы в этой четверти у нас были: обществоведение, коммерческая арифметика, прикладной английский (весь класс выбрал темой «составление лозунгов» — веселая штука), ручной труд и спорт. У меня — баскетбол. Хотя для первого состава я ростом не вышел, но в выпускном классе надежный запасной тоже получает рекомендацию в университетскую команду. В общем и целом дела у меня в школе шли хорошо, как мне казалось.

Весь вечер отец читал учебники. Читает он быстро. В докладе по обществоведению я написал, что в нашей семье существует режим «неформальной демократии». Доклад оказался удачным: в классе как раз вспыхнула дискуссия, должен ли пост председателя совета передаваться от одного члена семьи к другому или быть выборным и имеют ли дедушки и бабушки право выставлять свои кандидатуры. Мы решили, что деды и бабки могут состоять членами совета, но на председательский пост избираться не должны. Потом сформировали комитеты, чтобы составить конституцию идеальной семьи, которую намеревались представить своим домашним в качестве итога наших исследований.

Несколько дней подряд отец зачастил в школу. Меня это насторожило: когда у родителей вдруг просыпается активность, у них явно что-то на уме.

Вечером следующей субботы отец позвал меня к себе в кабинет. На столе у него лежала стопка учебников и программа Сентервилльской средней школы со всеми предметами: от американского народного танца до лекций по вопросам повседневной жизни. В ней был отмечен курс наук, выбранный мною совместно с моим руководителем не только на эту четверть, но и до конца школы.

Отец уставился на меня взглядом удава и спросил мягко:

— Ты намерен поступать в колледж, Кип? — Так он меня называет, когда у него хорошее настроение.

— Конечно, пап, а что?

— За счет чего?

Я заколебался, потому что знал — учеба в колледже стоит немалых денег. И хотя бывали времена, когда долларовые купюры сыпались из корзинки на пол, объективно все-таки много времени не требовалось, чтобы сосчитать ее содержимое.

— Ну, может быть, стипендию получить удастся. И потом, я буду подрабатывать, пока не получу диплом.

— Конечно... — кивнул отец, — если тебе хочется. Человек всегда может решить финансовые проблемы, если он их не боится. Но когда я спрашивал «за счет чего», я имел в виду другое. — И он постучал пальцем по лбу.

Я в растерянности посмотрел на него.

— Но я же кончу школу, пап. Этого достаточно, чтобы поступить в колледж.

— Смотря в какой. Если в университет нашего штата или в сельскохозяйственный колледж, то да. Но известно ли тебе, Кип, что до сорока процентов студентов вылетают после первого курса?

— Я не вылетчу!

— Может, и не вылетишь. Но я думаю, все же вылетишь, если возьмешься за что-нибудь серьезное: инженерное дело, медицину или точные науки. Вылетишь, если твоя подготовка ограничится этим, — показал он на программу.

Я возмутился:

— Но почему же, папа! У нас хорошая школа. — Я вспомнил все, что нам говорили на подготовительном. — Преподавание построено на самых современных, самых научных принципах, одобрено психологами и...

— ... Дает превосходную зарплату учителям, поднабивавшим в сегодняшней педагогике, — перебил меня отец. — Преподаватели делают основной упор на практические вопросы с целью подготовить ребенка к испытаниям в условиях нашей сложной современной общественной жизни. Извини, сынок, я беседовал с мистером Хэнли. Мистер Хэнли искренний человек, и, чтобы достичь поставленных им благородных целей, мы тратим на обучение школьников гораздо больше,

чем любой другой штат, за исключением Калифорнии и Нью-Йорка.

— Но что же тут плохого?

— Что такое «деепричастный оборот»?

Я не ответил.

— Почему Ван Бюрен проиграл перевыборы? Чему равен кубический корень из восьмидесяти семи?

О Ван Бюрене я помнил только, что был когда-то такой президент. Зато я смог ответить на следующий вопрос.

— Чтобы узнать кубический корень, нужно посмотреть таблицу на задней странице учебника.

Отец вздохнул.

— Ты, никак, думаешь, что таблицу эту нам принес ангел с небес? — Он печально покачал головой. — Виноват, конечно, я, а не ты. Мне следовало подумать обо всем этом еще несколько лет назад, но я решил: раз ты любишь читать, мастерить и быстро управляешься с цифрами — значит учишься и получаешь образование.

— А по-твоему, разве нет?

— По-моему, безусловно, нет. Твоя школа — очень приятное место для времяпрепровождения, сынок, она хорошо оборудована, ею хорошо управляют, ее хорошо содержат. Конечно, она совсем не похожа на «джунгли с черными досками», отнюдь! Я думаю, что вы, ребяташки, ее любите. И есть за что. Но вот это, — отец сердито хлопнул ладонью по программе, — халтура! Барахло! Комикс для кретингов!

Я не знал, что ответить. Отец замолчал, задумавшись. Потом сказал наконец:

— Закон гласит, что ты должен ходить в школу, пока тебе не исполнится восемнадцать или пока ты не получишь аттестат.

— Да, сэр.

— Твоя учеба в этой школе — пустая трата времени. Даже самый ее сложный курс не заставит тебя напрячь мозги. Но нужно либо продолжать учиться здесь, либо куда-то уезжать.

— Но ведь это очень дорого? — спросил я.

На мой вопрос он и внимания не обратил.

— Пансионеры мне не по душе. Подросток должен жить в своей семье. И хотя, конечно, одна из этих

закрытых школ в восточных штатах может дать тебе хорошую подготовку, вполне достаточную для поступления в Стенфорд, Йель или любой другой из лучших университетов, ты наберешься там дурацких предрассудков — всего этого идиотизма насчет денег, положения в обществе и изысканного портного. Я их именно там и набрался, а потом потребовались годы, чтобы от них избавиться. Мы с твоей матерью не случайно решили, что ты проведешь детство в маленьком городке. Итак, остаешься здесь в этой школе.

Мне сразу полегчало.

— Тем не менее ты собираешься поступать в колледж. Есть у тебя намерение получить профессию? Или ты предпочитаешь ускоренный курс по изготовлению изящных декоративных свечей? Вот что, сын, твоя жизнь — это твоя жизнь, и ты волен делать с ней все что пожелаешь. Но если ты подумываешь о хорошем университете и серьезной профессии, мы должны тщательно обмозговать, как с наибольшей пользой провести оставшиеся тебе три года.

— Ну, папа, я, конечно, хочу в хороший...

— Тогда приходи, когда все как следует проанализируешь. Спокойной ночи.

Анализировал я целую неделю. И начал понимать, что отец прав. Все эти наши программы, «жизнь в семье» и прочее — просто чепуха. Да что могут знать дети о том, как строить жизнь семьи? И что может об этом знать наша мисс Фингли, незамужняя и бездетная? Наш класс единогласно постановил, что каждому ребенку должны быть предоставлены отдельная комната и денежное содержание, «чтобы он мог научиться распоряжаться деньгами». Здорово придумано, конечно, но как быть семье Квинланов? Если у них пять комнат на девять детей? Нет, хватит дурака валять.

Коммерческая арифметика была не то чтобы глупой, но бесполезной тратой времени. Весь учебник я прочитал за первую неделю, а потом просто скучал.

Отец переключил мое внимание на занятия алгеброй, испанским, общими науками, английской грамматикой и стилистикой. От прежней программы остался лишь спорт. Я приналег на учебу, потому что отец подкинул мне гору книг и сказал:

— Вот чем тебе пришлось бы заниматься, учишь ты в нормальной школе, а не в детском саду для переростков. Если усвоишь то, что здесь написано, то, может, и выдержишь приемные экзамены.

После этого он оставил меня в покое. Он и вправду считал, что выбор только за мной. Я зарылся в книги — они оказались трудными, не то что эта облегченная жвачка, которой нас пичкали в школе.

Если кто думает, что самостоятельно учить латынь — дело легкое, пусть попробует сам.

Я пал духом и чуть было не сдался, но потом разозлился и начал вгрызаться в учебу. Спустя некоторое время я заметил, что занятия латынью облегчают изучение испанского, и наоборот. Когда мисс Эрнандес, наша «испанка», узнала, что я изучаю латынь, она начала заниматься со мной. Я не только прочел всего Вергилия, но и стал говорить по-испански как мексиканец.

Курс математики, предлагаемый нашей школой, ограничивался алгеброй и Евклидовой геометрией. Я самостоятельно приступил к усиленному изучению этих предметов и тригонометрии и, конечно, вполне мог бы ограничиться уровнем, потребным для сдачи вступительных экзаменов, но математика хуже семечек.

Аналитическая геометрия кажется сплошной абракадаброй, пока не начнешь в ней разбираться. Но потом, если знаешь алгебру, ты вдруг прозреваешь и не можешь оторваться от книги, пока не проглотит последний лист. Одно удовольствие!

Я заинтересовался электроникой, теорией электроцепей и векторным анализом. Из всех точных наук наша школа предлагала только «общий курс», такой «общий», что дальше некуда. Где-то на уровне «воскресного приложения». Но когда вчитываешься в химию и физику, появляется сильное желание попробовать все своими руками. Сарай был отдан в мое полное распоряжение, и я оборудовал в нем химическую лабораторию, темную комнату, верстак и, на некоторое время, — радиостанцию. Мама, правда, немножко понервничала, когда однажды от взрыва вылетели все стекла и сарай загорелся, — да и пожар-то был пустяковый, — но папа отнесся к происшествию спокой-

ней. Он всего-навсего предложил мне впредь не готовить взрывчатку в домике из сборных щитов.

Когда, учась уже в выпускном классе, я решил сдавать экзамены по вступительной программе колледжа, то выдержал их.

Как раз в начале марта того года я и сказал отцу, что хочу на Луну. Конечно, меня подстегнули объявления об открытии регулярных пассажирских рейсов, но космосом я бредил еще с тех пор, как Космический корпус Федерации основал Лунную базу. А может, и еще раньше. Отцу я рассказал о своем решении в надежде, что он подскажет мне, как быть. Он, видите ли, всегда умеет добиться того, чего хочет.

Когда я был маленьким, мы жили во множестве городов: в Вашингтоне, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе — я уж и не помню толком, где еще; помню только, что всегда — в гостинице. Отец все время куда-то улетал, а когда возвращался, я его почти не видел.

Но потом мы перебрались в Сентервилль, и он все время сидел дома, работая за столом или уткнувшись в книгу. Если кто хотел его видеть, то должен был приходить к нему сам.

Однажды, когда корзинка с деньгами опустела, отец сказал маме, что должны прийти «королевичи»*. Весь день я никуда не отлучался, потому что никогда еще не видел королей (мне было восемь лет), и, когда гость прибыл, я очень расстроился, потому что короны он не носил. На следующее утро в корзинке очутились деньги, так что я решил, что король приехал инкогнито (я читал в это время «Принца-Хромоножку») и подбросил папе кошелек с золотом.

Лишь год спустя я узнал, что слово «royalty» может означать гонорар — деньги, полученные за книгу, патент или проценты с акций, — и в жизни что-то поблекло. Но гость наш, хоть и не был королем, пытался все же заставить отца поступать по-своему, а не так, как хотел отец.

— Я допускаю, доктор Рассел, что климат в Вашингтоне ужасный. Но вам предоставят кондиционированное помещение.

* Непереводаемая игра слов: «royalty» означает «члены королевской семьи», а также «авторский гонорар».

— Ну да, и с часами, без сомнения. И с секретаршами. И со звукоизоляцией.

— Вам будет предоставлено все, что вы пожелаете, доктор.

— Дело в том, господин министр, что я ничего этого не желаю. Здесь, в моем доме, часов нет. И календарей тоже. Когда-то у меня был большой доход и еще большая язва, а сейчас доход у меня маленький, зато язва совсем прошла. Я остаюсь здесь.

— Но вы нужны делу!

— Не могу сказать, чтобы эта необходимость была обоюдной. Позвольте подложить вам еще мясного рулета, он очень вкусный.

Поскольку отец на Луну не собирался, решение проблемы оставалось за мной. Я засел за собранные мною проспекты университетов и принялся отбирать инженерные факультеты. О том, на что я буду учиться и жить, я не имел ни малейшего представления, но прежде всего следовало добиться зачисления в институт с хорошей репутацией.

Если не выйдет, я могу завербоваться в ВВС и попробовать получить офицерский чин. Если и это не получится, можно стать специалистом по электронике. На Лунной базе есть радары и другое оборудование. Так или иначе, я своего добьюсь.

Наутро, во время завтрака, отец скрылся за страницами «Нью-Йорк Таймс». Мама читала «Геральд Трибюн», а я — «Сентервилль Кларификейшн», который годится разве что колбасу заворачивать. Отец посмотрел на меня поверх газеты.

— Клиффорд, здесь есть кое-что интересное для тебя.

— М-да?

— Не мычи. Мычать некрасиво, и поэтому позволено только старшим. Вот, почитай. — И он протянул мне газету.

Это была реклама компании, производящей мыло, предлагавшая набивший оскомину старый трюк. Суперколоссальный конкурс на приз. Вернее, на тысячу призов, последние сто из которых состояли из годового запаса мыла «скайвей».

Тут-то я и опрокинул поридж себе на колени. Первым призом было...

«Полностью оплаченное путешествие на Луну!!!»

Так и написано, с тремя восклицательными знаками, но мне чудились целые дюжины их, а вокруг вспыхивали фейерверки и пел ангельский хор.

И всего-то требуется дописать предложение, чтобы оказалось не больше двадцати пяти слов: «Я пользуюсь мылом «скайвей», потому что...»

(Фразу надписать на обертке мыла или на ее хорошей фотокопии.)

Там еще было что-то сказано насчет «совместного участия фирм «Американ экспресс» и «Кук» при содействии ВВС США...», перечислялись списки второстепенных призов. Но я видел только одно, пока молоко и разбухшие овсяные хлопья впитывались в мои брюки: **«Путешествие на Луну!!!»**

Глава 2

Сначала от возбуждения я подпрыгнул до потолка... а потом на такое же расстояние вниз рухнула моя душа от охватившего меня отчаяния. Да мне в жизни ни одного конкурса не выиграть, я же такой невезучий, что если куплю коробку печенья, то обязательно ту, куда забыли положить приз; от игры в «орлянку» меня быстро вылечили, да чтоб я когда-нибудь еще...

— Прекрати, — сказал отец.

Я замолчал.

— Везения не существует вообще, существует лишь достаточная либо недостаточная подготовка для того, чтобы справиться со вселенской совокупностью обстоятельств. Намерен ли ты принять участие?

— Еще бы!

— Я полагаю, это утвердительный ответ. Что ж, отлично. Прояви систематический подход к делу.

Так я и поступил. А отец мне здорово помог — не ограничился тем, что предложил мне еще мясного рулета. Он тщательно следил, чтобы я мог справиться с множеством дел, навалившихся на меня.

Я закончил школу, послал заявление в колледж и продолжал работать, весь семестр после уроков подрабатывал в аптеке Чартона, в основном продавая содовую, но и натаскиваясь понемногу в фармакологии.

М-р Чартон слишком любил порядок, чтобы позволить мне прикоснуться к чему-нибудь, кроме фасованных лекарств, но кое-что я понял: от чего помогают всякие антибиотики, что входит в специальные списки и почему с лекарствами следует обращаться осторожно. В итоге это привело меня к органической химии и биохимии, а Чартон дал мне почитать Уолкера, Бойда и Азимова. По сравнению с биохимией атомная физика казалась детской забавой, но в скором времени и биохимия начала становиться понятной.

М-р Чартон был старым вдовцом, и вся его жизнь ограничивалась фармакологией. Он намекнул, что кто-то должен унаследовать его аптеку: какой-нибудь юноша с медицинским дипломом, любящий свою профессию. И сказал, что мог бы и помочь такому парню кончить колледж. Скажи он — в один прекрасный день ты станешь заведовать аптекой на Лунной базе, я заглотил бы наживку вместе с крючком. Но я объяснил, что решил посвятить себя космосу и что инженерное дело кажется мне единственной дорогой. Он не смеялся. Сказал, что, может, я и прав, но не следует забывать: куда бы ни ступила нога человека, на Луну ли, на Марс ли, на дальние ли звезды, аптекари и аптеки последуют за ним. Потом он откопал для меня свои книги по космической медицине: Страгхолд, Хабер, Стэмм и прочие.

— Подумывал и я когда-то об этом, Кип, — сказал он тихо, — да сейчас уже поздно.

Хотя м-р Чартон ничем, кроме медикаментов, не интересовался, но торговали мы всем, чем обычно и торгуют аптеки — от велосипедных шин до домашних аптек.

Включая, разумеется, мыло. Но мыла «скайвей» продавали чертовски мало. Сентервилль — городок консервативный и к новым маркам относится скептически. Я даже готов спорить, что многие сентервилльцы варят мыло сами. Пришлось сказать об этом м-ру Чартону, когда я пришел на работу. Он вытащил из кладовки два запывившихся ящика и взгромоздил их на прилавок. Потом позвонил своему поставщику в Спрингфилд.

Очень он хорошо со мной обошелся, сбил цену на «скайвей» почти до себестоимости и продавал его вов-

сю, почти всегда ухитряясь убедить покупателя оставить ему обертку. А я так вообще нагромоздил пирамиды мыла «скайвей» по обе стороны стойки, за которой торговал, и сопровождал каждый стакан кока-колы тирадой в честь старого мыла «скайвей», отмывающего добела, напичканного витаминами, повышающего наши шансы попасть сразу в рай, не говоря уж о том, что оно изготовлено из отборных продуктов, улучшает кожу и не требует прибегать к пятой поправке к конституции. Я стал таким бесстыжим, что удрать от меня, не купив мыла, мог только глухой или спринтер.

И только кудесник мог исхитриться, купив мыло, унести его из аптеки вместе с оберткой. Взрослых я просто убеждал, детишкам, если приходилось, платил цент за штуку. Если они приносили обертки со стороны, я платил десять центов за дюжину и прибавлял порцию мороженого.

Условия конкурса позволяли каждому участнику присылать неограниченное количество предложений, лишь бы только они были напечатаны на обертке мыла «скайвей» или на хорошей ее репродукции.

Я подумывал было сделать массу фотокопий, но отец отсоветовал.

— Конечно, все будет по правилам, Кип, но... это дешежка.

Итак, я собирал обертки. И посылал их со следующими текстами:

«Я пользуюсь мылом «скайвей», потому что...

— Я чувствую себя таким чистым.

— «Скайвей» хорошо и в дороге, и дома.

— Его качество выше неба.

— Оно чисто, как Млечный Путь.

— Оно чисто, как межзвездное пространство.

— После него я чист, как умытое дождем небо».

И так до бесконечности, пока я уже не начал чувствовать вкус мыла во сне.

Тексты сочиняли для меня и папа, и мама, и м-р Чартон. Я их записывал в специальный блокнот и на уроках, и на работе, и среди ночи. Придя как-то вечером домой, я обнаружил, что отец сделал мне ящик с карточками; я расположил их в алфавитном порядке, чтобы

избежать повторения. Это здорово помогло, потому что под конец я их отсылал по сотне в день. Росли почтовые расходы, не говоря уже о том, что мне приходилось покупать обертки.

В конкурсе принимали участие и другие ребята нашего городка, а может, и взрослые тоже, но вряд ли у кого дело было поставлено так, как у меня. В десять я уходил с работы, бежал домой с обертками и придуманными предложениями, забирал у родителей тексты, придуманные ими за день, потом штамповал резиновой печаткой на внутренней стороне каждой обертки: «Я пользуюсь мылом «скайвей», потому что...» и свой адрес с фамилией. Пока я печатал, отец заполнял карточки в карто-теке. Каждое утро, по дороге в школу, я отправлял пачку писем.

Надо мной посмеивались, но, как правило, именно те взрослые, которые больше всего надо мной подшучивали, особенно охотно отдавали мне свои обертки.

Все, за исключением лишь одного осла по имени Туз Квиггл. Хотя его нельзя причислять к взрослым, он всего лишь переросший свой возраст малолетний преступник. В каждом городишке есть, наверное, такой Туз. Школу он не кончил, что само по себе можно считать достижением, поскольку м-р Хэнли подтягивал в следующий класс всех, «чтобы не разбивать возрастные группы». Сколько я себя помню, Туз всегда шатался по Главной улице, иногда работал, но по большей части бездельничал. Он считал себя непревзойденным остряком. Как-то Туз уселся за стойку у нас в аптеке, заняв на один солодовый коктейль с шоколадом стоимостью в тридцать пять центов места и времени на два доллара. Я как раз только что убедил старую миссис Дженкинс купить дюжину мыла и освободил ее от оберток. Когда она ушла, Туз взял пачку мыла из моей выставки на прилавке и спросил:

— Торгуешь им, космонавт?

— Верно, Туз. Купи, не пожалеешь.

— Вы надеетесь попасть на Луну, торгуя мылом, Капитан? Или я должен сказать «коммодор»?

Ик-ик-ик-иккити-ик! — Это он так смеется, подражая героям комиксов.

— Пытаюсь, — вежливо ответил я. — Ну что, берешь?

— А ты уверен, что мыло хорошее?

— Убежден.

— Ну что ж. Куплю кусок, но только, чтобы тебя выручить. Не густо. Но как знать, может, именно эта обертка и выиграет.

— Спасибо большое, Туз. — Я взял деньги, он положил мыло в карман и пошел к выходу.

— Секундочку, Туз. Дай мне обертку, пожалуйста.

Он остановился.

— О, да, я сейчас тебе продемонстрирую, как с ней следует обращаться наилучшим образом.

Наклонившись к стоящей на прилавке зажигалке, он поджег обертку и прикурил от нее сигарету. Подождав, пока обертка догорела до самых пальцев, он бросил ее на пол и растоптал.

М-р Чартон наблюдал за ним из окна провизорской.

— Ну как, порядок, космонавт? — ухмыльнулся Туз.

Мои пальцы сжали ложку для мороженого, но я ответил:

— Полный порядок, Туз. Мыло ведь твое.

М-р Чартон вышел из провизорской и сказал:

— Я сам займусь буфетом, Кип. Тебе нужно доставить заказ.

Та обертка была чуть ли не единственной, которую я упустил. Конкурс кончался первого мая, и отец с м-ром Чартоном решили продать все мыло до последнего ящика. Я кончил подписывать обертки только около одиннадцати, и м-р Чартон подвез меня в Спрингфилд, чтобы я успел их отправить до полуночи.

Я отправил пять тысяч семьсот восемьдесят две обертки с текстами. Сомневаюсь, чтобы Сентервиллю еще когда-нибудь доводилось известить столько мыла.

Итоги конкурса должны были объявить четвертого июля. За эти девять недель я успел сгрызть ногти до основания. Ну, конечно, за это время и еще кое-что произошло. Я кончил школу, родители подарили мне часы, учащиеся продефилировали перед м-ром Хэнли и получили аттестаты. Было приятно, что программа, изу-

ченная по настоянию папы, отличалась от того, чему я научился в нашей милой старой школе, на шесть порядков от ноля. А перед выпуском состоялись все положенные мероприятия: день прогулов, прощальный вечер нашего класса, выпускной бал и встреча с младшеклассниками — в общем, полный комплект трюков, чтобы звери вели себя тихо. М-р Чартон отпускал меня пораньше, если я просил, но просил я не часто, потому что голова была занята другим, а ухаживать я ни за кем не ухаживал. То есть ухаживал раньше, в начале года, но она, Элани Макмерти, хотела разговаривать о мальчиках и модах, а я — о космосе, так что она быстро дала мне отставку.

После выпуска из школы я стал работать у м-ра Чартона полный день. Я так и не решил до сих пор, как обеспечить себе дальнейшую учебу. Да я и не думал об этом; я продолжал продавать мороженое и, затаив дыхание, ждал четвертого июля.

Телепередача начиналась в восемь вечера. Телевизор у нас был черно-белый, старой конструкции, его не включали уже несколько месяцев. Я вытащил его из кладовки, проверил изображение, убив два часа на то, чтобы его наладить, а остальное время провел, грызя ногти. Ужинать я не мог.

В половине восьмого я уже сидел перед экраном, глядя невидящим взглядом на комиков, и перебирал свою картотеку. Вошел отец, смерил меня взглядом и сказал:

— Возьми себя в руки, Кип. И позволь напомнить тебе еще раз — все шансы против тебя.

— Я знаю, пап, — буркнул я.

— Более того, это в конечном счете вообще не будет иметь значения. Человек почти всегда получает то, чего ему очень хочется. Я уверен, когда-нибудь ты попадешь на Луну, так или иначе.

— Да, сэр. Просто хочется, чтобы поскорее началось.

— Эмма, ты идешь?

— Сейчас иду, дорогой, — ответила мама.

Она вошла в комнату, потрепала меня по руке и села. Отец откинулся в кресле.

— Прямо как во время выборов.

— Слава Богу, что ты в этом больше не завязан, — сказала мама.

— Однако, дорогая моя, тебе эти кампании всегда были по душе.

Мама рассмеялась.

Комики исчезли с экрана, сигареты сплясали канкан и нырнули обратно в пачки, и утешающий голос заверил нас, что сигареты «Коронет» вообще лишены канцерогенных свойств — самое, самое, самое безвредное курево, да еще со вкусом настоящего табака. Программа переключилась на местную станцию, нас порадовали живописным видом центрального магазина дровяных и скобяных товаров, и я начал выдирать себе волосы из запястья.

Вот экран заполнился мыльными пузырями, квартет спел нам о том, что наступает час «скайвея», будто мы сами этого не знали. Вдруг экран погас и звук вырубился. А я проглотил собственный язык.

На экране зажглась надпись: «Неполадки на линии, не регулируйте приемники».

— Да как они смеют! — завопил я.

— Прекрати, Клиффорд, — сказал отец.

Я смолк.

— Не надо так, милый, он же все-таки еще ребенок, — заметила мама.

— Он не ребенок, он взрослый мужчина, — ответил отец. — Послушай, Кип, как ты собираешься сохранять спокойствие перед расстрелом, если даже такая ерунда заставляет тебя нервничать?

Я забормотал, но отец сказал:

— Говори как следует.

Я объяснил ему, что не собираюсь попадать под расстрел.

— Может, и придется когда-нибудь выкручиваться. А это — хорошая практика. Попробуй поймать изображение по спрингфилдской программе.

Я пытался, но на экране будто снег валил, а голоса были похожи на двух кошек, мяукающих в мешке. Я снова переключился на нашу местную станцию.

— ... генерал-майор ВВС Брайс Гилмор, наш гость, который прокомментирует некоторые, ранее не публи-

ковавшиеся фотографии Лунной базы и новорожденного Лунного города, самого быстрорастущего города на Луне. Сразу же после объявления победителей конкурса мы, при содействии Космического корпуса, предпримем попытку прямой телевизионной связи с Лунной базой.

Я глубоко вздохнул и попытался замедлить сердцебиение. Балаган на экране все продолжался: представляли знаменитостей, объясняли правила конкурса, невероятно милая парочка подробно втолковывала друг другу, почему они пользуются только мылом «скайвей». У меня, ей-богу, беседы с покупателями получались лучше.

Наконец дошли до сути. На передний план торжественно выступили пять девушек, каждая держала огромный плакат над головой.

— А теперь... — замирающим голосом сказал ведущий, — теперь — текст-победитель, завоевавший... бесплатный полет на Луну!

У меня перехватило горло.

Девушки запели:

— Я люблю мыло «скайвей», потому что... — и каждая переворачивала свой плакат, когда наступала ее очередь, — оно... чисто... как... само... небо!

Я перебирал карточки. Мне показалось, что я узнал текст, но я не был уверен — я же послал их больше пяти тысяч. Наконец я нашел нужную карточку и сверил ее с экраном.

— Пап! Мама! Я выиграл! Выиграл!

Глава 3

— Спокойно, Кип, — отрубил отец. — Прекрати.

— Послушай, дорогой, — начала мама.

— ... представить вам счастливую победительницу, — продолжал диктор, — миссис Ксения Донахью, Грейт Фоллз, штат Монтана... миссис Донахью!

Под звуки фанфар на авансцену выплыла маленькая полная женщина. Я снова взглянул на плакаты. Их текст совпадал с текстом моей карточки.

— Папа, что случилось? — спросил я. — Это же мой текст.

— Ты плохо слушал.

— Жулики!

— Молчи и слушай.

— ... как мы уже объяснили, в случае совпадения текстов первенство присуждается тому, кто отправил письмо раньше. Оставшиеся призы распределяются по времени поступления писем в жюри конкурса. Выигравший текст предложен одиннадцатью участниками конкурса. Им и принадлежат первые одиннадцать призов. Здесь сегодня присутствуют шесть человек, занявших первые места и награжденные поездкой на Луну, уик-эндом на космической станции-спутнике, кругосветным путешествием на реактивном самолете, путешествием в Антарктику, поездкой...

Проиграть из-за почты! Из-за почты!

— ... сожалеем, что не могли приветствовать здесь сегодня всех победителей. Зато для них приготовлен сюрприз. — Ведущий посмотрел на часы. — В настоящую минуту, прямо сейчас, в тысяче домов по всей стране, прямо сию секунду, раздастся стук в счастливую дверь верных друзей «скайвея»...

Раздался стук в нашу дверь.

Я подпрыгнул. Отец отворил.

Трое грузчиков внесли огромного размера ящик.

— Клиффорд Рассел здесь живет? — спросил один из них.

— Здесь, — ответил папа.

— Распишитесь, пожалуйста.

— А что это?

— Здесь написано только, где верх. Куда поставить?

Папа протянул расписку мне, и я как-то ухитрился расписаться.

— Поставьте в гостиную, пожалуйста, — попросил папа.

Грузчики ушли, а я вооружился молотком и кусачками. Ящик был похож на гроб, а у меня как раз и было похоронное настроение.

Я отодрал крышку и выбросил на ковер целый ворох упаковочного материала. Наконец докопался до содержимого.

Это был космический скафандр.

Скафандр не бог весть какой по нынешним временам. Устаревшая модель, которую фирма «Мыло скайвей» скупил на распродаже излишков. Скафандры получили все победители от десятого до сотого. Но он был настоящий, производства фирмы «Гудеар», с системой кондиционирования воздуха от фирмы «Йорк» и со вспомогательным оборудованием от «Дженерал Электрик». К скафандру прилагались документация и инструкции, а также рабочий журнал, из которого следовало, что скафандр использовался более восьмисот часов при монтаже второй станции-спутника.

Мне стало лучше. Это ведь не подделка, не игрушка. Скафандр побывал в космосе, хотя мне самому и не удалось. Но удастся! Когда-нибудь. Я научусь им поль-

зоваться и когда-нибудь пройдуся в нем по голой поверхности Луны.

— Может, отнесем в твою мастерскую, а, Кип?

— Куда нам спешить, милый? — возразила мама. — Клиффорд, ты не хочешь примерить его?

Еще бы я не хотел! Мы с папой сошлись на том, что оттащили в сарай ящик и упаковку. Когда мы вернулись, в доме уже торчали репортер и фотограф из «Кларифон» — о моем выигрыше газета узнала раньше, чем я, что я посчитал неправильным.

Они попросили меня попозировать, и я не стал возражать.

Влезть в скафандр оказалось делом тяжким. По сравнению с этим одеваться в вагоне на верхней полке просто пустячок.

— Погоди-ка, парень, — сказал фотограф. — Я видел, как их одевают. Совет примешь?

— Нет, то есть я хотел сказать «да».

— Ты в него проскользни, как эскимос в каяк. Потом суй правую руку...

Так оказалось намного легче. Я широко распустил передние прокладки и сел в скафандр, хотя при этом чуть не вывихнул правое плечо. Потом нашел специальные лямки для подгонки размера, но возиться с ними не стал. Фотограф запихнул меня в скафандр, застегнул молнии, помог подняться на ноги и задвинул шлем.

Баллонов с воздухом на скафандре не было, и пока он сделал три кадра, мне пришлось дышать тем воздухом, который остался внутри шлема. К тому времени, как фотограф кончил снимать, я удостоверился, что в скафандре действительно работали: внутри пахло потом. Я с радостью скинул шлем.

И все равно носить скафандр мне нравилось. Прямо как космонавт.

Газетчики ушли, а мы вскоре легли спать, оставив скафандр в гостиной. Около полуночи я осторожноенько спустился вниз и примерил его еще раз.

На следующее утро, прежде чем идти на работу, я отнес скафандр в мастерскую.

М-р Чартон вел себя дипломатично. Он сказал всего лишь, что хотел бы взглянуть на мой скафандр, когда у

меня найдется время. О скафандре знали уже все — моя фотография красовалась на первой странице «Кларион» между заметкой об альпинистах и отчетом о пострадавших во время праздника. Статью написали довольно зубоскальную, но я на это внимания не обращал. Я ведь толком и не верил никогда, что выиграю, зато получил самый что ни на есть настоящий скафандр, которого не было ни у одного из моих одноклассников.

Днем папа принес мне заказное письмо от фирмы «Мыло скайвей». Письмо содержало документы на владение космическим скафандром, герметическим, серийный номер такой-то, бывшей собственностью ВВС США. Письмо начиналось с поздравлений и благодарностей, но в последних строках было и кое-что существенное.

«Мы сознаем, что выигранный Вами приз может Вам в ближайшее время и не понадобится. Поэтому, согласно параграфу 4-а правил проведения конкурса, компания готова выкупить его за пятьсот долларов наличными.

Для получения денег Вам следует вернуть скафандр в демонтажное отделение фирмы «Гудеар» по адресу: город Акрон, штат Огайо, до 15 сентября сего года. Почтовые расходы фирма принимает на себя.

Компания «Мыло скайвей» выражает надежду, что Вы получили такое же удовольствие от нашего конкурса, какое мы получили от Вашего участия в нем, и что вы согласитесь не отсылать скафандр до проведения специальной телепередачи, посвященной мылу «скайвей». За участие в ней Вам будет выплачено 50 долларов. По этому поводу с Вами свяжется директор Вашей местной телестудии. Мы надеемся, что Вы не откажетесь быть гостем нашей передачи. С наилучшими пожеланиями от «Мыло скайвей» — мыла чистого, как само небо».

Я протянул письмо отцу. Он пробежал его глазами и вернул мне.

— Надо, наверное, соглашаться, — сказал я.

— Телевидение не оставляет шрамов на теле, так что греха в этом я не вижу, — ответил отец.

— Да нет, я не о том. Их передача — просто легкий заработок. Я думаю, что мне и впрямь следовало бы продать им скафандр.

Мне бы радоваться: ведь подвернулись деньги, в которых я так нуждался, а скафандр мне был нужен, как рыбе зонтик. Но радости я почему-то не чувствовал, хотя никогда в жизни мне не доводилось еще иметь пятьсот долларов.

— Вот что, сын, заявления, начинающиеся со слов «мне и впрямь следовало бы», всегда вызывали у меня подозрение. Эта фраза означает, что ты сам еще толком не разобрался, чего тебе хочется.

— Но пятисот долларов хватит почти на целый семестр.

— Какое это имеет отношение к делу? Выясни сначала, чего ты хочешь, а потом поступай соответственно. И никогда в жизни не уговаривай себя делать то, что тебе не нравится. Подумай хорошенько.

Отец пожелал мне спокойной ночи и пошел спать.

Я решил, что неразумно сжигать перед собой мосты. В любом случае — скафандр мой до середины сентября, а там, кто знает, может, он мне надоест.

Но он мне не надоел. Скафандр — это чудо техники, космическая станция в миниатюре. Хромированные шлем и плечи переходили в асбесто-силиконово-фибергласовый корпус, жесткий, но с гибкими суставами. Суставы были сделаны из такого же прочного материала: при сгибании колена специальные мехи увеличивали объем перед коленной чашечкой ровно настолько, насколько приближалась к ноге ткань скафандра сзади. Без такого устройства много не походишь: внутреннее давление, которое может достигать до нескольких тонн, заставит человека застыть на месте как статуя. Эти компенсаторы объема были покрыты двойной броней, даже суставы пальцев и то покрывались ею. К скафандру крепился тяжелый фибергласовый пояс с зажимами для инструментов. Специальные лямки позволяли регулировать высоту и вес. Также в комплект входил заплечный мешок (сейчас пустой) для баллонов с воздухом. Для батарей и прочей мелочи были предусмотрены внутренние и наружные карманы на молниях.

Шлем вместе с частью заплечья откидывался назад, и передняя часть скафандра открывалась двумя молниями на прокладках, образуя дверку, в которую приходилось

втискиваться. С застегнутыми шлемом и молниями скафандр вскрыть невозможно из-за давления внутри.

На горловом обхвате и на шлеме смонтированы переключатели, а огромный шлем содержит резервуар с питьевой водой, по шесть контейнеров для таблеток с каждой стороны, справа от подбородка переключатель рации, а слева — переключатель, регулирующий поток воздуха; еще там были автоматический поляризатор для окуляров, расположенных перед лицом, микрофоны и наушники, в утолщении за затылком располагались радиосхемы, а над головой аркой выгибалась приборная панель. Знаки на циферблатах приборов располагались в обратном порядке, потому что космонавт видел их в отражении внутреннего зеркала, смонтированного спереди, на расстоянии четырнадцати дюймов от глаз. Над окошком шлема устанавливались две двойные фары. На макушке — две антенны: штырь передающей антенны и рожок, выстреливающий короткие волны, как из ружья. Ориентировать его следовало, становясь лицом к принимающей станции. Всю поверхность рожка, за исключением верхней части, покрывала броня.

Вам кажется, что скафандр переполнен, как дамская сумочка, но на самом деле все сделано так компактно, что просто красота, и голова, когда смотришь в окуляры, ни с чем не соприкасается. Если откинешь голову назад, то видишь отражения циферблатов, наклонишь вперед — и можешь подбородком оперировать клапанами-регуляторами, чтобы глотнуть воды или съесть таблетку, достаточно поворота шеи.

Все оставшееся пространство заполнено губчатой резиной, чтобы ни в коем случае не разбить голову.

В общем, скафандр мой был похож на первоклассный автомобиль, а шлем — на швейцарские часы.

Но баллонов с воздухом не имелось, так же как и всей радиооснастки за исключением антенны, не существовало маяка и аварийного радарного целеискателя, внутренние и наружные карманы оказались пусты, а с пояса не свисали инструменты.

Когда я прочитал инструкцию и выяснил, что должно было содержаться в полном комплекте, я понял, что от автомобиля мне достался лишь один остов.

И я решил, что просто обязан привести его в порядок.

Прежде всего я тщательно протер скафандр «клороксом», чтобы уничтожить запах раздевалки. Потом взялся за систему воздухообеспечения. Хорошо, что вместе со скафандром прислали инструкцию, потому что почти все мои прежние представления о скафандрах оказались неверны.

Человек потребляет всего около трех фунтов кислорода в день, казалось бы, он может нести на себе месячный запас кислорода, особенно в космосе, в невесомости, или на Луне, где три фунта весят только полфунта. Что ж, для экипажей космических кораблей и станций или для аквалангистов это допустимо: они прогоняют воздух через негашеную известь, чтобы очистить его от углекислого газа, и дышат им снова. Но в скафандре так не сделать.

Даже сегодня многие говорят о «жутком морозе космоса», но ведь космос — это вакуум, а если бы вакуум был холодным, то как бы термос сохранял кофе горячим? Вакуум — это ничто, он не обладает температурой, он только изолирует.

Три четверти того, что вы съедаете, преобразуется в тепло — в огромное количество тепла, его ежедневно выделяется столько, что хватит растопить фунтов пятьдесят, а то и больше, льда. Звучит невероятно, правда? Увеличивая температуру реостатом, вы выбираете более подходящее соотношение для обогрева. Тело производит столько тепла, что от него приходится избавляться, — точно так же, как приходится охлаждать автомобильный двигатель.

Разумеется, если делать это слишком быстро или, скажем, на холодном ветру, то можно замерзнуть, но перед человеком в скафандре стоит другая проблема — как бы не свариться заживо, подобно раку. Вокруг — вакуум, и избавиться от избыточного тепла очень трудно. Частично оно уходит само, но не так уж много, а находясь на солнце, предмет все равно впитает его больше, чем отдаст, потому-то поверхности космических ракет и отполированы до зеркального блеска.

Так как же быть?

Не носить же на себе пятидесятифунтовые глыбы льда. Избавляться от избыточного тепла следует так же,

как и в земных условиях, конвекцией и испарением: надо заставлять воздух постоянно циркулировать вокруг тела, чтобы он, испаряя пот, охлаждал вас. Верно, когда-нибудь изобретут скафандр, оснащенный такой же восстановительно-очищающей системой, как космические корабли, но пока что практический выход заключается в следующем: надо выпускать использованный воздух из скафандра, выводя с ним пот, двуокись углерода и избыточное тепло, тратя на все это большую часть кислорода.

Есть и другие проблемы. Давление в пятнадцать фунтов на квадратный дюйм, которому вы подвергаетесь, включает три фунта кислородного давления. Легким хватит и меньшего количества, но только индеец из высокогорных Анд будет себя уютно чувствовать при давлении кислорода меньше двух фунтов. Девять десятых фунта — предел. Любое давление ниже этого предела просто не будет способно вгонять кислород в кровь — таков примерно уровень давления на вершине Эвереста. Но большинство людей начинают испытывать кислородное голодание задолго до этого предела, поэтому лучше остановиться на двух фунтах кислорода на квадратный дюйм. Кислород следует смешать с инертным газом, потому что от чистого кислорода может заболеть горло, или, что еще хуже, человек от него пьянеет, или начинаются страшные судороги.

Азот, которым вы дышите всю жизнь, использовать нельзя — при падении давления он образует в крови пузырьки и калечит кровеносные сосуды. Пользоваться нужно гелием, который не пузырится. Только вот говорить из-за него вы будете скрипучим голосом, ну да черт с ним.

Итак, недостаток кислорода вас убьет, избыток отравит, азот покалечит, в двуокиси углерода можно утонуть, если прежде от нее не задохнуться, а обезвоживание организма может привести к смертельной лихорадке. Дочитав инструкцию до конца, я прямо диву дался, как человек ухитряется выжить, да еще в скафандре.

Но вот передо мной лежит скафандр, который сотни часов служил человеку защитой в космосе, способный

избавить его от всех этих опасностей. На спине он несет стальные баллоны с «воздухом» (смесь кислорода и гелия) под давлением сто пятьдесят атмосфер, то есть больше двух фунтов на квадратный дюйм, и через один редукционный клапан давление «по требованию» доводится до трех-пяти фунтов на квадратный дюйм, два фунта из которых приходится на кислород. Вокруг шеи проложен силиконово-резиновый воротник, и в нем проделаны крошечные отверстия, чтобы снизить давление в корпусе скафандра и ускорить поток воздуха, тем самым повышая скорость испарения и охлаждения, и нагибаться станет значительно легче, добавьте выхлопные клапаны — по одному на запястьях и лодыжках: они должны пропускать не только газ, но и воду, в противном случае утонете в собственном поту.

Баллоны, большие и неуклюжие, весят фунтов по шестьдесят, но масса воздуха, содержащаяся в баллоне, не превышает пяти фунтов даже при таком колоссальном давлении. Вместо месячного запаса приходится довольствоваться запасом на несколько часов; те баллоны, которыми когда-то оснащался мой скафандр, были рассчитаны на восемь часов. Но зато эти восемь часов гарантируются полностью, если, конечно, ничто в оснастке не откажет. Срок можно растянуть: перегрев, так же, как и двуокись углерода, мгновенной смерти не вызывает, но если уйдет кислород, то смерть наступит минут через семь. Так что возвращаемся к тому, с чего начали: без кислорода жизни нет.

Носом не почувешь, достаточно его поступает или нет, а знать, черт побери, надо точно. Поэтому к уху крепится зажимом элемент, который следит за цветом крови. Красный цвет крови придает обогащающий ее кислород. Он подсоединяется к гальванометру; если его стрелка указывает «опасность», молитесь.

В выходной день я отправился в Спрингфилд за покупками. В сварочной мастерской я нашел два подержанных тридцатидюймовых металлических баллона. Я заставил хозяина проверить баллоны на давление и заслужил этим всеобщую неприязнь. Дома я заскочил в гараж Принга и договорился о покупке воздуха под давлением пятьдесят атмосфер. Подкачать давление по-

выше и купить кислород и гелий я мог в Спрингфилдском аэропорту, но пока не видел в том нужды.

Вернувшись в мастерскую, я затянул пустой скафандр и велосипедным насосом накачал его до двух абсолютных атмосфер, то есть до одной относительной, что дало мне испытательную нагрузку почти четыре к одному по сравнению с условиями в космосе. Затем я взялся за баллоны. Их надо было отполировать до зеркального блеска, они не должны впитывать тепло солнечных лучей. Я соскреб с них верхний слой металла и отдраил поверхность проволочной щеткой, чтобы затем никелировать ее.

Наутро мой скафандр — я его назвал «Оскар — механический человек» — сдулся и стал похож на смятый комбинезон.

Самой большой проблемой было сделать старый скафандр герметичным не только для воздуха, но и для гелия. С воздухом еще куда ни шло, но молекулы гелия настолько малы и подвижны, что через обыкновенную резину проходят запросто, а я хотел привести свой скафандр в настоящую рабочую форму, чтобы он годился не только для прогулок по мастерской, но и для работы в космосе, однако сальниковые прокладки поистрепались так, что невозможно было обнаружить место утечки.

Поскольку в маленьком городке таких товаров не сыщешь, пришлось обращаться в фирму «Гудеар» за новыми силиконово-резиновыми прокладками. Я подробно описал, что мне нужно и зачем, и они все выслали бесплатно, приложив даже дополнительные инструкции.

Работа была непростая. Однако скоро наступил день, когда я накачал «Оскара» чистым гелием под давлением в две абсолютные атмосферы.

Неделю спустя он все еще оставался герметичным, словно шестислойная шина.

В тот день я влез в «Оскара» как в замкнутую самодостаточную систему. Я и раньше ходил в нем по несколько часов, только без шлема, работал в мастерской, учился владеть инструментами, не снимая перчаток, подгоняя скафандр по росту и размеру. Чувствовал я себя так, как будто обкатывал новые коньки, и вскоре

совсем перестал отдавать себе отчет в том, что хожу в скафандре, однажды даже к ужину в нем явился. Отец вообще ничего не сказал, мама проявила выдержку, достойную посла, а я обнаружил свою ошибку, только начав разворачивать салфетку на коленях.

Итак, я выпустил гелий в атмосферу и укрепил на скафандре заряженные воздухом баллоны. Затем задвинул шлем и загерметизировал его. Воздух втягивался в шлем с тихим шипением, его поступление регулировалось грудным клапаном, работающим от моих вдохов и выдохов. С помощью подбородка я мог привести в действие другой клапан и либо ускорить, либо замедлить поток воздуха. Я так и сделал, следя за отражением индикаторов в зеркале, а потом довел давление до двадцати абсолютных фунтов — на пять фунтов больше, чем за пределами скафандра, что давало мне максимально возможное на Земле приближение к космическим условиям.

Я почувствовал, как скафандр раздулся, суставы напряглись. Я попробовал шагнуть и... чуть не упал. Пришлось схватиться за верстак.

В скафандре, да еще с баллонами за спиной, я весил в два раза больше обычного. Кроме того, хоть суставы и сохраняли постоянный объем, под давлением передвигаться в скафандре было не так-то легко.

Натяните тяжелые болотные сапоги, наденьте пальто и боксерские перчатки, а на голову ведро и попросите кого-нибудь навьючить вам на спину два мешка цемента, тогда получите представление, каково ходить в космическом скафандре при одном «g».

Но не прошло и десяти минут, как я вполне освоился, а еще полчаса спустя мне уже казалось, что я ношу скафандр всю жизнь. Вес распределился по телу так, что нагрузка была вполне терпимой, а я знал, что на Луне она вообще почти не будет чувствоваться. К сочленениям суставов просто следовало привыкнуть и прилагать больше усилий при движениях. Учиться плавать и то трудней.

День выдался ясный, я вышел во двор посмотреть на Солнце. Поляризатор умерял силу света, и глазам не было больно. Я отвел глаза в сторону так, что поляризатор ушел из поля зрения, и огляделся.

Внутри скафандра сохранялась прохлада. Воздух, охлажденный полуадиабатическим расширением (как гласила инструкция), охлаждал голову и через выпускные клапаны уносил из скафандра теплоту тела и углекислый газ.

В инструкции говорилось также, что нагревательные элементы скафандра приходится включать не часто, поскольку обычной проблемой было избавление от тепла. Однако я решил достать сухого льда и испытать термостат и обогреватель.

Я опробовал все системы, о которых только мог вспомнить. За нашим двором течет ручеек, а за ручейком находится пастбище. Я потопал прямо по ручейку, оступился и упал; хуже всего было то, что я не видел, куда ставлю ногу. Упав, я оставался лежать, меня покачивало на воде. Мне было не мокро, не жарко и не холодно, а дышал я так же ровно, как всегда, хотя через шлем переливалась вода.

С трудом я выкарабкался на берег и снова упал, врезавшись шлемом в валун. Порядок. Никаких повреждений. Для того «Оскар» и сделан, чтобы все выдержать. Подобрал под себя колени, я поднялся и пересек пастбище, спотыкаясь о камни, но держась на ногах. Потом подошел к стогу сена и зарылся в него.

Прохладный свежий воздух... и никаких проблем. Я даже не вспотел.

Скафандр содержал в себе специальную туалетную конструкцию, но ее я еще не наладил, так что я разделся через три часа, еще до того, как кончился запас воздуха. Повесив скафандр на специальную стойку, которую я соорудил, я потрепал его по плечу.

— «Оскар», ты парень что надо, — сказал я. — Теперь мы с тобой партнеры. Еще попутешествуем.

Предложили бы мне за «Оскара» пять тысяч долларов — я бы только фыркнул.

Пока «Оскар» испытывался на герметизацию, я работал над его электронной оснасткой. С радаром и маяком я даже возиться не стал: первый настолько прост, что и ребенок с ним справится, а второй дьявольски дорог. Но рация, действующая в диапазоне, принятом в космосе, — антенны принимали только эти волны — казалась

мне необходимой. Можно было, конечно, собрать простую походную рацию и привесить ее к поясу снаружи, но я тогда все время мучился бы с ее настройкой, да и вакуума она не выдержала бы. Изменение температуры, давления и влажности оказывает странный эффект на электронные системы, именно поэтому рация и должна быть встроена в шлем.

В инструкции приводились диаграммы, и я занялся делом. Слуховые и модуляционные схемы особой проблемы не представляли — всего лишь транзисторы на батарейках, размеры которых легко можно уменьшить. Но вот микроволновый блок...

Микроволновые схемы штука сложная, требующая специальной обработки; одно неверное движение руки может нарушить выходное сопротивление и нарушить математически рассчитанный резонанс.

Что ж, я попробовал. Необходимые мне платы можно по дешевке купить в магазинах, торгующих списанными товарами, а некоторые транзисторы и другие компоненты я выдрал из собственных приборов. И после адских трудов я все-таки заставил блок работать. Но в шлем проклятая штуковина не лезла, хоть плачь.

Если хотите, считайте этот блок моей моральной победой — в жизни мне не доводилось мастерить ничего лучшего.

В конце концов я купил готовый блок — вакуумной обработки, в пластиковом чехле. Купил там же, где раньше покупал микросхемы. Как и скафандр, к которому он был когда-то изготовлен, блок устарел настолько, что взяли за него смехотворно мало. Надо сказать, к тому времени я уже был готов заложить хоть свою душу, до того мне хотелось наладить «Оскара».

Главной сложностью в работе с электрооснасткой стало то, что все ее детали должны были быть безотказными и безопасными. Человек, работающий в космосе, не может, в случае неполадки, заскочить в первый попавшийся гараж и попросить механика помочь. Либо оснастка его скафандра будет нормально функционировать, либо ему остается только молиться. Потому-то и установлены на шлеме двойные фары, вторая автоматически зажигается, если гаснет первая. Дублировалось

все, даже подсветка циферблатов над моей головой. Здесь я не спешил и не экономил: каждую дублированную схему я восстанавливал дублированной и тщательно проверил все автоматические переключатели.

М-р Чартон настоял, чтобы я заполнил встроенную аптечку скафандра всем тем, что предписывала инструкция: глюкозой, мальтозой и аминотаблетками, витаминами, аспиринном, антибиотиками, кодеином — в общем, достаточным запасом лекарств, чтобы человек мог выкарабкаться, если что-то случится. Он попросил доктора Кеннеди выписать на них рецепты, чтобы я снарядил «Оскара», не нарушая при этом правил.

Когда я кончил работать, «Оскар» пришел в такую же отличную форму, в какой был во время своей службы на космической станции. Приводить его в порядок оказалось куда как интересней, чем, скажем, помогать Джейку Биксби превращать кучу металлолома в автомобиль.

Но лето шло к концу, и настала уже пора очнуться от мечтаний. Я все еще не знал, где мне предстоит учиться, да и придется ли учиться вообще. Кое-что я скопил, но этого явно не хватало. Часть денег ушла на марки и мыло, но я их оправдал, да еще с прибылью, одним пятнадцатиминутным выступлением по телевизору; а на ухаживание за девчонками я с марта месяца не потратил и цента — до того был занят. «Оскар» мне обошелся до смешного дешево, налаживал я его в основном потом и отверткой. Но семь долларов из каждых десяти мною заработанных шли в денежную корзинку.

Денег не хватало. Я с тоской осознал, что мне придется продать «Оскара», чтобы протянуть первый семестр. Но на что я протяну остаток года? «Отважный Джо», стандартный американский мальчик-герой, всегда заявляется в колледж с пятьюдесятью центами в кармане и благодаря своему золотому сердцу приходит к последней главе всех победив и с изрядным счетом в банке. Но я отнюдь не «Отважный Джо». И стоит ли начинать учиться, если к Рождеству меня выставят из-за нехватки денег? Не будет ли разумнее подождать год и за это время свести короткое знакомство с киркой и лопатой?

Был ли у меня выбор? Университет нашего штата, единственное высшее учебное заведение, куда я наверняка мог поступить, переживал трудные времена. Пого-

варивали, что многих профессоров уволят и университет потеряет свой нынешний статус. Вот смеху то будет — корпеть несколько лет, зарабатывая себе бесполезный диплом никем не признаваемого учебного заведения.

Да и раньше наш университет котировался не выше второсортного технического училища.

Калифорнийский технологический и Институт Рокфеллера прислали мне отказы в один и тот же день, первый — на стандартном бланке, другой — в форме вежливого письма, гласившего, что принять всех абитуриентов, сдавших экзамены по вступительной программе, институт не сможет.

Помимо всего этого мне еще досаждали и различные мелкие неприятности. Пятьдесят долларов были единственной положительной стороной участия в телевизионном шоу. Человек, одетый в скафандр, выглядит в телевизионной студии, прямо скажем, глуповато, и ведущий выжал из этого все что мог, постукивая меня по шлему и спрашивая, там ли я еще. Куда уж смешнее! Потом он спросил, что я намерен делать со скафандром, но когда я начал отвечать, он отключил мой микрофон и включил заранее записанную ленту со всякой чушью о космических пиратах и летающих тарелках. И половина жителей нашего городка решила, что слышала мой голос.

В общем-то, все это было бы не так уж трудно пережить, если бы в городе не появился Туз Квиггл. Все лето он где-то отсиживался, в тюрьме по всей вероятности, но на следующий день после телевизионного шоу уселся за стойкой в аптеке, долго сверлил меня взглядом, затем осведомился громким шепотом:

— Слышь, ты случайно не тот самый знаменитый космический пират и телезвезда?

— Что закажешь, Туз? — спросил я.

— Ух ты! Хочу взять у тебя автограф! В жизни не видел живого космического пирата!

— Заказывай, Туз. Либо освободи место для кого-нибудь другого.

— Солодовой с шоколадом, коммодор, только без мыла.

Туза распирало остроумие каждый раз, когда он появлялся в аптеке. Лето выдалось на редкость жаркое,

и от жары все заводились с пол-оборота. В пятницу, перед Днем труда, на складе забарахлила система охлаждения воздуха, ремонтника мы найти не смогли, и я провозился с ней целых три часа, насквозь пропотел, испортил при этом свои самые лучшие брюки. Я вернулся к стойке только и мечтая, как бы добраться до дому и до ванной, когда в аптеку вплыл Туз, приветствуя меня громким возгласом:

— Привет, командир Комета, Гроза космических путей! Где же ваш бластер, командир? Смотрите, как бы Галактический император не оставил вас после уроков за такую небрежность! Ик-ик-ик-иккити-ик!

Девчонки, сидевшие за стойкой, приснули.

— Отвяжись, Туз, — сказал я устало. — Жарко сегодня.

— И поэтому ты вылез из своих резиновых кальсон? Девчонки засмеялись.

Туз, скорчив рожу, продолжал:

— Слушай, малый, уж коль ты обзавелся шутовским нарядом, грех тебе не пустить его в дело. Дай объявление в «Кларион»: «Имею скафандр — готов путешествовать». Ик-ик-ик! Или наймись к кому-нибудь пугалом на огород.

Девчонки заржали. Я сосчитал до десяти, потом еще раз, но уже по-испански, потом по-латыни и спросил строго:

— Что ты заказываешь, Туз?

— Как обычно. Да поживей — у меня свидание на Марсе.

Из-за своей конторки вышел м-р Чартон, сел за стойку и попросил меня сделать ему прохладительный с лаймом. Его, разумеется, я обслужил первым, что прервало поток остроумия со стороны Туза и, по всей вероятности, спасло ему жизнь.

На некоторое время мы с хозяином остались одни. Он сказал тихо:

— Ты знаешь, Кип, почтительное отношение к жизни не должно распространяться на очевидные ошибки природы.

— Простите, сэр?

— Квиггла можешь больше не обслуживать. Мне такой клиент ни к чему.

— От Туза и его острот мне ни жарко, ни холодно. Он же безвредный.

— Я часто задаюсь вопросом, действительно ли безвредны такие люди, как он? До какой степени прогресс цивилизации затормаживался насмешливыми тупицами и пустоголовыми жалкими людишками? Иди домой, завтра тебе рано ехать.

На все праздники родители Джейка Биксби пригласили меня к Лесному озеру. Мне очень хотелось поехать, и не только ради того, чтобы скрыться от жары, но и чтобы потрепаться как следует с Джейком. Но я ответил:

— Ну вот еще, мистер Чартон. Не бросать же мне вас одного ковыряться здесь.

— На праздники многие уедут, так что я, может, вообще не буду открывать бар. Отдохни, Кип. Ты ведь изрядно устал этим летом.

Я дал себя уговорить, но все же остался до самого закрытия, да еще подмел пол. И только после этого отправился домой, серьезно задумавшись по пути.

Все. Карнавал окончен, и пора убирать игрушки в ящик. Даже деревенскому придурку и то ясно, что скафандр мне ни к чему. Не то чтобы я обращал внимание на подначки Туза, но... серьезной нужды в скафандре у меня действительно не было, а в деньгах — была. Даже если Стенфорд, Массачусетский, Карнеги и все остальные университеты откажут мне в приеме, я все равно начну учиться в этом семестре. Университет нашего штата не из лучших, это верно, но я ведь тоже не подарок и уже многое понял, например, что многое зависит от меня, а не от колледжа.

Мама уже легла спать, а папа читал. Я поздоровался и пошел в сарай, решив снять с «Оскара» всю смонтированную мной оснастку, упаковать его в ящик, надписать адрес и утром позвонить на почту, чтобы его забрали. Его увезут прежде, чем я успею вернуться с Лесного озера. Быстро и аккуратно.

Он висел на своем месте, и мне показалось, что он улыбнулся, приветствуя меня. Чушь, конечно. Я подошел ближе и похлопал его по плечу.

— Ну, старик, ты оказался настоящим другом. Рад был с тобой познакомиться. Надеюсь, еще встретимся. На Луне.

Но «Оскар» не суждено было отправиться на Луну. Нет, его увезут в Акрон, штат Огайо, на демонтаж. С него снимут детали, которые еще можно использовать, а все остальное выкинут на свалку.

У меня даже во рту пересохло.

— Ничего, дружище, все в порядке, — ответил мне «Оскар».

Вот, видели? Бедная моя голова! Ведь это не «Оскар» заговорил, это я просто слишком долго не обуздывал свое воображение. Так что я перестал его похлопывать по плечу, вытащил ящик и снял с его пояса гаечный ключ, чтобы отвинтить баллоны с дыхательной смесью. И замер на месте.

Оба баллона были заряжены: один — кислородом, другой — кислородом с гелием. Я пошел на такие расходы, чтобы хоть раз подышать настоящей дыхательной смесью космонавта.

Батареи и энергоблоки я зарядил совсем недавно.

— «Оскар», — сказал я ласково, — пойдем погуляем вместе в последний раз.

— С удовольствием! — воскликнул скафандр.

Я устроил генеральную репетицию в костюмах: полностью залил резервуар питьевой водой, загрузил аптечку, тубы с питательными пилюлями, положил запасную аптечку в гермоупаковке в наружный карман (во всяком случае, я надеялся, что упаковка герметична). На поясе закрепил полный комплект инструментов. Потом включил самодельную установку, которую сотрудники Федеральной комиссии связи разнесли бы кувалдой, пронюхай они о ее существовании: из деталей, оставшихся от моих попыток собрать для «Оскара» микроволновую рацию, я соорудил своего рода радиотестер для проверки работы рации в скафандре. К тому же я наводил по нему антенну. Из старого проигрывателя марки «Узбор» модели _____ года я соорудил радиоэхо и подключил его к тестеру.

Я залез в «Оскара» и наглухо застегнулся.

— Ну как я?

— Все о'кей, Кип!

Взглянув на отражение циферблатов, я отметил показания индикатора цвета крови, потом убавил давление

так, что «Оскар» обвис. При давлении, близком к давлению на уровне моря, бояться следовало не столько нехватки кислорода, сколько его избытка.

Мы совсем уже собрались выходить, когда я кое-что вспомнил.

— Секундочку, «Оскар».

Я написал записку родителям, что я уйду завтра пораньше с утра: мне нужно успеть на первый автобус в сторону озера.

Скафандр писать не мешал — теперь-то я и нитку в иголку мог бы продеть, не снимая скафандра. Записку я сунул под кухонную дверь.

Потом мы перебрались через ручей на пастбище. Я даже не споткнулся ни разу, до того привык к «Оскару». Ступал я в нем теперь уверенно, как горный козел.

Выйдя в поле, я настроил рацию и сказал:

— «Майский жук» вызывает «Крошку». Ответьте, «Крошка».

Секунду спустя я услышал свой голос, воспроизведенный с магнитной ленты.

— «Майский жук» вызывает «Крошку». Ответьте, «Крошка».

Теперь я решил попробовать передачу со второй антенны. Шагая через пастбище, я продолжал вызывать «Крошку», воображая, что нахожусь на Венере и должен держать постоянную связь с базой, так как иду по незнакомой местности в условиях непригодной для дыхания атмосферы. Все оборудование функционировало нормально, и, будь я и вправду сейчас на Венере, мне не грозила бы никакая опасность.

С юга по небу пронеслись два огонька. Самолеты, решил я, а может быть — вертолеты. Такие вот огни всякие психи обычно принимают за летающие тарелки и поднимают шум. Я проводил их взглядом, потом зашел за холмик, который обычно нарушал мне радиосвязь, и снова вызвал «Крошку». «Крошка» ответила, а я замолк. Постепенно надоедает разговаривать с идиотским прибором, который только и умеет повторять как попугай твои слова.

И вдруг я услышал:

— «Крошка» вызывает «Майского жука». Ответьте!

Сначала я решил, что меня засекли власти и что теперь посыпятся неприятности. Но потом подумал: на мою волну попал какой-нибудь радиолюбитель.

— Здесь «Майский жук». Слышу вас хорошо. Кто вы? И снова услышал эхо своих слов.

Потом резко завопил тот, новый голос:

— Здесь «Крошка»! Дайте ваш пеленг!

Глупо, конечно, но я не успел заметить, как ответил:

— «Майский жук» — «Крошке». Переключитесь на один сантиметр по диапазону и продолжайте говорить!

Потом переключил рацию на микроволновую антенну.

— «Майский жук», слышу вас хорошо. Пеленгуйте мое место. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь...

— Вы примерно на сорок градусов к югу от меня. Кто вы?

«Не иначе, как один из тех огней», — промелькнула мысль, но додумать до конца я не успел, потому что космический корабль садился прямо на меня.

Глава 4

Я сразу понял: «космический корабль», а не «ракета». Приземлился он без шума, только с каким-то выдохом, и никаких реактивных двигателей, выбрасывающих струи пламени, не наблюдалось. Похоже, что аппарат передвигается на одном лишь благочестии и непорочном образе жизни.

Но мне некогда было удивляться, потому что я сосредоточился на том, как бы не оказаться раздавленным. Скафандр при одном «г» — это вам не тренировочный костюм, и хорошо, что я так много упражнялся.

Корабль опустился прямо туда, где только что стоял я, заняв гораздо больше места, чем ему причиталось. Огромная черная машина.

Вслед за ним с таким же выдохом опустился второй, как только в первом открылся люк. Из люка вырвался сноп света и выскочили две фигуры, которые кубарем скатились вниз и побежали по полю. Одна из них передвигалась как кошка, вторая двигалась медленно и неуклюже, видно, ей мешал скафандр. Да, доложу я вам, все-таки у человека в скафандре вид еще тот.

Один из самых больших недостатков скафандра заключается в том, что у него очень ограничено поле обзора. Пытаясь не выпустить бегущих из виду, я не заметил, как открылась дверь во втором корабле. Пер-

вая фигурка остановилась, поджидая своего одетого в скафандр спутника, и вдруг упала, жалобно вскрикнув.

Крик боли узнать всегда легко. Я быстро подбежал к ней, склонился и попытался посмотреть, что случилось, наклонившись так, чтобы луч моего прожектора ударял в землю.

Пучеглазое чудовище...

Несправедливо, конечно, но это первое, что пришло на ум. Я глазам своим не верил и охотно ущипнул бы себя, но когда на вас скафандр, это не помогает.

Непредубежденный ум, а мой таковым не был, мог бы отметить, что чудовище выглядело весьма симпатично. Маленькое, с полменя, грациозных очертаний, не как молоденькая девушка, а скорее как леопард, хотя и не похоже ни на то, ни на другое. Я даже не мог сообразить, какой формы это существо, — ни с чем не сравнимо.

Но я догадался, что ему больно. Его трясло, как перепуганного кролика. Огромные, открытые, но мутноватые и безразличные глаза, по-птичьи затянутые мигательной перепонкой...

Что-то сильно ударило меня в спину, прямо между баллонами...

Проснулся я на голом полу, надо мной нависал низкий потолок. За несколько минут я вспомнил все, что произошло, и ничего не понял — больно уж все глупо. Я вышел прогуляться в «Оскаре», потом приземлился космический корабль, потом пучеглазое...

Я рывком сел, меня осенило, что «Оскара» на мне больше нет.

— Эй ты, привет, — сказал радостный, бодрый голосок.

Я обернулся. На полу, опершись о стену, сидел малец лет десяти. Нет, тут же поправил я себя. Мальчишка вряд ли зажмет в кулаке тряпичную куклу. А вообще, в этом возрасте мальчиков от девочек трудно отличить, тем более когда ребенок одет в рубашку, шорты, грязные теннисные туфли и коротко пострижен.

— Здорово, — ответил я, — что ты здесь делаешь?

— Пытаюсь выжить. А ты?

— То есть?

— Пытаюсь выжить, говорю. Вдыхаю и выдыхаю. Силы берегу. Все равно сейчас ничего другого не придумаешь, они же нас заперли.

Я огляделся. Комната футов десять в поперечнике, с четырьмя стенами, но клинообразной формы и совсем пустая, если не считать нас. Двери не видно.

— А кто запер-то?

— Космические пираты. И Он.

— Космические пираты? Не шути!

Она пожала плечами.

— Это я их так называю. Но если хочешь выжить, не держи их за дураков. Ты — «Майский жук»? Это ты вызывал меня по радио? Я — «Крошка».

«Спокойно, Кип, старик, спокойно, дружище, — уговаривал я себя. — Медленно топай в ближайшую психушку и сдавайся. Если радиоэхо, которое ты смастерил своими руками, вдруг превращается в тощую десятилетнюю девчонку с тряпичной куклой в руках, то, значит, у тебя заехали шарики за ролики. Так, стало быть, суждены тебе транквилизаторы, мокрые смирительные рубашки и полный покой — у тебя полетели все предохранители».

— Ты «Крошка»?

— Это мое прозвище, но я к нему отношусь спокойно. Видишь ли, я услышала, как ты вызываешь «Крошку», и решила, что папа узнал, в какую я влипла историю, и поднял тревогу, чтобы мне помочь. Но если ты не «Майский жук», то ты этого не знаешь. Кто ты?

— Ну да, «Майский жук» — это мои позывные. А зовут меня Клиффорд Рассел, по прозвищу — Кип.

— Здравствуй, Кип, — сказала она вежливо.

— И тебе здорово, Крошка. Кстати, мальчик ты или девочка?

— Ты еще пожалеешь о своих словах! Я вполне отдаю себе отчет в том, что для своих лет не вышла ростом, но мне уже одиннадцать, идет двенадцатый. И нечего грубить. Лет через пять я стану такой красивой, что ты будешь меня умолять потанцевать с тобой.

В настоящий момент я, пожалуй, предпочел бы пригласить на танец кухонную табуретку, но голова у меня

была занята совсем другим, и я не хотел ввязываться в бесплодный спор.

— Извини, Крошка. Я просто еще не пришел в себя. Так, значит, ты была в том, первом корабле?

Она опять вспыхнула.

— Была! Я его пилотировала!

Успокоительное каждый вечер и продолжительный курс психоанализа. В мои-то годы!

— Пилотировала?! Ты?!

— А то кто же, по-твоему? Мэмми? Их пульт управления ей не подходит. Она просто свернулась клубочком подле меня и подавала команды. Но если тебе все это кажется легким делом, когда мне раньше не доводилось летать ни на чем, кроме «Чессны», сидя рядом с папой и не имея никакого опыта посадок, подумай еще раз. Но я отлично справилась, тем более что пеленг ты давал не очень-то толково! А что они сделали с Мэмми!

— С кем, с кем?

— А ты и не знаешь? О Бог ты мой!

— Погоди-ка, Крошка. Давай настроимся на одну волну. Я действительно «Майский жук», и я давал тебе пеленг, но если ты думаешь, что услышать голос из ниоткуда, требующий инструкции для вынужденной посадки, такое уж обыкновенное дело, то тебе тоже следует подумать еще раз. Вдруг на моих глазах приземляется корабль, а за ним еще один, потом в первом открывается люк и из него выпрыгивает человек в скафандре...

— Это я.

— ... и вслед за ним кто-то еще...

— А это Мэмми.

— Но ей не удалось уйти далеко. Она вскрикнула и упала. Я побежал посмотреть, что случилось, и в этот момент меня что-то ударило. А потом я очнулся и услышал, как ты со мной поздоровалась.

Интересно, стоит ли ей говорить, что все остальное, в том числе и она, не что иное, как бред, вызванный изрядной дозой морфия, поскольку, по всей вероятности, я в больнице с переломанной спиной.

Крошка задумчиво кивнула.

— Тебе, наверное, вкатили малую дозу, а то тебя сейчас вообще не было бы. Что ж, раз они поймали нас

с тобой, то Он, наверное, поймал и ее. Надеюсь, они ее не ранили!

— Но вид у нее был такой, что она умирает.

— Как будто она умирает, — поправила меня Крошка. — Сослагательное наклонение. Но я не думаю, что ты прав, убить ее не так-то легко, да они и не посмели бы, только в крайнем случае, чтобы не дать ей сбежать. Она нужна им живой.

— Почему? И вообще, почему ты зовешь ее «Мэмми»?

— Не все сразу, Кип. Я зову ее Мэмми, потому что... ну, потому что Мэмми и есть. Сам поймешь, когда ее увидишь. Убивать же ее им нет смысла, потому что живая она им нужнее, чем мертвая. По той же самой причине они не убили и меня. Хотя она, разумеется, куда как нужнее им, чем я, — меня они спишут, не моргнув глазом, если я начну создавать для них проблемы, и тебя тоже. Но коль скоро она была жива, когда ты ее видел, то можно допустить, что она снова попала в плен, весьма вероятно, что ее держат по соседству с нами. От одной мысли об этом у меня сразу поднялось настроение.

О себе я этого сказать не мог.

— Слушай, а где мы находимся, собственно говоря?

Крошка глянула на свои часики с Микки-Маусом на циферблате, нахмурила лоб и сказала:

— По-моему, на полпути к Луне.

— Что?!

— Точно я, конечно, не знаю. Но кажется естественным, что они решили вернуться на свою ближайшую базу, откуда мы с Мэмми и пытались бежать.

— Ты хочешь сказать, что мы в корабле?

— Либо в том, который утнула я, либо во втором, где же, по-твоему, еще?

— В психушке.

Она уставилась на меня во все глаза, потом усмехнулась.

— Ну, что ты, Кип! Ты ведь не утратил еще ощущения реальности.

— А кто его знает! Космические пираты, Мэмми какая-то!

Она нахмурилась и прикусила большой палец.

— Да, пожалуй, такие события могут сбить с толку. Но верь своим глазам и ушам. Я-то чувствую реальность

никогда не теряю, смею тебя уверить. Я, видишь ли, гений.

Слова ее звучали не похвалой, а просто спокойной констатацией факта и не вызвали у меня даже тени сомнения. Хотя и услышал я их от тощей девчонки, играющей с тряпичной куклой.

Но вряд ли ее гениальность сможет нам сейчас помочь.

— М-да, космические пираты... — продолжала Крошка. — Не в названии, конечно, дело, но действуют они в космосе по-пиратски, так что суди сам. Что же касается Мэмми... то подожди, пока ее не увидишь.

— А она-то как сюда затесалась?

— Сложная история. Пусть лучше она сама тебе расскажет. Вообще-то она полицейский, который их преследовал, и...

— Полицейский?

— Боюсь, что здесь сказывается очередное семантическое несоответствие. Мэмми понимает, какой смысл мы вкладываем в слово «полицейский», и, сдается мне, считает данную концепцию неразумной. Но как же иначе называть личность, занимающуюся розыском и преследованием преступников, если не «полицейским»?

— Похоже, что больше никак.

— Вот и я про то же. — Она снова взглянула на часы. — Но сейчас нам пора за что-нибудь зацепиться, потому что через несколько минут мы будем на полпути к Луне, а все эти перевороты через голову ощущаются даже в креслах с ремнями.

— За что же здесь зацепиться?

— Особенно не за что, конечно. Но если мы сядем в самой узкой части комнаты и упремся друг в друга, то сумеем удержаться на месте.

Так мы и сделали.

— Крошка, а откуда ты знаешь, когда они начнут разворачиваться?

— Сознания я не теряла, они просто схватили меня и втащили внутрь, поэтому время старта мне известно. Принимая за место назначения Луну, что самое вероятное, и исходя из того, что весь перелет происходит при одном «g», поскольку я не чувствую никаких изменений в своем весе... А ты чувствуешь?

— Вроде нет.

— Вот видишь, а то мое чувство веса может быть нарушено долгим пребыванием на Луне. Итак, если эти предположения верны, продолжительность полета составляет три с половиной часа, а расчетным временем прибытия следует считать 9.30, так что разворот придется на 7.45, то есть на сейчас.

— Что, разве уже так поздно? — Я посмотрел на часы. — На моих только без четверти два.

— Твои часы показывают время твоего пояса. Мои показывают принятое на Луне гринвичское время. Держись! Начинается!

Пол накренился, изогнулся и ушел из-под меня. Голова пошла кругом, внутренности делали сальто-мортале. Потом все успокоилось, и головокружение прошло.

— Ты как, в порядке? — спросила Крошка.

Напрягшись, я уставился в одну точку.

— Вроде да.

— Их пилот разворачивается быстрее, чем я. Теперь уж совсем все ясно. Мы летим на Луну. Будем там через час сорок пять.

Я все еще до конца не верил.

— Слушай, Крошка. Что же это за корабль, если он способен гнать всю дорогу до Луны при одном «г»? Секретный, что ли? Да и ты-то как очутилась на Луне? И зачем тебе понадобилось красть корабль?

Вздохнув, она заговорила с куклой:

— Любопытный он мальчик, мадам Помпадур. Как же я могу отвечать на три вопроса сразу? Это — летающая тарелка, и...

— Летающая тарелка! Дальше можешь не продолжать!

— Перебивать невежливо. Можешь назвать ее как тебе заблагорассудится, официально установленного термина все равно не существует. По очертаниям на самом деле она больше походит на ржаной хлеб, такой приплюснутый у полюсов сфероид, то есть форма, определяемая...

— Я знаю, что такое приплюснутый сфероид, — отрезал я.

Я устал и изрядно расстроился, на что имелось достаточно причин: и сломанный кондиционер, испортивший

мне хорошие брюки, и удар, полученный в спину, когда я из благородных побуждений, по-рыцарски бросился вперед. А что касается гениальных девчонок, то я начинал приходить к выводу, что свою гениальность им бы лучше держать при себе.

— Нечего рычать, — сказала она укоризненно. — Я знаю, что за летающие тарелки принимали все что угодно, от метеозондов до уличных фонарей. Но исходя из принципа скальпеля Оккама, я пришла к твердому убеждению, что...

— Чьего скальпеля?

— Оккама. Принцип ограничения количества возможных гипотез. Ты что, с логикой не знаком?

— Да не очень-то.

— Видишь ли, я пришла к заключению, что в каждом пятисотом случае наблюдения «летающей тарелки» речь шла об одном из кораблей, похожем на тот, на борту которого мы сейчас находимся. Все сходится. Что же до причин моего пребывания на Луне... — Она сделала паузу и усмехнулась. — Видишь ли, я порядочная язва.

Оспаривать это заявление я не стал.

— Давно-давно, когда папа был еще мальчишкой, Хейденский планетарий стал записывать желающих лететь на Луну. Очередной рекламный трюк, вроде недавнего дурацкого конкурса на лучшую рекламу мыла, но папа взял и записался. И вот, годы спустя, действительно начались туристские поездки на Луну, и, естественно, планетарий передал этот список фирме «Америкен экспресс» и известил всех, кого мог по этому списку найти, что им продадут путевки вне очереди.

— Стало быть, отец взял тебя с собой на Луну?

— Господь с тобой, конечно, нет! Папа записался еще мальчишкой. А сейчас он чуть ли не самая большая шишка в Институте новейших исследований и времени на подобные развлечения у него нет. А мама не полетела бы ни за какие коврижки. Вот я и решила, что лечу. Папа сказал: «Нет», а мама сказала: «Господи, ни в коем случае»... Но я полетела. Я, знаешь, могу стать ужасно упрямой, если захочу, — гордо заявила Крошка. — Папочка говорит, что я маленькая стервочка.

— И что же, по-твоему, он прав?

— А то нет! Папа-то меня понимает, это мама только всплескивает руками и жалуется, что не может со мной справиться. Две недели я всех допекала по первому разряду и вообще была невыносимой, пока папа не взмолился: «Да дайте ей лететь, ради всего святого, может, нам хоть страховка от нее достанется!» Вот я и отправилась.

— И все-таки неясно, как ты очутилась здесь.

— Я, видишь ли, сую нос, куда нельзя, делаю именно то, что нам делать не разрешают. Я всегда стараюсь удрать в сторону от дороги, это очень развивает. Вот они меня и схватили. Им, конечно, отец нужен, а не я, но они надеются его на меня выменять. Допустить этого я не могу, вот и смылась.

— Убийца — дворецкий, — пробормотал я.

— То есть?

— Дыр в твоём рассказе, как в последней главе детектива.

— Ну, ты уж мне поверь, дело-то... О черт, опять начинается!

Вдруг освещение из белого стало голубым. Ламп не было, но светился весь потолок. Я попытался подняться на ноги и... не смог. Чувствовал я себя таким измотанным, как будто только что закончил кросс по пересеченной местности. Сил хватало только дышать. Я обмяк, словно превратился в мокрую тряпку.

Крошка с усилием пыталась что-то сказать мне:

— Когда... они за нами... придут... ты не... сопротивляйся... самое главное...

Голубой свет снова сменился белым, узкая стена поехала в сторону.

На лице Крошки появилось испуганное выражение, но она продолжала с трудом:

— Самое главное... не зли... Его.

Вошли двое, отпихнули Крошку, связали ремнями мои запястья и щиколотки, еще одним ремнем прихватили мои руки к телу. Я начал приходить в себя, но медленно; сил не хватило бы и марку лизнуть. Я жаждал драться, но шансов на это у меня было не больше, чем у бабочки смахнуть со стойки бара колокольчик.

Они понесли меня. Я запротестовал:

— Слушайте, куда вы меня тащите? Какого черта, вы в своем уме? Да я вас засажу... я...

— Заткнись, — ответил один из них. Тощий такой, коротышка, лет пятидесяти, а то и больше, которому, видно, ни разу в жизни не довелось улыбнуться. Второй был потолще и помоложе, с капризным детским ртом и с ямочкой на подбородке. Он, похоже, не прочь был посмеяться, когда не нервничал. Но сейчас он выглядел весьма издерганным.

— Попадем мы из-за него в беду, Тим, ей-богу, попадем. За борт его надо, обоих за борт надо, а Ему потом скажем, что несчастный случай. Скажем, что вылезли и пытались удрать через люк. Он же все рав...

— Заткнись, — ответил Тим тем же тоном и добавил: — Хочешь Его и впрямь разозлить? Вакуума понюхать хочешь?

— Но...

— Заткнись.

Изогнутым коридором они затащили меня в какое-то помещение и швырнули на пол.

Лежал я лицом кверху, но не сразу сообразил, что нахожусь в рубке. Уж больно она не была похожа на творение рук человеческих, потому что им и не была. А потом я увидел Его.

Крошка могла бы меня и не предупреждать, кто же такого злить захочет?!

Тощий подонок был свиреп и опасен, толстячок — подл и смертоносен, но по сравнению с Ним они просто ангелы. Вернись ко мне силы, я, не задумываясь, полез бы в драку с теми двумя, я ни одного человека не испугаюсь, если только уж силы не будут слишком неравны. Но с Ним...

И не в том дело, что Он не человек. Слоны ведь тоже не люди, а все равно симпатичные. Он-то больше на человека был похож, чем слон, — у него были ноги, руки, голова, но легче от этого не становилось. Ростом Он не превышал пяти футов, но все равно казался выше нас, как человек кажется выше лошади. Туловище той же длины, что и у меня, а приземистым его делали похожие на тумбы короткие и толстые ноги.

Когда Он стоял на месте, наружу выдвигалась то ли третья нога, то ли хвост, на который Он опирался, превращаясь в подобие треножника. Ему не приходилось садиться, чтобы отдохнуть, да Он и вряд ли сумел бы.

Но короткие ноги не замедляли его движений. Двигался Он быстро, как атакующая змея. Нервная система у Него что ли лучше, чем у нас, или мускулы? Или просто живет на планете с повышенной гравитацией?

Руки его походили на змей: суставов гораздо больше, чем у нас, причем рук — две пары. Одна пара там, где у людей талия, вторая росла прямо из-под головы. Плечи отсутствовали. Пальцы, или щупальца, я сосчитать никак не мог, находились в постоянном движении. Одежды на Нем не было никакой, кроме поясов над и под нижней парой рук, на поясе Он носил то, что у них сходило за ключи и деньги. Его пурпурно-коричневого оттенка кожа казалась смазанной маслом.

Откуда бы он ни взялся, соплеменником Мэмми он явно не был.

От Него исходил слабый сладковатый запах мускуса. По правде сказать, в жаркую погоду от людей пахнет куда хуже, но случись мне почуять этот запах опять, у меня, как пить дать, поползут мурашки по коже и испуг свяжет мне язык.

Разумеется, все эти подробности я усвоил не сразу, потому что сначала я не видел ничего, кроме Его лица. Кроме как «лицо» и слова-то другого не подберешь. Я пока что не описывал его, потому что от одного воспоминания поджилки трясутся. Но попробую, потому что, если вам доведется Его повстречать, вы должны стрелять сразу, пока у вас ноги не подкосились.

Носа нет. Дышит он кислородом, но как вдыхает и выдыхает, трудно сказать. Может быть, частично через рот, поскольку умеет разговаривать. Рот у него ужасный. Вместо челюстей и подбородка — неровная треугольная дыра, украшенная рядами мелких зубов, языка не видно, вместо него рот обрамляли реснички, длиной с дождевых червей, они и шевелились беспрерывно, как черви.

Но даже этот рот не шел ни в какое сравнение с глазами, огромными и выпуклыми, прикрытыми роговой оболочкой. Они ощупывали пространство, как радары, непрерывно двигаясь вверх и вниз и из стороны в сторону. Он как будто и не смотрел прямо на меня, но от глаз его некуда было деться.

Когда он обернулся, я увидел сзади третий глаз. Похоже, что он постоянно ощупывал глазами все окружающее его пространство.

Какому же мозгу под силу воспринимать окружающую среду со всех сторон? Сомневаюсь, что с этим справился бы мозг человеческий, будь у него даже дополнительный канал получения информации. Судя по размерам его головы, мозга там не так уж много, но кто его знает, может, у него мозг в туловище? Ведь если разобраться, у нас, у людей, мозг расположен не в самом удачном месте тела, — больно уж открыт для удара, возможны ведь и лучшие варианты.

Но мозги у него были, это точно. Он наколот меня, как букашку, и вытряс из меня все, что хотел. Ему даже не пришлось меня обрабатывать. Он просто долго-долго задавал вопросы, а я отвечал; так долго, что часы казались мне днями. Говорил Он по-английски плохо, но вполне вразумительно. Речь Его звучала ровно, без всякого выражения. Он спрашивал, кто я и что я, как я очутился на том пастбище и почему был в скафандре. Я никак не мог понять, как Он реагирует на мои ответы. Я с трудом сумел объяснить, в чем заключалась моя работа в аптеке. Растолковать, что такое рекламный конкурс, я сумел, но зачем их проводят, Он так и не уяснил. Но зато я понял, что ответы на многие его вопросы мне вообще неизвестны. В частности, я не знаю точную цифру населения Земли и не знаю, сколько тонн протеина мы производим ежегодно.

Наконец Он приказал своим подручным:

— Уберите это.

Толстяк сглотнул слюну и спросил:

— За борт?

Он вел себя так, как будто решить, убить меня или нет, было все равно, что решить, понадобится ему кусок веревки в будущем или можно его выбросить.

— Нет. Глуп и необучен, но может пригодиться. Бросьте его обратно в карцер.

— Есть, босс.

Они выволокли меня за дверь. В коридоре Толстяк сказал:

— Давай ему ноги распутаем, пусть сам идет.

— Заткнись, — ответил Тощий.

Крошка была на месте, когда мы вернулись, но даже не шелохнулась; ее, видно, угостили еще одной дозой голубого света. Перешагнув через нее, они бросили меня на пол. Тощий рубанул меня ребром ладони по шее, чтобы я отключился. Когда я очнулся, их уже не было. Я, развязанный, сидел возле Крошки.

— Что, досталось? — спросила она взволнованно.

— Угу, — согласился я, и меня всего передернуло. — Чувствую себя девяностолетним стариком.

— Всегда легче, если не смотришь на Него, особенно если не видишь глаз. Отдохни немного, тебе станет лучше. — Она посмотрела на часы. — До посадки всего сорок пять минут. Вряд ли нас побеспокоят еще раз.

— Как?! — Я даже подпрыгнул. — Я там был всего час?

— Даже меньше. Но кажется, всю жизнь. Я знаю.

— Чувствую себя как выжатый лимон. — Я нахмурился, припомнив кое-что. — Слушай, Крошка, я ведь не очень-то испугался, когда они за мной пришли. Я был намерен требовать объяснений и немедленного освобождения. Но Ему я вообще ни одного вопроса не задал.

— И не задашь. Я пробовала. Вся сила воли уходит как в песок, и чувствуешь себя кроликом перед удавом.

— Да, ты права.

— Ты понимаешь теперь, Кип, почему я обязана была воспользоваться малейшим шансом, чтобы удрать? Ты мне не верил, веришь ли ты мне сейчас?

— И еще как.

— Спасибо. Я всегда говорю, что мне плевать на чужое мнение, но на самом деле это не так. Мне обязательно нужно вернуться к отцу и все рассказать ему, потому что он один-единственный человек на свете, кто просто поверит моим словам, каким бы бредом они ни казались.

— Понятно. Но как ты очутилась в Сентервилле?

— В Сентервилле?

— Там, где я живу. Где «Майский жук» вызывал «Крошку».

— Я туда не собиралась. Я рассчитывала приземлиться в штате Нью-Джерси, желательно — Принстоне, чтобы быстро найти отца.

— Здорово же ты промахнулась.

— Думаешь, у тебя бы лучше вышло? Я бы справилась, да вот руки у меня тряслись. Управлять этими кораблями не трудно: возьми курс и лети, не так, как с ракетой. К тому же мной руководила Мэмми. Но пришлось тормознуть при входе в атмосферу, чтобы скомпенсировать вращение Земли, а как это делается, я толком не знала. Я залетела далеко на Запад, они уже гнались за мной по пятам, что делать, я просто не знала, и вдруг услышала твой голос на волне космического диапазона, и решила, что все уже в порядке... и очутилась здесь. — Она развела руками. — Извини, Кип.

— Что ж, ты его посадила, по крайней мере. Как говорят пилоты, каждая посадка, с места которой можно уйти собственными ногами, считается удачной.

— Но мне жаль, что я втянула тебя в историю.

— Это пусть тебя не волнует. Похоже, что кто-то все равно должен был впутаться. Слушай, Крошка... А что у Него на уме?

— У них.

— У них? Да ведь те двое ничего не значат. Они у Него просто на побегушках.

— Я не Тима и Джока имею в виду, они хоть плохие, да люди. Я о Нем и о других его соплеменниках.

Да, я был явно не в лучшей форме, меня три раза заставляли терять сознание, я не выспался, и вообще никогда в жизни не доводилось мне сталкиваться ни с чем подобным. Ведь все это время, пока она не упомянула, что у Него могут быть соплеменники, мне подобная мысль даже в голову не приходила: и одного такого казалось больше чем достаточно.

Но коль скоро был один, то, значит, могли быть и тысячи, миллионы, а то и миллиарды Ему подобных. Я почувствовал, как у меня трясутся поджилки.

— Ты их видела?

— Нет, я видела только Его. Но мне говорила Мэмми.

— Так. Но чего же они все-таки хотят?

— Еще не догадался? Наверное, готовят вторжение.

Мне показалось, что воротник рубашки впился в горло, хотя на самом деле он был расстегнут.

— Каким образом?

— Точно не знаю.

— Они что, хотят всех нас перебить и захватить Землю?

— Может, — она замялась, — кое-что и похуже.

— Превратить нас в рабов?

— Видишь ли, Кип... сдается мне, что они едят мясо. Я проглотил комок в горле.

— Веселенькие мысли у маленькой девочки.

— По-твоему, они мне по душе? Поэтому-то я и хотела сообщить отцу.

И сказать-то больше нечего. Сбываются старые-старые страхи, издавна терзающие человечество. Отец рассказывал, что, когда он был мальчишкой, по радио транслировалась фантастическая передача о вторжении с Марса — полнейшая выдумка, но перепутала всех до чертиков. Однако в наше время люди не очень-то верят в подобные истории: с тех пор, как мы высадились на Луне и облетели Марс и Венеру, существует общее мнение, что космос — безжизненная пустыня. И вот, пожалуйста...

— Крошка, они с Марса или с Венеры?

Крошка покачала головой.

— Нет, они издалека. Мэмми пыталась объяснить, но мы с ней обе запутались.

— Но, по крайней мере, они из Солнечной системы?

— Вот здесь-то я и запуталась. И да, и нет.

— Как же это может быть?

— Ты у нее спроси.

— Хорошо бы, — вырвалось у меня. — Плевать мне, откуда они. Мы их все равно перестреляем, если не будем при этом на них смотреть.

— Дай Бог!

— Все сходится. Ты, значит, говоришь, их корабли — что летающие тарелки, настоящие, конечно, не метеориты... Да, они нас давно уже изучают. А это значит... это значит, что не очень-то они в себе и уверены, хоть и страшны так, что от одного их вида молоко скиснет. А то бы они давно загнали нас в угол, как охотники дичь. Но коль они этого не сделали, мы, значит, можем с ними справиться, если, конечно, правильно возьмемся за дело.

Она энергично кивнула.

— Я тоже так думаю. Я надеялась, что папа найдет верный путь. Но, — нахмурилась она, — мы мало что о них знаем, а папа всегда учил меня не быть самонадеянной, особенно если не хватает данных.

— Все равно я уверен, что мы правы. Слушай, а кто твой отец? И как тебя зовут по-настоящему?

— Мой отец профессор Рейсфелд. А меня зовут Патриция Уайнант Рейсфелд. Ничего себе имечко, да? Зови уж лучше меня Крошкой.

— Профессор Рейсфелд... А что он преподает?

— Как, ты не знаешь? Совсем ничего не знаешь? Он же нобелевский лауреат!

— Ты уж извини, Крошка, я ведь из провинции.

— Оно и видно. Мой папа ничего не преподает. Он думает. И умеет это делать лучше всех... кроме, возможно, меня. Он — обобщает. Ведь все специализируются по узким направлениям, а он сводит отдельные части в единое целое.

Оно, может, и так, но слышать я о нем не слышал. Звучит, что и говорить, здорово. Только башка нужна экстраординарная. Я ведь давно уже понял, что новую информацию успевают печатать быстрее, чем мы изучаем старую.

Трехголовый он, что ли, этот профессор?

— Подожди, вот познакомишься с ним, — добавила она, глядя на часы. — Слушай, Кип, пора нам снова упереться как следует. Через несколько минут посадка, а Ему до своих пассажиров дела нет.

Итак, мы снова забились на старое место и уперлись друг в друга. Немного погодя корабль тряхнуло и пол накренился. Слабый толчок, все успокоилось, а я вдруг почувствовал себя необыкновенно легким. Крошка поднялась на ноги.

— Вот мы и на Луне.

Глава 5

Мальчишкой я частенько играл с ребятами в первую высадку на Луне. Потом, когда пора романтики прошла, я начал обдумывать практические способы добраться до Луны. Но мне и в голову никогда не приходило, что когда-нибудь я попаду сюда, запертый в карцере, как мышь в ящике, откуда ничего и видно не будет.

Единственным доказательством того, что я и вправду на Луне, был мой вес. Большую силу тяжести можно имитировать где угодно при помощи центрифуги. Другое дело — малая сила тяжести. В земных условиях можно добиться уменьшения силы тяжести всего лишь на несколько секунд — во время затычного прыжка с парашютом или когда самолет проваливается в воздушную яму.

А если уменьшение силы тяжести чувствуется постоянно, вывод один — вы не на Земле. Следовательно, на Луне.

На Луне я должен весить немногим больше двадцати пяти фунтов. Я себя и чувствовал примерно таким, вполне способным пройти по газону, не примяв травы.

Я пришел в такой восторг, что забыл и Его, и трудное положение, в котором мы очутились, носился кубарем по всей комнате, наслаждаясь волшебством полета, отскакивая от стенок и изрядно стучаясь при этом о

потолок, а потом медленно, медленно, медленно опускаясь на пол. Крошка, присев на корточки, пожала плечами и улыбнулась снисходительной улыбкой, чуть-чуть скривив рот. «Старый Лунный волк» со стажем большим, чем у меня, на целых две недели.

У малой силы тяжести есть свои отрицательные стороны: между ногами и поверхностью нет никакой силы сцепления и ноги постоянно из-под вас «уходят». Мышцами и рефлексами приходилось усваивать то, что я давно уже усвоил разумом: уменьшение веса отнюдь не связано с уменьшением массы и силы инерции. Чтобы изменить направление даже при ходьбе, надо наклониться всем телом в нужную сторону, но и тогда, если вы босиком и нет сцепления, ноги «вылетят» из-под вас сами.

Падение при одной шестой силы тяжести боли не причиняет, но Крошка хихикнула. Я сел и сказал:

— Смейся, смейся, гений. Тебе-то удобно в теннисных туфлях.

— Извини, пожалуйста. Но ты так смешно сучил ногами и хватался за воздух — прямо как в ускоренной киносъемке.

— Не сомневаюсь, что это смешно.

— Я уже извинилась. Слушай, хочешь надеть мои туфли?

Взглянув на нее, а потом на свои ноги, я только усмехнулся.

— Вот спасибо!

— Ну, можешь задники отрезать или еще что придумать. Меня это не огорчит. Меня вообще ничто и никогда не смущает. Кстати, где твои туфли?

— Где-то в четверти миллиона миль отсюда, если, конечно, мы не сошли на другой остановке.

— Вот как. Что ж, здесь они тебе вряд ли понадобятся.

— Угу. Крошка, что делать будем?

— С кем?

— С Ним.

— Ничего. А что мы можем?

— Так что же будем делать?

— Спать.

— Что?

— Спать. Все равно мы сейчас абсолютно беспомощны. Наша основная задача теперь — выжить, а главный закон выживания — никогда не мечтать о невозможном и сосредоточиться на достижении возможного. Я голодна, хочу пить и очень-очень устала... И сон — единственное, что мне доступно. И если ты заткнешься, я усну.

— Я вполне понял намек. Нечего ворчать.

— Извини, когда я устаю, я становлюсь ужасно грубой, а папа всегда говорит, что я особенно невыносима перед завтраком.

Она свернулась в клубочек и сунула свою затасканную тряпичную куклу под голову.

— Спок ночи, Кип.

— Спокойной ночи, Крошка.

Тут мне пришла одна мысль, я открыл было рот, чтобы заговорить, но увидел, что она уже спит. Дышала она ровно, лицо ее разгладилось, она больше не выглядела уверенной в себе, постоянно настороженной всезнайкой. По-детски пухлые губы делали ее похожей на неумытого херувимчика. По грязи на лице пролегали полосы — явные следы слез, но я ни разу не видел ее плачущей.

— Кип, — сказал я себе, — вечно ты влипаешь в истории. Это ведь куда сложнее, чем подобрать брошенного котенка.

Но я должен заботиться о ней или погибнуть, пытаюсь это сделать.

Что же, может, так оно и будет. Может, и погибну. Я и о себе-то толком никогда позаботиться не мог.

Я зевнул. Потом зевнул еще раз. Похоже, что эта малышка сообразительней меня, в жизни я так не уставал, раньше мне никогда не было так голодно и плохо. Я решил было начать барабанить кулаками по дверной панели, чтобы заставить прийти сюда либо толстяка, либо тощего, но потом подумал, что разбуду Крошку и уж точно обозлю Его.

Так что я растянулся на спине, как дома на ковре в гостиной, и обнаружил, что одна шестая сила тяжести — матрац куда лучший, чем любой поролон; даже капризной принцессе из сказки Андерсена не на что было бы пожаловаться. Я мгновенно уснул.

Снилось мне черт-те что: космическая опера, и только. Драконы, Арктурианские принцессы, рыцари в сверкающей космической броне — прямо как по телевизору. Вот только диктор пришелся мне не по душе, с голосом Туза Квигла и лицом Его. Он высунулся из экрана, червяки, вылезающие изо рта вместо языка, угрожающе шевелились.

— Победит ли Бесвульф дракона? Вернется ли Тристан к Изольде? Найдет ли Крошка свою куклу? Включайте нашу программу завтра в то же время, а пока что просыпайтесь и бегите в ближайшую аптеку за жидкостью для чистки лат фирмы «Скайвей» — лучшей жидкостью для самых смелых рыцарей без страха и упрека. Просыпайтесь! — Он протянул с экрана трясущуюся руку и схватил меня за плечо.

Я проснулся.

— Кип, проснись, пожалуйста, — трясла меня за плечо Крошка.

— Отстань!

— Тебя мучают кошмары!

— Принцесса попала в заварушку. А теперь я не узнаю, как она оттуда выберется. Зачем ты меня разбудила? Сама же говорила, что надо спать.

— Ты уже несколько часов проспал, а сейчас, пожалуйста, настало время...

— Завтракать?

Она пропустила шпильку мимо ушей.

— Попытаться удрать.

Я резко сел, из-за этого подпрыгнул, отлетел от пола и медленно опустился обратно.

— Это как?

— Сама толком не знаю. Но, по-моему, они ушли. Если так, то лучшей возможности не представится.

— С чего ты взяла, что они ушли?

— Прислушайся как следует.

Я прислушался так, что услышал собственное сердцебиение, потом сердцебиение Крошки.

Такой тишины мне не доводилось слышать ни в одной пещере.

Достав складной нож, я зажал его в зубах и приложил лезвие к стене. Ничего. Потом к полу и к другой стене. Опять ничего. Никаких толчков, шума, вибраций.

— Ты права, Крошка, но ведь мы заперты.

— Я в этом не уверена.

Я ткнул в стену ножом. Пластик не пластик, металл не металл. Но ножу этот материал не поддавался. Может, граф Монте-Кристо и провертел бы дырку, но у него времени было больше.

— Так как же?

— Каждый раз, когда они раздвигали и задвигали входную панель, я слышала щелчок. Поэтому, когда увели тебя, я прилепила кусок жвачки к косяку, в который панель упирается в закрытом положении. Прилепила высоко, чтобы они не заметили.

— У тебя есть жвачка?

— Есть. Помогает, когда жажда совсем замучает.

— Еще кусочек есть? — спросил я жадно, — в жизни так пить не хотелось.

— Ой, Кип, бедняжка! Больше ничего не осталось. А этот изжеванный комочек я носила на внутренней стороне поясной пряжки и сосала, когда становилось совсем невмоготу. Могу предложить его.

— Крошка, спасибо, конечно, но, пожалуй, не стоит. Вид у нее был оскорбленный.

— Смею заверить вас, мистер Рассел, что я не страдаю инфекционными заболеваниями. Я всего лишь пыталась вам помочь.

— Ну да, ну да, — пробормотал я в ответ, — понимаю. Просто...

— В столь чрезвычайных обстоятельствах можно считать, что это было бы не более антигигиенично, чем целоваться с девушкой, хотя вряд ли вам когда-нибудь доводилось этим заниматься.

— В последнее время не доводилось, — уклончиво ответил я. — Но чего я действительно хочу, так это глоток чистой холодной воды. Или мутной теплой воды. Любой воды. К тому же ты все равно уже прилепила жвачку к двери. На что ты рассчитываешь?

— Так вот, щелчок. Папочка всегда говорит, что, когда перед человеком встает дилемма, следует изменить один из поддающихся изменениям факторов и вновь рассмотреть проблему. Жвачкой я попыталась внести изменение в картину.

— То есть?

— Когда они зашвырнули тебя обратно и закрыли дверь, щелчка не было.

— Что?! Так ты еще несколько часов назад знала, что дверь не заперта, и молчала?

— Вот именно.

— Отшлепать тебя мало!

— Не советовала бы, — ответила она ледяным голосом. — Я кусаюсь.

Я ей поверил сразу. И царапается небось. И Бог знает что еще. Я сменил тему.

— Но почему же ты мне ничего не сказала?

— Боялась, что ты попробуешь выбраться отсюда.

— Само собой, попытался бы!

— Вот то-то и оно. Я ни в коем случае не хотела даже пытаться открыть дверь, пока не уйдет Он.

Пожалуй, она права. Во всяком случае, по сравнению со мной уж точно.

— Вас понял. Ну ладно, давай поглядим, как нам ее открыть.

Я внимательно осмотрел панель. Комочек жвачки, который Крошка прикрепила так высоко, как смогла, помещал панели полностью войти в паз, но панель все равно плотно прилегла к стене и щели почти не было заметно.

Я упер в панель острие большого лезвия и навалился. Она, казалось, сдвинулась на одну восьмую дюйма, и — лезвие сломалось. Я закрыл обломок лезвия и убрал нож.

— Есть предложения?

— Может, попробуем прижаться к панели ладонями и отвести ее в сторону?

— Годится. — Я вытер руки об рубашку.

— Ну, давай.

Панель отъехала вправо примерно на дюйм и замерла. Но от потолка до пола теперь шла тоненькая щель.

На этот раз я доломал обломок большого лезвия. Щель не расширилась ни на миллиметр.

— Ох, — вздохнула Крошка.

— Еще не конец, — я отошел назад и побежал к двери.

Вернее, в направлении двери, потому что ноги у меня выскакивали вперед, как у кузнечика. На этот раз Крошка не смеялась.

Я встал, отошел к задней стене, уперся в нее ногой и попробовал изобразить стартовый толчок.

Упал я перед самой дверью, так что особенно сильно ее не задел. Однако почувствовал, как она пружинит. Она немного прогнулась, потом спружинила обратно.

— Погоди-ка, Кип, — сказала Крошка. — Сними лучше носки. А я стану позади тебя и буду толкать. В теннисных туфлях я не упаду.

Она была права. На Луне, если у вас нет туфель на резине, лучше ходить без носков. Мы отошли к задней стенке. Крошка стала позади меня, уперлась руками мне в бедра.

— Раз... два... три... Вперед!

Мы рванулись с грацией гиппопотамов.

Я здорово зашиб плечо. Зато панель вылетела из нижнего паза, образовав отверстие в четыре дюйма.

Рубаха моя разорвалась, на двери остались куски моей кожи, но язык был скован присутствием девочки.

Зато отверстие расширилось. Когда в него смогла пролезть голова, я выглянул наружу. Никого нет, хотя это можно было предположить заранее, учитывая поднятый мною шум, если, конечно, им не захотелось поиграть в кошки-мышки. От них всего можно было ожидать, особенно от Него.

Крошка попыталась было вылезти наружу, но я не дал.

— Сиди смирно, первым полезу я.

Еще пара рывков, и можно лезть. Я открыл малое лезвие и протянул нож Крошке.

— Со щитом или на щите, солдат.

— А тебе?

— Мне он ни к чему. В темных аллеях я известен как «Кип — Смертельный кулак».

С моей стороны это была чистейшей воды брехня, чтобы ее успокоить. Рыцарь без страха и упрека, спасает девушек по умеренным расценкам, специальная скидка для вечеринок и праздников.

Выбравшись из дыры на четвереньках, я поднялся на ноги и огляделся.

— Выходи, — сказал я тихо.

Она полезла, но вернулась назад. Потом показалась в проходе снова, сжимая в руках свою тряпичную куклу.

— Чуть было не оставила мадам Помпадур, — объяснила она, запыхавшись.

Я даже не улыбнулся. Крошка огляделась.

— Похоже, это корабль, который за мной гнался. Но он точно такой же, как тот, который я утнала.

— Так что, пойдем в рубку?

— В рубку?

— Ну да. Ты же пилотировала тот корабль. Справишься с этим?

— А-да, наверное... Справляюсь, конечно!

— Тогда пошли.

Я шагнул в ту сторону, куда меня тащили на допрос.

— Но в прошлый раз Мэмми подсказывала мне, что надо делать. Давай найдем ее.

— Ты можешь поднять корабль?

— Пожалуй, да.

— Тогда поищем ее, когда будем в воздухе, то есть в космосе, я хотел сказать. Если она на борту, мы ее найдем. Если нет, то нет.

— Что ж, ты рассудил логично, хоть логика твоя мне и не нравится. — Она зашагала вслед за мной. — Кип, какое ускорение ты можешь выдержать?

— Понятия не имею, а что?

— То, что корабль может лететь со скоростью намного большей, чем та, с которой я пыталась удрать. В этом и заключалась моя ошибка.

— Твоя ошибка заключалась в том, что ты махнула в Нью-Джерси.

— Но я хотела найти папу!

— Правильно в конечном счете. Но сначала надо было просто перелететь на Лунную базу и поднять по тревоге Космический корпус Федерации. Путачом здесь не обойтись, нужна сила. Ты не знаешь, где мы сейчас?

— Если он доставил нас обратно на свою базу, то знаю. Место можно уточнить по звездам.

— Значит, если сумеем определить, в каком направлении находится Лунная база, отправимся туда. Если нет... Тогда на полной скорости рванем в Нью-Джерси.

Дверь в рубку не поддавалась, и я никак не мог сообразить, как открыть ее.

Крошка сказала, что для этого надо сунуть палец в специальное отверстие. Мой палец не wszedł, и она

попробовала сама, но дверь все равно не открывалась. Должно быть, замок был заперт.

Поэтому я тщательно огляделся по сторонам и обнаружил лом из металла, прикрепленный к стене в коридоре, — длинную такую штуковину футов в пять, заостренную с одной стороны и с четырьмя медными держалками — с другой. Я, конечно, толком не понял, что это такое, может, у этих уродов он сходил за пожарный топор, но я решил, что это лом, потому что ломать им дверь было очень сподручно. Я ее разнес на куски с нескольких ударов, и мы вошли в рубку.

Поначалу у меня по коже мурашки поползли, потому что именно здесь Он меня и допрашивал. Я постарался вида не показывать и решил, что, если напорюсь на Него, сразу же врежу ломом промеж глаз.

Посреди комнаты я обнаружил нечто вроде гнезда, окруженного конструкцией странного вида: то ли кофеварка, то ли велосипед для осьминога. Хорошо хоть Крошка знает, где какую кнопку нажимать.

— Здесь наружный обзор есть?

— Вот, — она сунула палец в отверстие, которого я и не заметил.

Потолок был полусферический, как в планетарии. В общем, я и очутился в планетарии, да в таком, что только рот разинул. Вдруг оказалось, что стоим мы вовсе не на полу, а на платформе футов тридцать высотой в открытом пространстве. Меня окружали изображения тысяч звезд, а в черном «небе» прямо передо мной, огромная, голубая и прекрасная висела Земля!

— Очнись, Кип, — тронула меня за локоть Крошка.

— Не поэтический ты человек, — выдавил я.

— Поэтический, да еще какой. Но у нас времени нет. Кип, я знаю, где мы. Там же, откуда я бежала. Их база. Вон, видишь те скалы, отбрасывающие длинную тень? Некоторые из них — замаскированные корабли. А вон там, левее, такой высокий пик с седловиной. Если взять еще левее, почти прямо на запад, то можно выйти к станции Томба, сорок миль отсюда. А еще через двести миль — Лунная база, а за ней Луна-Сити.

— Как долго туда лететь?

— Взлетать и садиться на Луне я еще не пробовала. Думаю, что несколько минут.

— Надо лететь! Они в любую минуту могут вернуться.

— Да, Кип, — она влезла в гнездо и склонилась над приборами.

Через минуту она вылезла обратно. Лицо ее побледнело, осунулось, стало совсем детским.

— Прости, Кип. Никуда мы с тобой не полетим.

— Почему? Ты что, забыла, как им управлять?

— Нет. Они унесли «мозг».

— Что унесли?

— «Мозг». Маленький прибор размером с орех, который помещается вот здесь, — она показала мне паз. — В прошлый раз нам удалось бежать, потому что Мэмми сумела его стащить. Нас заперли в пустом корабле, так же, как сейчас. Но у нее был «мозг», и мы сумели улететь.

Крошка выглядела совершенно отчаявшейся и растерянной.

— Следовало мне догадаться раньше, что Он не оставит его в рубке. Пожалуй, что я и догадывалась, только не хотела себе в этом признаваться. Извини.

— Слушай, Крошка, мы так просто не сдадимся. Может, я сумею что-нибудь соорудить.

— Нет, Кип, — покачала она головой. — Это не так легко. Автомобиль ведь не поедет, если вместо генератора поставить макет. Я толком не представляю себе функций этого приспособления и прозвала его «мозгом», потому что оно такое сложное.

— Но... — Я замолчал. Дайте туземцу с острова Борнео новехонький автомобиль и выньте свечи — заведет он его? — Что можно придумать взамен полета, Крошка? Есть предложение? Если нет, покажи мне, где входной люк. Я встану там с этой штукой, — я потряс ломом, — и разможжу голову каждому, кто сунется.

— Я в растерянности, — сказала она. — Надо искать Мэмми. Если она здесь, то что-нибудь придумает.

— Ладно. Но сначала все-таки покажи мне люк. Я покараулю, пока ты будешь ее искать.

Меня охватил безрассудный гнев отчаяния. Выбраться отсюда уже не казалось больше возможным, ну и пусть, все равно, мы еще за кое-что расквитаемся.

Пусть Он знает, что люди просто так не позволят помыкать собой. Я был уверен, почти уверен, что успею

как следует врезать Ему, прежде чем у меня ослабнут коленки. Размозжу его отвратительную башку. Если, конечно, не посмотрю ему в глаза.

— Есть еще один выход, — пробормотала Крошка.

— Какой?

— Мне даже предлагать его противно. Ты еще подумаешь, что я хочу бросить тебя одного.

— Не глупи. Если есть идея, выкладывай.

— Станция Томба всего в сорока милях отсюда. Если мой скафандр здесь, в корабле...

Что ж, может, удастся сыграть еще один тайм!

— Мы дойдем туда пешком!

— Нет, Кип, — печально ответила она. — Потому-то я и не хотела даже говорить. Я смогу дойти, если надену скафандр. На тебя ведь он все равно не полез бы.

— Нужен мне твой скафандр! — ответил я гордо.

— Ты забыл, Кип? Ведь мы на Луне, а на Луне нет воздуха.

— Что, я идиот, по-твоему? Просто, если они оставили твой скафандр здесь, то и мой висит где-нибудь рядышком.

— Твой? У тебя есть скафандр? — не веря, спросила она.

Последующий диалог был настолько путаным, что нет смысла его приводить. В конце концов я заставил ее поверить, что двенадцать часов назад в четверти миллиона миль отсюда я связался с ней по радио на волне космического диапазона только потому, что вышел прогуляться в скафандре.

— Разнесем эту лавочку в клочья, — сказал я. — То есть, нет, сначала покажи входной шлюз, а потом разнеси ее сама.

— Идет.

Она отвела меня к шлюзу, комнате такого же типа, как наш карцер, только поменьше размером и с внутренней дверью, специально сделанной, чтобы выдерживать давление атмосферы корабля. Дверь не была заперта. Наружная дверь шлюза была закрыта, в противном случае нам никогда бы не открыть внутреннюю.

— Будь Червелицкий действительно предусмотрительным, он, конечно, оставил бы внешнюю дверь откры-

той, — подумал я вслух, — даже если бы был уверен, что из карцера нам не выбраться. Слушай-ка! А нельзя ли внутреннюю дверь закрепить так, чтобы она не закрывалась?

— Не знаю.

— Что ж, попробуем.

Вот он, элементарный крючок. На всякий случай, чтобы его не могли открыть извне нажатием какой-нибудь кнопки, я заклинил крючок ножом.

— Другого выхода нет?

— В том корабле не было, значит, и здесь нет.

— Через этот-то уж никто не войдет.

— Но вдруг он все-таки сумеет взломать наружную дверь? — нервно спросила Крошка. — Мы ведь лопнем, как воздушные шарик.

Я улыбнулся ей в ответ.

— Кто здесь у нас гений? Конечно, нас разорвет, если Он откроет люк, но ему не удастся. Люк удерживает давление тонн в двадцать — двадцать пять. Как ты только что мне напомнила сама, мы на Луне, а на Луне нет воздуха, так ведь?

Крошка даже смутилась.

Итак, мы взялись за поиски. Я с удовольствием взламывал двери. Симпатий ко мне у Червелицего от этого не прибавится. Мы сразу же наткнулись на вонючую конуру, где обитали Толстяк и Тощий. Жаль, что их дверь не была заперта. Комната могла рассказать многое о нашей парочке, прежде всего то, что они — грязные свиньи. А также и то, что они не пленники: комната была переоборудована для людей. Их отношения с Червелицым начались, очевидно, не вчера. Я обнаружил две пустые стойки-вешалки для скафандров, несколько десятков консервных банок с рационом армейского образца, какие обычно продаются в магазинах списанных армейских избытков, а самое главное — питьевую воду и подобие умывальника. Более того, я нашел ценность, не сравнимую ни с золотом, ни с ладаном, если, конечно, мы найдем и свои скафандры, — два заряженных баллона с гелиево-кислородной смесью.

Я сделал глоток воды, вскрыл для Крошки банку консервов, она открывалась ключом, и мы избежали участи «Троих в лодке» с их банкой ананасов, велел ей

поестъ, а потом продолжать обыск. Я же отправился дальше, найденные баллоны просто толкали меня разыскать скафандры и унести отсюда ноги, пока не вернулся Червелицкий.

Я вскрыл дюжину дверей быстрее, чем морж вскрывает ракушки, и даже обнаружил жилые помещения червелицких. Но я там уже не стал задерживаться — этим займется Космический корпус, когда прибудет сюда. Я только проверил, нет ли там скафандров.

И наконец нашел их — в комнате рядом с нашим карцером. До того я обрадовался, увидев «Оскара», что чуть его не расцеловал.

— Привет, дружище, — заорал я. — Какая встреча!

Я понесся за Крошкой. Мои ноги опять полетели впереди меня, но я уже внимания не обращал. Крошка сделала шаг мне навстречу, когда я ворвался в комнату.

— Я уже собиралась идти за тобой.

— Нашел! Нашел!

— Кого нашел? Мэмми? — спросила она с нетерпением.

— Да нет же, нет! Я нашел скафандры! И твой, и мой! Пошли!

— Да... — она выглядела огорченной, и я даже обиделся. — Здорово, но надо найти Мэмми.

Чувство беспредельной усталости охватило меня. У нас появился хоть и слабый, но все-таки шанс спастись от участи худшей, чем смерть, — это отнюдь не метафора, — а она не желает уходить, пока не найдет свое пучеглазое чудище. Будь это человек, я бы не колебался ни секунды, даже если бы у него изо рта дурно пахло. Будь это кошка или собака — я задумался бы, но остался. Но что мне это пучеглазое? И вообще, я ему обязан только тем, что здорово влип, как еще не влипал никогда в жизни. Сгрести, что ли, Крошку и сунуть ее в скафандр? Вместо этого я лишь сказал:

— Ты в своем уме? Мы уходим. Прямо сейчас.

— Мы не уйдем, пока не найдем ее.

— Ну, теперь уже ясно, что ты не в себе. Мы даже не знаем, здесь ли она. А если мы ее найдем, все равно не сможем взять с собой.

— Сможем!

— Как? Мы же на Луне, забыла? В безвоздушном пространстве. У тебя что, скафандр для нее припасен?

— Но... — Она растерялась, но ненадолго. — Поступай, как знаешь. А я пошла ее искать. Держи, — и она кинула мне консервную банку.

Следовало, разумеется, применить силу, но сработали издержки воспитания! С детства ведь приучают, что женщину бить нельзя, как бы сильно она этого не заслуживала. Поэтому, пока я разрывался между здравым смыслом и воспитанием, возможность действовать и вместе с нею Крошка выплыли за дверь. Я просто застонал от беспомощности.

Но тут мое внимание привлек невероятно приятный запах. Крошка ведь сунула мне банку с консервами. То есть, вернее сказать, с вареной подметкой в сером соусе, но запах!.. Я доедал консервы, осматривая Крошкины трофеи. Моток нейлоновой веревки я с удовольствием привесил рядом с баллонами; у «Оскара» на поясе висело, правда, пятьдесят футов веревки, но запас карман не тянет. Прихватил я и геологический молоток, и пару батарей, которые сгодятся для нашлемных фар и для многого другого.

Больше ничего интересного не попало, кроме брошюры с названием «Предварительные данные по селенологии», проспекта урановых рудников и просроченных водительских прав, выданных штатом Юта на имя Тимоти Джонсона. Я узнал на фотографии лицо Тощего. Брошюры интересные, но сейчас не до лишнего багажа.

Мебель состояла из двух кроватей, изогнутых по очертанию человеческого тела и обитых пластиком. Отсюда вывод, что Тощему и Толстяку доводилось путешествовать на этом корабле при больших ускорениях.

Подобрав пальцем остатки подлив, я как следует напился воды, умылся, не жалея воды, потому что мне было без разницы, помрет эта парочка от жажды или нет, собрал свою добычу и пошел туда, где лежали скафандры. Там и наткнулся на Крошку, повеселевшую и с ломом в руках.

— Я нашла ее!

— Где?

— Пошли, взломаешь дверь, у меня сил не хватает.

Я сложил все барахло подле скафандров и пошел за ней. Она остановилась перед дверной панелью чуть дальше того места по коридору, куда завел меня мой вандализм.

— Здесь!

Я прислушался.

— С чего ты взяла?

— Знаю! Открывай!

Я пожал плечами и размахнулся. Панель с треском выскочила из паза. И все дела.

Посреди комнаты, свернувшись клубочком, лежало существо. Трудно было сказать, его ли я видел на пастбище вчера вечером или нет. Плохое освещение, другая обстановка. Но Крошка никаких сомнений не испытывала. С радостным воплем она рванулась вперед, и они покатались по полу, сцепившись, как два играющих котенка. Крошка визжала от радости, более или менее по-английски. А вот Мэмми... Я бы не удивился, заговори она по-английски, говорил же Червелицкий, да и Крошка упоминала о своих беседах с ней, но тут было совсем другое.

Вы когда-нибудь пересмешника слышали? Он то просто поет, то весело, то шумно обращается к творцу. Пожалуй, бесконечно меняющиеся трели пересмешника ближе всего к речи Мэмми.

Наконец они более или менее успокоились, и Крошка сказала:

— Я так рада, Мэмми, так рада!

Та что-то пропела в ответ.

— Извините, Мэмми, очень невежливо с моей стороны. Разрешите вам представить — мой дорогой друг Кип. И Мэмми пропела мне:

Ля, си, до, ре, ми, ре, до, соль.

— Очень рада познакомиться, Кип.

Я понял это без слов, но так ясно, как будто она говорила по-английски. Причем это вовсе не был шуточный самообман, как, скажем, мои беседы с «Оскаром» или разговор Крошки с мадам Помпадур, ведь, беседуя с «Оскаром», я составляю обе части диалога, просто мое сознание беседует с моим подсознанием, или что-то в этом роде.

Мэмми пела мне, а я понимал то, что она пела.

Я испытывал удивление, но отнюдь не недоверие. И вообще, при виде радуги не думаешь о законах оптики. Просто вот она, радуга, перед тобой, висит в небе.

И надо было быть последним идиотом, чтобы не понять того, что Мэмми говорила именно со мной, потому я ее и понял и понимал каждый раз, ибо, когда она обращалась к Крошке, мне ее речь казалась каким-то чириканьем.

Если хотите, назовите это телепатией, хотя вроде бы в университете Дьюка под этим подразумевают кое-что другое. Я ее мыслей читать не мог, да и не думаю, чтобы она могла читать мои. Мы просто беседовали.

Но, хотя и удивленный, я не забывал о правилах хорошего тона. Чувствовал я себя так, как будто мама представляет меня одной из своих старых подруг — гранд-дам. Поэтому я поклонился и сказал:

— Мы очень рады, что нашли вас, Мэмми.

Причем сказал чистейшую правду, сразу и без всяких объяснений поняв, что именно заставило Крошку рисковать даже новым пленом, но искать ее: она была Мэмми и все тут!

Крошка имела обыкновение все и вся нарекать кличками и прозвищами, при этом не все они, надо сказать, приходились мне по вкусу. Но по поводу Мэмми я и минутного сомнения не испытывал. Мэмми так Мэмми! Подле нее было хорошо, спокойно и уютно. Как будто знаешь, что если разобьешь коленку и с ревом прибежишь домой, она ее поцелует, смажет йодом, заклеит пластырем, и все будет хорошо. Таким свойством обладают многие няни и учителя, но, к сожалению, его лишены многие матери.

Но у Мэмми оно было развито так сильно, что даже мысль о Червелищем перестала меня тревожить. Она с нами, и теперь все пойдет хорошо. Рассуждая логично, я вполне отдавал себе отчет, что она уязвима не менее нашего, я же видел, как ее свалили. Она и меньше, и слабее меня, она не могла сама пилотировать корабль — за нее это делала Крошка. Но все это не имело значения.

Мне хотелось к ней на коленки. Но поскольку она маленькая и коленок у нее нет вообще, я бы с удовольствием положил бы ее на колени к себе.

Я все время говорил об отце, но из этого вовсе не следует, что мама для меня значит меньше, просто тут другое. Отец активен, мама пассивна. Отец вещает, а мама — нет. Но уйди она, и отец станет похож на дерево, вывороченное с корнями из земли. На ней держится весь наш мир.

Присутствие Мэмми действовало на меня так же, как обычно действовало присутствие мамы. Только с мамой это было привычно, в порядке вещей. А тут вдруг все случилось совершенно неожиданно, вдали от дома и в самый нужный для меня момент.

— Ну, теперь можно отправляться, Кип. Давай быстрее! — взволнованно выпалила Крошка.

Мэмми пропела: «Куда мы отправляемся, детки?»

— На станцию Томба, Мэмми. Там нам помогут.

В глазах ее промелькнула печаль. У нее были огромные, теплые, добрые глаза. Чудесные глаза и мягкий, беззащитный рот, из которого лилась музыка. Но выражение, промелькнувшее в ее глазах, сменило чувством тревоги то счастье, которое я только что испытывал. И ответ ее напомнил мне, что она не чудотворец.

— Как же мы полетим? На этот раз меня охраняли очень тщательно. (Я не буду больше воспроизводить ее чириканье нотами, все равно я их толком не помню.)

Крошка с энтузиазмом рассказывала ей о скафандрах, а я стоял как болван и слушал, а мой живот медленно леденел. То, что раньше было всего лишь вопросом применения силы для убеждения Крошки, превратилось сейчас в неразрешимую дилемму. Теперь я ни за что не ушел бы без Мэмми, как ни за что не ушел бы без Крошки...

Но у нас было всего лишь два скафандра. Да будь их хоть три, наш земной скафандр сгодился бы ей не больше, чем змее роликовые коньки.

Мэмми мягко напомнила, что ее скафандр уничтожен. И начался поединок. Очень странный поединок — между мягкой, деликатной, любящей, разумной и непреклонной Мэмми, с одной стороны, и Крошкой, развернувшейся на всю катушку в роли вопящей капризной ужасной девчонки, с другой стороны. Я же просто стоял жалким зрителем, не имея возможности даже быть арбитром.

Поняв ситуацию, Мэмми сразу же пришла к неизбежному выводу. Поскольку идти ей было не в чем, да и вряд ли она сумела бы уйти так далеко даже в своем скафандре, единственным выходом для нее было остаться здесь, а нам немедленно уходить. Если мы дойдем, то, возможно, сумеем убедить своих, что опасность со стороны Червелицего и К° действительно существует, а в таком случае, ее, может быть, удастся спасти, что было бы мило, но вряд ли станет основной целью операции.

Крошка наотрез отказалась даже выслушать какой бы то ни было план, предусматривающий расставание с Мэмми. Если Мэмми останется, то и она с места не сойдет.

— Кип! Ты пойдешь за помощью! Торопись! А я останусь здесь!

— Ты же знаешь, что это невозможно, Крошка.

— Ты должен. Обязан! Ты пойдешь! А если нет, то я... я больше с тобой не разговариваю!

— Если я пойду, то сам перестану с собой разговаривать. Нет, Крошка, пойдешь ты.

— Ни за что!

— Да заткнись ты хоть для разнообразия! Пойдешь, как миленькая, а я останусь здесь охранять вход и сдерживать противника, пока ты не вернешься с подмогой. Только поторопи их.

— Я... — она заплакала, и вид у нее стал донельзя расстроенный и обескураженный. Потом она бросилась к Мэмми, всхлипывая: — Вы меня совсем больше не любите!

Что показывает, насколько она утратила способность мыслить логически. Мэмми запела ей что-то ласковое, а я подумал, что последние наши шансы на спасение убывают по мере того, как мы продолжаем спорить. В любое мгновение мог вернуться Червелицкий, и, хотя я и надеялся успеть уложить его, когда он сунется в корабль, он почти наверняка будет не один, и мне не устоять. Так или иначе, нам не уйти.

И наконец я сказал:

— Вот что, мы уйдем все вместе.

Крошка до того удивилась, что даже плакать перестала.

— Но как?

— Как, Кип? — пропела Мэмми.

— Я вам сейчас покажу, как. За мной.

Мы ринулись к скафандрам. В одной руке Крошка несла мадам Помпадур, другой поддерживала Мэмми.

Ларс Эклунд, монтажник, первый хозяин «Оскара», если верить журналу, весил, должно быть, фунтов двести. Чтобы «Оскар» плотно облегал меня, мне пришлось его изрядно затянуть. Перешивать и подгонять его по фигуре я не стал, чтобы не нарушить герметичность. Длина рук и ног была в порядке. Подгонять пришлось только живот. Так что места найдется достаточно и для Мэмми, и для меня.

Я объяснил, Крошка глядела на меня во все глаза, а Мэмми пела вопросы и комплименты. Она согласилась, что сможет висеть у меня на спине и не упасть, после того как скафандр загерметизирован и лямки затянуты.

— Ладно, Крошка, лезь в скафандр, живо! — Я побежал за носками. Вернувшись, я проверил датчики ее шлема. — Надо добавить тебе воздуха. Твой запас наполовину израсходован.

И здесь я попал в тупик. Запасные баллоны, найденные у этих вурдалаков, были на резьбе, как и мои. Но баллоны на скафандре Крошки были со штырями, которые следовало вставлять в клапан. Вполне подходят для туристов, которых без няньки и на шаг не отпустят и которые, при необходимости сменить баллоны, перепугаются до смерти, если их не заменят молниеносно, но для серьезной работы не годятся.

В моей мастерской я бы соорудил переходник минут за двадцать. Здесь же, без инструментов, это было почти невозможно, а для Крошки все равно, есть у нас эти баллоны или нет. С таким же успехом они могли бы быть и на Земле.

Впервые за все время я подумал всерьез о том, чтобы оставить их здесь, а самому поскорее броситься за помощью. Но вслух об этом ничего не сказал. Я решил, что Крошка предпочтет погибнуть в пути, чем снова попасть в Его руки, и я был с ней полностью согласен.

— Малыш, — сказал я медленно, — воздуха у тебя немного. Вряд ли хватит на сорок миль.

Помимо шкалы давления ее индикатор имел и шкалу времени. Стрелка показывала, что воздуха осталось меньше, чем на пять часов. Сможет ли Крошка бежать рысью, как лошадь? Даже в условиях лунного тяготения? Вряд ли.

Она тоскливо посмотрела на меня.

— Этот объем рассчитан на взрослых. А я маленькая — меньше расходую воздуха.

— Постарайся не расходовать его быстрее, чем нужно.

— Постараюсь.

Я начал застегивать ей рукава, но она воскликнула:

— Ой, забыла!

— Что такое?

— Забыла мадам Помпадур. Дай мне ее, пожалуйста. Она здесь на полу, у меня под ногами.

Я поднял эту идиотскую куклу и дал ей.

— А она сколько воздуха израсходует?

У Крошки вдруг появились ямочки на щеках.

— Я велю ей не дышать, — и она сунула куклу за пазуху.

Затянув ее скафандр, я залез в свой и сел в нем на корточки, не застегиваясь. Мэмми вползла мне на спину и свернулась клубочком, напевая что-то ласковое. С ней было так хорошо, что я и сотню миль прошагал бы ради того, чтобы избавить их обеих от опасности.

Застегнуть мой скафандр оказалось делом нелегким, потому что надо было сначала распустить, а потом подтянуть лямки, чтоб Мэмми было удобно, но и у Крошки, и у меня руки уже были в перчатках. С трудом, но все же справились.

Для запасных баллонов я сделал веревочную петлю и повесил их на шею. С ними, да с Мэмми за плечами, да с «Оскаром» я весил где-то около пятидесяти фунтов при лунном притяжении и впервые стал уверенно ступать.

Вынув нож из крючка, которым я заклинил дверь, я прицепил его к поясу «Оскара» возле нейлоновой веревки и геологического молотка. Затем мы вошли в шлюз и закрыли внутреннюю дверь. Я не знал, как выпустить воздух наружу, но мне подсказала Крошка.

— Вам удобно, Мэмми?

— Да, Кип, — она ободряюще потерлась об меня.

— «Крошка» — «Майскому жуку», — услышал я в наушниках, — проверка связи. Альфа, браво, кока, дельта.

— «Майский жук» — «Крошке». Слышу вас хорошо. Эхо, фокстрот, гольф.

— Слышу тебя хорошо, Кип.

— Перехожу на прием.

— Следи за давлением в скафандре, Кип. Он очень быстро у тебя раздувается.

Я нажал подбородком на клапан, следя при этом за датчиком и ругая себя последними словами за то, что позволил маленькой девочке поймать себя на оплошности, как последнего сопляка. Но она ведь и раньше ходила по Луне в скафандре, а я только приноравливался. Так что я решил, что сейчас не до гордости.

— Крошка, поправляй меня на каждом шагу. Мне это все в диковинку.

— Хорошо, Кип.

Наружная дверь беззвучно открылась вовнутрь — и я увидел перед собой яркую поверхность лунной долины.

С тоской по дому вдруг нахлынули воспоминания о детских играх в полет на Луну, и мне ужасно захотелось обратно в Сентервилль. Но тут Крошка прислонила свой шлем к моему.

— Кого-нибудь видишь?

— Нет.

— Наше счастье, что дверь смотрит в сторону от других кораблей. Слушай внимательно. Пока не уйдем за горизонт, радио пользоваться не будем, за исключением чрезвычайных обстоятельств. Они прослушивают наши частоты, я точно знаю. Теперь смотри, видишь вон ту гору с седловиной? Да смотри же, Кип!

— Да, да. — Я не мог оторвать взгляд от Земли.

Она была так близко... и так далеко, что, может быть, нам не суждено туда попасть. Трудно представить себе, как прекрасна наша планета, пока не увидишь ее со стороны.

— Да, я вижу седловину.

— Там есть проход. Я знаю, потому что Тим и Джок привезли меня той дорогой на вездеходе-краулере. На-

до найти его следы, это облегчит дело. Но сначала мы направимся к этим холмам, чтобы корабль нас прикрывал от других кораблей, пока мы не сумеем выбраться с открытого места.

До земли было футов двенадцать, и я хотел спрыгнуть, потому что при лунном тяготении это ерунда. Но Крошка настояла на том, чтобы спустить меня на веревке.

— Перекувырнешься ведь через голову, Кип. Слушай лучше опытных людей. У тебя еще нет «лунных ног». Поначалу будешь себя чувствовать, как первый раз на велосипеде.

Так что она спустила меня и Мэмми, а затем спрыгнула сама. Я начал было сматывать веревку, но она меня остановила, пристегнула конец к своему поясу и прислонилась своим шлемом к моему.

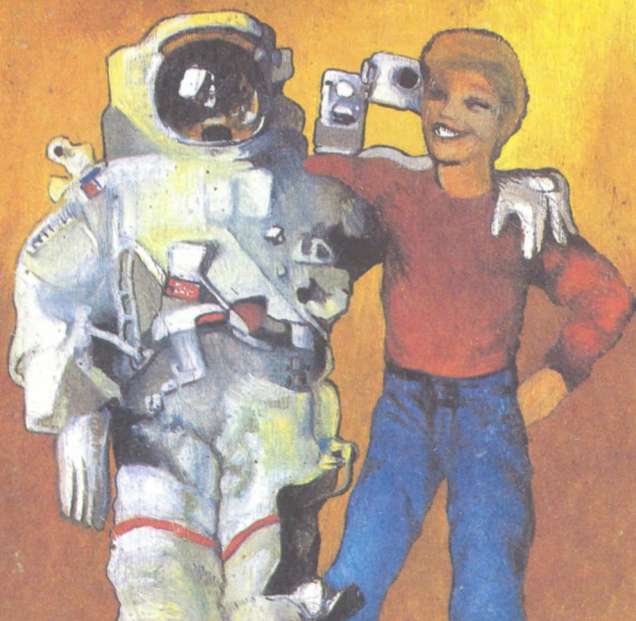
— Я поведу вас. Если пойду слишком быстро или тебе что-нибудь понадобится, дергай за веревку, потому что мне вас не будет видно.

— Есть, капитан!

— Не смейся, Кип. Дело серьезное.

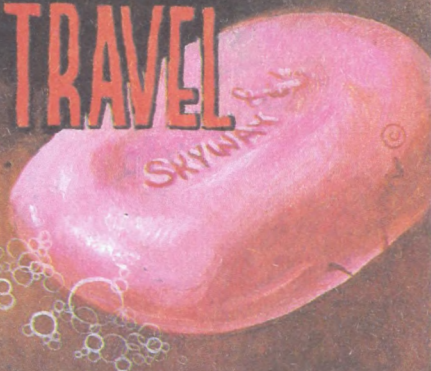
— А я и не смеюсь. Сейчас ты у нас старшая, Крошка.

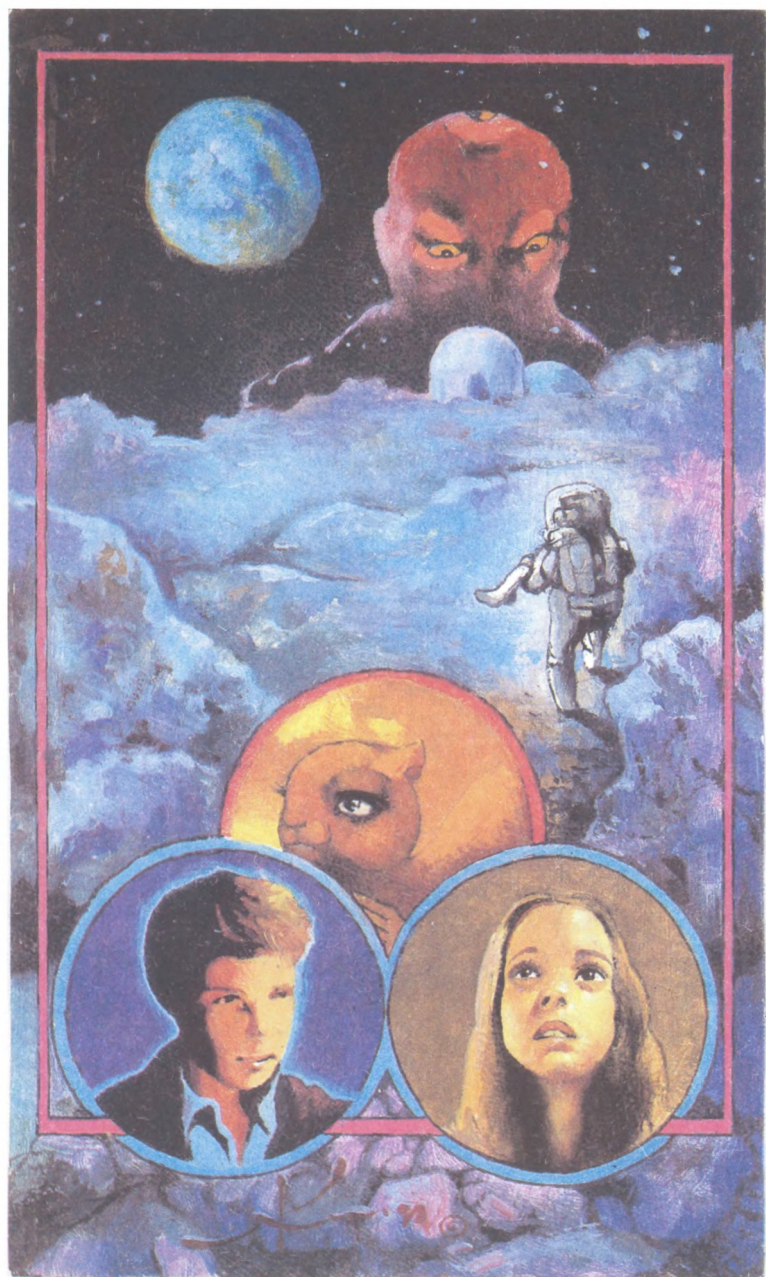
— Пошли. И не оглядывайся, толку никакого, а то еще оступишься и упадешь. Направление — на холмы.

HAVE SPACE SUIT -
WILL TRAVEL

ROBERT A. HEINLEIN

Глава 6

Мне бы наслаждаться небывалым романтическим приключением, но я был занят не меньше Элизы*, пересекающей реку по льду, а твари, которые того и гляди погонятся за нами по пятам, были куда хуже ищеек рабовладельцев. Я даже оглянуться не мог, потому что весь отдался тому, как удержаться на ногах. Я их не видел, был вынужден смотреть вперед и шагать на ощупь. Ноги не скользили, потому что почва была достаточно шершавой, камни, покрытые пылью или мелким песком, да и пятьдесят фунтов веса достаточно крепко прижимали ноги к ней. Я нес триста фунтов массы, ни на йоту не уменьшившейся из-за потери веса, это сказывается на твердо усвоенных на всю жизнь рефлексах. При малейшем повороте приходилось тяжело наклоняться вбок, потом назад, замедлять шаг, потом вперед, чтобы набрать темп.

Как долго ребенок учится ходить? Мне, новорожденному селениту, приходится учиться ходьбе во время форсированного марша, полуслепому и на самой полной скорости, на которую я только был способен. Так что времени на размышления и восторги у меня не осталось совсем.

* Элиза — героиня романа Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома».

Крошка взяла хороший темп и продолжала его наращивать. Поводок то и дело натягивался, и я отчаянно старался шагать быстрее и не упасть.

— Ты хорошо себя чувствуешь, Кип? — пропела Мэмми из-за спины. — У тебя очень озабоченный вид.

— Я... в полном... порядке... А вы?

— Мне очень удобно. Не выматывайся, дорогой!

— Ладно.

«Оскар» делал свое дело. Я начал потеть от напряжения и жаркого солнца, но клапан подбородком не нажимал, пока не увидел по индикатору цвета крови, что нуждаюсь в воздухе. Система функционировала отлично, и сказывались часы тренировок на пастбище. В скором времени я поймал себя на том, что теперь уже беспокоюсь в основном об острых камнях и рытвинах на пути.

До низких холмов мы добрались минут за двадцать. Крошка сбавила ход, забралась в расщелину и остановилась. Когда я подошел, она прислонилась своим шлемом к моему.

— Как ты себя чувствуешь?

— Все в порядке.

— Мэмми, вы меня слышите?

— Да, милая.

— Вам удобно? Воздуха хватает?

— Да, да, наш Кип очень хорошо обо мне заботится.

— Отлично. Ведите себя хорошо, Мэмми, ладно?

— Обязательно, милая. — Она даже ухитрилась вставить добродушный смешок в свое чириканье.

— Кстати, о воздухе, — сказал я Крошке. — Давай-ка проверим твой. — Я попытался заглянуть ей в шлем. Она отпрянула, потом придвинулась снова.

— У меня все в порядке.

— Посмотрим. — Я сжал ее шлем обеими руками и обнаружил, что не вижу циферблата, — на фоне солнечного света казалось, что я заглянул в темный колодец.

— Говори, что там у тебя, и не хитри!

— Не лезь не в свое дело!

Я развернул ее кругом и посмотрел на датчики баллонов. Один стоял на нуле, другой был почти полон.

Я снова прислонился к ее шлему.

— Крошка, — медленно спросил я, — сколько миль мы прошли?

— Примерно мили три. А что?

— Значит, нам осталось еще миль тридцать.

— Не меньше тридцати пяти. Не дрейфь, Кип. Я знаю, что один баллон у меня пуст, я переключилась на полный еще до привала.

— Одного баллона на тридцать миль не хватит.

— Хватит, потому что другого все равно нет.

— Почему же, воздуха у нас много. И я придумаю, как перекачать его тебе.

Голова моя просто кругом пошла, когда я начал вспоминать, что у меня есть на поясе из инструментов и что как можно приспособить.

— Ты отлично знаешь, Кип, что ни черта сделать не сможешь, так что лучше заткнись!

— В чем дело, милые? Почему вы ссоритесь?

— Мы не ссоримся, Мэмми, это Кип занудничает.

— Детки... детки...

— Это верно, Крошка, я не могу соединить запасные баллоны с клапанами твоего скафандра. Но я найду возможность перезарядить твой пустой баллон.

— Но... А как, Кип?

— Это уж мое дело. У тебя один баллон ведь все равно уже пустой, так что я попробую. Если не получится, мы ничего не теряем, если получится, то проблема решена.

— Сколько тебе потребуется времени?

— Если хорошо пойдет — минут десять, если нет — тридцать.

— Нет, не стоит пробовать, — решила она.

— Слушай, Крошка, не будь дур...

— Сам дурак! Пока мы не доберемся до гор, мы не можем считать себя в безопасности. До гор я дойду. А там, где мы уже не будем на виду, как жуки на тарелке, можно отдохнуть и перезарядить мой баллон.

Она говорила дело.

— Ладно.

— Ты можешь идти быстрее? Если мы достигнем гор прежде, чем нас хватятся, они вряд ли сумеют нас найти. А если нет...

— Могу. Только вот чертовы баллоны мешают.

— Н-да. — Она задумалась. Потом спросила неуверенно: — Может, выбросишь один?

— Ни в коем случае! Я теряю равновесие. Я раз десять чуть не упал из-за них. Ты можешь перевязать их так, чтобы они не болтались?

— Конечно же.

Кончив возиться с баллонами, она сказала:

— Жаль, что оставила на двери свою жвачку, хоть она совсем уже изжеванная. В горле пересохло так, что хоть плачь.

— Выпей воды, только не очень много.

— Это неумная шутка, Кип!

— В твоём скафандре вообще нет воды?

— Дурак ты, что ли?

У меня даже челюсть отвисла.

— Но что же ты... — сказал я беспомощно. — Что же ты не наполнила резервуар перед уходом?

— Какой резервуар, о чем ты говоришь? Разве в твоём скафандре есть резервуар?

Я не знал, что ответить. У нее был туристский скафандр, специально сделанный для «живописных маршрутов по несравненному древнему лику Луны», которые рекламируются проспектами туристских фирм. Прогулки под присмотром проводников и не более получаса. Ясное дело, резервуар для воды в скафандре для такой прогулки не предусмотрен — кто-нибудь из туристов захлебнется еще или сосок от шланга откусит и утонет в собственном шлеме. Да без него и дешевле намного. И кто его знает, какими еще недостатками снабдила туристский скафандр подобная экономия? Меня это стало всерьез волновать: от конструкции скафандра зависела сейчас жизнь Крошки.

— Извини, я не знал, — смиренно ответил я. — Слушай, я что-нибудь придумаю и перекачаю тебе часть воды.

— Вряд ли получится. Но не беспокойся, за время, нужное чтобы добраться до цели, я все равно не успею умереть от жажды. Чувствую я себя вполне нормально, просто жвачки хочется. Пошли?

— Пошли.

Холмы представляли собой всего-навсего гигантские складки лавы, мы миновали их довольно быстро, хотя из-за неровностей почвы приходилось идти осторожно.

За холмами лежала равнина, которая казалась ровнее западного Канзаса и упиралась на горизонте в цепь гор, сверкающих на солнце и резко встающих на фоне черного неба как картонные макеты.

Крошка остановилась, поджидая меня, потом прислонила свой шлем к моему.

— Все в порядке, Кип? Все в порядке, Мэмми?

— Спрашиваешь!

— Все хорошо, милая.

— Кип, когда они тащили меня сюда от перевала, их курс был на восток и потом восемь градусов на север. Я слышала, как они спорили, и сумела разглядеть карту. Значит, нам надо сейчас взять курс на запад и восемь градусов на юг, не считая, конечно, крюка, который мы дали до этих холмов, и мы окажемся в районе перевала.

— Молодец! — Я и вправду был восхищен. — Ты, случаем, не скаут, Крошка?

— Вот еще! Карту каждый дурак прочитает! — Голосок у нее был довольный. — Я хочу сверить компасы. Как, у тебя, оказывается, нет компаса!

«Ну, знаешь, приятель, это нечестно, — запротестовал «Оскар». — На космической станции № 2 компас ни к чему, а о путешествии на Луну меня как-то не предупреждали».

Тогда я сказал вслух:

— Понимаешь, какое дело, Крошка. Мой скафандр сделан для монтажа орбитальной станции. А на кой там компас? А о путешествии на Луну меня как-то не предупреждали.

— Не плакать же по этому поводу. Можешь ориентироваться по Земле.

— А твоим компасом воспользоваться нельзя?

— Вот глупый! Он же вделан в шлем. А ну-ка, одну минуточку! — Она повернулась лицом к Земле, кивая шлемом. Потом снова приблизилась ко мне. — Земля прямо на северо-восток. Значит, курс проходит на пятьдесят три градуса влево. Постарайся определиться. Земля, к твоему сведению, считается за два градуса.

— Я это знал, когда тебя еще на свете не было.

— Не сомневаюсь. Некоторым без форы никогда не справиться.

— Тоже мне, умница нашлась!

— Ты первый нагрубил.

— Ладно, Крошка, извини! Оставим ссоры на потом. Я тебе дам фору на два укуса.

— Не нуждаюсь. А ты еще не знаешь, с кем связался. Ты и представления не имеешь, какая я противная.

— Уже имею.

— Детки, детки!

— Извини, Крошка.

— И ты извини. Просто я нервничаю. Хоть бы дойти скорее!

— Хорошо бы! Дай-ка мне определиться по курсу. — Я начал отсчитывать градусы, приняв Землю за ориентир. — Крошка! Видишь вон тот острый пик? У которого вроде как подбородок выдается? Наш курс — на него.

— Дай-ка проверить, — она взглянула на компас, потом приблизила свой шлем к моему. — Молодец, Кип. Ошибся всего на три градуса вправо.

— Что, двинем? — гордо спросил я.

— Двинемся. Пройдем перевал, потом возьмем на запад, к станции Томба.

Десять миль, отделяющие нас от гор, мы прошагали довольно быстро. По Луне ходить не трудно, если, конечно, попалось ровное место и вы научились сохранять равновесие. Крошка все наращивала и наращивала темп, пока мы не полетели длинными низкими прыжками, как страусы, и, скажу я вам, двигаться быстрее оказалось легче, чем медленней. Когда я как следует приноровился, единственной проблемой осталась возможность приземлиться на острый камень или в какую-нибудь яму или споткнуться.

Порвать скафандр я не боялся, я верил в прочность «Оскара». Но, упав я на спину, Мэмми придется туго.

Беспокоили меня и мысли о Крошке. По прочности ее дешевый костюм для туристских прогулок не шел с «Оскаром» ни в какое сравнение. О взрывной декомпрессии я читал так много, что никоим образом не желал увидеть ее наяву, тем более на примере маленькой девочки. Но предупредить ее по радио я не осмелился,

хотя мы, весьма вероятно, уже были экранированы от Червелицего, а дернуть за веревку я тоже боялся — девочка могла упасть.

Постепенно равнина начала подниматься, и Крошка сбавила темп. Вскоре мы перешли на шаг, потом стали взбираться по каменистому склону. Споткнувшись, я упал, но приземлился на руки и сразу вскочил — притяжение в одну шестую земного имеет не только недостатки, но и свои преимущества. Мы добрались до вершины, Крошка завела нас за большие камни и прикоснулась своим шлемом к моему.

— Кто-нибудь дома есть? Как вы там оба?

— Все в порядке, милая, — пропела Мэмми.

— Порядок, — согласился я. — Запыхался только малость. «Запыхался» — это не то слово, но если Крошка может, то и я могу.

— Можно здесь передохнуть, а потом уже не так торопиться. Я просто хотела как можно быстрее убраться с открытого места, а здесь им нас нипочем не найти.

По-моему, она была права.

— Слушай, Крошка, давай-ка я перезаряжу твой баллон.

— Попробуй.

Вовремя я об этом вспомнил: уровень воздуха в ее втором баллоне упал больше чем на треть; на том, что осталось, ей до станции Томба не дойти. Так что, перекрестившись, я принялся за работу.

— Вот что, подружка, развяжи-ка мне эту путаницу.

Пока Крошка возилась с узлами веревки, я решил попить, но мне стало стыдно. Она, должно быть, уже язык жует, чтобы выдавить хоть немного слюны, а я так ничего и не придумал, чтобы перекачать ей воду. Резервуар моего скафандра встроен в шлем, и нет никакой возможности достать его, не отправив в процессе на тот свет и меня, и Мэмми.

Дожить бы мне только до того времени, когда стану инженером, уж я это все переделаю!

Потом я решил, что будет глупо не пить самому, если она не может. В конце концов, будущее нас всех может зависеть от того, удастся ли мне сохранить форму. Поэтому я выпил воды и съел три подслащенные таблетки и одну соленую, а потом выпил воды еще. Мне

сразу стало лучше, но я от души надеялся, что Крошка ничего не заметила. Она была очень занята разматыванием веревки, да и глубоко в чужой шлем все равно не заглянешь.

Я снял со спины Крошки пустой баллон, тщательно проверив перед этим, закрыт ли наружный стопорный клапан. В месте соединения воздушного шланга с шлемом должен быть односторонний клапан, но ее скафандру я больше не доверял, кто его знает, на чем его еще удешевили.

Положив пустой баллон рядом с полным, я посмотрел на них, выпрямился и придвинулся к ее шлему.

— Сними баллон с левой стороны на моей спине.

— Зачем, Кип?

— Не твое дело. — Я не хотел говорить, почему и зачем, потому что боялся возражений с ее стороны. Баллон, который я велел ей снять, содержал чистый кислород в отличие от всех остальных, заряженных смесью кислорода и гелия. Он был полон, если не считать скромной утечки из-за того, что я немного повозился с ним вчера в Сентервилле. Поскольку я никак не мог зарядить ее баллон полностью, самым лучшим выходом было зарядить его наполовину, но чистым кислородом.

Она сняла баллон с моей спины без всяких возражений.

Я занялся проблемой: как перекинуть давление из баллона в баллон, если у баллонов разные соединения. Выполнить задачу как положено я не мог, поскольку нужные инструменты находились в четверти миллиона миль от меня или на станции Томба, что, впрочем, не составляло никакой разницы. Зато у меня был моток клейкой ленты.

Согласно инструкции «Оскар» оснащался двумя аптечками первой помощи. Что они должны содержать, я понятия не имел — инструкция лишь приводила номера по списку обязательного оборудования, входящего в комплект типового скафандра ВВС США. И поскольку я толком не знал, что окажется полезным в наружной аптечке скафандра, может быть, даже шприц, достаточно длинный и толстый, чтобы проколоть его, когда человеку срочно понадобится укол морфия, я набил ее,

да и внутреннюю аптечку тоже, бинтами, индивидуальными пакетами и добавил моток пластыря. Вот на него я и надеялся.

Я оторвал кусок бинта, свел вместе разнокалиберные соединения баллонов и обмотал их: следовало обезопасить стык от клейкого вещества ленты, чтобы избежать потом перебоев в подаче воздуха. Затем тщательно и очень туго обмотал стык лентой, по три дюйма с каждой стороны и вокруг, — даже если ей удастся на несколько мгновений сдержать давление, все равно и ее, и сам стык будет раздирать изнутри дьявольски сильный напор. Чтобы этот напор не разнес соединение сразу же, я использовал весь свой моток.

Затем знаком попросил Крошку приблизить свой шлем к моему.

— Я открою полный баллон. Клапан на пустом баллоне уже открыт. Когда ты увидишь, что я закрываю клапан на полном, ты очень быстро закроешь клапан на втором баллоне. Ясно?

— Быстро закрыть свой клапан, когда ты закроешь свой. Ясно.

— Раз. Два. Три. Руку на клапан.

Я сильно сжал обмотанные соединения в кулаке. Если его разорвет, я останусь без руки, но ведь если у меня не выйдет, Крошке долго не протянуть. Так что стиснул я его изо всех сил. Следя за обоими датчиками, я чуть-чуть приоткрыл клапан. Шланг дрогнул, стрелка, стоящая на «пусто», сдвинулась с места. Я открыл клапан полностью.

Одна стрелка начала смещаться влево, другая — вправо. Очень быстро обе дошли до отметок «наполовину полон».

— Давай! — крикнул я без всякой на то нужды и начал закрывать клапан. И почувствовал, что кое-как сделанный стык начал разъезжаться.

Шланги вылетели из моей руки, но газа мы потеряли ничтожно мало. Я понял, что все еще пытаюсь закрыть уже закрытый клапан. Крошка свой уже закрыла. Стрелки обоих датчиков замерли на отметках «наполовину полон». У Крошки теперь был воздух!

Я перевел дух и только сейчас понял, что все это время не дышал.

Крошка коснулась моего шлема своим и очень серьезно сказала:

— Спасибо, Кип.

— Аптека Чартона, мэм, образцовое обслуживание и без чаевых. Дай-ка мне размотать все хозяйство, потом навьючишь на меня баллон и пойдем дальше.

— Но ведь теперь тебе придется нести только один запасной баллон.

— Ошибаешься, Крошка. Нам, возможно, придется повторить этот трюк раз пять-шесть, пока не останется самая малость.

«Или пока не сдаст лента», — добавил я про себя.

Самым первым делом я перемотал ленту обратно на катушку; и если вы считаете это легким занятием — в перчатках, да еще когда клей сохнет прямо на глазах, — попробуйте сами.

Несмотря на бинт, клей все же попал на соединительные трубки, когда разошлись шланги. Но он так быстро засох, что без труда скололся с патрубком-штыря. Соединительная резьба меня мало беспокоила, я не намеревался присоединять ее к скафандру. Мы подсоединили перезаряженный баллон к скафандру Крошки, и я объяснил ей, что в нем чистый кислород.

— Сбавь давление и подавай смесь из обоих баллонов. Что показывает твой индикатор цвета крови?

— Я на него нарочно не смотрела.

— Дура! Хочешь откинуть копыта? Быстро нажми подбородком клапан! Надо войти в нормальный режим!

Один баллон я навьючил на спину, второй же и баллон с чистым кислородом — на грудь, и мы снова двинулись вперед.

Земные горы предсказуемы, но лунные — нет. Мы уткнулись в расселину такую крутую, что спуститься можно было только по веревке, и я вовсе не был уверен, что мы сумеем потом вскарабкаться по противоположной стене. С крючьями и карабинами, без скафандров мы, может, без особого труда справились бы с такой стенкой где-нибудь в Рокки Маунтенз, но здесь...

Крошка неохотно повела нас назад. Спускаться по каменистому склону было куда как труднее, чем подниматься, — я пытался на четвереньках, а Крошка страхо-

вала меня сверху. Я попытался проявить героизм и махнуться ролями, и у нас вспыхнул бурный спор.

— Да перестань ты изображать из себя могучего рыцаря и прекрати свои отважные глупости, Кип! Ты несешь четыре баллона и Мэмми, ты тяжелый, а я легкая и цепкая, как горный козел.

Я сдался. Спустившись, она прислонилась ко мне шлемом.

— Кип, — сказала она, нервничая, — я не знаю, что делать.

— А что случилось?

— Я взяла немного южнее того места, где проходил краулер. Не хотела проходить перевал там же, где и он. Но теперь мне начинает казаться, что другого прохода-то и нет.

— Надо было сразу мне сказать.

— Но я же хотела сбить их со следа! Ведь туда, где проходил краулер, они ринутся в первую очередь!

— Н-да, верно. — Я взглянул на преграждающий нам путь хребет. На картинках и фотографиях лунные горы кажутся грозными, острыми и высокими. Когда же смотришь на них сквозь окуляры скафандра, они выглядят просто недоступными.

Я склонился к шлему Крошки.

— Можно было бы найти другой путь, располагай мы временем, воздухом и ресурсами хорошо подготовленной экспедиции. Придется идти по маршруту краулера. Где он?

— По-моему, надо взять северней.

Мы пошли на север, к подножию холмов, но путь оказался трудным и долгим. В конце концов пришлось идти к краю равнины. Это заставило нас понервничать, но приходилось рисковать. Шли мы быстро, но не бежали, боясь пропустить следы краулера. Я начал считать шаги и, досчитав до тысячи, дернул веревку. Крошка остановилась, я прислонился к ней шлемом.

— Мы прошли полмили. Как, по-твоему, далеко нам еще? Может быть, мы проскочили?

Крошка посмотрела на горы.

— Сама не знаю, — созналась она. — Ничего не узнаю.

— Мы не заблудились?

— Следы должны быть где-то впереди. Но мы уже прошли довольно много. Ты хочешь повернуть назад?

— Я не знаю дороги даже до ближайшей почты.

— Что же делать?

— Думаю, надо идти вперед, пока ты окончательно не удовлетворишься, что прохода дальше быть не может. Ты ищи проход, а я буду искать следы краулера. Потом, когда ты поймешь, что мы зашли слишком далеко, мы повернем. Мы не имеем права позволить себе рыскать из стороны в сторону, как собака, потерявшая след зайца.

— Хорошо.

Я отсчитал уже две тысячи шагов, очередную милю, когда Крошка остановилась.

— Кип! Дальше прохода быть не может. Горы становятся все выше и выше.

— Ты уверена? Подумай как следует. Лучше пройти еще пять миль, чем не дойти самую малость.

Она колебалась. Когда мы прислонились друг к другу шлемами, она так прижалась лицом к окулярам, что я видел, как она нахмурилась. Наконец она ответила:

— Его нет впереди, Кип!

— Что ж, тогда идем обратно! «Вперед, Макдуф, и будь проклят тот, кто первым крикнет: «Хватит, стой!»

— «Король Лир».

— «Макбет». Спорим?

Следы краулера мы нашли, прошагав обратно всего полмили, — в первый раз я их не заметил. Они отпечатались на голом камне, едва припорошенном пылью; когда мы шли вперед, солнце светило мне через плечо и следы гусениц были еле заметны — я их и во второй раз чуть не пропустил.

Они уходили с равнины прямо в горы.

В жизни нам не пересечь бы гор, не пойдя мы по следам краулера; первоначальный план Крошки строился на одном лишь детском энтузиазме. Это ведь была не дорога, просто местность, проходимая для гусениц краулера. Попадались и такие места, где даже краулер не мог пройти, не проложив себе путь выстрелами лазерной пушки. Сомнительно, что эту козью тропу

прорубили Толстяк и Тощий, они не производили впечатления любителей поработать. Должно быть, здесь потрудились одна из изыскательских партий. Попробуй мы с Крошкой пробить новую дорогу, мы здесь бы и остались экспонатами, в назидание туристам.

Но где пройдет гусеничный вездеход, там проберется и человек. Не прогулка, разумеется: вниз, вверх, вниз, вверх, да еще гляди, куда ступаешь, и следи за плохо держащимися неустойчивыми камнями. Иногда мы спускали друг друга на веревке, в общем, поход был утомителен и скучен.

Когда запас кислорода у Крошки подошел к концу, мы остановились и я снова уравнивал давление, сумев на этот раз зарядить ее баллон всего лишь на четверть, — ситуация, как у Ахиллеса с черепахой. Я до бесконечности мог продолжать перекачивать ей половину того, что будет оставаться, если, конечно, лента выдержит.

Она уже изрядно поизносилась, но давление упало наполовину, и я сумел сдерживать наконечники вместе, пока мы не закрыли клапаны.

Мне-то приходилось не так уж плохо: у меня были вода, пища, таблетки и декадрин. Последний оказался огромным подспорьем — каждый раз, когда я чувствовал, что слабею, я глотал половину живительной таблетки. Но бедная Крошка держалась лишь на воздухе и мужестве.

У нее не было даже такой охлаждающей системы, как у меня. Поскольку она использовала более обогащенную смесь, чем я (ведь один из ее баллонов содержал чистый кислород), ей не требовался столь же интенсивный приток воздуха, чтобы поддерживать нужный индекс цвета крови, и я предупредил ее, чтобы она не использовала ни на йоту больше воздуха, чем необходимо; расходовать воздух для охлаждения она вообще не могла, он нужен был ей для дыхания.

— Да знаю я, Кип, знаю, — ответила она раздраженно. — У меня стрелка еле-еле стоит на красном. Что, я дура, по-твоему?

— Просто хочу, чтобы ты дошла.

— Ладно, только брось со мной общаться, как с ребенком. Знай переставляй себе ноги, а я сама справлюсь.

— Не сомневаюсь!

Что же до Мэмми, то она всегда отвечала, что с ней все в порядке, и дышала тем же воздухом, что и я (немножко уже использованным), но откуда же мне знать, что ей хорошо, а что плохо? Провиси человек целый день вниз головой, зацепившись пятками, он умрет; однако для летучей мыши это сплошное удовольствие, а ведь мы с этими млекопитающими вроде родственники.

Мы с ней разговаривали по пути. Ее песни на меня действовали так же, как на боксера вопли его болельщиков. Бедная Крошка даже такой помощи была лишена, за исключением остановок, когда прижималась своим шлемом к моему: мы все еще не решались пользоваться радио, даже в горах боялись привлечь к себе внимание.

Мы снова остановились, и я перекачал Крошке одну восьмую баллона. Лента после операции пришла в состояние столь плачевное, что я сильно усомнился, выдержит ли она еще одну перекачку. Поэтому я предложил:

— Крошка, может, ты пока подышишь одним баллоном, в котором смесь гелия с кислородом? Вытяни его до конца, а я пока понесу твой кислородный баллон, чтобы ты могла экономить силы.

— У меня все в порядке.

— Но ведь с более легкой нагрузкой у тебя уйдет меньше воздуха.

— Тебе нужны свободные руки. А вдруг оступишься?

— Я же его не в руках понесу. Мой правый баллон уже пуст. Я его выброшу. Помоги мне заменить его на твой, и у меня снова будет четыре баллона, я просто сохраню равновесие.

— Конечно, помогу. Но я вполне могу нести два баллона, правда, Кип, вес ничего не значит. И если я истощу свою смесь, чем же я буду дышать, когда ты будешь перезаряжать мой кислородный баллон в следующий раз?

Я не хотел говорить ей, что испытывал сомнения относительно следующей перезарядки.

— Хорошо, Крошка.

Она помогла мне переместить баллоны, пустой мы сбросили в черную пропасть и продолжали путь. Я не знаю даже, как долго и как далеко мы шли, казалось,

что идем уже не первый день, хотя какие там дни с нашим запасом воздуха! Проходя по тропе милую за милей, мы поднялись не меньше чем тысяч на восемь футов. Высоту в горах определить трудно, но я видел горы, высота которых мне известна. Поглядите сами — первый хребет к востоку от станции Томба.

Изрядный подъем даже при одной шестой силы тяжести. Путь казался бесконечным, потому что я не знал, ни сколько мы прошли, ни сколько нам еще идти. У нас у обоих были часы, но под скафандрами. Шлем обязательно должен иметь встроенные часы. Я мог бы определить гринвичское время по Земле, но я не имел для этого достаточного опыта, да Земли большей частью и видно не было, так глубоко мы зашли в горы; к тому же я толком не помнил, в какое время мы покинули корабль.

Есть еще одна вещь, которой обязательно следует снабдить скафандры, — зеркало заднего обзора. Кстати, если займетесь оборудованием, обязательно добавьте оконце под подбородком, чтобы видеть, куда ступаете. Но из этих двух я бы выбрал зеркало заднего обзора. Сейчас за спину никак не глянешь, если не повернешься всем телом. Каждые несколько секунд мне хотелось взглянуть назад, но я не мог себе позволить такого усилия. Всю эту кошмарную дорогу мне то и дело казалось, что они гонятся за нами по пятам, то и дело я ожидал, что змееподобная рука опустится мне на плечо. Я напряженно прислушивался к шагам, которых в вакууме все равно не услышишь.

Покупая скафандр, обязательно заставьте изготовителя снабдить его зеркалом заднего обзора. Даже если за вами не гонится Червелицкий, все равно приятного мало, если вдруг из-за вашей спины вынырнет даже ваш лучший друг. Да, еще, если соберетесь на Луну, захватите с собой зонтик от солнца. «Оскар» старался изо всех сил, и фирма «Йорк» отлично сделала кондиционер, но ничем не смягченные солнечные лучи жгут немилосердно, а я, так же как и Крошка, не осмеливался расходовать воздух на охлаждение тела.

Становилось все жарче и жарче. Пот по мне тек ручьями, тело зудело, а я не мог почесаться, пот заливал и жег мне глаза. Крошка, наверное, варилась заживо. Даже когда тропа пролежала по глубоким расселинам,

освещенным только лишь отражением от дальней стены, таким темным, что нам приходилось включать фонари, мне все равно было жарко, а когда мы снова выходили на голый солнцепек, становилось просто невыносимо. Искушение нажать подбородком на клапан, впустить воздух, охладить тело становилось почти непреодолимым. Жажда прохлады начинала казаться более насущной, чем потребность дышать. Будь я один, я поддался бы ей и умер. Но Крошке приходилось много хуже моего. А если она может выдержать, то я просто обязан.

Я задумался над тем, как же можно так затеряться рядом с жилищем людей и как коварным монстрам удалось спрятать свою базу всего лишь в сорока милях от станции Томба. Что ж, времени на размышления выдавалось предостаточно, и я мог все обдумать, особенно наблюдая окружавший меня лунный ландшафт.

По сравнению с Луной Арктика — это перенаселенный район. Площадь Луны примерно равна площади Евразии, а людей на ней живет меньше, чем в Сентервилле.

Целый век может пройти, прежде чем кто-нибудь забредет на равнину, где обосновался Червелицкий. Даже если он не прибегнет к маскировке, никто ничего не заметит с борта пролетающего над его базой ракетного корабля.

Человек в скафандре в ту сторону никогда не пойдет, человек в краулере может найти базу, лишь случайно наткнувшись на нее, да и то если только пройдет по тропе, которой мы идем, и начнет кружить по равнине.

Картографический спутник Луны будет десять раз снимать и переснимать эту зону, но заметит ли техник в Лондоне небольшое различие на двух снимках? Наверное, но...

Годы спустя кто-нибудь и проверит, если, конечно, не найдется более срочных дел в районе, где все ново, все необычно и все срочно. Что же до показаний радаров, то необъясненные и нерасшифрованные показания будут отсчет со времен, когда меня еще на свете не было.

Червелицкий мог сидеть здесь, не дальше от станции Томба, чем Даллас от Форт-Уорта, и ни о чем не беспокоиться, устроившись уютно, как змея под домом. Слишком много на Луне квадратных миль и слишком мало людей.

Невероятно много квадратных миль. А весь наш мир составляли нерушимые яркие скалы, мрачные тени, черное небо и бесконечная тропа.

Но постепенно спуски стали все чаще сменять подъемы, и, наконец, усталые и измученные, мы пришли к повороту, с которого открывался вид на раскаленную, залитую ярким светом равнину. Далеко-далеко от нас лежала цепь гор. Даже с высоты тысяча футов, на которой мы находились, казалось, что они лежат за горизонтом. Я глядел на равнину и чувствовал себя слишком вымотанным, чтобы ощутить радость, затем взглянул на Землю и попытался определить, в какой стороне от нас запад.

Крошка прислонилась ко мне шлемом.

— Вот она, Кип.

— Где?

Она показала направление, и я заметил отблески на серебристом куполе.

Мэмми шевельнулась у меня на спине.

— Что это, дети?

— Станция Томба, Мэмми.

В ответ мы слышали музыкальное заверение в том, что мы хорошие дети и что она никогда не испытывала никаких сомнений в том, что мы справимся с делом.

До станции оставалось, должно быть, миль десять.

Трудно определить расстояние точно, не имея ориентиров, — да еще этот странный горизонт. Я даже не мог понять, как велик ее купол.

— Что, Крошка, может, рискнем и воспользуемся радио?

Она обернулась и посмотрела назад. Я сделал то же самое.

Мы были настолько одиноки в мире, насколько это возможно.

— Давай попробуем.

— На каких частотах?

— На тех же, что и раньше. Космический диапазон. Я попробовал.

— Станция Томба, ответьте. Станция Томба, вы слышите меня?

Затем начала вызывать Крошка. Я искал ответ по всему диапазону частот своей рации.

Абсолютно безуспешно.

Я переключился на антенну-рожок, ориентируя ее по блеску купола. Никакого ответа.

— Мы напрасно теряем время, Крошка. Пошли.

Она медленно отвернулась в сторону. Я физически почувствовал ее разочарование, сам я тоже дрожал от нетерпения. Догнав ее, я прислонил шлем к шлему.

— Не расстраивайся, Крошка! Не могут же они слушать весь день, ожидая нашего вызова. Теперь, когда мы видим станцию, мы уж точно дойдем.

— Я знаю, — ответила она хмуро.

Начав спуск, мы потеряли станцию из вида — не только из-за запутанных поворотов, но и из-за того, что она ушла за горизонт. Я продолжал вызывать ее, потом потерял всякую надежду и выключил радио, чтобы спасти дыхание и аккумуляторы. Мы прошли уже вниз половину внешнего склона, как вдруг Крошка замедлила шаг, остановилась, села и замерла.

Я бросился к ней.

— Что с тобой?

— Кип, — еле проговорила она, — приведи, пожалуйста, кого-нибудь. А я подожду здесь. Я прошу тебя. Ты ведь знаешь теперь дорогу, а, Кип?

— Крошка! — сказал я резко. — Вставай, живо! Ты должна идти!

— Я н-не м-м-огу! — Она начала плакать. — Я так хочу пить... и мои ноги...

Она потеряла сознание.

— Крошка! — я тряс ее за плечо. — Ты не можешь, не смеешь сдаваться сейчас! Мэмми, да скажите же вы ей!

Ля, си, до, ре, ми, ре, до, соль.

Веки Крошки задрожали.

— Продолжайте, продолжайте, Мэмми! — я перевернул Крошку на спину и занялся делом. Удушье охватывает человека быстрее быстрого. Мне не требовалось смотреть на индикатор цвета крови, чтобы знать, что он показывает «Опасность», все было ясно по манометру ее баллонов. Баллоны с кислородом были пусты, резервуар со смесью кислорода и гелия почти пуст. Я закрыл ее выхлопные клапаны и впустил ей в скафандр все, что оставалось в резервуаре со смесью. Когда скафандр стал раздуваться, я перекрыл поток воздуха и чуть-чуть

приоткрыл один из выхлопных клапанов. И только после этого я закрыл стопорные клапаны и снял пустой баллон. И здесь на моем пути встала нелепая до идиотизма преграда.

Крошка слишком хорошо навьючила меня, я не мог дотянуться до узла. Я нащупывал его левой рукой, но не мог достать его правой — мешал баллон на груди, а одной рукой я распутать его не мог. Я заставил себя прекратить панику. «Нож! Ну, разумеется, мой нож!» Старый скаутский нож с петлей на ручке, чтобы привешивать к поясу; на поясе он сейчас и висел. Но зажимы на поясе «Оскара» были слишком велики для него, пришлось их сжимать. Я крутил его и крутил, пока петля не сломалась. А потом я никак не мог открыть маленькое лезвие. На перчатках скафандра ногтей ведь нет.

«Брось бегать по замкнутому кругу, Кип, — сказал я себе. — Ничего трудного здесь нет. Все, что ты должен сделать, — это открыть нож, и ты должен, потому что иначе Крошка задохнется».

Я оглянулся, ища подходящий обломок камня или что-нибудь, что сошло бы за ноготь. Потом проверил свой пояс.

Выручил меня геологический молоток. Зубец на его головке был достаточно остр, чтобы зацепить лезвие. Я перерезал веревку. Я все еще пребывал в тупике.

Мне было необходимо достать баллон за моей спиной. Когда я выбросил тот, пустой, и повесил себе на спину свежий баллон, я начал брать воздух из него и сэкономил почти половину заряда во втором баллоне. Я хотел сохранить его на крайний случай и разделить с Крошкой. И вот время пришло — у нее кончился воздух; у меня в одном баллоне тоже, но я все еще располагал половинным зарядом в другом, да еще одной восьмой заряда (или меньше) в баллоне с чистым кислородом, лучшее, на что я мог надеяться, уравнивая давления. Я хотел дать ей одну четвертую заряда кислородно-гелиевой смеси — она дольше продержится и будет иметь больший охлаждающий эффект.

«Типичный авантюризм странствующего рыцаря», — подумал я и даже двух секунд не потратил на то, чтобы от этого замысла отказаться. Я же никак не мог снять баллон со спины.

Вероятно, это удалось бы мне, не переделай я лямки под свои нестандартные баллоны. Инструкция гласит: «Протяните руку за плечо, закройте стопорные клапаны баллона и шлема, отсоедините зажим». На моем мешке не было зажимов, я заменил их петлями. Но я и сейчас не думаю, что человек, одетый в термоскафандр, сумеет сунуть руку за плечо и толково ею действовать. Сдается мне, что инструкцию писал кабинетный работник. Возможно, ему доводилось видеть, как кто-то делал это в благоприятных условиях. Может, он и сам это делал, но тогда он должен быть каким-то чудом-юдом, у которого плечи вывернуты. И я готов прозакладывать полный баллон кислорода, что монтажники на космической станции № 2 помогали друг другу управляться с баллонами точно так же, как мы с Крошкой, либо заходили в шлюз и снимали скафандр.

Если только доживу, я все это изменю. Все, что нужно делать человеку в скафандре, должно быть предусмотрено так, чтобы ему не приходилось лезть за спину, — все клапаны, зажимы и прочее должны располагаться спереди. Мы же устроены не так, как Червелицкий с его тремя глазами и руками, гнущимися как угодно. Мы можем работать только глядя перед собой, а в космическом скафандре это справедливо втройне. И обязательно нужно, просто необходимо оконце под подбородком, чтобы видеть, что делаешь! Многие вещи прекрасно выглядят на бумаге, но не на практике!

Однако я вовсе не тратил времени на бесполезные стенания. У меня под руками была одна восьмая заряда кислорода, и я схватился за этот баллон.

Моя несчастная, неоднократно использованная лента представляла собой жалкое зрелище. С бинтом я и возиться не стал, дай Бог, чтоб лента держала. Обращался я с ней так осторожно, как будто она была из золота, постарался замотать ее потуже и оставил конец, чтобы перекрыть полностью выходной клапан, если скафандр Крошки начнет сдавать. Когда я кончил работать, пальцы у меня тряслись.

Крошка уже не могла помочь мне закрыть клапан. Я просто сжал стык одной рукой, другой рукой открыл ее пустой баллон, быстро повернулся и открыл баллон с

кислородом, потом перехватил руку, зажал клапан баллона Крошки и стал следить за датчиками.

Две стрелки пошли навстречу друг другу. Когда они замедлили движение, я начал закрывать ее баллон, и в это время мой схваченный лентой стык сорвался. Клапан я успел закрыть так быстро, что много газа из ее баллона не ушло. Но ушло все, что было в подающем баллоне. Я не стал тратить время на переживания, отодрал кусок ленты, проверил чистоту соединительного штыря, подсоединил слегка заряженный баллон обратно к скафандру и открыл стопорные клапаны.

— Крошка! Крошка! Ты слышишь меня! Очнись! Очнись! Мэмми, заставьте же ее очнуться!

Мэмми запела.

Ля, си, до, ре, ми, ре, до, соль.

— Крошка!

— Да, Кип?

— Очнись! Вставай! Миленькая моя, душечка, пожалуйста, вставай!

— Помоги мне снять шлем... я не могу дышать.

— Нет, можешь. Нажми подбородком клапан, ты сразу же почувствуешь! Свежий воздух!

Она вяло пыталась нажать клапан. Перекрывая его с помощью внешнего, я пустил ей в шлем быструю сильную струю воздуха.

— О-о-о-ох!

— Вот видишь? У тебя есть воздух, много воздуха! А теперь вставай.

— Ради бога, дай ты мне спокойно полежать.

— Черта с два! Ты противная, мерзкая, избалованная маленькая дрянь, если ты сейчас не встанешь, никто никогда не будет тебя любить! И Мэмми тебя любить не будет, да скажите же ей, Мэмми!

— Вставай, доченька!

Крошка пыталась встать изо всех сил. Я помог ей — главное, что она пыталась! Дрожа, она приникла ко мне, и я удержал ее от падения.

— Мэмми, — позвала она слабым голоском. — Я встала. Вы... вы все еще меня любите?

— Да, милая.

— У меня... кружится... голова... я... наверное... не смогу... идти.

— Тебе не надо идти, маленькая, — сказал я ласково и взял ее на руки. — Больше не надо.

Она совсем ничего не весила. Тропа исчезла, когда кончились холмы, но следы краулера ясно отпечатались в пыли и вели на запад. Я сократил поступление воздуха так, что стрелка индикатора цвета крови повисла на самом краю отметки «Опасность». Я держал ее там, нажимая подбородком на клапан лишь тогда, когда она начинала наползать на эту отметку. Я решил, что конструктор должен был оставить какой-то запас прочности, как бывает со счетчиками бензина в автомобилях. Крошке я велел не спускать глаз с ее индикатора и держать его в таком же положении. Она обещала слушаться, но я все время напоминал ей об этом, прижимаясь к ее шлему, чтобы мы могли разговаривать.

Я считал шаги и через каждые полмили просил Крошку вызывать станцию. Она была за горизонтом, но, может быть, их антенна достаточно высока, чтобы засечь нас. Мэмми тоже говорила с Крошкой, говорила все что угодно, лишь бы не дать ей потерять сознание. Ее воркованье помогло экономить силы и мне.

Несколько позже я заметил, что стрелка моего индикатора снова зашла на красное. Я нажал на клапан и подождал. Безрезультатно. Я снова нажал на него, и стрелка медленно поползла в сторону белой отметки.

— Как у тебя с воздухом, Крошка?

— Все нормально, Кип, все нормально.

«Оскар» орал на меня. Я моргнул и заметил, что моя тень исчезла. Раньше она простиралась вперед и под углом ложилась на следы. Следы все еще были на месте, но тени я больше не видел. Это разозлило меня, так что я обернулся и поискал ее взглядом. Она очутилась позади меня. В прятки вздумала играть, тварь проклятая!

— Так-то лучше, — сказал «Оскар».

— Жарко здесь, «Оскар».

— Думаешь, там прохладнее? Следи за тенью, приятель, и не спускай глаз со следов.

— Ладно, ладно, только отстань!

Я твердо решил, что больше не позволю тени исчезнуть. Я ей покажу, как со мной в прятки играть!

- Воздуха здесь чертовски мало, «Оскар».
- Дыши медленнее, дружище. Справимся.
- Никак над нами корабль пролетел?
- Мне почем знать? Окуляры ведь у тебя.
- Не выпендривайся, не до шуток мне сейчас.

Я сидел на земле, держа на руках Крошку, «Оскар» крыл меня почем зря, и Мэмми уговаривала тоже.

— Вставай, вставай, ты, обезьяна чертова! Вставай и борись!

— Встань, Кип, голубчик! Ведь осталось совсем немного.

— Дайте отдышаться.

— Ну, черт с тобой. Вызывай станцию.

— Крошка, вызови станцию, — сказал я.

Она не отвечала. Это так напугало меня, что я пришел в чувство.

— Станция Томба, станция Томба, отвечайте! — я встал на колени, затем поднялся на ноги. — Станция Томба, вы слышите меня?

— Слышу вас, — ответил чей-то голос.

— Помогите! Умирает маленькая девочка! Помогите!

Неожиданно станция выросла прямо перед моими глазами: огромные сверкающие купола, высокие башни, радиотелескопы. Шатаясь, я побрел к ней.

Раскрылся гигантский люк, и из него навстречу мне выполз краулер. Голос в моих наушниках сказал:

— Мы идем. Стойте на месте. Передачу кончаем.

Краулер остановился подле меня. Из него вылез человек и склонился своим шлемом к моему.

— Помогите мне затащить ее вовнутрь, — выдавил я и услышал в ответ:

— Задал ты мне хлопот, кореш. А я терпеть не могу людей, которые задают мне хлопот.

За его спиной стоял еще один, потолще. Человек поменьше поднял какой-то прибор, похожий на фотоаппарат, и навел его на меня.

Больше я ничего не помнил.

Глава 7

Не знаю даже, доставили ли они нас обратно краулером или Червелицкий прислал корабль. Я проснулся от того, что меня били по щекам, и понял, что лежу в каком-то помещении. Бил меня Тощий — тот самый человек, которого Толстяк звал Тимом. Я попытался дать ему сдачи, но не смог и с места сдвинуться — на мне было что-то вроде смирительной рубашки, которая спеленала меня, как мумию. Я заорал.

Тощий сгреб меня за волосы и запрокинул мне голову, пытаясь впихнуть в рот большую капсулу. Я же пытался укусить его. Он ударил меня еще сильнее, чем раньше, и снова поднес капсулу к моим губам. Выражение его лица не изменилось, оно оставалось таким же гадким, как всегда.

— Глотай, парень, глотай, — услышал я и перевел взгляд. С другой стороны стоял Толстяк.

— Лучше проглоти, — посоветовал он, — тебе предстоит пять паршивых дней.

Я проглотил капсулу. Не потому, что оценил совет, а потому, что одна рука зажала мне нос, а другая впихнула мне капсулу в рот, когда я глотнул воздуха. Чтобы запить капсулу, Толстяк предложил чашку воды, от которой я не отказался, — вода пришлось в самый раз.

Тощий всадил мне в плечо шприц такого размера, которым можно было усыпить лошадь. Я объяснил ему,

что я о нем думаю, употребляя при этом выражения, обычно не входящие в мой лексикон. Тощий, должно быть, на секунду оглох, а Толстяк только хмыкнул. Я перевел взгляд на него.

— И ты тоже, — добавил я тихо.

Толстяк укоризненно щелкнул языком.

— Сказал бы спасибо, что жизнь тебе спасли, — заявил он. — Хотя, конечно, и не по своему желанию. Кому нужна такая жалкая парочка! Но Он велел.

— Заткнись, — сказал Тощий. — Привяжи ему голову.

— Да черт с ним, пусть ломает шею. Давай лучше о себе позаботимся. Он ждать не станет. — Но тем не менее Толстяк повиновался.

Тощий поглядел на часы.

— Четыре минуты.

Толстяк торопливо затянул ремень вокруг моего лба, затем они оба быстро проглотили по капсуле и сделали друг другу уколы. Я внимательно, как мог, следил за ними.

Я снова на борту корабля. То же свечение потолка, те же стены. Они поместили меня в свою каюту — по стенам располагались их койки, а меня привязали к мягкому диванчику посередине.

Они торопливо забрались на койки и начали влезать в коконообразные оболочки, похожие на спальные мешки.

— Эй вы! Что вы сделали с Крошкой?

— Слыхал, Тим? Хороший вопрос, — фыркнул Толстяк.

— Заткнись.

— Ах ты... — Я уже собрался подробно высказать все, что я думаю о Толстяке, но голова моя пошла кругом, а язык прилип к небу. Я и слова не мог больше вымолвить. Внезапно навалилась страшная тяжесть, и диванчик подо мной превратился в кусок скалы.

Очень долго я был в каком-то тумане — и не спал, и не бодрствовал. Сначала я вообще ничего не чувствовал, кроме ужасной тяжести, а потом стало невыносимо больно и хотелось закричать.

Постепенно боль ушла, и я вообще ничего не чувствовал, даже собственного тела; потом начались кошмары: будто я превратился в персонаж дешевого комикса из тех, против которых принимают резолюции протеста

на всех собраниях ассоциации родителей и учителей, а неуспевающие ребята опережают меня на каждом шагу, как я ни стараюсь.

В моменты просветления я начинал понимать, что корабль несется куда-то с огромной скоростью и невероятными ускорениями. Я торжественно приходил к заключению, что полпути уже позади, и пытался вычислить, сколько будет вечность помножить на два. В ответе все время получалось восемьдесят пять центов плюс торговый налог, на кассовом счетчике появлялись слова «не продается», и все начиналось заново.

Толстяк развязал ремень на моей голове. Ремень так впился в лоб, что отодрался с куском кожи.

— Вставай веселей, приятель. Не трать времени.

Сил у меня хватило лишь на стон. Тощий продолжал снимать с меня ремни. Ноги мои обмякли, и их пронзила боль.

— Вставай, говорят тебе!

Я попытался встать, но ничего не вышло. Тощий вцепился мне в ногу и принялся ее массировать. Я завопил.

— А ну, дай-ка мне, — сказал Толстяк. — Я ведь был когда-то тренером.

Толстяк действительно кое-что умел. Я вскрикнул, когда его крепкие пальцы впились мне в ляжки, и он остановился.

— Что, слишком сильно?

Я даже ответить не смог. Он продолжал массаж и сказал почти дружеским тоном:

— Да, пять дней при восьми «g» — не увеселительная прогулка. Но ничего, переживешь. Тим, давай шприц.

Тощий всадил мне шприц в левое бедро. Укола я почти не почувствовал. Толстяк рывком заставил меня сесть и сунул в руки чашку. Мне казалось, что там вода, я сделал глоток, задохнулся и все расплескал. Толстяк налил мне еще.

— Пей.

Я выпил.

— А теперь вставай. Каникулы окончились.

Пол подо мной заходил ходуном, и мне пришлось вцепиться в Толстяка, чтобы удержаться на ногах.

— Где мы? — спросил я хрипло.

Толстяк усмехнулся, как будто готовился угостить меня первосортной шуткой.

— На Плутоне, естественно. Чудесные места! Летний курорт, правда, далековато.

— Заткнись. Заставь его идти.

— Шевелись, парень. Не заставляй Его ждать.

Плутон! Невозможно! Никто ведь не забирался еще так далеко! Да что там Плутон, никто еще и на спутники Юпитера летать не пытался. А Плутон намного дальше их... Нет, голова у меня совсем не работала. Только что пережитые события задали мне такую встряску, что я уже не мог верить даже очевидному. Но Плутон!!!

Времени на изумление мне не дали, пришлось быстро облачаться в скафандр. Я так был рад снова увидеть «Оскара», что забыл обо всем остальном.

— Одевайся, живо, — рявкнул Толстяк.

— Хорошо, хорошо, — ответил я почти радостно и осекся. — Слушай, но ведь у меня весь воздух вышел.

— Протри глаза, — последовал ответ.

Я присмотрелся и увидел в заплечном мешке заряженные баллоны. Смесь гелия с кислородом.

— Хотя, надо сказать, — продолжал Толстяк, — это Он приказал, а я бы тебе дал понюхать кое-что другое. Ты ведь у нас увел два баллона, молоток, моток веревки, который на Земле обошелся в четыре девяносто пять. Когда-нибудь, — заявил он без всякого оживления, — я тебе за это шуру спущу.

— Заткнись, — сказал Тощий. — Пошли.

Я влез в «Оскара», включил индикатор цвета крови и застегнул перчатки. Потом натянул шлем и сразу почувствовал себя намного лучше лишь оттого, что был в скафандре.

— Порядок?

— Порядок, — согласился «Оскар».

— Далеко мы забрались от дома.

— Зато у нас есть воздух! Выше голову, дружище!

Все функционировало нормально. Нож с пояса, разумеется, исчез, исчезли и молоток с веревкой. Но это мелочи, главное, что не была нарушена герметичность.

Тощий шел впереди меня, Толстяк — сзади. В коридоре мы миновали Червелицего, и хотя меня и передернуло, но на мне был «Оскар» и мне казалось, что Червелицему меня не достать. Еще кто-то присоединился к нам во входном шлюзе, и я не сразу понял, что это Червелицкий, одетый в скафандр. Он походил в нем на засохшее дерево с голыми ветвями и тяжелыми корнями, однако его скафандр имел превосходный шлем из гладкого стекловидного материала. Шлем напоминал зеркальное стекло, за ним ничего не было видно. В этом наряде Червелицкий выглядел скорее смешно, чем страшно. Но я все равно старался держаться от него подальше. Давление падало, и я старательно расходовал воздух, чтобы скафандр не раздулся. Это напомнило мне о том, что интересовало меня больше всего: где Крошка и Мэмми? Я включил радио и сказал:

— Проверка связи. Альфа, браво, кока...

— Заткнись, когда будешь нужен, тебя позовут.

Открылась наружная дверь, и перед моими глазами предстал Плутон.

Я даже не знал, чего ожидать. Плутон так далеко от нас, что и с Лунной обсерватории еще не удавалось сделать хороших его снимков. Вспомнив статьи в «Сайентифик Америкен» и рисунки, выполненные «под фотографии», я предположил, что попал на Плутон в начале здешнего лета, если «летом» можно считать время года, достаточно теплое, чтобы начал оттаивать замерзший воздух. Я это припомнил потому, что те статьи утверждали, что по мере приближения Плутона к Солнцу у него появляются признаки атмосферы. Но Плутоном я никогда по-настоящему не интересовался, слишком мало о нем известно, и слишком много сочиняется домыслов по его поводу; находится он очень далеко, а планета, прямо скажем, не дачная. Луна по сравнению с ней просто курорт.

Солнце стояло прямо передо мной, и я не узнал его сначала, оно казалось размером не больше, чем Венера или Юпитер с Земли, хотя и намного ярче. Толстяк толкнул меня под ребра.

— Очнись и топай.

Люк соединялся мостиком с навесной дорогой, проложенной на металлических опорах, напоминающих

паучьи лапы размером от двух футов до двенадцати в зависимости от рельефа местности. Дорога вела к подножию гор футов в двухстах от нас. Земля была покрыта снегом, ослепительно-белым, даже под этим дальним Солнцем.

В месте, где дорога поддерживалась самыми высокими опорами, был виден переброшенный через ручей виадук.

Что здесь за вода? Метан? А снег? Твердый аммиак? Под рукой не было таблиц, по которым можно определить, какие вещества принимают такую форму: твердую, жидкую или газообразную — при этом чудовищном холоде «летом» на Плутоне. Я знал только, что зимой здесь так холодно, что не остается ни газов, ни жидкостей, — один лишь вакуум, как на Луне.

Пожалуй, хорошо, что мы спешили. С левой стороны дул сильный ветер и замерзал левый бок, несмотря на все усилия отопительной системы «Оскара», а идти становилось опасно для жизни, в любой момент могло унести неизвестно куда. Я решил, что наш вынужденный марш-бросок по Луне был не намного безопаснее, чем падение в этот «снег». Интересно, разобьется ли человек о него сразу или сможет еще бороться после того, как скафандр замерзнет и разлетится в клочья?

Помимо ветра и отсутствия ограждения опасность представляли собой еще и снующие взад-вперед червелицы в скафандрах. Бежали они в два раза быстрее нас, а дорогу уступали так же охотно, как собака уступает кость. Даже Тоший выделявал кренделя ногами, я же три раза чуть не свалился.

Дорога перешла в туннель, футов через десять ее перекрывала панель, которая при нашем приближении отъехала в сторону. Двадцатью футами ниже мы увидели еще одну, она тоже отошла в сторону, а потом закрылась. Таких дверей нам встретилось на пути около двух десятков, они были устроены по принципу быстро закрывающихся клапанов, и давление после каждой из них несколько возрастало. Что их приводило в действие, я не видел, хотя туннель освещался мерцающим светом. Наконец мы прошли через воздушный шлюз, двери которого оставались открытыми благодаря действию давления, и очутились в огромном помещении, где нас

ждал Червелицкий. Тот самый, решил я, потому что он заговорил по-английски:

— За мной! — услышал я сквозь шлем. Но определить точно, тот это был червелицкий или не тот, я не мог, потому что их вокруг стояло много. А мне легче было бы отличить одного кабана-бородавочника от другого, чем их друг от друга.

Червелицкий спешил. Скафандра не нем не было, и я испытал облегчение, когда он отвернулся. Так я не видел его жуткого рта. Но облегчение было весьма относительным, поскольку теперь я созерцал его третий глаз.

Поспевать за ним оказалось нелегко. Он провел нас по коридору, затем сквозь еще одни массивные двойные открытые двери и наконец внезапно остановился перед отверстием в полу, смахивающим на канализационный люк.

— Раздеть! — приказал он.

Толстяк и Тощий скинули шлемы, так что я понял, что этим воздухом можно дышать, но я совсем не хотел вылезать из «Оскара», коль скоро рядом находился Червелицкий. Толстяк отстегнул мой шлем.

— Скидывай эту шкуру, малый, да поживей!

Тощий расстегнул мой пояс, и они быстро содрали с меня скафандр, невзирая на сопротивление. Червелицкий ждал. Как только меня вытащили из «Оскара», он показал на отверстие.

— Вниз!

Меня передернуло, дыра казалась глубокой, как колодец, но еще менее привлекательной.

— Вниз! — повторил он. — Быстро!

— Выполняй, голуба, — посоветовал Толстяк. — Прыгай, а то столкнем. Лучше лезь сам, пока Он не рассердился.

Я рванулся в сторону. Но в ту же секунду Червелицкий схватил меня и потянул обратно. Я подался назад, и очень вовремя, чтобы успеть превратить падение в неуклюжий прыжок.

До дна оказалось далеко, но падать было не так больно, как на Земле, хотя лодыжку я подвернул. Значения это не имело, я никуда не собирался, поскольку дырка в потолке была единственным выходом отсюда.

Я очутился в камере площадью около двадцати квадратных футов, вырубленной в твердой скале, хотя определить точно было трудно — стены и потолок затягивал тот же материал, что и в каюте корабля. Полпотолка закрывала осветительная панель. Вполне можно читать, если бы были книги. Единственная деталь, разнообразящая обстановку, — струйка воды, вытекающая из отверстия в стене в углубление размером с ванну и сливающаяся неизвестно куда.

В камере было тепло, что мне понравилось, поскольку здесь не нашлось ничего, напоминающего кровать или постель, а вывод, что придется провести здесь довольно много времени, напрашивался сам собой; меня, естественно, интересовали проблемы пищи и сна.

Всеми этими похождениями я был сыт по горло. Заниматься бы мне своими собственными делами в Сентервилле, а тут принесло этого Червелицега. Усевшись на пол, я стал обдумывать самые мучительные способы его уничтожения.

Наконец я бросил заниматься чепухой и снова подумал о Крошке и Мэмми. Где они? Не лежат ли их трупы между горами и станцией Томба? Мне пришла невеселая мысль о том, что бедной Крошке было бы лучше вовсе не очнуться от второго обморока. О судьбе Мэмми я мог лишь догадываться, поскольку мало что вообще знал о ней, но в смерти Крошки уже не сомневался. Что ж, есть определенная закономерность в том, что я сюда попал, — рано или поздно странствующему рыцарю суждено угодить в темницу. Но, по всем правилам, прелестная дева должна быть заключена в башне того же замка. Прости меня, Крошка, я не рыцарь, а всего лишь подручный аптекаря — клистирная трубка. «Но чистота его сердца удесятеряет его силы!» Не смешно.

Потом мне надоело заниматься самобичеванием, и я решил узнать, который час, хотя значения это никакого не имело. Но, согласно традиции, узник обязан делать отметки на стенах и считать проведенные в темнице дни. Однако мои наручные часы не шли, и завести я их не мог. Пожалуй, восемь «g» оказались для них слишком сильной нагрузкой, хотя они преподносятся как противоударные, водонепроницаемые, антимагнитные и стойкие к антиамериканским настроениям.

Немного спустя я лег и уснул.

Разбудил меня грохот. Это свалилась на пол консервная банка. При падении она не разбилась, на ней оказался ключ, и я быстренько ее вскрыл. Солонина, и очень недурная. Пустую банку я приспособил под чашку — вода могла быть отравлена, но другой все равно не было, и я отмыл ее как следует от жира.

Вода оказалась теплой, я умылся. Сомневаюсь, чтобы за последние двадцать лет кто-нибудь из моих соотечественников нуждался в ванной больше, чем я сейчас. Затем я постирал одежду. Мои рубашка, трусы и носки были сделаны из быстросохнущей синтетики, а джинсы сохли дольше, но меня это не беспокоило. А вот знай я, что попаду на Плутон, то обязательно захватил бы с собой хоть один из двухсот кусков мыла «скайвей», сложенных на полу у нас в чулане.

Стирка надоумила меня произвести инвентаризацию наличного имущества. В карманах у меня имелись: носовой платок, шестьдесят семь центов мелочи, долларовая купюра, настолько затасканная и пропитанная потом, что даже портрет Вашингтона стал почти неразличим, автоматический карандаш с рекламной надписью «Лучшие молочные коктейли — в ресторане Джея для автомобилистов» (вранье, конечно, — лучшие коктейли в городе делал я), а также список продуктов, которые мама просила меня купить у бакалейщика и которые я не купил из-за idiotского кондиционера в аптеке. Список был не таким затасканным, как доллар, потому что лежал в нагрудном карманчике рубашки.

Я разложил все вещи в ряд и осмотрел их. Сомнительно, чтобы из них удалось сделать чудесное оружие, с помощью которого я сумею выбраться отсюда, захватить корабль, научиться им управлять и, победоносно вернувшись домой, предупредить Президента об опасности, спасти страну.

Я разложил вещи по-другому. Но даже от этого они не стали похожи на детали чудо-оружия. Просто потому, что они ими не были.

Разбуженный кошмарами, я вдруг отчетливо вспомнил, где я нахожусь, и мне захотелось обратно в кошмарный сон. Я лежал, жалея самого себя, и вскоре

слезы ручьем хлынули на мой дрожащий подбородок. Я никогда не ставил самоцелью «не быть плаксой», отец не раз говорил мне, что в слезах ничего дурного нет, просто на людях плакать не принято, хотя у некоторых народов плач считается общественно полезным делом. Однако у нас в школе было позором прослыть плаксой, так что я отучился плакать уже давно. К тому же слезы изматывают, но ничего не меняют. Поэтому я закрыл крышки и взялся за оценку обстановки.

Планы у меня возникли следующие:

1. Выбраться из этой ямы.
2. Найти «Оскара» и взлезть в него.
3. Выбраться наружу, украсть корабль и отправиться домой.

4. Придумать оружие или способ, как отбиться от червелицых или отвлечь их внимание, пока я буду убегать и искать их корабль. Это как раз дело легкое. Любой супермен, обладающий даром телепортации и стандартным набором парапсихологических чудес, справится запросто. Не забыть бы только составить абсолютно надежный план операции и оплатить страховой полис.

5. Самое главное: прежде чем сказать «прости» романтическим берегам экзотического Плутона и его гостеприимным красочным туземцам, необходимо удостовериться, что ни Крошки, ни Мэмми здесь нет, а если они здесь, то забрать их с собой, ибо лучше быть мертвым героем, чем живым предателем. Смерть, конечно, дело пакостное и неприятное, но ведь и гниде придется когда-то умирать, как ни пытайся она остаться в живых, а до этого дня придется жить, постоянно объясняя, почему поступил тогда так, а не иначе. Строить из себя героя, разумеется, занятие малопривлекательное, но альтернатива этому выглядит гораздо хуже.

И совсем не в том дело, что Крошка умеет управлять кораблем, а Мэмми в состоянии меня этому научить. Доказать это невозможно, но сам для себя знаю твердо, что иначе не могу.

Примечание: итак, я научусь пилотировать корабль, но выдержу ли я полет при восьми «g»? Я же помню, каково мне пришлось. Автопилот? А есть ли на нем указатели по-английски? Брось дуришь, Клиффорд!

Дополнительное примечание: сколько времени займет путь домой при одном «g»? Весь остаток века? Или всего лишь достаточный срок, чтобы умереть с голоду?

6. Трудотерапия. Я должен что-то придумать, чтобы занять себя в промежутках отдыха между раздумьями над предыдущими пунктами плана. Это необходимо, чтобы сохранять форму и держать себя в руках. О'Генри в тюрьме писал рассказы, Святой Павел создал самые сильные свои произведения во время римского заключения. Что же, в следующий раз захвачу с собой пачку бумаги и машинку. А сейчас придется удовлетвориться математическими головоломками и шахматными задачами. Годится все что угодно, лишь бы не начать себя жалеть.

Итак, за работу. Пункт первый: выбраться из этой ямы. Как? Ширина камеры футов двадцать, до потолка футов двенадцать. Стенки гладкие, как щечки младенца, и непроницаемые, как сборщик налогов. Что еще? Отверстие в потолке, струйка воды и выемка, в которую она стекает. Я подпрыгнул и достал до потолка. Отсюда вывод, что сила тяжести здесь составляет 0,5 «g». Определить это раньше я никак не мог потому, что до Плутона испытывал притяжение в одну шестую нормального, а потом бесконечно долго летел при восьми «g», так что мои рефлексy уже все перепутали.

Но хотя потолок я и мог достать, но был не в состоянии ни лезть по нему, ни летать под ним. Можно, конечно, разодрать одежду и свить веревку. Но обо что ее зацепить? Насколько я помню, пол наверху вокруг отверстия абсолютно гладкий. Но если даже я за что-нибудь зацеплюсь? Что дальше? Бегать вокруг в чем мать родила, пока не нарвусь на Червелицего и тот не загонит меня обратно в яму, на этот раз голого? Я решил отложить трюк с веревкой до тех пор, пока не разработаю способ загнать Червелицего и все его племя в тупик.

Вздыхнув, я снова огляделся вокруг. Что остается? Струйка воды и маленький бассейн под ней.

Есть такая история о двух лягушках, угодивших в чан со сметаной. Одна, поняв всю безнадежность положения, задрала лапки вверх и утонула. А вторая по глупости своей все никак не могла понять, что это конец, и все зная барахталась, пытаясь выбраться. Несколько часов спустя она сбила такой огромный кусок масла, что

держалась на нем, как на острове, пока не пришла молочница и не выбросила ее вон.

Вода с одной стороны лилась в тазик, а с другой — куда-то выливалась. А что, если она не будет выливаться? Так, а удержусь ли я на поверхности, пока вода заполнит комнату и дойдет до отверстия в потолке? Что ж, это можно вычислить. У меня ведь есть консервная банка.

С виду она была объемом с пинту, а пинта — она и в Африке весит фунт, кубический фунт воды весит (на Земле) чуть больше шестидесяти фунтов. Но мне надо знать точно. Размер моей ступни — одиннадцать дюймов. Двумя монетками я отметил одиннадцать дюймов на полу. Оказывается, что ширина долларовой купюры составляет 2,5 дюйма. В скором времени я довольно точно определил размеры комнаты и емкость банки.

Наполнив банку под струей, я быстрым движением опорожнил ее, считая при этом секунды. В конце концов я вычислил, сколько понадобится времени, чтобы заполнить всю комнату водой. Ответ мне так не понравился, что я пересчитал все еще раз.

Четырнадцать часов! Сумею ли я продержаться так долго на плаву? Сумею, черт побери, если нужно! Человек может держаться на плаву сколько угодно, если не запаникует.

Скомкав джинсы, я сунул их в сливное отверстие и чуть не упустил вместе с водой. Поэтому я обмотал их вокруг банки и заткнул слив этим узлом. На этот раз он плотно застрял в отверстии, и я забил оставшиеся щели другой одеждой. А потом принялся ждать, самодовольно усмехаясь. Возможно, потоп заодно отвлечет их внимание и поможет мне бежать. Вода поднялась на дюйм выше пояса и... перестала литься.

Следовало мне знать, что существа, способные создавать такие корабли, безусловно, способны создать безопасную систему водоснабжения, которая не зальет им квартиру.

Я вытащил обратно свою одежду, все, кроме одного носка, и разложил сушиться. В эту историю о лягушках я, в общем-то, никогда и не верил.

Сверху сбросили еще одну консервную банку — ростбиф с картошкой. Сытно, конечно, но я уже заскучал по персикам. На банке оттиснуто: «Для продажи на Луне по сниженным ценам», так что весьма вероятно, что Толстяк и Тощий приобрели ее честным путем. Интересно, как им нравится со мной делиться? Без сомнения, они пошли на это только по приказу Червелицего. Но отсюда возникает вопрос, зачем я ему понадобился живой? То есть, конечно, я всецело поддерживал такое решение, но причины его не понимал.

Я решил вести по банкам календарь, считая каждую из них за день.

Потом я снова начал думать о червелицах, и меня осенило: ближайшая к нам звезда — Проксима Центавра. Черт возьми, эти чудовища владеют искусством межзвездных полетов!

Я и сам не знаю, почему так удивился. Давно бы уже следовало понять, что к чему. Я решил сначала, что Червелицкий доставил меня на свою родную планету, что он плутонец или плутократ, Бог их знает, как они называются. Но мое предположение было заведомо неверным.

Он дышал воздухом. Температура его корабля вполне подходила мне. Когда он путешествовал не спеша, корабль шел при одном «g». Он пользовался освещением, пригодным для моих глаз. Следовательно, его родная планета должна походить на мою.

Проксима Центавра — двойная звезда, и одна из них — близнец нашего Солнца: те же размеры, та же температура, те же характеристики. Нетрудно предположить, что она может иметь и планету, похожую на Землю. Кажется, я установил домашний адрес Червелицего.

И я мог сказать точно, откуда он не был родом. Уж, наверное, не с планеты, совсем не имеющей атмосферы, где температура достигает абсолютного нуля, вслед за чем наступает «лето», когда оттаивают некоторые газы, но вода остается тверже камня и даже Червелицему приходится носить скафандр. И ни с какой другой планеты нашей системы, потому что ясно как божий день, что Червелицкий чувствует себя как дома только на планете земного типа. И неважно, как он выглядит: пауки тоже на нас мало похожи, но любят они то же

самое, что и мы. В наших жилищах на каждого из нас приходится тысяч по десять пауков.

Червелицему и К° понравилась Земля. Боюсь, понравилась слишком сильно. Но что же нужно ему на Плутоне?

Однако с чего начинается вторжение в чужую солнечную систему? Я не шучу: моя темница на Плутоне не шутка, а смеяться над Червелицым у меня как-то нет желания. Итак, с чего бы вы начали? Прямо ворвались бы без подготовки или закидали бы всех шапками? Они, кажется, намного опередили нас в техническом развитии, но вряд ли могли знать об этом заранее. И не разумней ли сначала создать опорную базу в недостижимом для нас районе Солнечной системы?

Тогда можно оборудовать и передовую базу на, скажем, безатмосферном спутнике приглянувшейся вам планеты, с которой и будет вестись разведка главной цели. В случае утраты разведывательной базы можно просто отойти на основной плацдарм и разработать новое наступление.

Отметьте также и то, что, хотя от нас Плутон невероятно далек, Червелицему до него с Луны всего пять дней лета. Вспомните вторую мировую войну: главная база надежно удалена от театра военных действий (США — Плутон), но до передовой базы (Англия — Луна) от нее всего лишь пять дней пути, а ее от театра военных действий (Германия — Земля) отделяют всего три часа. Медленно, конечно, но для союзников во время войны оказалось весьма практично.

Оставалось только надеяться, что подобный путь будет менее удобным для банды Червелицега. Хотя возможности помешать его успеху я не видел.

Кто-то сбросил мне еще одну банку: спагетти с мясными тефтелями. Будь это консервированные персики, у меня не хватило бы духу на то, что я сделал: прежде чем открыть банку, я использовал ее вместо молотка. Я сплющил ее уже опорожненную консервную банку и, как мог, сбил ее край в острие, которое заточил о край бассейна. Теперь у меня был кинжал — не очень хороший, но благодаря ему я почувствовал себя менее беспомощным.

Затем я поел. После еды меня разморило. Я все еще оставался пленником, но имел теперь какое-никакое оружие и вроде бы определил, с кем имею дело. Изучить проблему — значит на две трети ее решить. На этот раз кошмары меня во сне не мучили.

В следующий раз вместо банки мне на голову скинули Толстяка. Секундой позже за ним приземлился Тощий. Отпрянув к стене, я вытащил «кинжал». Не обращая на меня внимания, Тощий встал, подошел к воде и начал пить. Толстяка можно было не опасаться — он потерял сознание. Я смотрел на него и вспоминал, какая он дрянь. Но потом подумал, он же мне делал массаж, когда мне было плохо, и начал делать ему искусственное дыхание. Минуту спустя Толстяк задышал сам и выдавил:

— Хватит!

Я снова отпрянул к стене, держа кинжал наготове. Тощий сидел у стены напротив, не обращая на нас внимания. Толстяк окинул взглядом мое жалкое оружие и сказал:

— Убери эту штуковину, малый. Мы с тобой теперь лучшие друзья.

— Ну да?

— Нам, людям, лучше держаться заодно. — Он уныло вздохнул. — И это называется благодарность! После всего, что мы для него сделали!

— О чем ты? — спросил я.

— О чем? Да все о том же. Он решил, что обойдется без нас. Вот мы и сменили квартиру.

— Заткнись, — буркнул Тощий без всякого выражения.

Толстяк скривил лицо.

— Сам заткнись, — ответил он злобно. — Мне это надоело. Все «заткнись» да «заткнись», а чем все кончилось?

— Заткнись, тебе говорят.

Толстый заткнулся. Я так никогда и не узнал толком, что же произошло, потому что Толстяк каждый раз все рассказывал по-другому, а от Тощего вообще не было слышно ничего, кроме однообразных советов заткнуться.

ся. Но одно было ясно: они потеряли свою должность то ли подручных гангстеров, то ли членов пятой колонны, то ли как еще можно назвать людей, служащих врагам своего племени. Как-то Толстяк сказал:

— А ведь все из-за тебя.

— Из-за меня? — Я положил руку на сделанный из жестижки нож.

— Ага. Не вмешайся ты, он, может, не разозлился бы так.

— Но я же ничего не сделал.

— Это по-твоему. Ты всего лишь увел из-под его носа двух ценнейших пленников и сорвал все его планы, когда Он спешил со стартом сюда.

— Да, но вы не виноваты.

— Я ему так и сказал. Но поди объясни Ему! Да брось ты хвататься за свою пилку для ногтей, я же говорю, кто старое помянет...

И наконец я узнал то, что интересовало меня больше всего. Когда я в пятый раз заговорил о Крошке, Толстяк спросил:

— А какое тебе до нее дело?

— Да просто хочу знать, жива ли она.

— Жива, конечно. По крайней мере, была жива, когда я ее в последний раз видел.

— Это когда было?

— Больно ты любопытный. Здесь я ее видел.

— Так она здесь? — с надеждой переспросил я.

— О чем и толкую. Шляется где попало и все время под ногами путается. Живет, надо сказать, как принцесса, — Толстяк поковырял в зубах и нахмурился. — Никак не пойму, почему Он ее обхаживает, а на нас наплевал. Неправильно это!

Мне это тоже показалось странным, но по другим причинам. Трудно было представить себе отважную Крошку любимицей Червелицего. Либо здесь какой-то секрет, либо Толстяк врет.

— Так она не под замком?

— А что толку ее запирасть? Куда она отсюда денется?

Я подумал над этим. Действительно, куда? Шаг наружу означает самоубийство. Даже будь у Крошки ска-

фандр, а уж он-то наверняка заперт, даже окажись под рукой корабль без экипажа, в который она сумеет забраться, корабельного «мозга», маленького приспособления, служащего ключом к системе управления кораблем, ей все равно не найти.

— А что стало с Мэмми?

— С кем, с кем?

— Ну, — я запнулся, — ну, с тем инопланетным существом, которое я нес в скафандре. Ты должен помнить, оно же было там, когда вы нас нашли. Что с ним? Оно живо?

— Эти насекомые меня не интересуют, — хмуро отрезал Толстяк, и больше мне ничего вытянуть из него не удалось.

Но теперь я знаю, что Крошка жива, и из горла наконец исчез комок. Она здесь! Я стал обдумывать возможность подать ей весточку.

Намеки Толстяка на то, что она подружилась с Червелицым, нисколько меня не беспокоили.

Верно, что Крошка вела себя непредсказуемо, а иногда и просто ужасно, доводя меня до белого каления, — глупо, высокомерно и просто по-детски. Но она скорее сгорит на костре, чем предаст. У Жанны д'Арк не было такой силы духа, как у нее.

В камере установилось натянутое перемирие. Я держался в сторонке, спал вполглаза и старался не засыпать, прежде чем не захрапят они. Кинжал я всегда держал под рукой, со времени их появления в камере я не мылся, чтобы не подставиться под удар. Тощий просто не обращал на меня внимания. Толстяк вел себя почти по-дружески и всячески показывал, что не боится жалкого оружия, хотя, по-моему, только притворялся. Во всяком случае, мне так показалось во время конфликта, возникшего во время кормежки.

Сверху сбросили три банки. Одну подобрал Тощий, вторую — Толстяк. Когда я осторожно, кругами, приблизился, чтобы взять третью, он схватил и ее.

— Отдай ее мне, пожалуйста, — сказал я.

— С чего ты взял, что она твоя, сынок? — усмехнулся Толстяк.

— Три банки, трое людей.

— И что с того? У меня сегодня аппетит, видишь ли, разыгрался, так что вряд ли я смогу с тобой поделиться.

— У меня тоже. Так что не валяй дурака.

— Ммм... — казалось, он обдумывает мои слова. — Знаешь что? Пожалуй, я тебе ее продам.

Я заколебался. До какой-то степени его позиция казалась логичной. В самом деле, не мог же Червелицкий зайти в магазин Лунной базы и купить консервы; по всей вероятности, Толстяк и его партнер покупали их на свои. И почему бы мне не подписать долговое обязательство хоть на сотню, а то и на тысячу долларов за банку? Деньги больше ничего не значат, а его это убавит.

Нет! Поддайся я сейчас, лишь бы только получить свой паек, и он сядет мне на шею. И кончится это тем, что я стану прислуживать ему и вилять хвостом, лишь бы поесть.

Я показал ему свой жестяной кинжал.

— Будем драться.

Кинув взгляд на мою руку, Толстяк улыбнулся во весь рот.

— Ну что ты, сынок, шуток не понимаешь? — И бросил мне банку. Больше споров по поводу еды не возникало.

Жили мы как «счастливая семья», которую любят показывать в бродячих зоопарках: лев в одной клетке с ягненком. Зрелище впечатляющее, только вот ягненка приходится все время заменять.

Толстяк любил поговорить, и я многое узнал от него, хотя с трудом был способен отличить правду от вымысла. Звали его Жак де Барр де Виньи («Зови меня Джок»), а Тощего — Тимоти Джонсон. Однако сдавалось мне, что их настоящие имена можно узнать, только тщательно изучив полицейские объявления о розыске преступников. Джок всячески пытался показать, что знает все и вся, но вскоре я пришел к выводу, что ему ничего не известно ни о происхождении червелицких, ни о их дальнейших планах. Червелицкий вряд ли стал бы вступать в беседы с «существами низшего порядка», он просто ездил на них, как мы на лошадях.

Очень охотно Джок рассказал мне следующее:

— Да, девчонку заманили мы. Урана на Луне и в помине нет, все эти басни о нем на сопляков рассчитаны,

чтобы завлечь их туда. Так что времени мы впустую потратили изрядно, а есть-то человеку надо?

Я ничего не ответил, чтобы не перебить поток информации. Однако Тим буркнул:

— Заткнись.

— Да брось ты, Тим! Ты что, ФБР испугался? Думаешь, легавые тебя даже здесь достанут?

— Заткнись, говорят тебе.

— Сам заткнись. А мне поболтать охота. Дело было плевое, — продолжал Джок, — эта малышка любопытна, как семь кошек. А Он знал, что она прилетит на Луну, и знал, когда, — Джок задумался. — Он всегда все знает, на него очень много людей работает, и некоторые из них — большие шишки. Так что мне всего-то пришлось пошататься по Лунному городку и с ней познакомиться, потому что наш Тим никак не сошел бы за доброго дядю. Разговорился я с ней, угостил кока-колой, наплел всякого такого о романтике лунной геологии. Потом вздохнул и пожалел, что не могу показать ей наш с партнером шурф.

Тут-то она и клюнула. Когда ее тургруппа посещала станцию Томба, она удрала через шлюз — она сама это придумала. Хитрюга, скажу я тебе! А нам только и оставалось, что подождать ее в условленном месте, даже руки скручивать не пришлось, пока она не забеспокоилась, что едем мы к нашей шахте намного дольше, чем предполагалось. — Джок усмехнулся. — Для своего веса дерется она здорово, изрядно меня поцарапала.

Да, на Крошку это похоже — уверенная в себе, не боясь никого, она не могла пройти мимо каких бы то ни было новых «познавательных» впечатлений.

— Но Ему вовсе не эта сопля была нужна, — продолжал Джок. — Он хотел заполучить ее отца. Задумал план заманить его на Луну, но ничего не вышло. — Джок кисло усмехнулся. — Туту нам приходилось, когда у Него не получалось так, как Он хотел. Но пришлось Ему удовлетвориться девчонкой. Это Тим Ему подсказал, что ею можно воспользоваться как заложницей.

Тим выдавил пару слов, в которых выразил свое отношение к этой истории. Джок поднял брови.

— Нет, ты послушай только! Ну и манеры!

Мне, наверное, следовало промолчать, поскольку я добивался фактов, а не рассуждений, но я страдаю тем

же недостатком, что и Крошка: если я чего не понимаю, то чувствую непреодолимый зуд добраться до сути. Я не мог и до сих пор не могу понять, что двигало Джоком.

— Зачем ты это сделал, Джок?

— Что?

— Послушай, ведь ты же человек. И, как ты сам выразился, мы, люди, должны держаться заодно. Как же ты мог заманить для Него в ловушку маленькую девочку?

— Ты что, парень, псих?

— Думаю, что нет.

— А говоришь, как псих. Попробуй-ка Ему воспротивиться, и я на тебя погляжу.

Я понял, о чем он: возражать Червелицему — все равно что кролику плюнуть в глаз удаву.

А Джок продолжал:

— Ты должен понять чужую точку зрения. Я всегда говорил: «живи и давай жить другим». Он нас схватил, когда мы искали минералы, и после этого выбора у нас уже не было. Это все равно что упираться против властей — шансов никаких. Так что мы пошли на сделку: мы на Него работаем, а Он нам платит ураном.

Слабый намек на сочувствие, который у меня к нему появился было, немедленно испарился. Меня чуть не стошнило.

— И вам платили?

— Ну, скажем, записывали нам на счет.

— Неважную вы заключили сделку, — сказал я, обводя взглядом камеру.

— Может быть, может быть, — скорчил физиономию Джок. — Но, малый, будь благоразумен! С неизбежным всегда приходится мириться. Эти ребята захватят Землю — у них все для этого есть. Сам ведь видел. А человек, он должен понимать, откуда ветер дует. Меня, знаешь, одна история много чему научила, когда я еще был в твоём возрасте. Жили мы себе в своём городке тихо, жили не тужили, но хозяин у нас стал староват и начал отпускать вожжи... ну, тут-то ребята из Сент-Луиса и стали прибирать нашу территорию к рукам. Такая пошла заварушка, ничего не поймешь. Человеку, понимаешь, надо знать, какой стороны держаться, чтобы не проснуться в деревянном гробу. Ну, те, которые быстро

смекнули, что к чему, приспособились, а остальные... нечего плыть против течения. Без толку это все, ясно?

Понять его логику было нетрудно, особенно с точки зрения «живой гниды». Но от самого главного он увильнул.

— И все же, Джок, как же ты мог поступить так с маленькой девочкой?

— Да я же тебе битый час объясняю, что выхода не было.

— Нет, был. При всем при том, что отказаться, когда Он приказывает, просто невозможно, у тебя ведь была возможность бежать.

— Куда?

— Он же тебя послал за ней в Лунный город, ты сам говорил. И у тебя ведь был неиспользованный билет на Землю. Тебе всего-то было нужно затаиться и первым кораблем махнуть на Землю, а не заниматься его грязными делами.

— Но...

— Допускаю, — перебил я, — что ты не мог укрыться в лунной пустыне, допускаю, что ты не чувствовал бы себя в безопасности даже на станции Томба. Но у тебя был шанс удрасть, когда Он послал тебя в Лунный город. Ты должен был воспользоваться им, а не заманивать девочку в лапы пучеглазого чудовища.

Он выглядел обескураженным, но ответил живо:

— Ты нравишься мне, Кип! Ты хороший парень. Но глупый. Без понятия.

— Брось, я все понимаю!

— Нет, не понимаешь, — он наклонился ко мне, хотел положить мне руку на колено, но я отпрянул.

— Есть еще одно обстоятельство, — продолжал он, — о котором я тебе не сказал, боялся, что примешь меня за зомби или что-то в этом роде. Они нам операцию сделали.

— Какую операцию?

— Простую. Вставили нам в головы бомбы с дистанционным управлением, как на ракетах. Попробуй только послушаться, он нажмет кнопку — ба-бах! И мозги — по

стенкам. — Он провел рукой по шее. — Видишь шрам? Волосы уже отросли, но если приглядеться, шрам еще заметен, так навсегда и останется. Хочешь поглядеть?

Я уже было склонился посмотреть и вполне поверил бы — за последнее время пришлось поверить и в более невероятные вещи, — но Тим все поставил на место парой нецензурных слов.

Джок дернулся, потом взял себя в руки и сказал:

— Да не обращай ты на него внимания.

Я пожал плечами и отошел. Джок в тот день больше со мной не разговаривал, что меня вполне устраивало. На следующее «утро» я проснулся от того, что Джок тряс меня за плечо.

— Проснись, Кип, проснись!

Я наощупь потянулся за своим игрушечным кинжалом.

— Здесь он, у стены, — сказал Джок, — но только теперь он тебе не поможет.

Я схватил кинжал.

— Почему же? А где Тим?

— Ты что, никак не проснешься?

— Что?

— Все проспал, значит? Ничего не видел? Я тебя потому и разбудил, что мне страшно, поговорить с живой душой хочется.

— Что проспал? А Тим где?

Джок дрожал и весь покрылся испариной.

— Они парализовали нас голубым светом, вот что! И забрали Тима. — Его передернуло. — Хорошо, что его. Я ведь думал, ну, понимаешь, ты же заметил... я же толстый... а они любят жир.

— О чем ты? Что они с ним сделали?

— Бедный старина Тим. Были, конечно, и у него грешки, но у кого их нет? Из него, должно быть, уже суп сварили, вот что! — Его опять передернуло.

— Не верю. Ты просто пытаешься запугать меня.

— Не веришь? — Он смерил меня взглядом с головы до ног. — Тебя, наверное, следующим потащат. Если ты хоть что-нибудь соображаешь, сынок, возьми лучше свою пилку для ногтей и вскрый себе вены. Так будет лучше.

— А сам-то ты что же? — спросил я. — Хочешь, одолжу?

— У меня духу не хватит, — ответил Джок, дрожа.

Я не знаю, что стало с Тимом. И не знаю, ели ли червельицы людей или нет. Их даже «людоедами» не назовешь — может, мы для них все равно что скот. Но я даже не особенно испугался, потому что все мои предохранители страха давно уже полетели. Мне безразлично, что будет с моим телом, когда я погибну. Но у Джока подобные мысли вызывали безотчетный ужас. Не думаю, чтобы он был трусом, — трус вряд ли станет искать уран на Луне. Но он трясся от страха потому, что всерьез верил своим догадкам. Сбивчиво он дал понять, что оснований им верить у него больше, чем я мог предполагать. По его словам, он летал на Плутон и раньше, и остальные люди, которых доставили сюда кого добром, а кого силой, обратно на Луну не вернулись.

Когда настало время есть, нам сбросили две банки, но Джок сказал, что не испытывает аппетита, и предложил мне свою порцию. «Ночью» он все сидел и пытался бороться со сном.

Проснулся я как после кошмарного сна, в котором, бывает, не можешь шевельнуться. Но это был не сон — незадолго до пробуждения меня облучили синим светом.

Джок исчез.

Больше я никогда не видел ни того, ни другого.

Отчасти мне их даже не хватало, по крайней мере, — Джока. Стало, конечно, намного легче, не надо было все время быть начеку, и я мог позволить себе роскошь вымыться. Но очень надоело мерить в одиночестве клетку шагами.

Никаких иллюзий насчет этих двух бандитов я не испытывал. Наверное, нашлось бы сколько угодно человек, с которыми делить заключение было бы куда приятнее, чем с ними. Но, какие-никакие, они были люди. Тим казался холодным и опасным, как нож гильотины. Но у Джока сохранились какие-то туманные представления о зле и добре, иначе он не стал бы пытаться найти оправдание своим поступкам. Можно предположить, что у него просто не было силы воли.

Хотя я вовсе не считаю, что понять — значит простить; если встать на эту точку зрения, то дойдешь до того, что начнешь распускать слюни над судьбой убийц, насильников и похитителей детей, забывая об их жертвах. А это неверно. Жалость у меня может вызвать судьба Крошки и других, попавших в ее положение, но не судьба же тех преступников, чьими жертвами они стали. Мне не хватало болтовни Джока, но будь у меня возможность утопить их, как котят, сразу после рождения, я сделал бы, сделал это, не дрогнув. А о Тиме и говорить нечего. И если они попали в суп к вурдалакам, мне совсем их не жалко, даже если та же судьба завтра ожидает меня. Пожалуй, суп — это лучшее, на что они могут сгодиться.

Глава 8

Мои бесплодные размышления прервали взрывы: резкий щелчок, похожий на удар бича, громовой раскат, а затем — шипение, свидетельствующее о понижении давления.

— Что за черт? — вырвалось у меня. «Надеюсь, — подумал затем я, — что вахтенный знает свое дело, иначе — всем нам конец».

На Плутоне, насколько я знал, кислорода нет. Во всяком случае, так утверждали астрономы, а я не испытывал желания проверять их утверждения на своей шкуре. Уж не бомбят ли нас? Вот было бы здорово. Или это землетрясение?

Мысль о землетрясении — предположение отнюдь не праздное; статья «Сайентифик Америкен» о «лете» на Плутоне предсказывала «острые изостатические колебания» по мере повышения температуры. В переводе на нормальный человеческий язык эта «изящная» фраза означает: «Держись за шляпу, падает крыша!»

После того как я однажды пережил землетрясение в района Санта-Барбары, я на всю жизнь усвоил прописную истину, с которой калифорнийцы рождаются, а все остальные запоминают после первого потрясения: «Когда землю трясет, будь на улице!»

Но куда отсюда сбежишь? Минуты две я проверял, набралось ли у меня достаточно адреналина, чтобы прыгнуть на восемнадцать футов вместо двенадцати.

Оказалось, не набралось. Но я продолжал заниматься этим еще полчаса, потому что делать было нечего, кроме как грызть ногти.

И тут я услышал свое имя.

— Кип! Кип? Ты где?!

— Крошка, — завопил я. — Здесь! Я здесь!

Целую вечность — три секунды — стояла тишина.

— Кип?

— Да здесь я, внизу!

— Кип? Ты в яме?

— Да! Да! Ты что, не видишь? — Голова ее показалась в проеме потолка.

— Теперь я вижу. Ой, Кип, я так рада!

— А чего ревешь? Я тоже очень рад.

— Я не плачу, — всхлипывала она. — Кип... Кип...

— Можешь вытащить меня отсюда?

Она осмотрела отверстие и сказала:

— Не двигайся с места.

— Эй, не уходи! — Но она уже убежала.

Прошло две минуты, но мне они показались неделями. Наконец она вернулась с нейлоновой веревкой, умница!

— Лови! — крикнула Крошка.

— Погоди. Как она крепится?

— Я тебя вытащу.

— Нет, не вытащишь. Наоборот, мы с тобой застрянем в этой дыре. Найди, где ее можно закрепить.

— Я подниму тебя.

— Крепи веревку, тебе говорят! Живо!

Она снова исчезла, оставив конец веревки у меня в руках. Вскоре я услышал издалека:

— Готово!

— Проверка! — завопил я в ответ и повис на веревке всем телом. Она держала. — Лезу! — снова заорал я что было мочи и выскочил наверх.

Крошка бросилась ко мне, одной рукой обнимая меня за плечо, второй сжимая мадам Помпадур. Я стиснул ее в объятиях. Она стала еще меньше и тоньше, чем раньше.

— О, Кип, как было ужасно!

Я погладил ее по худенькой спинке.

— Знаю, знаю. Что будем делать? А где... — Я хотел спросить, где червелицы, но Крошка расплакалась.

— Кип, наверное, она погибла!

— Кто «она»? — спросил я, ничего не понимая, потому что в голове моей царил сумбур.

— Как кто? — изумилась Крошка. — Мэмми!

— Вот оно что. — Мне вдруг стало совсем грустно. — Ты точно знаешь? Она говорила со мной до последней минуты, но я же жив.

— Да о чем ты... Да нет, Кип, не тогда. Сейчас.

— Так она здесь?

— Конечно, а где же еще?

Вопрос, прямо скажем, глупый, если учитывать масштабы вселенной. Я уже давно решил, что Мэмми здесь нет, поскольку Джок ничего о ней не говорил. Мне казалось, что Джок либо сказал бы, что она здесь, либо придумал какую-нибудь вдохновенную ложь из чистого удовольствия соврать. Но коль скоро он не делал ни того ни другого, то просто не знал, кто она и где. Может, он вообще видел ее всего один раз, как и горб на моем скафандре. Я так был уверен в своей «логике», что до меня не сразу дошел очевидный факт.

— Крошка, — сказал я, задыхаясь, — у меня такое чувство, вроде я потерял собственную мать. Ты уверена, что она погибла?

— Надо говорить «как будто», а не «вроде», — машинально поправила меня Крошка. — Нет, не уверена, не знаю, но она там, снаружи.

— Подожди. Если она там, то должна быть в скафандре.

— С тех пор как нас схватили на Земле, скафандра у нее нет.

Я все меньше и меньше понимал Крошку.

— Как же они доставили ее сюда?

— Загерметизировали в камере и тащили. Что нам теперь делать, Кип?

На это у меня было несколько ответов, но все неправильные — я их уже обдумал во время заключения.

— Где Червелицкий? Где они все?

— Погибли, наверное.

— Надеюсь, ты права. — Я огляделся, ища какое-нибудь оружие. В жизни не видел более пустого помещения. Мой игрушечный кинжал лежал футях в восемнадцати от меня, но лезть за ним мне не хотелось. — А почему ты так считаешь?

Оказалось, что у Крошки были на то веские причины. Хотя с виду Мэмми казалась не способной разорвать даже газету, она недостаток силы восполняла качеством ума. Мэмми и сделала то, о чем я мечтал, — червелицых прихлопнула одним махом. Спешить она не могла, потому что требовалось сочетание многих обстоятельств и приходилось выжидать их благоприятного стечения. Прежде всего, нужно было дожждаться момента, когда здесь останется совсем мало червелицых. Мы действительно находились на гигантской опорно-перевалочной базе-космодроме, которая не нуждалась в большом количестве персонала. Необычная суэта, что я увидел здесь в первый день, была вызвана прибытием нашего корабля. Во-вторых, следовало выждать момент, когда базу покинут все корабли, потому что справиться с кораблем Мэмми не смогла бы, — корабль оказался бы вне пределов досягаемости. В-третьих, атаку следовало начать в тот момент, когда червелицы ели. Когда на базе их оставалось так немного, что столовая работала в одну смену, они обычно собирались все вместе у большого корыта и лакали из него харчи: сцена, достойная пера Данте. Таким образом, все враги сгруппировались бы в единую цель, за исключением, может, одного-двух вахтенных.

— Погоди, — перебил я Крошку, — говоришь, они все погибли?

— Я точно не знаю. По крайней мере, сама никого не видела.

— Ничего не делай, пока я не найду какого-нибудь оружия.

— Но...

— Начнем с самого главного, Крошка!

Сказать, что надо найти оружие, — одно дело, а действительно его найти — совсем другое. В коридоре можно было заметить лишь отверстия в полу, похожие на то, куда бросили меня, поэтому Крошка сразу и не нашла меня; в этом секторе базы гулять ей не разрешали. Джок оказался прав в одном: Крошка и Мэмми были почетными пленниками, которым предоставлялись привилегии, кроме свободы, в то время как Джок, Тим и я оказались то ли третьесортными узниками, то ли суповым набором, то ли тем и другим вместе.

Это вполне соответствовало предположению, что Крошка и Мэмми считались скорее заложниками, чем обычными пленными.

Заглянув в одно из отверстий, я потерял всякое желание заглядывать в другие, потому что увидел на полу человеческий скелет; этому узнику червелицам, видно, надоело бросать еду.

Когда я выпрямился, Крошка спросила меня, почему я побледнел.

— Да так, ничего. Пошли дальше.

— Я хочу тоже посмотреть.

— Крошка, у нас каждая секунда на счету, а мы только и делаем, что болтаем. Пошли, держись за мной.

Не дав ей увидеть скелет, я одержал значительную победу над ее ненасытным любопытством, хотя, весьма возможно, скелет не произвел бы на нее никакого впечатления. Крошка становилась чувствительной лишь тогда, когда чувство ее устраивало.

Приказ «держись за мной» звучал вполне по-рыцарски, но был неразумным: я забыл, что напасть на нас могут и с тыла. Мне следовало бы сказать: «Держись за мной и следи за коридором».

Но она сама догадалась это сделать. Услышав ее крик, я обернулся и увидел червелищего, направившего на меня похожий на фотоаппарат прибор. Хотя Тим однажды сбил меня им с ног, я так и не знал толком, что это за штука. На мгновение я застыл на месте.

Крошка прыгнула вперед, выставив вперед руки и ноги, отважно и безрассудно, как котенок. Это меня и спасло. Ее прыжок никому не причинил бы вреда, разве что другому котенку, но червелищий растерялся, не успев ни убить, ни парализовать меня, и, споткнувшись о Крошку, рухнул на пол. А я прыгнул на него и растоптал босыми ногами эту страшную рачью голову.

Голова треснула. Ощущение было жутким. Она разлетелась на куски, словно я прыгнул на коробку с клубникой. Я даже скорчился от отвращения и страха, несмотря на охватившее меня желание продолжать драться. Растоптав червелищего, я отпрыгнул в сторону; к горлу подкатывала тошнота. Я склонился над Крошкой и оттащил ее назад, так же сильно желая выйти из боя, как секунду назад — его начать.

Правда, врага я не убил. На какой-то страшный миг мне показалось, что придется драться с ним снова. Потом я понял, что, хотя он жив, но больше не реагирует на нас. Он трепыхался, как цыпленок, которому только что отрубили голову, после затишья и начал двигаться осмысленно.

Но он был слеп: я раздавил ему глаза. Может быть, и уши тоже, но эти жуткие буркала я точно раздавил.

Он тщательно ощупал пол вокруг себя, затем поднялся на ноги — целехонький, если не считать пробитой головы, замер на месте, опершись на все три ноги, и начал шарить руками в воздухе.

Я оттащил Крошку подальше от него.

Он зашагал. Слава Богу, что не к нам, а то бы я криком зашелся от страха. Он отошел в сторону, врезался в стенку, отлетел от нее, выпрямился и пошел по коридору тем путем, которым раньше шли мы. Дойдя до одного из люков в полу, он шагнул прямо в него и рухнул вниз. Я облегченно перевел дух и только сейчас заметил, что так сильно прижал к себе Крошку, что она едва могла дышать.

— Вот тебе и оружие, — сказала она.

— Где?

— На полу, рядом с мадам Помпадур. Приборчик. — Она подобрала куклу, стряхнула ее, затем подняла аппарат и протянула мне. — Только осторожно, не направь его на себя или меня.

— Крошка, — только и смог вымолвить я. — У тебя что, совсем нервов нет?

— Есть, конечно. Если я позволяю себе вспоминать о них. Но сейчас не до того. Ты умеешь с ним обращаться?

— Нет. А ты?

— Вроде умею. Видела их в действии, и Мэмми кое-что рассказывала, — она небрежно взяла аппарат. — Вот, видишь отверстие наверху? Откроешь это — парализуешь, откроешь второе — убьешь. Чтобы включить аппарат, нужно нажать вот тут. — Она нажала кнопку, и из аппарата на стену хлынул сноп ярко-голубого света.

— Свет никакого эффекта не производит, — продолжала она. — Просто с его помощью легко целиться. Надеюсь, за стеной никого не было. То есть, наоборот, там кто-то был.

Я взял аппарат, очень осторожно прицелился и по ошибке включил на всю мощность. Стена, в которую

угодил луч голубого цвета, раскалилась, и от нее повалил дым. Я поспешно выключил аппарат.

— Не трать энергию зря, — упрекнула меня Крошка. — Она нам еще пригодится.

— Надо же было попробовать. Ладно, пошли.

Крошка посмотрела на свои детские часики с Микки-Маусом, и мне стало обидно; что они выдержали все похождения и перегрузки, а мои роскошные сломались.

— У нас очень мало времени, Кип. Может, будем считать, что червелицх здесь больше нет?

— Пока не удостоверимся, что этот был последним, ни в чем нельзя быть уверенным. Пошли.

— Ладно, я пойду впереди. Я знаю дорогу, а ты нет.

— Я тоже знаю.

— Нет, не знаешь!

Пришлось подчиниться. Она шла впереди с оружием в руках, а я плелся сзади и жалел, что у меня, как у червелицх, нет третьего глаза. Не было времени доказывать, что у меня реакция лучше, чем у нее, коль скоро это не так, да и с оружием она знакома лучше меня.

Но мне все равно было неприятно. База оказалась огромной, ее коридоры и помещения были пробиты в скале на глубину мили в полторы. Мы шли очень быстро, не обращая внимания на вещи, которые казались гораздо интереснее и сложнее любых музейных экспонатов, думая лишь о том, наткнемся мы на червелицх или нет. Крошка без конца меня подгоняла: оказывается, план Мэмми строился еще на одном факторе — все должно было произойти до определенного часа плутонианской ночи.

— А почему? — выдохнул я на ходу.

— Чтобы она могла подать сигнал своим соплеменникам.

— Но... — начал я и замолчал.

Я задумался над тем, что представляет собой народ Мэмми; ведь я знал о ней еще меньше, чем о червелицх. Но теперь она мертва; Крошка сказала, что она вышла из базы без скафандра. Этому мягкому теплому маленькому существу и двух секунд не выдержать на таком морозе, я уж не говорю об удушье и кровоизлиянии в легких. У меня даже горло сжалось.

Конечно, Крошка могла и ошибиться, хотя должен отметить, что это случается с ней редко. Но может, именно

сейчас она и ошиблась, а значит, мы Мэмми найдем. А если не найдем, то она действительно вышла и...

— Крошка, ты не знаешь, где мой скафандр?

— Знаю. Там же, где я нашла это, — она похлопала по веревке, которую обмотала вокруг талии.

— Как только удостоверимся, что червелицх здесь больше нет, я пойду искать Мэмми.

— Конечно, конечно! Но надо найти и мой скафандр, я пойду с тобой.

И пойдет, это уж наверняка. Может, удастся уговорить ее подождать меня в туннеле и не выходить на холодный ветер, пронизывающий до костей.

— Крошка, почему ей обязательно нужно было посылать сигнал ночью? Что, в это время корабль находится на ближайшей орбите? Или... — Но слова мои прервал грохот. Пол заходил ходуном... Мы замерли на месте.

— Что это? — прошептала Крошка.

Я сглотнул слюну.

— Если только это не дело рук Мэмми...

— Уверена, нет.

— Значит, землетрясение.

— Землетрясение?

— Ну, плутоотрясение. Надо выбираться отсюда, Крошка!

Я даже не подумал над тем, куда выбираться; при землетрясении ни о чем не думаешь.

— К черту землетрясение, Кип, у нас на него времени нет, — воскликнула Крошка. — Пошли, Кип, пошли!

Она побежала по коридору, и я последовал за ней, сжав зубы. Если Крошка может пренебречь землетрясением, то и я могу, хотя это все равно, что не заметить гремучую змею, забравшуюся к тебе в постель.

— Крошка! Соплеменники Мэмми, они что, живут в корабле на орбите вокруг Плутония?

— Что? Нет, нет. Не в корабле.

— Так почему же сигнал надо посылать ночью? И на каком расстоянии отсюда их база? — Я начал прикидывать, как быстро человек может идти по Плутону. По Луне мы прошли почти сорок миль. Сумеет ли мы пройти здесь хотя бы сорок ярдов? Ноги можно обмотать чем-нибудь, ну а как быть с ветром...

— Малютка, они, случаем, не живут здесь?

— Что? Не будь идиотом! Они живут на своей собственной, очень славной планете. И перестань задавать дурацкие вопросы, Кип, а то опоздаем. Заткнись и слушай.

Я замолчал. Ее рассказ я слушал на ходу, урывками. Когда Мэмми попала в плен, она потеряла свой корабль, скафандр, средства связи — в общем, все, что у нее было; Червелиций тут постарался. Он захватил ее предательски, во время переговоров о перемирии. «Он схватил ее, когда она была в «домике», — возмущенно объяснила Крошка, — а это нечестно! Он нарушил слово!»

Предательство так же свойственно Червелицему, как змеям яд. Я даже удивился, что Мэмми рискнула довериться его слову; в итоге она оказалась пленницей безжалостных монстров, оснащенных кораблями, по сравнению с которыми наши корабли похожи на телеги без лошадей, вооруженных практически любым оружием, даже «смертельным лучом».

А у нее были только ее голова и маленькие мягкие ручки.

Прежде чем она могла бы воспользоваться тем редким стечением обстоятельств, которое одно только и могло дать хоть какой-то шанс на успех, ей было необходимо восстановить свой коммуникатор (мысленно я зову его «рацией», хотя на самом деле это гораздо более сложный прибор) и обзавестись оружием. У нее был только один выход — самой сделать и то и другое.

Инструментов у нее не было никаких, даже простой булавки. Чтобы раздобыть материалы, ей предстояло пробраться в комнаты, которые я назвал бы электронными лабораториями, — они, разумеется, мало напоминали верстак в мастерской, где я возился с электроникой, но движение электронов происходит по объективным законам природы. Если электронам суждено делать то, что от них требуется, то компоненты оборудования будут очень похожими, кто бы их ни сделал: люди, червелицы или соплеменники Мэмми.

Итак, эти помещения походили на лаборатории, к тому же очень хорошие. Много из оборудования было мне незнакомо, но, думаю, что разобрался бы в нем, если бы мне дали на это время.

Мэмми провела в лабораториях несчетное количество часов, несмотря на то, что доступ ей туда был сначала

строго запрещен. Хотя ей и разрешалось свободно ходить почти по всей остальной территории базы и находиться без присмотра, вдвоем с Крошкой, в отведенных им помещениях. По-моему, Червелицкий боялся своей пленницы, не хотел наносить ей ненужных обид.

Она сумела открыть себе дорогу в лаборатории, играя на алчности червелицых. Народ Мэмми умел делать многое, чего не умели делать они, — различные приборы и остроумные приспособления, облегчающие работу и жизнь. Начала она с невинных вопросов, почему они делают так, а не иначе, другим, более экономным и рациональным способом? По традиции или в силу религиозных соображений?

Когда ее просили объяснить, что она имеет в виду, Мэмми демонстрировала беспомощное неумение сделать это и извинялась, что не может сообразить, как лучше рассказать о таких пустяках, которые, вообще-то, куда легче смастерить самой и показать наглядно, чем говорить о них.

Под тщательным наблюдением Мэмми допустили к работе. Первый же сделанный ею приборчик произвел огромное впечатление. Потом она сделала еще кое-что. И вскоре работала в лабораториях ежедневно, вызывая своими изделиями восторг червелицых. Работала Мэмми чрезвычайно продуктивно, потому что от производительности зависела сохранность завоеванной ею привилегии.

Но каждый сделанный ею прибор содержал нужные ей для себя детали.

— Мэмми прятала их в свой мешок, — объясняла мне Крошка. — Они ведь никогда толком не знали, что именно она мастерит. Она использовала четыре детали в работе, а пятую прятала в мешок.

— Мешок?

— Ну да. Она и «мозг» там спрятала, когда мы с ней бежали на украденном корабле. Разве ты не знал?

— Я не знал про мешок.

— К счастью, они тоже не знали. Они ведь тщательно следили за тем, чтобы она ничего с собой не вынесла из мастерской, а она и не выносила. На их глазах, во всяком случае.

— Слушай, Крошка, значит, Мэмми — сумчатое?

— Что? Ты хочешь сказать, как кенгуру? Не обязательно быть сумчатым, чтобы иметь мешок. Взять хотя бы белок, у них, например, защечные мешки.

— Верно.

— Вот она и прятала детали, а я тоже тащила, что могла. В часы, отведенные для отдыха, она возилась с ними в нашей комнате.

За все время, проведенное нами на Плутоне, Мэмми ни разу не сомкнула глаз. Часами работала она на глазах червелицких, мастера им видеотелефоны размером с сигаретную пачку или еще что-нибудь этакое, а потом, когда полагалось отдыхать, трудилась у себя в комнате, на ощупь, как слепой часовщик. Она изготовила две бомбы и маяк дальней связи.

Разумеется, подробности я узнал позже, а когда мы с Крошкой неслись по коридорам базы, она лишь объяснила мне на ходу, что Мэмми ухитрилась сделать радиомаяк и подготовила взрыв, который я почувствовал. И мы должны спешить, спешить и спешить изо всех сил.

— Крошка, — взмолился я, задыхаясь, — к чему такая горячка? Если Мэмми там, за дверьми, я хочу найти и внести ее, то есть ее тело, обратно сюда. Но, глядя на тебя, можно подумать, что нам установлен какой-то срок и ты боишься опоздать.

— Так оно и есть!

Маяк требовалось вынести наружу в определенный момент по местному времени — день на Плутоне продолжительностью с нашу неделю — опять астрономы оказались правы, чтобы сама планета не экранировала его луч. Но у Мэмми не было скафандра.

Они обдумывали возможность выхода наружу Крошки — маяк Мэмми сделала так, что Крошке достаточно было установить его и включить. Для осуществления этого плана требовалось определить местонахождение Крошкиного скафандра, а потом пробраться туда, где он находился, и надеть его уже после того, как с червелицкими будет покончено.

Но скафандра они не нашли. И тогда Мэмми сказала мягко, мне даже кажется, что я сам слышал ясные, уверенные звуки ее пения:

— Ничего, деточка, я могу выйти и установить его сама.

— Что вы, Мэмми, нельзя! — запротестовала Крошка. — Там же ужасно холодно!

— Я быстро управлюсь.

— Но вы же задохнетесь!

— Некоторое время я могу совсем не дышать.

На том и остановились. В определенных отношениях спорить с Мэмми было так же бесполезно, как и с Червелицым.

Бомбы были готовы, маяк тоже, сложилась благоприятная обстановка: червелицых на базе осталось мало, новых кораблей не ожидалось. Плутон находился в удобном положении для того, чтобы послать сигнал. И Мэмми решила, что пора начинать.

— Но она сказала мне, что если не вернется обратно через десять минут, то надеется, что я все же отыщу свой скафандр и сумею выйти включить маяк, если окажется, что ей это не удалось, — Крошка заплакала. — Она в-в-первые призналась, что вовсе не уверена, что это ей удастся!

— Крошка! Прекрати! А что было дальше?

— Я дождалась взрывов и начала обыскивать те места, куда меня раньше не пускали. Но скафандра нигде не было, нигде! А потом я нашла тебя, Кип. Она там, снаружи, уже больше часа! — Крошка посмотрела на часы. — И у нас осталось всего двадцать минут. Если к этому времени не включить маяк, значит, все ее труды пошли прахом и она погибла напрасно! А ей бы это не понравилось!

— Где мой скафандр?

Червелицых мы больше не нашли, очевидно, дежурил только один, пока все остальные ели. Крошка показала мне герметичную дверь, за которой находилась их столовая, должно быть, бомбы все там разнесли на куски, потому что двери закрылись. Мы быстро пробежали мимо.

Логичная, как всегда, Крошка закончила наши поиски как раз там, где находился мой скафандр. Там было больше дюжины скафандров для людей — интересно бы знать, сколько супа сожрали вурдалаки.

Ладно, больше им никого не съесть! Времени я не терял, а только крикнул: «Привет, «Оскар»!» — и стал одеваться.

— Где ты пропадал, дружище?

«Оскар» сохранил отличную форму. Рядом с ним висел скафандр Толстяка, чуть поодаль — скафандр Тима. Натягивая на себя «Оскара», я окинул их беглым

взглядом, прикидывая, смогу ли использовать что-нибудь из их оборудования. Крошка тоже рассматривала скафандр Тима.

— Может, я смогу воспользоваться им.

Скафандр был намного меньше «Оскара»; это означало, что для Крошки он великоват всего на девять размеров.

— Что ты! Он на тебя налезет, как носки на петуха. Помоги лучше мне. Сними с него эту веревку, сложи в бухту и пристегни к моему поясу.

— Она тебе не понадобится. Мэмми рассчитывала отнести маяк ярдов на сто от туннеля и установить. Это все, что тебе придется сделать, если она не сумела. Потом повернешь верхнюю ручку.

— Не спорь! Сколько времени осталось?

— Восемнадцать минут.

— Здесь сильные ветры, — добавил я, — веревка может пригодиться.

Мэмми весила немного. Если ее сбilo с ног и унесло ветром, нужна будет веревка, чтобы вытащить тело.

— Дай мне молоток с пояса Толстяка!

— Сейчас.

Я встал. Хорошо было почувствовать «Оскара» на себе. Потом я вспомнил, как у меня замерзли ноги, когда я шел от корабля.

— Жаль, нет у них асбестовых сапог.

— Подожди-ка, — встрепелась Крошка и исчезла, прежде чем я успел слово сказать. Я продолжал застегиваться и волновался; она даже оружия с собой не взяла. Наконец я спросил:

— Порядок, «Оскар»?

— Порядок, парень!

Клапан под подбородком — нормально, индикатор цвета крови — нормально, радио... оно мне не понадобится, вода — резервуар пуст. Ничего, обойдемся, вряд ли я успею захотеть пить. С помощью клапана я спустил давление, зная, какое низкое давление ждет меня за дверьми. Вернулась Крошка, притаив с собой нечто похожее на балетные тапочки для слона. Тесно прижавшись к стеклу моего шлема, она закричала:

— Они их носят. Ты сможешь их надеть?

Это казалось сомнительным, но в конце концов они налезли на ноги, как плохо сидящие носки. Встав, я обна-

ружил, что они значительно улучшают сцепление; хоть они и неуклюжие, ходить в них оказалось нетрудно.

Минутой спустя мы стояли у выхода из большой комнаты; меня проводили здесь, когда вели с корабля. Но сейчас ее герметичные двери были закрыты из-за взрыва второй бомбы, которую Мэмми подложила в ведущем наружу туннеле, чтобы ликвидировать панели-клапаны. Бомбу в столовую подложила Крошка, сразу же убежав оттуда в свою комнату. Я не знаю, поставила ли Мэмми часовой механизм в обеих бомбах, чтобы они взорвались одновременно, или взрыв одной бомбы вызвал детонацию второй, да это и не имело значения: так или иначе, они полностью вывели из строя роскошную базу червелицых.

Крошка знала, как выпускать воздух из шлюза. Когда открылась внутренняя дверь, я крикнул:

— Сколько времени?

— Четырнадцать минут! — И она показала мне часы.

— Помни, что я тебе сказал, — оставайся здесь. Если увидишь что-нибудь движущееся, сначала угощай синим светом, а потом задавай вопросы.

— Ясно.

Я шагнул вперед, закрыл внутреннюю дверь, нашел клапан во внешней двери, подождал, пока уравниется давление. Две-три минуты, прошедшие, пока не открылся замок, я провел в мрачных раздумьях. Не хотелось оставлять Крошку одну. Я надеялся, что все червелицые погибли, но мог ли я быть в этом уверен? Обыск мы делали наспех, а они бегают быстро, кто-нибудь из них мог пройти одними коридорами, пока мы шли другими.

Кроме того, Крошка ответила мне: «Ясно», а не сказала: «Да, Кип, я так и сделаю». Оговорилась? Эта блоха оговаривается только тогда, когда хочет.

Да и шел-то я наружу из дурацких побуждений. В основном, конечно, чтобы найти тело Мэмми; это было глупо, потому что оно начнет разлагаться, если я его внесу внутрь. Было бы куда пристойнее оставить ее снаружи, на жутком морозе.

Но я не мог смириться с этим, там было холодно, а я не мог оставить ее коченеть. Она ведь была такая теплая, такая живая. Я чувствовал себя обязанным принести ее туда, где она могла согреться. И, самое неприятное, я безрассудно спешил, потому что Мэмми хотела включить

свой маяк в точно назначенное время, до которого осталось двенадцать или десять минут. Но какой толк, если даже я успею? Ну, предположим, ее родная звезда находится недалеко отсюда — допустим, она с Проксимы Центавра, а червелицые откуда-нибудь подальше. Даже если маяк Мэмми включится и заработает, сигнал SOS достигнет ее друзей не раньше, чем через четыре года.

Для Мэмми это, может, и все равно. У меня вообще сложилось впечатление, что она долгожительница, прожить несколько лет, пока не придет спасение, для нее пустяки. Но мы с Крошкой существа другой породы; мы ведь погибнем, пока этот сигнал со скоростью света доберется до Проксимы Центавра. Я был очень рад снова увидеть Крошку, но знал, что нас ожидало. Смерть. Через несколько дней, недель или, в лучшем случае, месяцев. Смерть от удушья, жажды или голода... Либо, если мы уцелеем, сюда прилетит корабль червелицких, что сулит нам отчаянный бой и возможность скорой смерти, если повезет.

Как ни крути, моя экспедиция по установке маяка — всего лишь «исполнение последней воли покойной». Сентиментальная глупость. Наружная дверь начала отворяться. «Аве Мария!»

Я еще не успел выйти на ветер, а мороз, злейший мороз, уже клешами вцепился в меня. Панели освещения еще работали, и было видно, что в туннеле хаос: две дюжины дверей-панелей вырвало взрывом. Какая же это была бомба, если ее можно сделать из наворованных деталей и спрятать в мешке на теле вместе с радиомаяком и при этом придать ей такую мощность, что она вырвала панели, рассчитанные на сильное давление. Даже у меня, отдаленного от места взрыва сотнями метров массивной скалы, застучали зубы.

Первая дюжина панелей была отброшена взрывом вперед. Мэмми подложила бомбу в середине туннеля? Но взрыв такой силы отшвырнул бы ее, как перышко! Должно быть, она установила ее здесь, потом вошла внутрь и взорвала ее, а уж затем вернулась обратно через шлюз, как сейчас я.

С каждым шагом становилось все холоднее. Ноги пока еще не мерзли — неуклюжие «унты» делали свое дело. Червелицые знали в таких делах толк.

— Ты разжег свои костры, «Оскар»?

— На полную катушку, дружище. Холодная нам выдалась ночь.

— И не говори!

Мэмми я нашел за самой дальней наружной панелью, вырванной взрывом.

Она рухнула всем телом вперед, словно слишком устала и не могла идти дальше. Кончики пальцев вытянутых рук едва не доставали до лежащей на полу небольшой коробочки размером с дамскую пудреницу.

Лицо ее было спокойно, глаза открыты, но затянуты перепонкой, как у птицы, — так же, как когда я увидел ее впервые на пастбище за нашим домом несколько дней или несколько лет назад. Но тогда ей сделали больно, и это было очень заметно, а сейчас мне показалось, что вот-вот глаза ее засияют и она пропоет мне приветствие. Я прикоснулся к ней. Тело Мэмми затвердело и стало холоднее льда. Я моргнул, чтобы сдержать слезы, и решил, что нельзя терять ни секунды.

Мэмми хотела установить свою коробочку в сотне ярдов от входа в туннель и повернуть выступ на верхней крышечке, и ей на всю эту операцию оставалось не больше шести-семи секунд. Я поднял коробочку.

— Все в порядке, Мэмми, я уже иду.

— Живей, дружище! Спасибо тебе, милый Кип...

В призраки я не верю. Просто я так часто слышал ее песенку благодарности, что ноты эхом отзывались в моей голове.

Отойдя на несколько шагов от выхода из туннеля, я остановился. Порыв ветра ударил меня с такой силой и обдал таким холодом, что ледянящий мороз в туннеле показался мне летней жарой. Закрыв глаза, я отсчитал тридцать секунд, чтобы дать им привыкнуть к звездному свету, и, на ощупь найдя на наветренной стороне туннеля опорную стойку, соединяющую наружную дорогу с горой, привязал к ней крепким узлом свою веревку. Собираясь в путь, я знал, что снаружи меня ожидает ночь, и рассчитывал, что проложенная на опорах дорога будет выделяться черной лентой на фоне белого «снега», сверкающего под звездным небом. Я полагал, что по открытой урагану дороге идти намного безопаснее, если будут видны ее края, а освещать ее нашлаемной фарой мне вряд ли удастся: для этого пришлось бы поворачи-

ваться всем корпусом из стороны в сторону, что может заставить меня потерять равновесие и сбиться с темпа.

Я все продумал очень тщательно, потому что поход по Плутону, да еще ночью, это вам не прогулка в саду. Итак, отсчитав тридцать секунд и успев за это время привязать веревку к стойке, я открыл глаза. Я ни черта не увидел! Ни единой звезды. Даже небо и землю различить не мог. Я стоял спиной к туннелю, шлем скафандра закрывал мое лицо, я должен был видеть дорогу, но не видел ничего.

Развернув шлем, я понял причину тьмы, закрывшей небо, и землетрясений, напугавших нас с Крошкой: действующий вулкан. Он был то ли в пяти милях от нас, то ли в пятидесяти, но это, без сомнения, был именно вулкан — рваный, злой красный холм, выплескивающий огонь в небо.

Но я не стал рассматривать его. Включив нашлемную фару, я осветил ею правый край дороги и неуклюже засеменял, держась ближе к нему. Если я споткнусь, у меня в запасе останется вся ширина дороги, прежде чем ураган сдует меня вниз. Я шел, держа моток веревки в левой руке, отпуская ее по мере продвижения, но не ослабляя, а натягивая.

Ураган не только пугал, но и причинял боль. Мороз обжигал как пламя. Потом обожженное им тело начинало неметь, больше всего доставилось правому боку; он онемел первым, а потом и левый бок стал окаменевать.

Веревки я больше не чувствовал. Остановившись, я наклонился вперед и выхватил веревку из тьмы лучом фары. Вот еще одна деталь скафандра, требующая усовершенствования, — нашлемная фара должна вращаться!

Половина веревки уже размоталась. Следовательно, я отошел от туннеля на добрых пятьдесят ярдов.

Веревка служила мне и ориентиром — когда она разматывается полностью, я отойду на достаточное расстояние, как хотела Мэмми. Вперед, Кип, вперед!

— Поспешай, парень! Больно уж холодно здесь! — прошептал «Оскар».

Я снова остановился. Не потерял ли я коробку? На ощупь я ее не чувствовал. Но в свете нашлемной фары увидел, что сжимаю ее в правой руке. Так держать! Я заторопился вперед, считая шаги. Один! Два! Три! Четыре!

Досчитав до сорока, я остановился, и, глянув вниз, понял, что вышел на самую высокую часть дороги, там, где она пересекала ручей. Примерно половина пути до места посадки корабля. Ручей — метановый, что ли? — сковал лед, и я понял, что ночь выдалась по-настоящему холодной.

Веревка разматалась уже почти вся. Можно считать, дошел до нужного места. Я опустил ее, осторожно подвинулся на середину дороги, встал на колени и попытался поставить коробочку рядом с собой. Но не сумел разогнуть пальцы. Я разжал их пальцами левой руки, высвободив коробку.

Дьявольский порыв ветра подхватил ее, и я еле успел ее схватить, чтобы она не укатилась. Потом обеими руками осторожно поставил коробочку перед собой. «Разработай свои пальцы, дружище. Постучи ладонями друг о друга», — пробормотал «Оскар».

Так я и сделал. Постепенно, со страшной болью, пальцы правой руки начали шевелиться. Неуклюже придерживая коробку левой рукой, я потянулся к ручке наверху. На ощупь я ее не чувствовал, но, как только ухитрился сжать ее пальцами, она сразу повернулась. Казалось, что коробочка ожила и замурлыкала.

Должно быть, я чувствовал вибрацию через перчатки и через скафандр — услышать-то я ее никак не мог. Я поспешно опустил коробочку, неуклюже поднялся на ноги и немного отступил назад, чтобы можно было осветить, не нагибаясь, коробочку нашлемной фарой.

Я выполнил задачу, дело Мэмми было сделано, и, как я надеялся, вовремя. Останься у меня здравого смысла хотя бы столько, сколько есть у обыкновенной дверной ручки, я повернулся бы и рванул бы обратно в туннель еще быстрее, чем шел сюда. Но я смотрел как зачарованный на то, что происходило с коробкой.

Она, казалось, ожила, и из-под нее выросли три маленькие паучьи лапки. Она поднялась вверх и прочно встала на треножнике, примерно с фут высотой. Коробочка задрожала, и мне показалось, что ее вот-вот сдует, но паучьи лапки как будто вгрызлись в поверхность дороги и держались прочно. Верх коробочки раскрылся как цветок, развернувшийся футов на восемь в диаметре. Из него поднялся штырь, похожий на антен-

ну; штырь покачался в разные стороны, как бы прицеливаясь, затем застыл, упершись в небо.

Включился маяк. Я уверен, что это включился маяк, хотя увидел всего лишь вспышку света. Свет, по всей видимости, был всего лишь безобидным побочным явлением мощнейшего импульса энергии — у Мэмми, наверное, не хватило оборудования и времени, чтобы устранить его или экранировать. А я смотрел прямо на него.

Поляризаторы не срабатывают мгновенно. Поэтому вспышка ослепила меня.

Сначала я решил, что отключилась моя нашлаемная фара, но потом понял, что просто не вижу ничего из-за закрывшей мне глаза зеленовато-пурпурной вспышки.

— Спокойно, парень. Это всего лишь результат раздражения глазной оболочки. Подожди, сейчас все пройдет.

— Я не могу ждать, я замерзну!

— Нащупай рукой веревку, она прикреплена к твоему поясу. Потяни ее.

Я сделал так, как посоветовал мне «Оскар»: нащупал веревку, повернулся и начал наматывать ее на руку. Веревка разбилась. Не порвалась, как обычно рвется веревка, а разбилась, как стекло. Наверное, к этому времени она как раз в стекло и превратилась. Нейлон и стекло плохо переносят холод.

Теперь я знаю, что такое «переохлаждение».

Но тогда я знал только одно: оборвалась последняя нить, связывающая меня с жизнью. Я ничего не видел, ничего не слышал, я был один на голой платформе в миллиардах миль от родного дома, и ураган, вырвавшийся из бездны ледяного ада, выдувал последние искорки жизни из моего тела, которое уже почти ничего не чувствовало, кроме боли.

— «Оскар»!

— Я здесь, дружище! Ты справишься. Ну как, видишь что-нибудь?

— Нет!

— Ищи вход в туннель. Там включено освещение. Отключи нашлаемную фару. Отключи, справишься! Там всего-то надо повернуть рычажок. Подними руку к правой стороне шлема.

Я так и сделал.

— Что-нибудь видишь?

— Пока нет.
— Поверни голову.
— Теперь что-то прояснилось!
— Красноватые неровные отблески, правда? Это вулкан. Вот и сориентировались, поворачивайся медленно, чтобы не упустить вход в туннель.

Я едва мог двигаться.

— Вот он!

— Порядок, теперь ты стоишь лицом к дому. Опустись на четвереньки и медленно ползи влево. Не поворачивайся — ты должен держаться по кромке дороги и ползти вдоль нее к туннелю.

Я встал на четвереньки. Поверхность дороги я руками не ощущал, но чувствовал, как на них и на ноги тяжестью навалился вес тела, они казались мне протезами. Край дороги я нашел левой рукой, вернее, моя левая рука проползла за кромку, и я чуть не рухнул вниз. Но удержался.

— Направление правильное?

— Да. Ты не развернулся, а просто сдвинулся вбок. Можешь поднять голову, чтобы найти туннель?

— Нет. Разве что если подняться.

— Ни в коем случае! Включи снова нашлемную фару. Может, твои глаза уже пришли в норму.

Я с трудом поднял руку к правой стороне шлема и, наверное, задел рычаг, потому что неожиданно увидел перед собой круг света, расплывчатый и туманный в центре. Слева его разрезала кромка дороги.

— Молодец! Нет, не вставай, ты ослаб, и у тебя кружится голова, можешь упасть. Ползи. И считай. Туннель отсюда в трехстах шагах.

Я пополз, считая на ходу.

— Очень уж далеко, «Оскар». Доползем?

— Конечно! Что, по-твоему, мне очень хочется здесь оставаться?

— Я ведь останусь с тобой.

— Прекрати болтовню. Я из-за тебя со счета сбиваюсь. Тридцать шесть... тридцать семь... тридцать восемь...

Мы продолжали ползти.

— Уже сотня. Начнем отсчитывать вторую. Сто один... Сто два... Сто три...

— Мне становится лучше, «Оскар». Теплее.

— Что?

— Теплее, говорю, становится.

— Ты не тепло чувствуешь, дубина стоеросовая, ты насмерть замерзаешь. Ползи быстрее! Нажми подбородком на клапан. Добавь воздуха. Ну же, нажми!

Я слишком устал, чтобы спорить. Я нажал клапан раза три-четыре, почувствовал, как воздух струей ударил мне в лицо.

— Двигаемся быстрее! Тоже скажет, тепло ему становится! Сто девять... сто десять... сто одиннадцать... сто двенадцать, да живее же!

На двухстах я сказал, что должен отдохнуть.

— Черта с два!

— Но я не могу больше! Дай отдохнуть хоть немного!

— Что, полежать захотелось? А с Крошкой что будет? Она ведь там, ждет тебя. И уже перепугалась, потому что тебя долго нет. Что с ней будет, ну-ка, отвечай!

— Попробует надеть скафандр Тима.

— Верно! В случае подачи идентичных ответов предпочтение отдается участнику, отправившему ответ первым. Куда же она пойдет в скафандре Тима, скажи на милость?

— К выходу из туннеля, наверное. А там ветер достанет и ее.

— Вот-вот, и я про то же. Вся семья наконец соберется вместе. Ты, я, Мэмми, Крошка. Очень миленькая семейная могила получится.

— Но...

— Давай, братец, давай. Ползи и считай: двести пять, двести шесть, двести семь...

Падения я не помню. Не помню даже, чем оказался «снег». Помню только чувство радости, что счет кончился и можно отдохнуть. Но «Оскар» отдохнуть не давал.

— Кип! Вставай, Кип! Надо вскарабкаться обратно на дорогу.

— Исчезни!

— С радостью исчез бы отсюда, да не могу. Вот, смотри, прямо перед твоим носом. Цепляйся за край дороги и карабкайся вверх.

С трудом приподнявшись, я увидел край дороги в двух футах над моей головой и снова рухнул на «снег».

— Слишком высоко, — прошептал я. — Все, «Оскар», нам конец.

— Да? — фыркнул он. — А кто это несколько дней назад ругал маленькую девочку, слишком уставшую, чтобы подняться на ноги? «Командир Комета», так, что ли? Правильно я повторил имя? Или как там его еще звали, «Гроза космических дорог»... Ни к черту негодный бездельник. «Имею скафандр — готов путешествовать...» Можно получить у вас автограф, командир, прежде чем отойдете ко сну? Мне как-то раньше не доводилось знакомиться с космическими пиратами... которые крадут корабли и маленьких девочек.

— Это нечестно!

— Ладно, ладно, я вполне понимаю, когда мне показывают на дверь. Но выслушай еще кое-что напоследок: в одном ее мизинце больше силы воли, чем во всем твоём теле, ленивая, лживая, толстая свинья! Прощай! Можешь не просыпаться.

— «Оскар»! Не уходи!

— Что, одному не справиться?

— Нет!

— Ну, так, если ты не можешь достать край дороги руками, возьми молоток, попробуй зацепиться им, подтянуться.

Я моргнул. Может, и вправду получится. Я пошарил рукой по поясу, решив, что молоток у меня все-таки есть, хотя руками я его и не чувствовал. Потом поднял его обеими руками, зацепился за край дороги и подтянулся. И этот идиотский молоток разлетелся так же, как веревка. А ведь был сделан не из гипса, а из инструментальной стали. Вот тогда я разозлился по-настоящему. Я сел, перевалил через край оба локтя, застонал, напрягся так, что меня в пот бросило и... перевалился на дорогу всем телом.

— Вот это молодец! Можешь больше не считать, просто ползи на свет.

Передо мной маячил туннель. Но я задышался и решил надавить подбородком на клапан. Безрезультатно.

— «Оскар»! Клапан заело!

«Оскар» ответил не сразу:

— Нет, брат, клапан не заело. Замерзли воздуховоды.

— Мне нечем дышать!

Опять он ответил. Не сразу, но решительно.

— У тебя полный скафандр воздуха. Это более чем достаточно на оставшиеся несколько футов.

— Мне не доползти.

— Ты дополз уже до того места, где лежит Мэмми. Ползи дальше!

Я поднял голову. Точно, вот она! Я полз и полз, и ее тело уже перед глазами.

— Все, «Оскар», — выдавил я наконец, — дальше мне не проползти.

— Боюсь, что теперь ты прав. Я тебя подвел. Но спасибо, что ты меня там не бросил.

— Ты меня не подвел, ты молодец, это я не справился...

— Оба мы не справились. Но старались изо всех сил, это уж точно! Прощай, дружище!

— Прощай!

Я сумел проползти еще два шага и уткнулся лицом прямо в голову Мэмми.

Она улыбалась.

— Здравствуй, Кип, сынок.

— Извините, Мэмми, я не справился до конца...

— Что ты, Кип, что ты! Ты все сделал.

— То есть как все?

— Мы с тобой справились вместе.

Я долго-долго обдумывал это.

— И с «Оскаром», разумеется, и с Крошкой.

— Конечно, как же без них. Мы справились все вместе. А теперь можно отдохнуть, милый.

— Спи спокойно, Мэмми.

Но отдых выдался чертовски короткий. Только я закрыл глаза, чувствуя себя счастливым и согрешившим, потому что Мэмми думала, что я справился, как Крошка затрясла меня за плечо и прислонилась своим шлемом к моему.

— Кип! Вставай! Кип, вставай, пожалуйста!

— Что? Зачем?

— Затем, что я не могу тебя нести! Я пробовала, но не могу! Ты слишком большой!

Я поразмыслил над этим. Разумеется, нести меня ей не под силу, с чего это Крошке вообще взбрела в голову такая идиотская мысль — нести меня? Я же ее в два раза больше, это я ее понесу, как только переведу дух.

— Вставай, Кип! Пожалуйста! — Она плакала навзрыд.

— Да ну, что ты, маленькая, конечно же встану, раз ты так хочешь, — сказал я ласково.

Вставал я с огромным трудом и, не помоги она мне, упал бы снова. Когда я окончательно поднялся на ноги, она помогла мне держать равновесие.

— Повернись кругом. Пошли.

Но ей все равно почти что пришлось нести меня, подставив плечо мне под правую руку и подталкивая. Каждый раз, когда мы подходили к порогу сорванной взрывом панели, она либо помогала мне переступить через него, либо просто проталкивала вперед. Наконец мы достигли шлюза, и Крошка пустила в него воздух с внутренней стороны. Она отпустила меня, и я сполз на пол. Когда открылась внутренняя дверь, она обернулась ко мне, чтобы что-то сказать, и быстро начала снимать с меня шлем.

Я глубоко вздохнул. Голова закружилась, свет замерцал в глазах.

Крошка глядела на меня.

— Как ты себя чувствуешь?

— Я? Нормально. С чего бы мне чувствовать себя иначе?

— Давай, я помогу тебе пройти в дверь.

Я не мог понять, зачем мне нужно помогать, но оказалось, что без ее помощи я действительно не могу двигаться. Крошка усадила меня на пол подле двери, спиной к стене, я не хотел ложиться.

— Я так перепуталась, Кип!

— Почему?

Я никак не мог понять, почему она перепуталась. Разве Мэмми не сказала, что у нас все в порядке?

— Перепуталась, и все. Не надо было мне позволять тебе выходить.

— Но ведь надо было установить маяк.

— А ты его установил?

— Конечно. Мэмми очень обрадовалась.

— Да, я уверена, что она обрадовалась бы, — сказала Крошка хмуро.

— Она и обрадовалась.

— Хочешь чего-нибудь? Помочь тебе снять скафандр?

— Пожалуй, пока нет. Ты не принесешь мне воды?

— Одну минуту!

Крошка вернулась с водой. На самом деле я не так хотел пить, как мне казалось; от воды мне даже стало нехорошо. Крошка посмотрела на меня, а потом спросила:

— Можно я тебя на немножко оставляю одного? Тебе не будет плохо?

— Да нет, ну что ты.

Мне, конечно, было плохо, все тело начинало болеть, но она все равно ведь ничего не сможет с этим сделать.

— Я быстро.

Крошка начала застегивать шлем, и я с отвлеченным любопытством заметил, что она одета в свой собственный скафандр; мне раньше казалось, что на ней был скафандр Тима. Я услышал, что она идет к шлюзу, и понял, куда она направляется и зачем. Я хотел сказать ей, что Мэмми лучше оставаться там, потому что здесь она может... Даже наедине с собой я не хотел думать, что ее тело начнет здесь разлагаться. Но Крошка уже ушла.

Вряд ли она отсутствовала больше пяти минут. Точно не знаю, потому что сидел с закрытыми глазами и ни на что не реагировал. Потом увидел, что открылась внутренняя дверь и в ней показалась Крошка, неся Мэмми на руках.

Крошка положила Мэмми на пол в той же позе, в которой я видел ее в последний раз, потом сняла свой шлем и заплакала. Встать я не мог — слишком болели ноги. И руки тоже.

— Крошка, милая, не плачь, пожалуйста. Этим не поможешь.

Она подняла голову.

— Все, я уже отплакалась. Больше не буду.

Больше она не плакала.

Сидели мы долго. Крошка опять предложила помочь мне снять скафандр, но попытка вылезти из него вызвала такую боль, особенно в руках и ногах, что я бросил это дело. Она забеспокоилась.

— Ой, Кип, кажется, ты обморозился.

— Возможно. Но теперь ничего не поделаешь, — я скорчился от боли и сменил тему. — Где ты нашла свой скафандр?

На лице Крошки появилось возмущенное выражение, тут же сменившееся почти веселым.

— Ни за что не догадаешься! Внутри скафандра Джока.

— Действительно, не догадался бы. Прямо как «утраченное письмо».

— Как что?

— Да нет, ничего. Просто как-то не думал, что Червелицкий обладал чувством юмора.

Вскоре после этого мы пережили еще одно землетрясение, очень сильное. Будь здесь люстры, они заплясали бы, а пол заходил ходуном.

— Ой! Почти так же сильно, как в прошлый раз, — вскрикнула Крошка.

— Пожалуй, намного сильнее. То, первое, было совсем слабое.

— Да нет, я о том, которое случилось, когда ты ушел наружу.

— Разве тогда было землетрясение?

— Разве ты его не почувствовал?

— Нет, — я пытался вспомнить. — Может быть, оно-то и сбросило меня на снег.

— Ты свалился с дороги? Кип!

— Ничего, обошлось. «Оскар» мне помог.

Еще толчок. Я не обратил бы внимания, но меня сильно тряхнуло, и боль в теле резко усилилась. Но меня тряхнуло достаточно сильно, чтобы туман в голове рассеялся. Да, лекарства у меня справа, а запас кодеина чуть дальше.

— Крошка! Ты не принесешь мне еще немного воды?

— Конечно, принесу.

— Я хочу принять кодеин. Но от него я могу заснуть. Можно?

— Ты обязательно должен поспать, если сможешь. Сон тебе необходим.

— Пожалуй, что да. Который час? — Она ответила, и я не поверил своим ушам.

— Неужели прошло больше двенадцати часов?

— С чего?

— С того, как все это началось.

— Не понимаю, Кип. — Она недоуменно посмотрела на часы. — Я нашла тебя ровно полтора часа назад, а к тому времени и двух часов не прошло, как Мэмми установила бомбы.

Поверить в это я тоже не мог, но Крошка уверяла, что она права.

От кодеина мне стало намного лучше, и я начал засыпать, когда Крошка спросила:

— Ты чувствуешь запах, Кип?

— Как будто спички на кухне зажигают?

— Вот именно. Похоже, что и давление падает. Закрой лучше шлем, Кип, если засыпаешь.

— Ладно. И ты свой тоже закроешь?

— Да, мне кажется, что герметизация нарушена.

— Возможно, ты права.

И как ей не быть нарушенной от всех этих толчков и взрывов? Но, хотя я и понимал, что это значит, я слишком устал и слишком плохо себя чувствовал, чтобы волноваться. Да и наркотик уже начинал действовать.

Сейчас или месяц спустя — какая разница? Мэмми ведь сказала, что все в порядке. Крошка застегнула наши шлемы, мы проверили радиосвязь, и она села лицом ко мне и Мэмми. Она долго молчала. Потом я услышал:

— «Крошка» — «Майскому жуку».

— Слушаю.

— А все-таки по большей части было очень здорово, правда, Кип?

— А? — Я поднял глаза, посмотрел на шкалу и увидел, что воздуха у меня осталось часа на четыре.

— Конечно, Крошка, все было просто первый сорт. Ни за что на свете не отказался бы от такого приключения.

Она вздохнула.

— Я просто хотела узнать, что ты не сердишься на меня. А теперь спи.

Я действительно почти уснул, как вдруг увидел, что Крошка вскочила на ноги, и услышал в наушниках ее голос:

— Кип! Кто-то открывает дверь!

Я мгновенно проснулся, поняв, что это означает. Почему они не оставят нас в покое? Дали бы спокойно дожить несколько часов.

— Спасибо, Крошка. Без паники. Отойди к дальней стене. Оружие с тобой?

— Да.

— Бей их одного за другим. Когда начнут входить.

— Тебе нужно отодвинуться, Кип. Ты как раз между мной и ними.

— Я не могу встать, — я давно уже не то что двигаться, руками просто пошевелить не мог. — Включи на слабую мощность, тогда ничего страшного, если меня заденет. Делай, что тебе говорят! Быстро!

— Да, Кип.

Она изготовилась к бою и замерла.

Открылась внутренняя дверь, и в проеме появилась фигура. Я увидел, что Крошка целится, и завопил по радио:

— Не стреляй!

Но не успел я крикнуть, как она бросила оружие и рванулась вперед.

Это были «соплеменники» Мэмми.

Двое из них унесли Мэмми, но потребовалось шестеро, чтобы нести меня. Они все время тихо напевали, пока мастерили носилки. Прежде, чем меня подняли, я принял еще одну таблетку кодеина, так как даже при их аккуратности каждое движение причиняло мне боль. Долго нести меня им не пришлось, потому что их корабль приземлился прямо у входа в туннель на дорогу, по которой я полз. Во всяком случае, мне хотелось так думать.

Когда наконец мы оказались в полной безопасности, Крошка раскрыла мне шлем и расстегнула молнии на груди скафандра.

— Они просто чудо из чудес, правда, Кип?

— Ага, — в голове стоял туман, но чувствовал я себя лучше. — Когда стартуем?

— Уже стартовали.

— Они везут нас домой? Не забыть бы сказать мистеру Чартону, что его кодеин мне здорово помог.

— Боже, что ты! Мы летим на Вегу.

Я потерял сознание.

Глава 9

Мне снилось, что я дома, и я мгновенно проснулся от знакомой мелодии.

— Мэмми!

— Доброе утро, сынок. Очень рада, что тебе лучше.

— Я себя чувствую просто чудесно. Прекрасно выспался, — выпалил я, уставившись на нее во все глаза. — Но ведь вы же умерли! — непроизвольно вырвалось у меня.

Ответ ее звучал ласково, но с оттенком укоризны, как обычно поправляют детей, проявивших бессознательную бестактность.

— Нет, милый, я просто замерзла. Я не такая хрупкая, как тебе, судя по всему, кажется.

Моргнув от удивления, я снова впился в нее глазами.

— Так это был не сон?

— Нет, не сон.

— Я думал, что вернулся домой, и... — попытался сесть, но сумел лишь поднять голову. — Но ведь я дома!

Мы были в моей комнате! Стенной шкаф для одежды, за спиной Мэмми — дверь в холл, справа мой письменный стол, заставленный книжками, а над ним выпел нашей школы; окно, в которое стучит ветками старый вяз, и листья его, пронизанные солнечным светом, шевелит ветерок. А моя любимая логарифмическая линейка лежала там, где я ее оставил.

Голова шла кругом, но я во всем разобрался. Все произошло наяву, а глупый конец, «полет на Вегу», померещился во сне от кодеина.

— Вы привезли меня домой.

— Мы привезли тебя домой, в твой второй дом. Ко мне. — Кровать подо мной заходила ходуном. Я хотел вцепиться в нее, но руки не двигались. Мэмми продолжала:

— Ты нуждался в своем гнезде, и мы тебе его приготовили.

— Я ничего не могу понять, Мэмми.

— Мы знаем, что в родном гнезде птица легче выживает. И постарались воссоздать твое.

В том, что она пропела, не было, конечно, ни «птицы», ни «гнезда», но даже в полном издании словаря Уэбстера вы вряд ли найдете более подходящие эквиваленты для ее «слов».

Чтобы успокоиться, я сделал глубокий вдох. Я все понял, ведь что-то, а объяснять она умела. Я был не в своей комнате, все это просто очень похоже симитировано. Но я еще не пришел в себя.

Присмотревшись повнимательней, я удивился, что мог так ошибиться.

Косой свет падал в окно не так, как обычно. На потолке не было заплат, которые появились с тех пор, как я мастерил себе на чердаке тайное убежище и пробил молотком штукатурку. Книги стояли слишком ровно и казались чистенькими, как конфетные коробки.

Общий эффект был потрясающе удачен, но детали не удались.

— Мне нравится эта комната, — пропела Мэмми, — она похожа на тебя, Кип.

— Мэмми, как вам это удалось? — спросил я слабым голосом.

— Мы расспросили тебя. И Крошка помогла.

«Но ведь Крошка никогда не видела моей комнаты», — подумал я и только потом сообразил, что она достаточно насмотрелась американских домов, чтобы выступать в роли консультанта по интерьеру.

— Крошка здесь?

— Она скоро придет.

Если Мэмми и Крошка были со мной, дела обстояли явно неплохо. Вот только...

— Мэмми, я не могу шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Положив мне на лоб свою маленькую теплую лапку, Мэмми склонилась надо мной, и я ничего не видел, кроме ее огромных глаз.

— Ты очень сильно пострадал, но сейчас выздоравливаешь. Не волнуйся.

Если Мэмми говорит «не волнуйся», то волноваться и не о чем. Тем более, что делать стойку на руках у меня настроения не было. Мне вполне хватало, что я мог смотреть в ее глаза. В этих глазах можно было утонуть, можно было погрузиться в них и плавать, как в воде.

— Хорошо, Мэмми. — Тут я вспомнил кое-что еще. — Скажите, вы ведь замерзли?

— Да.

— Но ведь вода, замерзая, разрывает живые клетки. Во всяком случае, так принято считать.

— Мое тело никогда не поддается этому, — ответила она, поджав губу.

— Вот как... — задумался я. — Только не погружайте меня в жидкий воздух! Я не создан для этого.

Опять в ее песне послышался снисходительный юмор.

— Мы постараемся тебе не повредить. — Она выпрямилась и пропела: — Крошка идет.

Раздался стук и послышался голос Крошки:

— Можно войти?

Ждать ответа она не стала; сомневаюсь, чтобы это вообще входило в ее привычки, а вошла без всяких церемоний.

Помещение, которое я увидел сквозь открывшуюся дверь, напоминало верхний холл нашего дома. Здорово они поработали!

— Входи, милая!

— Конечно можно, Крошка! Ты ведь уже вошла!

— Не ехидничай.

— Чья бы корова мычала. Привет, малыш!

— И тебе привет.

Мэмми скользнула в сторону.

— Долго не задерживайся, Крошка. Его нельзя утомлять.

— Не буду, Мэмми.

— До свидания, дорогие мои.

— Когда в моей палате приемные часы? — спросил я.

— Когда она разрешит.

Крошка стояла, уперев руки в бока, и разглядывала меня. Впервые за все время нашего знакомства она была отмыта дочиستا: розовые щеки, пышные волосы — может, она и впрямь будет хорошенькой лет через десять. Одета она была как обычно, но одежда была выстирана, все пуговицы на месте и дыры искусно заделаны.

— Так-так, — вздохнула она. — Похоже, что тебя можно не выбрасывать на свалку.

— Я в полном порядке. А ты как?

Крошка сморщила носик.

— Дед Мороз поцеловал. Ерунда. А вот ты развалился на части.

— Ну да?

— Не могу подробно описать твое состояние, потому что пришлось бы употреблять слова, которые мама сочла бы «неженственными».

— К этим словам мы с тобой непривычные.

— Не язви. У тебя все равно не получится.

— Может, разрешишь мне с тобой попрактиковаться?

Крошка собралась было уже пойти в наступление, но, запнувшись вдруг на полуслове, улыбнулась и подошла поближе. В какой-то момент мне даже показалось, что она хочет меня поцеловать. Однако она лишь поправила подушки и сказала:

— Да нет, у тебя здорово получается. Ты умеешь язвить, быть противным, жестким, ты можешь ругать меня, как угодно наказывать, а я даже не пикну. Я уверена, что ты сможешь даже поспорить с Мэмми.

Спорить с Мэмми? Я не мог даже представить себе, что у меня возникнет подобное желание.

— Какая ты стала порядочная, — улыбнулся я, — нимб так и светится.

— Если б не ты, мне и вправду пришлось бы обзаводиться нимбом. Или, что более вероятно, узнать, что я его не достойна.

— А я помню, что кто-то росточком с тебя нес меня по туннелю, как куль с углем.

— Это не важно, — увильнула она от ответа, — важно то, что ты установил маяк.

— Что ж, останемся каждый при своем. Однако там было холодно, — я решил сменить тему, потому что нам обоим стало неловко. Ее слова о маяке кое-что мне напомнили: — Крошка, а куда мы попали?

— То есть как «куда»? Мы в доме Мэмми. — Оглянувшись, она добавила: — О, я совсем забыла, Кип, это же не твоя комната.

— Знаю, знаю, — отвечал я нетерпеливо, — это имитация, я сразу заметил.

— Сразу? — расстроилась Крошка. — А мы так старались.

— Да нет, просто здорово получилось. Не представляю, как вы сумели добиться такого сходства.

— У тебя очень хорошая память, Кип. Ты фиксируешь подробности, как фотоаппарат.

«Наверное, эти подробности сыпались из меня, как из мешка», — добавил я про себя. Хотел бы я знать, что я еще наболтал в присутствии Крошки. Но даже спросить ее об этом я стеснялся, должны же быть у мужчин секреты в личной жизни.

— И тем не менее — все не настоящее, — продолжал я вслух. — И я знаю, что мы в доме Мэмми, но не знаю, где находится этот дом.

— Я тебе ведь говорила, — возмутилась Крошка. — Может, ты не расслышал? Ты был как во сне.

— Да нет, расслышал, — с трудом сказал я. — Но не понял. Мне показалось, будто ты сказала, что мы летим на Вегу.

— Думаю, в наших каталогах это место обозначается как «Вега пять». Но они здесь называют его... — Крошка запрокинула голову и воспроизвела звук, напомнивший мне музыкальную тему вороны из «Золотого петушка». — Но этого я тогда не могла произнести, поэтому сказала тебе «Вега», что ближе всего к истине.

Я снова попытался сесть, но не смог.

— Вот это да! Стоит перед тобой человек и сообщает, что мы на Веге! То есть, я хочу сказать, на одной из ее планет!

— Но ты же не предложил мне сесть!

Я пропустил мимо ушей эту колкость и посмотрел на «солнечный свет», льющийся в окно.

— Это свет Веги?

— Нет, это искусственный свет. Настоящий яркий свет Веги выглядит призрачным. Его спектр ведь в самом верху диаграммы Рассела, если помнишь.

— Что? — спектр Веги я никогда не знал. Как-то не думал, что он может мне пригодиться.

— Будь очень осторожным, Кип, когда начнешь ходить. За десять секунд можно схватить больше загара, чем за всю зиму в Ки-Уэсте, девяти минут хватит, чтобы поджариться насмерть.

Сдается мне, что у меня особый дар — попадать в трудные климатические условия. Интересно, к какому классу звезд относится Вега? «А» или «Б»? Наверное, «Б». Из классификации я помнил только, что она крупная и яркая, больше Солнца, и очень красиво смотрится в созвездии Лир.

— Но ради всего святого, скажи, как мы попали сюда? Ты случайно не знаешь, Крошка, как далеко от нас Вега? То есть, как далеко от нас Солнце, я хотел сказать.

— Знаю, конечно, — презрительно фыркнула она. — В двадцати семи световых годах.

— Ничего себе! Крошка, возьми-ка мою логарифмическую линейку. Ты умеешь ею пользоваться? А то у меня руки не слушаются.

— Зачем тебе линейка?

— Хочу вычислить расстояние.

— Я тебе и без линейки вычислю.

— С линейкой и быстрее, и точнее. Слушай, если не умеешь пользоваться линейкой, скажи, не стесняйся. Я в твоём возрасте тоже не умел. Я тебя научу.

— Вот еще! — возмутилась Крошка. — Конечно, умею! Что я, дурочка? Просто я и в уме считать могу. — Губы ее зашевелились. — 159 000 000 000 000 миль.

Я припомнил, сколько миль в световом году, и наско-ро прикинул цифру в голове... Да, слишком много ночей, слишком много долгих-долгих миль...

— Похоже, ты права, — сказал я.

— Конечно, я права, — ответила Крошка. — Я всегда права!

— Ну и ну! Ходячая энциклопедия с косичками!

— Я же не виновата, — всхлипнула она, — что я гений.

Это заявление открывало широкие возможности, и я уже собирался подловить ее на какой-нибудь ошибке, но вовремя заметил, как она расстроилась.

И вспомнил слова отца: «Некоторые люди пытаются доказать, что «среднее» лучше, чем «превосходное». Им доставляет удовольствие подрезать крылья другим, потому что сами они бескрылы, они презирают интеллект, поскольку напрочь его лишены».

— Извини, Крошка, — попросил я смиренно. — Конечно, ты не виновата. Так же, как я не виноват, что не гений, и в том, что я большой, а ты маленькая.

Она повеселела.

— Пожалуй, я снова начала выпендриваться. — Она покрутила пуговицу. — Мне показалось, что ты меня понимаешь, как папа.

— Ты мне льстишь. Сомневаюсь, чтобы я был способен тебя понимать, но теперь, по крайней мере, буду стараться.

Она все крутила пуговицу.

— Ты ведь и сам очень умный, Кип, но ведь ты не можешь этого не знать?

— Будь я умный, разве я попал бы сюда? — усмехнулся я. — Слушай, Крошка, ты не против, если мы все же проверим цифру на линейке? Из чистого любопытства.

Еще бы, за двадцать семь световых лет и Солнца не увидишь. Звезда-то, прямо скажем, довольно заурядная.

— Видишь ли, Кип, от нее нет никакого толка, от этой линейки.

— Что? Да это лучшая линейка, какая может быть.

— Кип, прошу тебя! Это же не линейка, она просто на столе нарисована.

— Вот как? — я был обескуражен. — Извини, совсем забыл. Слушай, а холл за дверью, наверное, не очень большой?

— Оформили только ту часть, которую видно с твоей кровати при открытой двери. Но будь у нас побольше времени, мы и линейку бы сделали. Они еще как в логарифмах разбираются.

«Побольше времени». Вот что меня беспокоило.

— Крошка, мы долго летели сюда?

Двадцать семь световых лет, надо же! Даже со скоростью света далековато... Что ж, путешествие, по законам Эйнштейна, возможно, покажется быстрым мне, но не Сентервиллю. Отец к тому времени может уже умереть! Отец ведь намного старше мамы и годится мне в дедушки.

И еще двадцать семь на обратный путь... Ему уже будет за сто лет; даже мама к тому времени может умереть.

— Сколько времени летели сюда? — переспросила Крошка. — Да нисколько.

— Нет, нет, я понимаю, что так кажется. Ты не стала старше, а у меня еще не прошло обморожение. Однако на дорогу ушло по меньшей мере двадцать семь лет, верно?

— О чем ты говоришь, Кип?

— Об уравнениях относительности, ты ведь о них слышала?

— А, вот что! Слышала, конечно, но здесь они не подходят. В данном случае путешествие не занимает вообще никакого времени, совсем. Ну, конечно, потребовалось минут пятнадцать, чтобы выйти из атмосферы Плутона, да столько же, чтобы пройти атмосферу и приземлиться здесь. А так — фьють! И все.

— А как же скорость света...

— Да нет, Кип. — Крошка нахмурилась, затем лицо ее озарила улыбка. — А сколько времени прошло с момента, как ты установил маяк, до того, как они нас спасли?

— Что? — До меня вдруг дошел смысл ее слов. Папа не умер. Мама даже поседеть не успела! — Что-то около часа!

— Немногим больше. Но они прилетели бы и раньше, если бы им не пришлось готовить к вылету корабль, тогда они нашли бы тебя в туннеле, а не я. Сигнал маяка они получили в то же мгновение, как ты его включил. Полчаса ушло на подготовку корабля, что очень рассердило Мэмми. Никогда не подумала бы, что она способна сердиться. У них принято, что дежурный корабль готов к мгновенному старту по ее вызову.

— Каждый раз?

— Мэмми может в любое время вызвать любой корабль — она очень важная особа. А потом полчаса маневрирования в атмосфере — и все дела. Все происходит в реальном времени, и никаких парадоксов.

Я напряженно пытался переварить это.

Двадцать семь лет, световых лет, они покрывают за час, да еще при этом получают выговор за опоздание. Этак соседи по кладбищу дадут д-ру Эйнштейну прозвище «врунишка Альберт».

— Но как? Каким образом?

— Ты знаком с геометрией, Кип? Не с Евклидовой, конечно, а со стереометрией?

— Как тебе сказать... Пытался разобраться в открытых и замкнутых поверхностях и читал популярные книги доктора Белла.

— По крайней мере, ты не отмахнешься сразу, если услышишь, что прямая линия вовсе не обязательно является кратчайшим расстоянием между двумя точками. Потому что это неверно, Кип, все пространства соприкасаются. Их можно уложить в ведро, запихнуть в наперсток, если найдутся правильные совмещения.

Очень туманно я представил себе Вселенную, втиснутую в кофейную чашку: плотно сбитые ядра и электроны, по-настоящему плотно, а не как в тонком математическом призраке, который, как считают, представляет собой даже ядро урана. Нечто вроде «первородного атома» — к этому термину прибегают некоторые философы-космисты, пытаясь объяснить расширяющуюся Вселенную. Что ж, может, она одновременно и сжимается, и расширяется. Как парадокс квантовой теории — волна не может быть потоком частиц, а частица не может быть волной, тем не менее все на свете является и тем и другим. Тот, кто не верит в корпускулярно-волновой дуализм, вообще может по этому поводу не беспокоиться и не верить ни во что, даже в собственное существование.

— Сколько измерений? — еле спросил я.

— А сколько, по-твоему?

— Двадцать, наверное. По четыре на каждое из первых четырех, чтобы по углам просторнее было.

— Двадцать — это даже не начало. Я сама не знаю, Кип, и геометрии я не знаю тоже, мне только казалось, что я ее знаю. Поэтому я пристала к ним, как репей.

— К Мэмми?

— Да нет, что ты! Она тоже не знает. Ну, только в той мере, чтобы вводить и выводить корабль из складок пространства.

— Всего-то, — хмыкнул я.

Надо было мне заняться усиленным обучением маникюру и ни за что не поддаваться на уловки отца получить образование.

Ведь этому конца нет: чем больше знаешь, тем больше остается неизвестного.

— Скажи-ка, Крошка, ведь ты знала, куда маяк посылал сигналы, правда?

— Кто, я? — Она приняла невинный вид. — Как тебе сказать, в общем, да.

— И ты знала, что мы полетим на Вегу?

— Ну... если бы сработал маяк, если б нам удалось послать сигнал вовремя.

— А теперь вопрос на засыпку. Почему ты ничего мне не сказала?

— Видишь ли... — Крошка всерьез решила разделаться с пуговицей. — Я не знала, насколько хорошо ты знаком с математикой. И ты ведь мог упереться и решить, что ты взрослый и все знаешь лучше меня. Ты ведь мне не поверил бы?

— Наверное, и не поверил бы. Но если у тебя еще раз появится желание что-нибудь от меня утаить «ради моего собственного блага», не делай этого. Я знаю, что я не гений, но я постараюсь проявить достаточно здравомыслия и, может быть, еще на что-нибудь пригожусь, если буду знать, что у тебя на уме. И перестань вертеть пуговицу.

Крошка поспешно ее отпустила.

— Хорошо, Кип, я запомню.

— Спасибо. Мне сильно досталось?

— Сильно.

— Их корабли могут мгновенно преодолеть любое расстояние. Почему ты не попросила их доставить меня домой и быстро отправить в больницу?

Крошка замялась. Затем спросила:

— Как ты сейчас себя чувствуешь?

— Прекрасно. Только ощущаю, что мне давали наркоз или что-то в этом роде.

— «Что-то в этом роде», — повторила она. — Но тебе кажется, что ты поправляешься?

— Я уже поправился!

— Нет. Не поправился. — Она пристально посмотрела на меня. — Сказать тебе все по правде, Кип?

— Говори.

— Если бы тебя доставили на Землю в самую лучшую больницу, которая у нас есть, ты был бы сейчас инвалидом, ясно? Безруким и безногим. А здесь ты скоро будешь абсолютно здоров. Тебе не ампутировали ни одного пальца.

Хорошо, что в какой-то мере Мэмми подготовила меня. Я спросил только:

— Это правда?

— Да. И то и другое. Ты будешь абсолютно здоров. — Лицо ее вдруг задрожало. — Ты был в таком ужасном состоянии! Я видела.

— В ужасном?

— Да. Меня потом кошмары мучили.

— Плохо, что они тебе разрешили смотреть.

— Она не могла запретить. Я — ближайшая родственница.

— То есть как? Ты что, выдала себя за мою сестру?

— Но я ведь действительно твоя ближайшая родственница.

Я хотел было обозвать ее нахалкой, но вовремя прикусил язык; на расстоянии 160 триллионов миль мы с ней были единственными землянами. Так что Крошка оказалась права, как всегда.

— И поэтому мне пришлось дать разрешение, — продолжала она.

— Разрешение на что? Что они со мной сделали?

— Сначала погрузили в жидкий гелий. И весь последний месяц, пока ты оставался там, использовали меня, как подопытного кролика. Потом три дня назад, три наших дня, тебя разморозили и начали над тобой работать. С тех пор ты быстро поправляешься.

— И в каком же я теперь состоянии?

— Как сказать. Регенерируешься. Это ведь не кровать, Кип. Только выглядит так.

— Что же это?

— В нашем языке нет эквивалента, а их ноты я не могу воспроизвести — тональность слишком высока. Но весь дом, начиная отсюда, — она похлопала рукой по кровати, — и до комнаты внизу, занят оборудованием, которое тебя лечит. Ты опутан проводами, как эстрада клуба электронной музыки.

— Интересно бы взглянуть.

— Боюсь, что нельзя. Кип, ты же не знаешь! Им же пришлось срезать с тебя скафандр по кускам.

Это расстроило меня куда больше, чем рассказ о том, в каком я был плачевном состоянии.

— Что? Они разрезали «Оскара»? Разрезали мой скафандр?

— Я знаю, что ты имеешь в виду. В бреду ты все время говорил с «Оскаром» и сам себе отвечал. Иногда я думаю, что ты — шизоид, Кип.

— Ты запуталась в терминах, коротышка. Скорее уж у меня раздвоение личности. Да ладно, ты ведь сама параноик.

— Подумаешь, я уже давно это знаю. Но я очень хорошо приспособленный параноик. Хочешь увидеть «Оскара»? Мэмми знала, что ты о нем спросишь, когда проснешься.

Она открыла стенной шкаф.

— То есть как? Ты же сказала, что его разрезали!

— А потом починили. Стал как новый, даже лучше прежнего.

— Тебе пора уходить, милая! Не забывай, о чем мы договорились, — пропела Мэмми.

— Ухожу, Мэмми, ухожу! Пока, Кип. Я скоро вернусь и буду к тебе часто забегать.

— Спасибо. Не закрывай шкаф, я хочу видеть «Оскара».

Крошка действительно заходила, но не очень часто. Однако я особенно и не обижался. Вокруг было столько интересного и познавательного, куда она могла сунуть свой вездесущий нос, столько необычного и нового, что она была занята, как щенок, грызущий новые хозяйские тапочки. Но я не скучал. Я поправлялся, а это работа такая, что нужно отдавать ей все свое время, и совсем не скучная, если у человека хорошее настроение. Как у меня.

Мэмми я видел тоже не часто. Я начал понимать, что у нее полно своей работы, хотя она приходила не позже чем через час, если я ее звал, и никогда не спешила уходить.

Она не была ни врачом, ни сиделкой. Вместо нее мною занимался целый полк медиков, контролировавших каждый удар моего сердца.

Они никогда не входили ко мне, если я их не звал, но достаточно было прошептать, они появлялись. Вскоре я понял, что моя комната начинена микрофонами и датчиками, как корабль в испытательном полете, а моя «кровать» представляла собой медицинскую установку, по сравнению с которой наши «искусственное сердце», «искусственные легкие» и «искусственные почки» кажутся игрушками.

Самого оборудования я так и не увидел, постель меняли только тогда, когда я спал, но отчетливо представлял себе его функции: оно заставляло мое тело регенерировать, то есть не заращивать раны шрамами, а воспроизводить утраченные органы.

Умением делать это обладает любая амеба или морская звезда: разрубите их на части, и получите несколько новехоньких звезд. Таким умением должно обладать любое живое существо, поскольку генотип заложен в каждой клетке. Но мы потеряли его несколько миллионов лет назад. Наука пытается его восстановить, по этому поводу публикуется много статей в «Конспекте для чтения» — оптимистических, в «Научном ежемесячнике» — пессимистических и совсем бестолковых в изданиях, научные редакторы которых получили, видимо, образование по фильмам ужасов. Но все же ученые над этим работают, и когда-нибудь наступит такое время, когда от несчастных случаев будут умирать только те, кого вовремя не успеют доставить в больницу.

Мне выпал редкий шанс изучить эту проблему, хотя мне было трудно. Но я старался. Я не испытывал никакого беспокойства по поводу того, что они со мной делают; Мэмми ведь сказала, чтобы я не беспокоился. Однако, подобно Крошке, я все-таки хотел знать, что со мной происходит.

Но возьмите дикаря из самых глухих джунглей, где не известна даже торговля в кредит. Предположите, что у него показатель умственного потенциала где-то за Ай Кью 190 и ненасытная любознательность, как у Крошки, и пустите его в лаборатории атомного исследовательского центра в Брукхейвене. Многому он там сумеет научиться, сколько ему ни помогай? Он разберется, конечно, какие коридоры куда ведут, и узнает, что красный трилистник представляет собой сигнал опасности.

И все. И не потому, что он не способен — мы ведь говорим о суперинтеллекте, — просто ему нужно лет двадцать учиться, прежде чем он начнет задавать правильные вопросы и получать на них верные ответы.

Я задавал вопросы, неизменно получал ответы и делал свои выводы. Приводить их нет смысла — они путанны и противоречивы, как те выводы, что мог бы сделать дикарь о конструкции и работе оборудования атомных лабораторий. Как говорится в радиотехнике, при достижении определенного уровня шумов передача информации больше не возможна. Вот я и дошел до такого уровня.

По большей части это действительно был «шум» в прямом смысле слова. Задам я вопрос, а кто-нибудь из медиков начнет объяснять. Поначалу ответ кажется понятным, но он рассказывает суть дела, а я слышу только неразборчивое чириканье. Даже когда в роли переводчика выступала Мэмми, те объяснения, для восприятия которых у меня не было научной базы, звучали бодрим канареечным щебетаньем.

Не попадайте со стульев, я собираюсь объяснить кое-что, чего сам не понимаю: как Крошка и я говорили с Мэмми, хотя она не могла выговаривать английские слова, а мы были не способны воспроизводить ее певучий язык.

Обитатели Веги, которых я именовал «веганцами», переговаривались между собой тихим пересвистом, хотя «веганцы» по звучанию напоминало шум ветра в каменной трубе. У Мэмми тоже было свое «веганское» имя, но чтобы его произнести, надо было иметь сопрано. Крошка выучилась его произносить, чтобы умаслить Мэмми, но это ей никак не помогало. Так вот, веганцы обладают изумительным даром понимания, умением поставить себя на место собеседника. Вряд ли это телепатия: умей они читать мысли, я вряд ли постоянно попадал бы впросак со своими вопросами. Можно назвать это свойство «умением читать чувства».

Но у них оно было развито по-разному; мы, например, тоже все умеем водить машины, но лишь у немногих есть данные автогонщиков. Вот и Мэмми... Я когда-то читал об актрисе, которая так владела итальянским, что ее понимали даже те, кто итальянского не знал. Ее звали Дуче. Нет, «дуче» — это диктатор. Ну, что-то в этом роде. Должно быть, она обладала тем же даром, что и Мэмми.

Первыми словами, которые я усвоил с помощью Мэмми, были «привет», «пока», «спасибо». Ей их хватало, чтобы выразить свою мысль; так человек может разговаривать с чужим щенком.

Позже я начал воспринимать пение как речь. А Мэмми усваивала значения английских слов еще быстрее; она ведь целыми днями беседовала с Крошкой, когда они пребывали в плену.

Если легко понять «здравствуй» и «хорошо бы поесть», то изложить такие понятия, как скажем, «гетеродин» и «аминокислоты», куда сложнее, пусть даже в языках собеседников и существуют схожие понятия. Когда же в языке одного из них нужной конструкции нет, беседа обрывается. Поэтому мне трудно было беседовать со своими медиками — я не понял бы их, даже если бы они говорили по-английски.

Колебательный контур, посылающий радиосигнал, производит лишь мертвую тишину, если только сигнал не поступает на другой контур, настроенный на те же колебания с целью их воспринимать. Меня же не включили на нужную частоту. Тем не менее я хорошо понимал их, если разговор не затрагивал профессиональных проблем.

Существа они были очень милые, охотно болтали и смеялись, друг к другу относились хорошо. Я с трудом отличал их друг от друга, за исключением Мэмми. Я, в свою очередь, узнал, что единственное различие, которое они видели между Крошкой и мной, заключалось в том, что я был болен, а она здорова. Но они различали друг друга легко; их разговоры переполняли музыкальные имена, и казалось, будто слушаешь «Петю и волка» или оперу Вагнера. У них был даже специальный лейтмотив для меня. Речь их звучала жизнерадостно и весело, как звуки яркого летнего рассвета.

Теперь, если услышу канарейку, то буду знать, о чем она поет, даже если сама она этого не знает.

Многое я узнавал от Крошки; ведь больничная койка не лучшее место для знакомства с планетой. Вега V была планетой с земной силой тяжести, с кислородной атмосферой, с циклом жизни, построенным на воде. Для землян она не была пригодна, потому что полуденное «солнце» могло испепелить человека ультрафиолетовыми лучами и потому что атмосфера содержала смертоносное для людей количество озона: немного озона

бодрит и освежает, но если глотнуть чуть больше нормы, это все равно что выпить синильной кислоты. Моя комната кондиционировалась; веганцы могли в ней свободно дышать, но считали воздух безвкусным.

Многое я узнал потому, что Мэмми обратилась ко мне с просьбой: она хотела, чтобы я надиктовал подробный рассказ о том, как влип в эту историю. Потом она попросила меня рассказать все, что я знал о Земле и ее истории, о том как земляне трудятся и уживаютя вместе. Надо сказать, что ответить на эти вопросы и теперь мне сложно, так как не слишком много я знаю. Взять хотя бы древний Вавилон. Какое он оказал влияние на раннюю цивилизацию Египта? Я имел об этом самое туманное представление.

Возможно, Крошка справилась бы с этой задачей лучше, поскольку, как и мой отец, она всегда запоминает все, когда-либо услышанное или прочитанное. Но им, наверно, оказалось не под силу заставить ее долго сидеть на одном месте, а я к своему все равно был прикован. Мэмми интересовалась этой информацией по тем же причинам, которые заставляют нас изучать австралийских аборигенов; она также хотела получить записи нашего языка. Была у нее и еще одна причина.

Дело мне выпало нелегкое, хотя ко мне прикрепили веганца, чтобы он помогал, когда у меня возникало желание работать, и который всегда прекращал работу, если я устал. Я прозвал его «профессор Джозефус Яйцеголовый». Слово «профессор» более-менее подходит в данном случае, а имя его все равно буквами не запишешь. Для краткости я называл его «Джо», а он, обращаясь ко мне, высвистывая мотивчик, который по-ихнему означал «Клиффорд Рассел, обмороженное чудовище». Джо обладал столь же развитым даром понимания, как Мэмми. Но как объяснить такие понятия, как «тарифы» и «короли» существу, в истории которого никогда не было ни того ни другого? Английские слова казались бессмысленным шумом. Однако Джо изучал истории многих планет и народов и демонстрировал мне различные сценки на цветных стереоскренах, пока мы не определяли вместе, о чем идет речь.

Мы продвигались вперед: я надиктовывал текст в серебристый шар, висящий подле рта, а Джо, свернувшись в клубочек, как кот, лежал на специальном возвы-

шении, поднятом на уровень моей кровати, и диктовал в свой микрофон, делая заметки по ходу дела. Микрофон был устроен так, что его голос я слышал только тогда, когда он обращался ко мне.

Иногда Джо прекращал диктовать и показывал мне различные изображения, пытаясь выяснить, о чем шла речь. Изображения, казалось, появлялись прямо из воздуха, но так, чтобы мне было удобно: стоило мне повернуть голову, и они перемещались вслед за моим взглядом. Цветное стереотелевидение с абсолютно реальным, достоверным изображением. Что ж, дайте нам еще лет двадцать, и мы добьемся такого же результата.

Настоящее впечатление на меня произвела организация, которая за этим стояла. Я стал расспрашивать о ней Джо. Он пропел что-то в свой микрофон, и мы совершили быстрое турне по их «Библиотеке Конгресса».

Мой отец считает, что библиотечная наука лежит в основе всех наук, а ключом ко всем ним является математика; выживем мы или погибнем, по его мнению, зависит от того, как хорошо справятся со своим делом библиотекари. Мне библиотечная профессия романтической не кажется, но, вероятно, папа высказал не очень очевидную истину.

В этой «библиотеке» были сотни, а то и тысячи веганцев, просматривающих изображения; перед каждым стояла серебристая сфера. Джо сказал, что они «рассказывают данные». Это соответствует карточкам для каталога с той лишь разницей, что больше похоже на запись в человеческую память; девять десятых того здания занимал электронный мозг.

Я заметил треугольный значок, похожий на тот, который носила Мэмми, но его изображение быстро сменилось каким-то другим. Такой же значок, в отличие от своих сородичей, носил Джо, но я как-то не удосужился спросить, что он означает, так как созерцание этой невероятной «библиотеки» напомнило мне о кибернетике и мы уклонились от темы. Потом я решил, что это, наверное, знак принадлежности к ученым: ведь Мэмми выделялась интеллектом даже среди веганцев, а Джо от нее почти не отставал.

Когда Джо был уверен, что понял какое-нибудь английское слово, он приходил в восторг, как обласканный

щенок. Он был преисполнен достоинства, но подобная реакция не считается для веганца неприличной. Если веганец замирает, то, значит, он либо очень обеспокоен, либо недоволен чем-нибудь.

Беседы с Джо дали мне возможность путешествовать по разным местам, не покидая постели. Мне на наглядных примерах показывали разницу между «начальной школой» и «университетом». «Детский сад» выглядел так: один взрослый веганец следил за кучей шалунов детишек, невинно проказничающих, как проказничает щенок колли, когда наступает лапками на мордочку поваленного им братишки, стремясь дотянуться до блюдца с молоком.

Но «университет» впечатлял тихой красотой, странно-го вида деревьями, растениями и цветами, разбросанными между сюрреалистическими зданиями, не похожими ни на один известный мне архитектурный стиль Земли. Скорее, я удивился бы, окажись они на что-то похожими. Веганцы широко использовали параболы, и все их «прямые» линии казались выпуклыми, в них было то, что греки называли «энтасис», — изящество в сочетании с силой.

Однажды Джо пришел ко мне, весь светясь от радости. Он принес еще один серебристый шар, чуть большего размера, чем остальные. Поместив его передо мной, он пропел:

— Послушай это, Кип.

Вслед за ним из большого шара раздалось по-английски:

— Послушай это, Кип!

— Что вы хотите услышать от меня? — спросил я.

— Что вы хотите услышать от меня? — пропел большой шар по-вегански.

Больше профессор Джо ко мне не приходил.

Несмотря на всю помощь, мне оказываемую, несмотря на умение Мэмми объяснять, я казался себе армейским тупицей в академии Уэст-Пойнта, принятым почетным курсантом, но не способным овладеть программой. Я не понял устройства их правительства. Да, у них было правительство и государство, не похожие ни на одну известную мне систему. Джо понимал, что такое

«голосование», «юриспруденция» и «демократия»; он располагал примерами из истории множества планет. О демократии он отозвался, как об «очень хорошей системе для начинающих». Это высказывание могло бы прозвучать высокомерно, однако высокомерие веганцам не свойственно.

Познакомиться с кем-нибудь из молодежи мне не удалось. Джо объяснил, что детям не положено видеть «непривычных существ», пока они не научатся понимать их и сочувствовать им... Я бы обиделся, если бы к тому времени сам уже не овладел в некоторой степени этим искусством. И сказать по правде, повстречай десятилетний земной мальчик веганца, он либо убежал бы, либо ткнул его палкой.

Я пытался расспросить об их государственной системе Мэмми; в частности, мне хотелось узнать, как они сохраняют мир и порядок, как действуют их законы, как они борются с преступностью, какие у них приняты наказания и правила уличного движения. Но разговор с Мэмми привел к самому серьезному случаю непонимания, когда-либо возникавшему в наших беседах.

— Но как же может разумное существо идти против собственной природы? — спрашивала Мэмми.

Сдается мне, что их единственный порок состоит в том, что у них нет никаких недостатков. А это, оказывается, очень утомительно.

Лечащие меня медики очень заинтересовались лекарствами из шлема «Оскара»; мы ведь интересуемся шаманскими снадобьями, но интерес не был праздным, вспомните дигиталис и кураре. Я объяснил им, от чего помогает каждое лекарство, сумел привести не только торговое, но и научное название почти всех их. Я знал, что кодеин делается из опиума, а опиум добывается из мака. Знал, что декседрин относится к сульфатам, но на этом мои познания кончались. Органическая химия и биохимия и без языкового барьера — достаточно трудная тема для разговора.

Не знаю даже, когда я уяснил, что Мэмми не женщина, или, вернее, не совсем женщина. Но значения это не имело: материнство — вопрос отношений, а не

биологическое родство. Если бы Ной строил свой ковчег на Веге V, ему бы пришлось брать каждой твари не по паре, а по дюжине. Это весьма сильно все осложняет.

Но Мэмми — существо, которое заботится о других. Я вовсе не уверен, что все они одного пола, скорее, все зависит от характера.

Встречался я и с веганцем «отцовского типа». Можно назвать его «губернатором» или «мэром», но, пожалуй, «пастырь» или «вожатый» подойдет лучше, хотя его авторитет распространялся на целый континент. Он вплыл в мою комнату во время одной из наших бесед с Джо, пробыл минут пять, прочирикал Джо, чтобы тот продолжал делать полезное дело, мне прочирикал, что я хороший мальчик, пожелал поскорее поправиться, и все без какой бы то ни было спешки. От него исходило наполнившее меня теплое чувство уверенности, как от папы, когда он со мной разговаривает. Визит его носил характер «посещения раненого членом королевской семьи», а ведь нелегко, наверное, включить посещение моей палаты в его плотный рабочий график.

Джо по отношению ко мне не проявлял ни отцовской заботы, ни материнской ласки, он учил и изучал меня, как «настоящий ученый».

Однажды Крошка вбежала ко мне, веселая и довольная, и застыла в позе манекена.

— Как тебе нравится мой новый весенний костюм?

На ней был серебристый, плотно облегающий комбинезончик, а на спине горбился маленький рюкзачок. Выглядела она мило, но, конечно, не так, чтобы отправиться на бал в королевский дворец; вообще-то она была худенькая, как тростинка.

— Очень здорово, — прокомментировал я. — В акробаты готовишься?

— Не говори глупости, Кип, это мой новый скафандр!

Я посмотрел на громоздкого, неуклюжего, заполнявшего весь стеной шкаф «Оскара» и спросил:

— Слышал, дружище?

— Чего в жизни не бывает!

— А как шлем пристегивается?

— Он на мне, — хихикнула Крошка.

— Ну да? «Новое платье короля»?

— Что-то вроде этого. Забудь о предрассудках, Кип. Это скафандр того же типа, как у Мэмми, но сделан специально для меня. Мой старый скафандр был не первый сорт, да и мороз его почти доконал. А этот — просто чудо. Взять хотя бы шлем. Он на мне, просто ты его не видишь. Эффект силового поля. Воздух не может ни выйти, ни попасть сюда. — Она подошла поближе. — Дай мне пощечину.

— Зачем?

— Ой, я забыла. Поправляйся скорей и вставай с постели, я поведу тебя гулять.

— Я — за. И, говорят, не так уж долго ждать?

— Поскорей бы. Смотри, а я тебе покажу. — Она ударила себя по лицу, но в нескольких дюймах от ее лица рука наткнулась на преграду. — Смотри внимательно, — продолжала Крошка и медленно повела рукой.

Рука прошла сквозь невидимый барьер, Крошка ущипнула себя за нос и расхохоталась. Это произвело на меня впечатление: еще бы, скафандр, через который можно дотронуться до себя. Будь у нас такие, я бы смог тогда передать Крошке и воду, и декседрин, и таблетки сахара.

— Здорово! Как он устроен?

— На спине, под резервуаром с воздухом, размещается энергоустановка. Резервуара хватает на неделю, а со шлангами подачи воздуха не бывает проблем, потому что их нет.

— А если какой-нибудь предохранитель полетит? Сразу вакуума наглотаешься.

— Мэмми говорит, что такого не бывает.

Что ж, я не помню, чтобы Мэмми хоть однажды ошиблась в своих утверждениях.

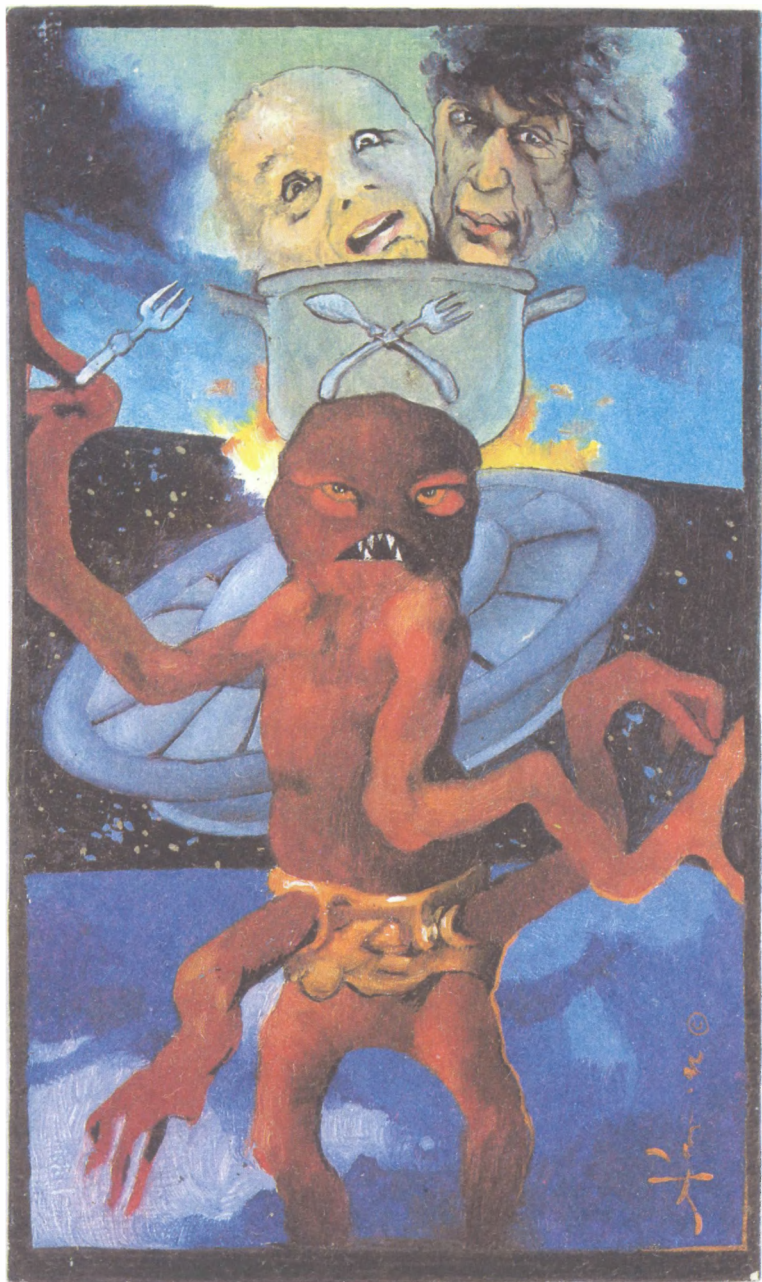
— И это еще не все, — продолжала Крошка. — В нем чувствуешь себя, как в обычной одежде, ничего не мешает, никогда не бывает ни холодно, ни жарко.

— А как насчет ожогов? Ты ведь говорила...

— Поле действует как поляризатор. Кип, попроси их сделать скафандр и для тебя, и мы отправимся путешествовать!

Я поглядел на «Оскара».

— Пожалуйста, дружище, пожалуйста, — ответил он еле слышно. — Я ведь не ревнивый.

— Знаешь, Крошка, я лучше останусь с «Оскаром». Но с удовольствием изучу этот твой обезьяний наряд.

— Обезьяний! Скажет тоже!

Проснувшись однажды утром, я перевернулся на живот и понял, что хочу есть. Потом рывком сел. Я перевернулся на живот! Меня предупреждали быть готовым к этому. «Кровать» снова стала просто кроватью, и тело слушалось меня. Более того, я проголодался, а за время пребывания на Веге V я ни разу не хотел есть. Медицинская машина сама насыщала мой организм. Очень здорово было вновь почувствовать себя человеком, а не отдельным мозгом. Я соскочил с постели, ощутил легкое головокружение, оно сразу же прошло, и я усмехнулся. Руки! Ноги!

Я с восторгом исследовал их. Они были целехоньки и нисколько не изменились. Потом я присмотрелся повнимательней. Нет, кое-какие изменения есть. На голени не было больше шрама, заработанного в детстве во время игры. Когда-то на ярмарке я вытатуировал у себя на левом предплечье слово «мама». Мама очень огорчилась, а отец разозлился, но велел татуировку не сводить, чтобы впредь неповадно было дурить. Теперь ее не было. С рук и ног исчезли мозоли. Несколько лет назад я лишился мизинца правой ноги, потому что промахнулся топором. Теперь палец оказался на месте. Я поспешно поискал шрам от аппендицита, нашел его и успокоился: исчезни он, я бы не был уверен, что я — это действительно я.

Подойдя к зеркалу, я обнаружил, что у меня отрасли такие длинные волосы, что я стал похож на хиппи.

На комодѣ лежали доллар и шестьдесят семь центов, автоматический карандаш, листок бумаги, мои часы и носовой платок. Часы шли. Долларовая бумажка, листочек и носовой платок были выстираны и выглажены. Одежда, безупречно чистая и отремонтированная, лежала на столе. Но носки были новые, из материала, похожего на войлок, если, конечно, бывает войлок не толще бумажной салфетки и растягивающийся вместо того, чтобы рваться. На полу стояли теннисные туфли, такие же, как у Крошки, только моего размера. Я оделся.

В дверь влетела Крошка.

— Кто-нибудь есть дома? — Она несла поднос. — Не хочешь позавтракать?

— Крошка! Да посмотри же на меня!

— Очень неплохо, — отметила она, — особенно для такой обезьяны. Но надо постричься.

— Меня по кусочкам собрали! Здорово!

— Ты никогда и не разваливался на кусочки, — ответила Крошка, — если не считать отдельных деталей. Куда поставить? — Она поставила поднос на стол.

— Крошка, — спросил я не без обиды. — Тебе безразлично, что я поправился?

— Что ты, конечно, нет. А то с чего бы я попросилась нести тебе поднос? Но я еще вчера знала, что тебя выпускают из бутылки. Кто, по-твоему, стриг тебе ногти и брил тебя? С тебя за это доллар, сейчас цены на бритье возросли.

Я протянул ей свой многострадальный доллар.

— Ты что, шуток не понимаешь?

— «Ни кредитором будь, ни должником».

— Полоний. Нудный старый дурак. Нет, Кип, я не могу взять твой последний доллар.

— Так кто же не понимает шуток?

— Знаешь, лучше позавтракай, — ответила Крошка. — Этот пурпурный сок очень вкусный, похож на апельсиновый. Вот это похоже на яичницу-болтушку, вполне приличная имитация, я даже попросила окрасить ее в желтое, а местные яйца просто ужас, что, впрочем, не удивительно, когда знаешь, где их берут. Вот это растительный жир, я его тоже окрасила в нужный цвет. Хлеб настоящий, сама поджарила. Соль тоже настоящая, но они удивляются, что мы ее едим, потому что считают ее ядом. Ешь, я ведь все проверила на себе, как на кролике. Вот кофе нет.

— Ничего, обойдусь.

— А я его вообще никогда не пью — хочу вырасти. Ешь!

Запах был восхитителен.

— А где твой завтрак, Крошка?

— Я уже давно поела. Но я буду следить за тобой и заодно глотать слюнки.

Вкус еды мне казался странным, но она была тем, «что доктор прописал», да, наверное, так и было. Давно я не

получал от еды такого удовольствия. Наконец я сделал паузу и сказал:

— Надо же, нож и вилка!

— Единственные на планете, — ответила Крошка, — мне надоело есть пальцами, а их приборы для нас неудобны. Я нарисовала картинку. Этот прибор мой, но мы тебе тоже закажем.

На подносе лежала салфетка, из того же войлокоподобного материала. Вода на вкус казалась дистиллированной. Но мне было все равно.

— Крошка, а чем ты меня так здорово побрила без единой царапинки?

— Маленьким таким приборчиком, полым внутри. Не знаю, для чего он предназначен здесь, но если ты запатентуешь его дома — заработаешь кучу денег. Доедай тосты.

— Больше не могу. А я-то думал, что съем все до последней крошки.

— Ну ладно, тогда я доем. — Она подцепила тостом немного масла и, проглотив его, заявила: — Я пошла.

— Куда?

— Надевать скафандр. Потом поведу тебя гулять. — Крошка исчезла.

За исключением части, видимой с моей кровати, холл вовсе не был похож на мой дом, но, как и дома, дверь налево вела в ванную. Ее и не пытались имитировать под земную, все освещение и оборудование веганские, но очень удобные.

Когда вернулась Крошка, я проверял «Оскара». Если они и впрямь срезали с меня скафандр по кускам, то восстановили его просто изумительно, исчезли даже те заплатки, которые ставил я. И вычистили скафандр так тщательно, что внутри не осталось никаких запахов. Скафандр был в отличной форме и имел трехчасовой запас воздуха.

— Ты отменно выглядишь, дружище.

— Обслуживание здесь на высоте.

— Оно и видно.

Подняв голову, я увидел Крошку, уже одетую в свой «весенний костюм».

— Крошка, а без скафандра здесь гулять нельзя?

— Можно. Достаточно одеть респиратор, козырек от солнца и темные очки.

— Ты меня убедила. А где же мадам Помпадур? Ты всунула ее под костюм?

— Всунуть-то не трудно, но я оставила ее в своей комнате и велела хорошо себя вести.

— А как, надежда есть?

— Сомнительно. Она вся в меня.

— Где твоя комната?

— Рядом. Это единственная часть дома, где созданы земные условия.

Я начал влезать в скафандр.

— Слушай, а радио в твоём балахоне есть?

— Все то же самое, что у тебя, и даже больше. Ты не заметил перемен в «Оскаре»?

— Каких перемен? Я заметил, что он починен и вычищен, а что они с ним сделали еще?

— Так, пустячок. Лишний переключатель на рации. Нажмешь и можешь говорить с теми, у кого нет радио, не напрягая голосовых связок.

— Что-то не вижу динамика.

— Они не любят неуклюжих и громоздких приборов.

Я заглянул в Крошкину комнату, когда мы проходили мимо. Она не была выдержана в веганском стиле, я ведь достаточно насмотрелся по стерео местных интерьеров. Не была она и копией ее земной квартиры, если, конечно, ее родители люди здравомыслящие. Стиль «мавританский гарем», в воображении сумасшедшего короля Людвига, вперемешку с Диснейлендом.

Но от комментариев я воздержался. Наверное, Мэмми хотела предложить ей комнату, копирующую ее собственное жилище, так же, как и мне, но Крошка не упустила возможности и дала развернуться вовсю своему неудержимому воображению.

Сомнительно, конечно, чтобы ей удалось провести Мэмми хоть на секунду. Та, вероятно, снисходительно чирикнула и дала Крошке покапризничать.

Дом Мэмми был ненамного меньше капитолия нашего штата, семья ее насчитывала то ли десятки, то ли сотни родственников — слово «семья» имеет здесь более широкий смысл, чем у нас. Малышей на нашем этаже не было, и я знал, что их держат подальше от нас, «страшил». Все взрослые здоровались со мной, спраши-

вали о здоровье и поздравляли: я только и делал, что отвечал «спасибо», «прекрасно», «лучше не бывает». Каждый из них знал Крошку и мог прочирикать ее имя.

Мне показалось, что я узнал одного из своих врачей, но толком среди веганцев я мог узнать лишь Мэмми, профессора Джо и главного медика, а они нам не встретились.

Мы шли дальше. У Мэмми был типичный веганский дом — круглые мягкие пуфики в фут толщиной и фута в четыре диаметром, используемые как стулья и кровати; голый пол, чистый и пружинящий под ногами; мебель, по большей части расположенная по стенам, цветы, неожиданно встречающие тебя здесь и там, как будто на дом надвинулись джунгли.

Пройдя сквозь ряд параболических арок, мы вышли на балкон. Ограждения на нем не было, а лететь до площадки под ним — футов семьдесят пять. Я остался у стены и в который раз пожалел, что у «Оскара» нет окошка под подбородком. Крошка подошла к краю, схватилась рукой за стройный столбик и высунулась наружу.

— Иди посмотри!

— Может, ты меня подстрахуешь веревкой?

— Что, высоты испугался?

— Я ее всегда боюсь, когда не вижу, куда ступаю.

— Так возьми за мою руку и держись за столб.

Я дал ей подвести меня к столбу, затем выглянул наружу.

Передо мной лежал город в джунглях. Сочная темная зелень заполняла все пространство и так перепуталась, что я не мог отличить деревья от кустов. Местами зеленое море разбивали островки зданий — таких же больших, как то, где находились мы, или еще больших. Дорог не было видно: в городах веганцы прокладывают дороги под землей. Но многие передвигались по воздуху с помощью очень легких индивидуальных летательных аппаратов, взлетая и садясь, как птицы, на балконы, подобные тому, на котором стояли мы.

Увидел я и настоящих птиц, стройных, длиннотелых и ярко раскрашенных, с двумя парами крыльев, что казалось нелепым с точки зрения аэродинамики, но вполне, видимо, устраивало их.

— Полезем на крышу?

— А как?

— Через люк.

Наверху виднелся люк, к которому вели расположенные винтовой лестницей легкие кронштейны, которыми наши хозяева пользуются как ступеньками.

— А настоящей лестницы здесь нет?

— С другой стороны есть, но обходить долго.

— Боюсь, что эти ступеньки меня не выдержат. Да и вряд ли я пролезу в люк в «Оскаре».

— Не ной! — Крошка, как мартышка, ловко полезла вверх.

Я карабкался за ней, словно усталый медведь. Кронштейны, несмотря на кажущуюся хрупкость, оказались прочными, и отверстие люка достаточно большим.

Высоко в небе сияла Вега.

Под тем углом, под которым мы ее видели, она казалась размером с наше Солнце, что было вполне естественным, поскольку планета отстояла от нее намного дальше, чем Земля от своего светила. Но очень уж Вега яркая, свет слепил глаза, несмотря на поляризаторы. Пришлось отвернуться и подождать, пока глаза не привыкли, а поляризаторы не отрегулировались и я снова смог нормально видеть. Голова Крошки, казалось, скрылась под баскетбольным мячом из темного стекла.

— Ты еще там? — спросил я на всякий случай.

— Конечно, — ответила она, — и мне этот свет смотреть не мешает. Красивый отсюда вид. Он тебе не напоминает вид Парижа с Триумфальной арки?

— Не знаю. Я ведь никогда нигде не бывал.

— Только бульваров, разумеется, здесь нет. А вот кто-то садится на нашу крышу.

Я обернулся в ту сторону, куда она показала: ей все было видно, а мой обзор ограничивал шлем. Едва я успел повернуться — веганец был уже подле нас.

— Здравствуйте, дети!

— Привет, Мэмми, — Крошка, обняв Мэмми обеими руками, подняла ее.

— Не спеши, милая, не спеши. Дай-ка мне снять все это. — Мэмми сбросила свое летательное приспособление, сложила его, как зонтик, и повесила на руку. — Ты хорошо выглядишь, Кип.

— Я себя прекрасно чувствую, Мэмми. Вот здорово, что вы снова с нами!

— Я хотела вернуться к тому моменту, когда ты встанешь с постели. И врачи держали меня в курсе дела каждую минуту. — Она приложила мне к груди свою маленькую ручку, при этом несколько вытянувшись, и глаза ее почти доставали до стекла моего шлема. — Ты совсем здоров.

— Лучше не бывает.

— Правда, правда, Мэмми, он здоров.

— Хорошо. Ты уверяешь, что здоров. Я чувствую, что это действительно так, Крошка заверяет, что это так, и, что самое существенное, главный лечащий врач тоже считает, что ты здоров. Мы отправимся немедленно.

— Что? — удивился я. — Куда отправимся, Мэмми? Она обернулась к Крошке.

— Ты еще не сказала ему, милая?

— Ой, что вы, Мэмми, никак случая не выдавалось.

— Хорошо. — Она снова повернулась ко мне. — Милый Кип, мы должны посетить важное собрание. Будут заданы вопросы, будут выслушаны ответы, будут приняты решения. — Теперь она обращалась к нам обоим: — Готовы ли вы тронуться в путь?

— Прямо сейчас? — спросила Крошка. — Конечно, только мне надо сбегать за мадам Помпадур.

— Иди же за ней. А ты, Кип?

Я сказал Мэмми, что не помню, надел ли часы, а сквозь ткань скафандра не могу определить этого на ощупь.

— Хорошо, дети, бегите по своим комнатам, пока я вызову корабль. Возвращайтесь сюда и не задерживайтесь.

Вниз мы спустились по лестнице.

— Ты опять скрыла от меня что-то важное, Крошка?

— Вовсе нет!

— Как же, по-твоему, это называется?

— Послушай меня, пожалуйста, Кип! Мне не велели тебе ничего говорить, пока ты не поправишься. Мэмми настаивала на том, чтобы тебя ничем не беспокоили.

— Почему я должен был беспокоиться? Что вообще происходит? Что это за собрание? Что за вопросы?

— Суд. Можно даже сказать — уголовный суд.

— Что? — Я мгновенно прозондировал собственную совесть. Но ведь при всем желании я не мог здесь

ничего натворить, еще два часа назад я был беспомощным, как новорожденный младенец.

— Малышка, — сказал я строго. — Выкладывай все начистоту. Что ты натворила на этот раз?

— Я? Абсолютно ничего.

— Подумай хорошенько.

— Да нет же, Кип. Извини, что ничего не рассказала тебе за завтраком! Но папа не разрешает ничего ему рассказывать, пока не выпьет вторую чашку кофе, и я подумала, что хорошо бы нам погулять, прежде чем начнутся всякие неприятности, и я как раз собиралась тебе рассказать...

— Так рассказывай, наконец.

— Я ничего не натворила. Но ты забыл о Червелице.

— Как? Да ведь он же погиб!

— Может быть и нет. Но, как только что сказала Мэмми, еще «будут заданы вопросы и приняты решения». Сдается мне, ему крышка.

Я поразмыслил над этим по дороге. Тяжкие преступления и судебно наказуемые деяния... Разбой на космических дорогах, да, похоже, что Червелицкий получит «вышку». Если, разумеется, веганцы сумеют его поймать. Но, видимо, его уже схватили, коль скоро речь идет о суде.

— В качестве кого же привлекаемся мы? Свидетелей?

— Что-то вроде.

Судьба Червелицкого мне до лампочки, но, может быть, представится шанс побольше узнать о веганцах. Особенно, если суд находится где-нибудь вдали отсюда, — удобный случай попутешествовать и познакомиться со страной.

— Но это еще не все, — озабоченно добавила Крошка.

— Что еще?

— Поэтому-то я хотела сначала погулять без всяких забот, — вздохнула она расстроено.

— Не тяни, выкладывай.

— Видишь ли, потом перед судом предстанем мы.

— Что?!

— Ну, наверное, правильнее сказать: предстанем перед испытательной комиссией. Но одно я знаю точно: нас не отпустят домой, пока не вынесут нам вердикт.

— Но что же мы сделали?! — взорвался я.

— Не знаю!

— А ты уверена, что нас отпустят домой после суда? — Во мне все кипело.

— Мэмми отказывается об этом говорить.

Остановившись, я взял ее за руку.

— Все это означает, — сказал я зло, — что мы с тобой арестованы. Так?

— Да. — Она добавила, почти рыдая: — Но, Кип, я ведь говорила тебе, что она — полицейский, говорила!

— Вот здорово! Мы таскали ей каштаны из огня, а теперь арестованы и будем преданы суду, и даже не знаем, за что! Чудесное место Вега V! И такие дружелюбные туземцы! Они лечили меня, как у нас лечат гангстеров, чтобы потом повесить!

— Но, Кип, — Крошка не могла больше сдерживать слезы и разревелась вовсю, — я знаю, я уверена, что все будет хорошо. Пусть она полицейский, она все-таки Мэмми!

— Да? Сомневаюсь. — Поведение Крошки резко не соответствовало ее словам. Она умоляла меня не беспокоиться, а сама...

Свои часы я нашел на умывальнике и, расстегнув скафандр, положил их во внутренний карман. Войдя к Крошке, я увидел, что она делает то же самое с мадам Помпадур.

— Давай я возьму ее, — предложил я, — у меня больше места.

— Нет, спасибо, — вяло ответила Крошка. — Она нужна мне. А сейчас — особенно.

— Крошка, где находится суд? В этом городе? Или в другом?

— Разве я тебе не сказала? Он на другой планете.

— Разве Вега V — не единственная населенная...

— Суд находится на планете в другой солнечной системе. И даже в другой галактике.

— Что-что?

— Это где-то в Малом Магеллановом облаке.

Глава 10

Я не стал сопротивляться. В 160 триллионах миль от дома это бессмысленно. Но я не разговаривал с Мэмми, поднимаясь на борт корабля.

Корабль походил на старинный улей и казался маленьким каботажным судном, еле годным добросить нас до космопорта. Мы с Крошкой впритык уселись на полу, Мэмми свернулась спереди и покрутила блестящие стержни, похожие на счеты. Мы сразу же оторвались от земли. Через несколько минут мой гнев из утрюмой насупленности перешел в безрассудную агрессивность.

— Мэмми!

— Одну секунду, милый, дай мне вывести корабль из атмосферы.

Она нажала на что-то, корабль задрожал, потом лег на ровный курс.

— Мэмми! — повторил я.

— Подожди, пока не спустимся, Кип.

Пришлось ждать. Приставать к пилоту так же глупо, как пытаться вырывать руль у шофера. Корабль снова трянуло — должно быть, в верхней части атмосферы дуют сильные ветры. Но она свое дело знала.

Вскоре я ощутил мягкий толчок и решил, что мы прибыли в космопорт. Мэмми обернулась ко мне.

— Ну что ж, Кип, я улавливаю чувства страха и возмущения, овладевшие тобой. Станет тебе легче, если

я заверю тебя, что вам двоим ничего не угрожает? Что я буду защищать вас своим собственным телом так же, как защищал меня ты?

— Да, но...

— Тогда давай подождем и посмотрим, что будет. Показать легче, чем объяснить. Не застегивай шлем. На этой планете такой же воздух, как у тебя дома.

— Что? Мы уже там?

— Я ведь тебе говорила, — напомнила Крошка. — Раз, и все! Прилетели.

Я ничего не ответил, пытаясь сообразить, как далеко мы очутились от дома.

— Идемте, дети.

Вылетели мы в полдень, а сошли с корабля ночью. Корабль стоял на уходящей в даль, насколько хватало глаз, платформе. Я увидел перед собой незнакомые созвездия, вниз по небу тянулась тонкая нитка Млечного Пути. Так что, похоже, Крошка ошиблась: хотя мы и очутились далеко от дома, но все в той же Галактике, может, нас просто перебросили на ночную сторону Вегы V.

Услышав за спиной изумленный вздох Крошки, я обернулся.

У меня не достало сил даже на вздох изумления. Небо сверкало необъятным звездным водоворотом. Сколько там было звезд? Миллионы? Миллиарды?

Случалось вам видеть фотоснимок Туманности Андромеды? Гигантской спирали из двух изогнутых витков? И сейчас мы увидели нечто подобное. Из всех красот неба — это самое чудесное.

Только не на фотографии, не на объективе телескопа — мы были так близко к звездам, что они простирались над нами через все небо, занимая пространство в два раза большее, чем звезды Большой Медведицы, когда смотришь на них с Земли. Так близко, что я увидел скопление в их центре: два огромных звездных ствола, переплетающихся между собой.

И тогда я по-настоящему понял, как далеко очутились мы от дома. Дом остался далеко позади, затерянный среди миллиардов звезд.

Не сразу я заметил еще одну двойную спираль справа от меня, такую же раскидистую, но несколько смещенную в сторону и тусловатую, — бледный призрак

нашей прекрасной Галактики. И сразу понял, что передо мной — Большое Магелланово облако, коль скоро мы находились в Малом, и что искрящийся водоворот над головой и есть наша Галактика. То, что я принял за Млечный Путь, оказалось просто одним из многих таких млечных путей — Малое облако изнутри. Обернувшись, я снова поглядел на него.

Он имел правильные очертания широкой дороги посреди неба, но был бледен, как снятое молоко. Я не знаю, каким он должен был выглядеть, потому что никогда не видел Магеллановых облаков, — я никогда не бывал южнее Рио-Гранде. Однако я помнил, что каждое облако является галактикой, но эти галактики меньше нашей и примыкают к ней.

Снова взглянув на сверкающую спираль нашей Галактики, я почувствовал такую тоску по дому, какую не испытывал с детских лет.

Крошка, ища спасения, прильнула к Мэмми. Та, вытянувшись, обняла ее.

— Ну, ну, милая. Я чувствовала то же самое, когда была маленькой и впервые увидела это.

— Мэмми, — робко спросила Крошка, — где наш дом?

— Посмотри направо, милая, видишь, вон там, где правая спираль уходит вдаль? Мы прилетели из этой точки.

— Нет, нет, я не Вегу имею в виду. Я страшиваю, где находится Солнце.

— А, ваша звезда! Но, милая, на таком расстоянии его все равно не увидишь.

Потом мы выяснили, что Солнце и планету Ланадор разделяет 167 000 световых лет. Мэмми не могла сказать сразу, потому что не знала, какой отрезок времени мы подразумеваем под годом, сколько времени требуется Земле, чтобы совершить оборот вокруг Солнца; для нее эти данные имели такое же значение, как цены на арахис в Перте, так что если она и встречала их где-нибудь в справочнике, то тут же забывала. Но она помнила расстояние от Веги до Солнца и сообщила нам расстояние от Ланадора до Веги, используя эту цифру как ориентир: расстояние от Веги до Ланадора было в шесть

тысяч сто девяносто раз больше, чем расстояние от Веги до Солнца. Умножив 27 световых лет на 6190, получаем 167 000 световых лет.

Мэмми любезно подсчитала нам все это в десятичной системе, вместо того чтобы использовать пять факториал ($1 \times 2 \times 3 \times 4 \times 5$ равно 120), как принято на Веге. 167 000 световых лет равно $9,82 \times 10^{17}$ миль. Округлив 9,82 до десяти, получаем 1 000 000 000 000 000 000 миль, то есть расстояние от Веги до Ланадора или от Солнца до Ланадора. В таких масштабах и Вега, и Солнце — всего лишь глухие задворки.

Миллиард миллиардов миль. Я отказываюсь иметь что-либо общее с этой смехотворной цифрой. Может, для космических расстояний она и «невелика», но просто наступает такой момент, когда «предохранители» в мозгу больше не выдерживают.

Платформа, на которую мы приземлились, оказалась крышей гигантского треугольного здания, простирающегося на много миль во все стороны. Его изображения с двойной спиралью посередине — тот же рисунок, что и на украшении, которое носила Мэмми, — попадались нам потом на каждом шагу. Это был символ, означающий:

«Три Галактики — Один закон».

Я сваливаю в кучу все, что узнавал обрывками: Три Галактики — организация типа нашей Федерации Свободных Наций или ее предшественницы Организации Объединенных Наций, Лиги Наций, которая существовала еще раньше. Ланадор — столица Лиги, там расположены официальные учреждения и суды, подобно тому, как штаб-квартира Лиги Наций находилась в Женеве. Ланадор избран местом пребывания штаб-квартиры в силу исторических причин, его население — это древний народ, отсюда началось распространение цивилизации.

Три Галактики — островная группа, как штат Гавайи, у них нет близких соседей. Цивилизация распространилась по Малому облаку, затем по Большому, а сейчас медленно прокладывает себе путь в нашей Галактике; медленно, потому что звезд в ней раз в пятнадцать-двадцать больше, чем в первых двух, вместе взятых.

Когда я более или менее уяснил себе картину, я даже злиться перестал. Мэмми была очень важной особой у

себя дома, но здесь она всего лишь мелкий чиновник, и все, что она могла сделать, — это доставить нас сюда. Тем не менее я еще некоторое время сохранял холодную вежливость в отношениях с ней.

Нас разместили в той части огромного здания, которая служила чем-то вроде гостиницы для транзитных пассажиров, хотя, пожалуй, слова «арестантские бараки» или «тюрьма» подойдут больше. Грех жаловаться на условия, однако мне чертовски надоело садиться под замок каждый раз, когда я попадаю в новое место. Вниз нас проводил робот — на Ланадоре роботы попадают на каждом шагу. И не какие-нибудь жестяные имитации человека, а машины, которые действительно полезны, как, например, этот, который отвел нас в наши комнаты, а потом топтался на месте, как ожидающий чаевых коридорный. Он представлял собой трехколесную тележку с большой корзиной наверху — для багажа, если он есть. Робот встретил нас на крыше, что-то прочирикал Мэмми по-вегански и повел нас к лифту, а затем по бесконечно длинному коридору.

Мне опять подготовили «мою» комнату — имитацию имитации. Вид ее произвел на меня впечатление весьма далекое от ободряющего: становилось очевидным, что нас здесь собираются держать до... в общем, до тех пор, пока будет угодно хозяевам. Но в комнате было все, что нужно, включая вешалку для «Оскара» и ванную комнату по соседству. Сразу за «моей» комнатой располагалась модель кошмара из «Сказок Шехерезады», изобретенного Крошкой на Веге V. Но, поскольку Крошка пришла при виде комнаты в восторг, я не стал расстраивать ее своими подозрениями.

Мэмми оставалась с нами, пока мы не сняли скафандры.

— Вам будет удобно здесь?

— Ага, — согласился я без всякого энтузиазма.

— Если захотите есть или пить, скажите. Вам все будет доставлено.

— Да? А кому говорить? Здесь есть телефон?

— Просто скажите вслух, что вам надо. Вас услышат.

В этом я не сомневался, но мне так же надоело находиться в помещениях, где все прослушивалось, как и попадать под замок. Человек имеет право на уединение.

— Я проголодалась, — заявила Крошка. — Я завтракала очень рано.

Мы сидели в ее комнате. Раздвинулись пурпурные шторы, стена вспыхнула светом. Минуты через две из нее выехал накрытый стол, с приборами и посудой, холодными закусками, фруктами, хлебом, маслом и кофейником с дымящимся какао. Крошка захлопала в ладоши и завопила от радости. Я посмотрел на стол без особого восторга.

— Вот видите, — продолжала Мэмми с улыбкой, — только скажите, что вам нужно. Если я вам понадобится, я тоже приду. Но сейчас я должна вас покинуть.

— Мэмми, не уходите, пожалуйста!

— Я должна уйти, моя милая, но мы скоро увидимся. Кстати, здесь есть еще двое людей с вашей планеты.

— Как? — вскочил я. — Где?

— По соседству с вами.

Мэмми выплыла за дверь, робот покатила впереди нее.

— Ты слышала? — обернулся я к Крошке.

— Конечно!

— Ну, ешь, если тебе хочется, а я пошел искать людей.

— Подожди, я с тобой!

— Но я думал, что ты голодна.

— Что ж... — Крошка бросила взгляд на стол. — Погоди-ка.

Она торопливо намазала маслом два куска хлеба и протянула один из них мне. Я не так чтобы уж очень торопился, поэтому съел его. Крошка мгновенно слопала свой, потом отпила глоток прямо из кофейника и протянула мне.

— Хочешь?

Напиток оказался похож на какао, но имел привкус мясного бульона; пить его было приятно. Я протянул кофейник Крошке.

— Теперь я готова хоть с дикими кошками драться. Пошли, Кип.

«Соседи» оказались недалеко: пройдя через холл от нашего трехкомнатного номера и еще пятнадцать футов по коридору, мы обнаружили арку с дверью. Я велел Крошке держаться у меня за спиной и с любопытством приоткрыл ее.

Там оказалась диорама, очередная имитация. Но намного лучше, чем бывает в музеях. Сквозь кусты я смотрел на небольшую прогалину в диком лесу, выходящую на обрывистый берег. Я видел нависшее небо и вход в пещеру. Почва казалась сырой, как после дождя. У пещеры скорчился пещерный человек, обгладывающий тушку какого-то зверька, по всей вероятности белки.

Крошка попыталась вылезти из-за моего плеча, но я впихнул ее обратно. Пещерный человек, казалось, не замечал нас, что пришлось мне вполне по душе. Ноги его выглядели коротковатыми, хотя весил он, наверное, раза в два больше меня, а мускулам его позавидовал бы чемпион мира по штанге. Голова была огромной, больше и длиннее моей, но лба и подбородка почти не было. Зубы острые и желтые, передний сломан. Я слышал хруст костей. В музее в подобном случае я ожидал бы увидеть табличку с надписью: «Неандерталец, последний ледниковый период». Но восковые чучела костей не жуют.

— Ну, дай же мне посмотреть, — возмутилась Крошка.

Он услышал и обернулся. Крошка уставилась на него, он уставился на нас. Крошка закричала, он повернулся и вбежал в пещеру.

— Пошли отсюда, — потянул я Крошку за руку.

— Подожди, — ответила она спокойно. — Он теперь сразу не выйдет. — Она начала раздвигать руками кусты.

— Крошка!

— Попробуй-ка, — предложила она. Ее рука пыталась пробиться сквозь воздух. — Он все равно что в клетке.

Я попробовал. Проход в арке был закрыт какой-то прозрачной преградой. Я мог немного прогнуть ее — на дюйм, скажем, но не более.

— Пластик? — спросил я вслух.

— Да нет, — пробормотала Крошка, — скорее, что-то вроде шлема моего скафандра. Однако прочнее, и, думаю я, свет проходит только с одной стороны. Не похоже, чтобы он нас видел.

— Ладно, давай вернемся в свои комнаты.

Она продолжала ощупывать барьер.

— Крошка! — сказал я резко. — Сейчас не время упрямиться!

— Ты совсем как папа. Слушай, он сейчас выйдет, он же уронил крысу, которую жевал.

— Если он выйдет, то тебя здесь не будет, потому что я тебя утащу, а если ты начнешь кусаться, то я сам тебя укушу, так и знай.

— А я тебя кусать не буду, Кип, что бы ты ни делал. Но если ты намерен занудствовать... Ладно, вряд ли он выйдет в течение часа. Мы вернемся сюда потом.

— Хорошо. — Я оттащил ее от арки. Но уйти нам не удалось. Раздался громкий свист, а за ним крик.

— Эй, парень! Поди сюда!

Кричали не по-английски, но я понял.

Крик донесся с противоположной стороны коридора. Поколебавшись, я пошел в ту сторону, потому что туда уже пошла Крошка.

В проходе маячил человек лет сорока пяти. Не неандерталец, а цивилизованный человек; во всяком случае, в какой-то степени цивилизованный. Одет он был в длинный тяжелый шерстяной плащ, перехваченный в талии поясом и образующий нечто вроде юбки. Ноги под юбкой тоже были обмотаны шерстью, обут он был в короткие, изрядно поношенные сапоги. На поясе, поддерживаемый перевязью через плечо, висел короткий тяжелый меч, с другой стороны пояса свисал кинжал. Он носил короткую прическу, а лицо, видно, брил несколько дней назад, потому что оно заросло серой щетиной. Смотрел он с выражением не то что дружеским или враждебным, а, скорее, настороженным.

— Спасибо, — буркнул он ворчливо. — Вы тюремщик?

— Да это же латынь! — изумилась Крошка.

Как следует вести себя при встрече с легионером? Да еще сразу вслед за встречей с пещерным человеком?

— Нет, я тоже пленник, — ответил я по-испански, а потом повторил на вполне приличной классической латыни. Я прибегнул к испанскому, потому что Крошка несколько ошиблась. Легионер говорил не по-латыни, во всяком случае, это не была латынь Овидия и Гая Юлия Цезаря. Но не был это и испанский. Что-то среднее между ними, к тому же с чудовищным акцентом. Но смысл я вполне улавливал.

Пожевав губу, легионер буркнул:

— Это плохо. Три дня уже пытаюсь привлечь внимание тюремщика, а вместо него появился еще один пленник. Но так уж легли кости. Однако странный у тебя акцент.

— Извини, амиго, но и я тебя с трудом понимаю. — Я повторил это по-латыни. Потом добавил: — Говори, пожалуйста, помедленнее.

— Я буду говорить так, как захочу. И не называй меня «амиго». Я — гражданин Рима, так что не спорь.

Это, конечно, в вольном переводе. На самом деле его пожелание звучало намного вульгарнее. Оно очень походило на одну безусловно пошлую испанскую фразу.

— Что он говорит? — дергала меня за рукав Крошка. — Это латынь? Переведи, пожалуйста.

Я обрадовался, что она его не поняла.

— Как, Крошка, разве ты не знаешь языка поэзии и науки?

— Не строй из себя профессора! Переведи!

— Не приставай, малышка. Я тебе потом переведу. Я сам с трудом за ним поспеваю.

— Что ты там бормочешь на своей варварской тарбарщине? — любезно осведомился римлянин. — Говори толком, не то получишь десять ударов мечом плашмя.

Не похоже было, чтобы его угроза была обоснованной. Я попробовал на ощупь воздух. Плотный. Я решил не обращать внимания на угрозы.

— Говорю, как могу. Мы беседовали друг с другом на нашем собственном языке.

— Поросычье хрюканье. Говори по-латыни, если умеешь. — Он глянул на Крошку, будто только что заметив ее. — Твоя дочь? Продаешь?

Лицо Крошки приняло свирепое выражение.

— Это я поняла, — сказала она яростно. — А ну, выходи сюда драться!

— Попробуй сказать по-латыни. Если он поймет, то наверняка тебя отшлепает.

Крошке это не понравилось.

— Но ты ведь ему не позволишь?

— Конечно, не позволю.

— Пошли обратно.

— Я, кажется, уже давно это предлагал. — Я отвел ее обратно в наш номер. — Слушай, Крошка, ты не

против, если я схожу и послушаю, что скажет нам благородный римлянин.

— Против, и еще как!

— Будь же благоразумной, Крошечка! Если бы они могли причинить нам вред, Мэмми знала бы об этом, но она сама ведь сказала нам о них.

— Я пойду с тобой.

— Зачем? Я ведь расскажу тебе все, что узнаю. Вероятно, мне удастся выяснить, что происходит. Он-то что здесь делает? Неужели его держали замороженным две тысячи лет? И как давно он очнулся? Что известно ему из того, чего не знаем мы? Мы очутились в нелегком положении, и я хочу собрать как можно больше информации. Ты можешь помочь, если останешься сейчас в стороне. Станет страшно, позови Мэмми.

— Вовсе мне и не страшно, — надулась она. — Ну и иди, пожалуйста, если хочешь.

— Хочу. А ты пока поешь.

Пещерного человека не было видно. Я обошел его арку. Если корабль способен долететь куда угодно за несколько секунд, может ли он миновать одно из измерений и попасть в любое время по выбору?

Легионер все еще стоял у своей двери. Он поднял на меня глаза.

— Ты разве не слышал, что я приказал тебе стоять здесь?

— Слышал, — признался я, — но вряд ли мы сумеем договориться, если ты не изменишь своего поведения. Я ведь не служу у тебя рядовым...

— Твое счастье.

— Будем беседовать мирно? Или мне уйти?

Он оглядел меня с головы до пят.

— Мир. Но не вздумай перечить мне, варвар.

Он называл себя Иунио. Служил в Испании и в Галлии, затем перешел в шестой легион, о котором, как он считал, должны были знать и варвары. Легион стоял в Эборакуме, к северу от Лондиниума в Британии, а он был исполняющим обязанности центуриона, хотя настоящий его чин был что-то вроде старшего сержанта. Он был ниже меня ростом, но я не хотел бы встретить его ни в темном лесу, ни на городской стене во время боя.

Римлянин был невысокого мнения о бриттах и варварах вообще, включая меня, о женщинах, о климате Британии, о начальстве и жрецах, но хорошо отзывался о Цезаре, Риме, Богах и хвастал своей воинской доблестью. Армия, говорил он, уже не такая, как прежде, и все из-за того, что к вспомогательным войскам отношение такое же, как к римским гражданам.

Его патруль охранял строительство стены от вылазок грязных варваров — проклятых тварей, всегда готовых выскочить из-за угла, перерезать человеку глотку и сожрать его, что, несомненно, с ним и произошло, поскольку он вдруг очутился в аду. Я решил, что он говорит о строительстве Адриановой стены, но он имел в виду местность в трех днях пути к северу оттуда, где моря почти сходятся вместе. Климат там был просто невыносимый, а туземцы — кровожадные звери, которые раскрашивают тела красками и не ценят даров цивилизации. Можно подумать, что Римские Орлы пытаются украсть у них их вонючий остров!

Тем не менее он купил себе в жены молоденькую туземку и ждал назначения, чтобы нести гарнизонную службу в Эборакуме, но вдруг... Иунио пожал плечами.

— Пожалуй, проявляй я больше внимания к жертвоприношениям и омовениям, удача не оставила бы меня. Но я всегда считал, что если человек содержит себя и свое оружие в чистоте, то обо всем остальном голова должна болеть у его офицеров. Осторожно с этим проходом, он заколдован.

Чем больше он говорил, тем легче становилось его понимать. Пользовался он отнюдь не классической латынью, к тому же разбавленной доброй дюжиной различных наречий, но ведь если в газетном тексте вымарать каждое третье слово, суть все равно будет ясна. Я узнал очень много подробностей о повседневной жизни и мелких интригах шестого легиона и не узнал ничего, что было бы мне интересно. Иунио и понятия не имел, как попал сюда и почему: он считал, что умер и ожидает дальнейших распоряжений в пересыльно-сортировочных бараках ада. Я же все еще не мог принять его гипотезу. Он знал год своей смерти — восьмой год правления Императора и 899-й существования Рима. Чтобы не ошибиться, я написал эти цифры римскими

знаками. Но я не помнил, когда был основан Рим, и не мог опознать его цезаря даже по полному титулу, потому что этих цезарей было очень много. Но Адрианова стена была уже построена, а Британия все еще оккупирована римскими войсками, следовательно, Иунию существовал где-то в третьем веке.

Пещерный человек, живший напротив него, его не интересовал, поскольку воплощал мерзейший порок варвара — трусость. Я не спорил, но вряд ли сам почувствовал бы смелость, если бы под моей дверью рычали саблезубые тигры. А были ли тогда саблезубые тигры? Ну ладно, сойдемся на «пещерных медведях».

Иунию отошел вглубь своего жилья и вернулся с темным твердым хлебом, сыром и чашкой в руках. Мне он еды не предложил, и я думаю, вовсе не из-за барьера. Прежде чем начать есть, он плеснул немного питья из чашки на пол. Пол был земляной, стены — из грубого камня, потолок опирался на деревянные балки. Вероятно, для Иунию сделали имитацию жилища римских солдат времен оккупации Британии, но я, разумеется, не специалист.

Больше я там не задерживался. Во-первых, вид еды напомнил мне, что я проголодался, во-вторых, я чем-то обидел Иунию. Я так и не понял, с чего он завелся, но он с холодной тщательностью разобрал по косточкам мои манеры, происхождение предков, внешность и способности, которыми я зарабатываю себе на жизнь. Иунию был вполне приятным человеком до тех пор, пока с ним соглашались, не обращали внимания на его ругательства и выказывали ему уважение. Такого отношения требуют к себе многие старшие даже при покупке в аптеке тридцатицентовой банки талька. Постепенно привыкаешь оказывать им почтение автоматически, без лишних раздумий, в противном случае прославишься нахальным юнцом и потенциальным преступником. Чем меньше уважения заслуживают старшие, тем больше они требуют его от молодежи. Так что я ушел, потому что Иунию все равно ничего толком не знал.

У входа в арку я наткнулся на невидимый барьер; почувствовав его, я просто сказал тихо, что хочу пройти, и барьер исчез. Войдя в арку, я обнаружил, что он снова закрылся за мной. Благодаря своим резиновым туфлям

я шел беззвучно, а звать Крошку не стал, потому что она могла уснуть. Дверь ее комнаты была приоткрыта, и я заглянул внутрь. Крошка сидела в позе портного на своем невероятном восточном диване, баюкала мадам Помпадур и плакала.

Я попятился назад, потом вернулся, громко насвистывая и окликая ее. Крошка высунула из двери улыбающееся личико без малейших следов слез.

— Привет, Кип! Ты что так долго пропадал?

— Болтливый тип попался. Что нового?

— Ничего. Я поела, а тебя все не было, так что я решила поспать. Ты меня разбудил. А у тебя что нового?

— Дай-ка закажу ужин, а потом все расскажу.

Я доедал последние капли подливки, когда за нами явился робот-коридорный, почти такой же, как и первый, только спереди на нем светился выложенный золотом треугольник с тремя спиралями.

— Следуйте за мной, — сказал он по-английски.

Я взглянул на Крошку.

— Разве Мэмми не говорила, что за нами вернется?

— Говорила.

— Следуйте за мной, — повторила машина, — вас ожидают.

В своей жизни я выполнял достаточно распоряжений, многие из которых вовсе не стоило выполнять. Но подчиняться автомату мне еще не приходилось.

— Катись ты... — грубо ответил я. — Не пойду, хоть тащи.

Нет, роботам так отвечать не стоит. Он понял мои слова буквально.

— Мэмми! — завопила Крошка. — Где вы?

Из динамика робота послышалось ее чириканье:

— Не бойтесь, мои милые, слуга ведет вас ко мне.

Я перестал сопротивляться и пошел за этой консервной банкой. Она доставила нас к лифту, затем мы быстро подошли к гигантскому проходу-арке, увенчанному треугольником со спиралями, а потом машина привела нас в небольшой загон. То, что это был загон, стало ясно, когда я попытался шагнуть в сторону и путь мне преградил все тот же барьер из плотного воздуха.

В жизни не доводилось мне бывать в более просторном помещении: треугольной формы огромное пространство нигде не было разорвано ни колоннами, ни сводом; потолки настолько высокие, а стены так далеко друг от друга, что я не удивился бы, разразись здесь ураган. Я сам себе казался муравьем в этом зале, хорошо еще, что очутился подле стены. Однако зал не был пуст, в нем находились сотни существ, пустым он показался вначале, потому что все разместились вдоль стен, оставляя свободным голый гигантский пол.

В самом центре стояли трое червелицых — шел процесс.

Не знаю, был ли среди них наш мучитель. Я вряд ли сумел бы узнать его, окажись даже совсем рядом с ними, потому что один червелицкий отличается от другого не больше, чем отрезанная голова от отрубленной. Но как нам объяснили, присутствие или отсутствие того или иного конкретного преступника не имело никакого значения для этого суда. Судили червелицего — и все тут, неважно, живого или мертвого, очно или заочно.

Говорила Мэмми. Я видел издали ее крохотную фигурку в центре зала, но поодаль от червелицых. Ее чирикание едва долетало до того места, где стояли мы, но я отчетливо слышал все, что она говорила, в английском переводе — звуки английской речи лились из стены над нашими головами, в них так же ясно чувствовалась Мэмми, как если бы она пела по-вегански подле нас.

Она излагала все, что знала о поведении червелицых, так же бесстрастно, как дающий показания регулировщик уличного движения: «В 9 часов 17 минут пятого числа, находясь на дежурстве в районе...» Сухой перечень фактов. Свой рассказ о событиях на Плутоне Мэмми ограничила моментом взрыва.

Еще один голос заговорил по-английски. Ровный голос, с гнусавым выговором, напомнивший мне одного бакалейщика янки, у которого мы покупали продукты как-то летом, когда я был маленьким. Он никогда не улыбался и никогда не хмурился, говорил мало и все одним и тем же тоном: «Она хорошая женщина» или «Он отца родного продаст», или «Яйца стоят восемьдесят пять центов». Вот и этот голос, бесстрастный, как звон кассового аппарата, был того же сорта.

— Вы закончили? — спросил он Мэмми.

— Да.

— Сейчас будут заслушаны другие свидетели. Клиффорд Рассел!

Я дернулся так, как будто тот бакалейщик застукал меня в момент, когда я залез в ящик с конфетами.

Голос продолжал:

— ... Слушайте внимательно.

И вдруг послышался другой голос. Мой собственный. Это звучали записи, начитанные мной, когда я выздоравливал на Веге.

Но прокручивали не всю запись, а только ту ее часть, которая касалась червелицых. Да и то не полностью, излагались лишь факты, а мое мнение о них было опущено.

Мой рассказ начинался с того, как на пастбище позади нашего дома приземлились корабли, а кончался тем, как последний ослепший червелицкий свалился в яму. Рассказ не занял много времени, потому что из него немало вырезали, в частности, наш марш по Луне. Мое описание червелицего оставили, но поджали так, будто я говорил о Венере Милосской, а не о безобразнейшей твари на свете.

Запись кончилась, и голос «янки бакалейщика» спросил:

— Это ваши слова?

— Да.

— Рассказ верен?

— Да, но...

— Верен или нет?

— Да.

— Он закончен?

Я хотел возразить в ответ, сказать, что он, безусловно, не полон, но я уже начал понимать систему.

— Да.

— Патриция Уайнант Рейсфелд...

Рассказ Крошки начинался с более раннего момента и описывал все те дни, которые она провела в плену у червелицых до моего появления. Однако ее рассказ длился не дольше, чем мой, потому что Крошка, хотя и наблюдательна и обладает хорошей памятью, но переполнена различными оценками и мнениями не меньше, чем фактами. А оценки и мнения здесь вырезались.

Когда Крошка подтвердила, что ее свидетельство изложено верно и полностью, бесстрастный голос констатировал:

— Все свидетели заслушаны, все известные факты обобщены. Слово предоставляется троим подсудимым.

Насколько я понял, червелицы избрали одного из этой троицы своим представителем, возможно, даже «нашего» червелицы, если он был жив и его поймали. В английском переводе их речь лилась без того гортанного акцента, который я услышал впервые на борту их корабля, и тем не менее было ясно, что говорят именно червелицы. В ней звучала страшная, пробирающая до костей ненависть, полностью характеризующая глубоко порочных и в то же время высокоразумных существ. Она чувствовалась в каждом слове так же ощутимо, как прямой удар в зубы.

Их оратор находился достаточно далеко от меня и не мог парализовать мою волю своим видом, поэтому после первого приступа страха, скрутившего мне живот при звуках этого голоса, я пришел в себя и начал слушать более или менее рассудительно. Начал он с полного отрицания какой-либо юрисдикции этого суда над его планетой. Он нес ответственность лишь перед своей матерью-королевой, а она — лишь перед своей повелительницей, во всяком случае, так это звучало в английском переводе.

Для защиты, как он считал, вполне достаточно было одного этого исчерпывающего аргумента. Тем не менее, если конфедерация «Трех Галактик» действительно существует, — в чем он сильно сомневался, потому что никаких доказательств не получил, если не считать его незаконного задержания этим стадом наглых существ, ломающих комедию суда, — так вот, если она и существует, у нее все равно нет никаких прав над единственным народом: во-первых, потому, что конфедерация не распространяется на ту часть Вселенной, где лежит его планета; во-вторых, потому, что если бы даже и распространялась, то единственный народ никогда не присоединился бы к ней и, следовательно, ее законы на него не распространяются; в-третьих, мало вероятно, чтобы их повелительница согласилась иметь что-либо общее с так называемыми «Галактиками», потому что люди не имеют никаких дел с животными.

Разумеется, и этот аргумент он считал вполне исчерпывающим. Но даже если, исключительно спора ради, не прибегать к этой безукоризненной аргументации, он все равно может доказать, что затеянный над ними процесс смехотворен, потому что они ничем не нарушили даже так называемые законы якобы существующей организации «Трех Галактик». Они всего лишь действовали в своем собственном секторе космоса, работая над освоением полезной, но никем не занятой планеты Земля. Какое же это преступление — колонизировать территорию, заселенную животными? Что же до представительницы «Трех Галактик», то она вошла не в свое дело, но ей не было нанесено никакого ущерба, ей всего лишь не позволили мешать работать и задержали ее исключительно с целью вернуть туда, откуда она явилась.

Вот здесь ему и следовало бы остановиться. Все его аргументы звучали вполне приемлемо, особенно последний. Я привык думать о роде человеческом как о венце творения, но многое теперь изменилось в моем восприятии, и я совсем не был уверен, что этот суд сочтет людей и червелицых равными. Конечно же, червелицы во многом опередили нас. Да и мы, расчищая джунгли, разве обращаем внимание на то, что обезьяны поселились там раньше нас.

Но червелицкий объяснил, что привел эти доводы лишь в порядке интеллектуальных упражнений, чтобы показать, насколько глупо выглядит этот суд с точки зрения любых законов, с любой, какой бы то ни было точки зрения. А теперь он действительно перейдет к защите.

Но вместо защиты он перешел к нападению, каждое его злобное слово падало, как удар молота. Да как они посмели? Да они мыши, которые собрались кота хоронить, — так уж смешно звучало это в английском переводе. Они — животные, годные лишь в пищу; просто нечисть, которую придется истребить. Их преступления никогда не будут забыты, с ними не будет никаких переговоров, и никакие мольбы о прощении им не помогут. Единственный народ уничтожит их всех до одного!

Я осмотрелся по сторонам, чтобы увидеть реакцию суда. По стенам этого почти пустого треугольного зала расположились сотни существ, некоторые из них совсем недалеко от нас. До сих пор мое внимание было

так занято процессом, что я почти не смотрел на них. А теперь стал рассматривать, потому что остро почувствовал необходимость хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей, вызванных атакой червелицего.

Существа там были самые разнообразные, и среди них вряд ли нашлись хотя бы два друг на друга похожих. Футы в двадцати от меня стоял инопланетянин, очень похожий на червелицего, и такой же страшный, но почему-то его ужасная внешность не вызывала отвращения. Попадались и гуманоиды, но они были в явном меньшинстве. Затем я увидел одну очень симпатичную девчонку, выглядевшую вполне по-человечески, если не считать разноцветной раскраски кожи и весьма ограниченного количества одежды на теле. Она была такая хорошенькая, что я мог поклясться, что ее разноцветная кожа объяснялась всего лишь косметикой, но был бы, по всей вероятности, не прав. Интересно, подумал я, на каком языке слушает эти угрозы она? Уж точно не по-английски.

Почувствовав мой взгляд, она обернулась и холодно осмотрела меня с головы до ног, как я рассматривал бы шимпанзе в клетке. Похоже, что взаимной симпатии между нами не возникло.

Кого только здесь не было! А по левой стене неизвестные мне существа выглядывали из аквариумов. Не было никакой возможности определить, как они воспринимают тирады червелицего. Радужная девушка держалась спокойно, но что можно сказать о поведении моржа со щупальцами осьминога? Если он дергается — это признак гнева или просто чесотка?

Председатель с голосом янки все не останавливал червелицего. Все это время Крошка держалась за мою руку. Теперь же она, вся затрепетав, прошептала мне на ухо:

— Как страшно он говорит!

Червелицкий закончил свою речь таким взрывом ненависти, что переводчик, видимо, не выдержал, потому что вместо английских слов слышались бессвязные вопли.

Раздался невозмутимый голос председателя:

— Но что вы имеете сказать в свою защиту?

Снова злобные крики и, наконец, связная речь:

— Я обосновал защиту тем, что мы в ней не нуждаемся.

Невозмутимый голос продолжал, обратившись к Мэмми:

— Вы заступаетесь за них?

— Милорды-собратья, — ответила она неохотно, — я... я вынуждена признать, что нахожу их крайне противными.

— Вы выступаете против них?

— Да.

— В таком случае ваше мнение не будет заслушано. Таков закон.

— «Три Галактики — Один закон». Я не буду говорить.

— Выступит ли кто-нибудь из свидетелей в их пользу? — продолжал бесстрастный голос.

Молчание. Нам давали шанс проявить благородство. Хотя мы, люди, были их жертвами, мы могли бы заметить, что, со своей точки зрения, червелицы не сделали ничего плохого, мы могли бы просить для них милосердия, если они дадут обещание впредь вести себя хорошо. Но я отказался проявить благородство. Слышал я все эти сладкие речи, которыми обычно пичкают детишек насчет того, что надо уметь прощать, что даже в самых плохих людях есть что-то хорошее и так далее. Но если я вижу ядовитого тарангула, то давя его ногой, а не уговариваю его быть милым, хорошим паучком и перестать кусать людей. Но от этого нам не легче.

— Найдется ли народ, согласный заступиться за вас? — спросил червелицкий голос. — Если да, то назовите его, мы призовем его представителей.

Оратор червелицких только выругался в ответ; одна лишь мысль о том, что кто-либо может ходатайствовать за них, вызвала у него глубочайшее отвращение.

— Пусть будет так, — сказал голос. — Достаточно ли фактов для принятия решения?

— Да.

Почти мгновенно он спросил сам себя:

— Каково же решение?

И снова ответ самому себе:

— Их планета будет развернута.

Приговор звучал не страшно — подумаешь, все планеты вращаются, да и объявил его голос без всякого выражения. Но чем-то это меня напугало, даже показав-

лось, что пол под ногами дрогнул. Мэмми развернулась и направилась к нам, идти ей было далеко, но она подошла к нам очень быстро. Крошка бросилась ей навстречу, и барьер, отделяющий наш загон, сгустился еще сильнее, пока мы трое не очутились в своего рода отдельной комнатке. Крошка дрожала и всхлипывала, а Мэмми утешала ее. Когда наконец Крошка взяла себя в руки, я спросил взволнованно:

— Мэмми! А что он имел в виду, когда сказал, что планета будет развернута?

Она взглянула на меня, не выпуская из объятий Крошку, и ее огромные добрые глаза стали суровыми и печальными.

— Это значит, что их планета будет выведена из пространства-времени, в котором существуем мы с тобой.

Голос ее звучал как исполняемая на флейте панихида. Но приговор отнюдь не показался мне столь трагичным. Я понял, что она имеет в виду: если плоскостную фигуру параллельным переносом убрать из плоскости, то все, кто в плоскости останутся, никогда ее больше не увидят. Но существовать она отнюдь не перестанет — просто ее не будет больше там, где она была. Я решил, что червельицы очень легко отделались. Я даже ожидал, что их планету просто взорвут, и нисколько не сомневался, что «Три Галактики» вполне способны на это. А так — их просто изгонят из города, куда им больше не найти дороги, — ведь измерений существует очень много, но вреда им не причинят, просто поместят в своего рода резервацию. Но голос Мэмми звучал так, как будто против своего желания ей пришлось принять участие в смертной казни через повешение. Поэтому я попросил ее объяснить подробнее.

— Понимаешь ли, милый добрый Кип, их звезда останется здесь.

— Ох, — это было все, что я смог сказать.

Крошка побелела. Звезды — источник жизни, планеты лишь несут ее на себе; заберите Солнце, и планета начнет охлаждаться, пока не остынет совсем.

Через некоторое время замерзнет даже воздух. Сколько останется дней или часов, пока температура не достигнет абсолютного нуля? Я задрожал, по коже поползли мурашки. Даже Плутон покажется раем...

— Мэмми, а сколько потребуется времени, чтобы сделать это?

Меня охватило чувство вины, я должен был заступиться за них, ведь даже червелицы не заслуживали такой судьбы. Взорвать планету, перестрелять их всех — это одно, но обречь ее на смерть от холода...

— Это уже сделано, — пропела она все так же траурно.

— Что?

— Агент, уполномоченный привести приговор в исполнение, ожидал сигнала... Он услышал приговор в ту же минуту, что и мы. Их планету выбросили из нашего мира прежде, чем я успела дойти до вас.

Я не знал, что на это ответить.

А Мэмми быстро продолжала:

— Не думай больше об этом, потому что ты должен собрать сейчас все свое мужество.

— Зачем? Что сейчас произойдет, Мэмми?

— Сейчас в любой момент могут вызвать тебя на твой собственный процесс.

Я был не в силах вымолвить ни слова, просто продолжал смотреть на нее. Я ведь решил, что все уже кончилось. Крошка побледнела, но не плакала. Облизав губы, она спросила:

— Вы пойдете с нами, Мэмми?

— О, мои дети! Я не могу. Вам придется предстать перед судом одним.

Я наконец обрел голос.

— Но за что нас судят? Мы никому не причинили зла. Мы же вообще ничего не сделали!

— Дело не в вас лично. Будет решаться вопрос о судьбе всего человечества. А о нем будут судить по вам.

Отвернувшись от Мэмми, Крошка посмотрела на меня — и я почувствовал гордость от того, что в этот тяжкий час испытаний она повернулась ко мне, к брату-человеку. И я знал, что думаем мы об одном и том же: о корабле, висящем неподалеку от Земли, всего лишь в мгновении полета до нее и в то же время — в неисчисленных триллионах миль, спрятанном в одном из складок пространства, куда не достанут ни радары, ни телескопы. Земля, голубая, зеленая и прекрасная,

лениво поворачивающаяся в теплом свете Солнца. Бесстрастная команда — и Солнца больше нет. Нет звезд. Дернется рывком осиротевшая Луна и начнет кружить вокруг Солнца надгробным памятником человечеству. Немногие оставшиеся в живых на Лунной станции, в Лунном городе и на станции Томба протянут еще несколько недель, возможно, месяцев. Последние люди во Вселенной! Потом умрут и они — если не от удушья, то от тоски и одиночества.

— Кип, ведь она не всерьез, скажи мне, что не всерьез!

— Что, Мэмми, палачи уже ждут? — спросил я хрипло.

Мэмми ничего не ответила мне. Она ответила Крошке.

— Все это очень серьезно, доченька. Но не бойся. Прежде чем доставить вас сюда, я заставила их пообещать, что, если будет принято решение против вашей планеты, вы оба вернетесь со мной на Вегу V, где вам придется прожить свои маленькие жизни в моем доме. Итак, иди и говори только правду, не бойся.

— Вызываются люди Земли, — раздался над нашими головами невозмутимый голос.

Глава 11

Мы шли по огромному пустому полу, и чем дальше отдалялись от стены, тем больше я чувствовал себя маленьким и жалким. Ощущение было как в кошмаре, когда ты сам себе снишься непристойно одетым в общественном месте. Крошка вцепилась в мою руку и изо всех сил прижала к себе мадам Помпадур. Я пожалел, что не надел свой скафандр, — в «Оскаре» я не чувствовал бы себя мухой под микроскопом.

Перед тем как мы тронулись с места, Мэмми приложила мне ко лбу ладонь и начала завораживать меня глазами. Я оттолкнул ее руку и отвернулся.

— Нет, не надо, — сказал я ей, — ничего не надо. Я понимаю, что вы хотите сделать как лучше, но я обойдусь без наркоза. Спасибо.

Мэмми не настаивала, она лишь повернулась к Крошке.

— Мы готовы! — заявила она.

Но чем дальше мы шли по этому огромному полу, тем больше я жалел, что не позволил Мэмми сделать то, что она хотела, хотя я не знаю, каким образом она хотела заставить нас не волноваться. Надо было хоть Крошку уговорить согласиться.

Навстречу нам двигались от противоположной стены еще две точки; подойдя поближе, я узнал их — неан-

дерталец и легионер. Пещерного человека тянули невидимыми канатами, римлянин же шел широким, свободным, неторопливым шагом. Центра мы достигли одновременно, и там нас остановили футах в двадцати друг от друга; Крошка и я образовали одну вершину треугольника, римлянин и неандерталец — две другие.

— Привет, Иунио! — крикнул я.

— Молчи, варвар. — Он огляделся, оценивая толпу у стен.

Одет он сейчас был строго. Исчезли неопрятные обмотки, правую голень закрывали поножи. Тунику покрыли латы, а голову гордо венчал плюмаж шлема. Сверкали начищенные доспехи, чисто вычищены были кожаные ремни. Щит он нес на спине, как полагается в походах. Но как только остановился, мгновенно отстегнул его и надел на левую руку. Меч он не обнажал, поскольку в правой руке держал изготовленный к броску дротик, ощупывая настороженными глазами врагов.

Пещерный житель слева от него сжался в комок, как зверь, которому некуда спрятаться.

— Иунио! — крикнул я снова. — Слушай! — Вид этой парочки беспокоил меня все больше. И если с неандертальцем говорить было не о чем, то римлянина хотя бы можно было попробовать вразумить. — Ты знаешь, где мы?

— Знаю, — бросил он через плечо. — Сегодня Боги испытывают нас на своей арене. Это — дело чести солдата и римского гражданина. От тебя здесь толку никакого, так что держись в стороне. Хотя нет, охраняй мой тыл и подавай сигналы. Цезарь вознаградит тебя.

Я попытался было втолковать ему, что к чему, но мои слова заглушил мощный голос, раздавшийся одновременно во всех концах зала:

— Процесс начинается!

Крошка вздрогнула и прижалась ко мне. Я выдернул свою левую руку из ее сжатых пальцев и обнял ее за плечи.

— Выше голову, дружище, — сказал я мягко, — не дай им себя напугать.

— Я не боюсь, — прошептала она, вся дрожа. — Только говори с ними ты, Кип.

— Ты так хочешь?

— Да. Ты не так быстро взрываешься, как я, а если у меня сейчас не хватит выдержки... ведь ужас что будет.

— Хорошо.

Наш разговор перебил все тот же гнусавый голос. Как и раньше, казалось, что говорящий стоит рядом с нами.

— Настоящее дело проистекает из предыдущего. Три временных пробы взяты с небольшой планеты Ланадорского типа, вращающейся вокруг звезды в периферийном районе Третьей Галактики. Это крайне примитивная зона, не заселенная цивилизованными расами. Раса, находящаяся на рассмотрении, является варварской, что видно по пробам. Она уже дважды обследовалась ранее, и срок следующего пересмотра дела еще не наступил, однако новые факты заставляют нас проводить его сейчас.

Голос спросил сам себя:

— Когда проводилось последнее рассмотрение?

И сам себе ответил:

— Приблизительно один полураспад тория-230 тому назад. — И добавил, очевидно, специально для нас: — Около восьмидесяти тысяч ваших лет.

Иунио дернулся и огляделся по сторонам, как бы пытаясь определить, где стоит говорящий. Я заключил, что он услышал ту же цифру на своей испорченной латыни. Что ж, я тоже вострепнулся, хотя меня уже ничем не удивить.

— Действительно ли необходимо производить рассмотрение спустя лишь такой короткий срок?

— Да. Замечено нарушение закономерности. Они развиваются с непредвиденной быстротой, — бесстрастный голос продолжал говорить, обращаясь теперь к нам:

— Я — ваш судья. Многие из цивилизованных существ, которых вы видите здесь, являются частью меня. Остальные — зрители. Некоторые присутствуют здесь, чтобы суметь уличить меня в ошибке, но этого никому не удавалось сделать более миллиона ваших лет.

— Вам больше, чем миллион лет? — вырвалось у меня. То, что я ему не поверил, я даже не стал говорить.

— Я намного старше, — ответил голос, — но весь, в целом, а не составляющие меня компоненты. Частично

я машина, и эту часть можно починить или воспроизвести. Частично я состою из живых существ, которые могут умереть и быть замещены. Моя живая часть состоит из многих дюжин цивилизованных существ из различных районов Трех Галактик, часть из которых взаимодействует с моим электронным мозгом. Сегодня я состою из двухсот девяти квалифицированных специалистов, в чьем распоряжении находятся все знания, накопленные моей механической частью, все ее умение анализировать и обобщать.

— Ваши решения принимаются единогласно? — спросил я немедленно. Мне показалось, что я нашел лазейку, мне редко удавалось поссорить мать с отцом, но все же в детстве случалось ухитриться внести в стан родителей сумятицу, заставляя их реагировать на одни и те же вещи по-разному.

— Решения всегда единогласны. Ведь легче воспринимать меня как единое целое, одну личность, — голос обращался и ко всем присутствующим. — Пробы взяты согласно установленной практике. Современная проба двойная: проба промежуточного периода, используемая для проверки точности кривой, представляет собой единственный экземпляр, взятый, согласно стандарту, наугад из периода, отстоящего на один полураспад радия-226; дистанционная проба проверки кривой взята тем же методом на расстоянии в две дюжины раз больше, чем расстояние от современной пробы до промежуточной.

— Почему проверка кривой ведется на столь короткой дистанции? — спросил сам себя голос. — Почему не взято расстояние, по крайней мере в дюжину раз большее?

— Потому что жизнь поколений этих организмов слишком невелика, а также наблюдаются быстрые мутации.

Похоже, что объяснение сочли удовлетворительным, поскольку голос продолжал:

— Самый юный образец начинает давать показания первым.

Я решил, что он имеет в виду Крошку, и она подумала то же самое, потому что вся напряглась. Но голос пролаял что-то, и пещерный человек задрожал. Он ничего не ответил, только сильнее скрючился.

Голос пролаял что-то опять. Потом сказал сам себе:

— Я кое-что установил.

— Что именно?

— Это существо не является предком остальных трех.

В голосе машины почти что прорвались эмоции, как будто наш хмурый «бакалейщик» обнаружил соль в жестянке с сахаром.

— Проба была взята правильно. И тем не менее, — ответил он сам себе, — это неверный образец. Придется пересмотреть все относящиеся к делу данные.

На долгие пять секунд стало тихо. Затем голос заговорил снова:

— Это существо не является предком остальных образцов, оно всего лишь побочная линия. У него нет будущего. Оно будет немедленно возвращено в то время-пространство, откуда было взято.

В ту же секунду неандертальца уволокли. Я следил с тоской за его исчезновением. Сначала я испугался его, потом — презирал и стыдился. Он был труслив, грязен и дурно пах. Любая собака цивилизованней его. Но за последние пять минут я стал смотреть на него другими глазами: какой-никакой, а человек! Скорее всего, он не был моим далеким предком, но в нынешнем положении я вовсе был не намерен отказываться и от самого захудалого сородича.

Голос спорил сам с собой, решая, может ли процесс продолжаться, и в конце концов принял решение.

— Рассмотрение будет продолжено. В случае нехватки фактов для принятия решения будет взята другая дистанционная проба нужной линии. Иунио!

Римлянин поднял свой дротик еще выше.

— Кто сказал «Иунио»?

— Выходите давать показания.

Как я и опасался, Иунио объяснил голосу, куда ему следует идти и чем заняться. И не было никакой возможности защитить Крошку от его языка: английский перевод изложил нам все в полном объеме, да сейчас уже и не имело значения, удастся уберечь Крошку от «неприличных» речей или нет.

Голос продолжал так же невозмутимо:

— Является ли это вашими показаниями?

Тут же послышался еще один голос, в котором я узнал римлянина, отвечающего на вопросы, описывающего сражения, рассказывающего об обращении с пленными. Мы слышали английский перевод, но даже в нем звучала гордость и самоуверенность.

— Колдовство! Ведьмы! — завопил легионер и стал делать рога пальцами, отпугивая колдуний. Трансляция прекратилась.

— Голоса совпадают, — сухо объяснила машина. — Запись приобщена к материалам дела.

Но машина не прекращала допрашивать Иунио, требуя подробностей: кто он, как оказался в Британии, чем там занимался, почему считает необходимым служить цезарю. Иунио коротко на все отвечал, потом разозлился и перестал говорить, издав боевой клич, эхом прокатившийся по гигантскому залу. Он отпрянул назад и что было силы метнул дротик. До стены тот не долетел, но олимпийский рекорд был наверняка побит. Я вдруг понял, что кричу «ура!»

Дротик еще не успел упасть на пол, как Иунио обнажил меч, взметнул его в гладиаторском салюте и, выкрикнув «Слава цезарю», взял на караул. Как он поносил их всех! Он доходчиво объяснил, что думает о тварях, которые не то что не римские граждане, но даже не варвары!

Да, сказал я себе, матч, кажется, подходит к концу. Все! Крышка тебе, человечество.

Иунио вопил без остановки, призывая на помощь своих богов, грозя расправой, придумывая все более и более ее изощренные способы, подробно расписывая, что с ними со всеми сотворит цезарь. Я надеялся, что в переводе Крошка не поймет и половины, хотя надежды мои вряд ли были обоснованы; она вообще более догадлива, чем следовало бы. Но я почувствовал, что начинаю гордиться легионером.

В тирадах червелищего звучала ненависть, но ее не было в речах Иунио. Под ломаной грамматикой, смачными ругательствами и грубой натурой старого сержанта — отвага, смелость и человеческое достоинство. Может, он и был старым негодяем, но негодяем, близким моей душе. Кончил он вызовом: требовал, чтобы они выходили на бой против него; пусть выходят поодиночке

или выстроятся «черепашкой», он согласен драться один против всех.

— Я сложу из вас погребальный костер! Выпущу из вас кишки! Я покажу, как умирает римский солдат у могилы, заваленной трупами врагов цезаря!

Он остановился, чтобы перевести дыхание. Я снова заорал «браво», а Крошка подхватила мой крик. Иунио взглянул на нас через плечо и усмехнулся.

— Перерезай им глотки, когда я начну сбивать их с ног, парень! Сейчас поработаем!

— Вернуть его обратно во время-пространство, откуда он был взят, — произнес холодный голос.

Иунио встрепенулся, громко призывая Марс и Юпитер, когда его потянули за собой невидимые руки. Меч его упал на пол, но тут же взлетел вверх и сам вошел в ножны.

Иунио молнией пронесся мимо меня. Сложив руки рупором, я крикнул ему вдогонку:

— Прощай, Иунио!

— Прощай, мальчик! — ответил он, пытаясь вырваться. — Трусы, трусы! Ни на что не способны, кроме грязного колдовства!

Иунио исчез.

— Клиффорд Рассел.

— Я здесь.

Крошка сжала мою руку.

— Ваш ли это голос?

— Погодите, — сказал я.

— Говорите!

Я перевел дыхание. Крошка прижалась ко мне и зашептала в ухо:

— Не волнуйся, Кип. Они ведь всерьез.

— Постараюсь, малыш, — ответил я. — Что здесь происходит? Мне ведь сказали, что рассматривается вопрос о человечестве?

— Верно.

— Но ведь это невозможно! У вас нет достаточных исходных данных. Одно колдовство, да и только, как сказал Иунио. Вы взяли пещерного человека, потом признали, что это ошибка. Но это не единственная ваша ошибка. Вот здесь был Иунио. Какой бы он ни был, я

вовсе его не стыжусь, я горжусь им, но он не имеет никакого отношения к нашему настоящему. Он уже две тысячи лет как мертв, хорошо ли, плохо ли, но он не представляет сегодняшнее человечество.

— Мне это известно. Сегодняшнее человечество представляете вы двое.

— Нет, вы и по нам его судить не можете. Крошка и я никак не являемся средним показателем. Мы не утверждаем, будто мы ангелы. Если вы осудите человечество на основании наших поступков, вы совершите величайшую несправедливость. Судите меня лично...

— И меня тоже! — воскликнула Крошка.

— ... на основании моих собственных поступков. Но не привлекайте за это к ответу моих сородичей. Это не научно. Это математически не обосновано!

— Обосновано.

— Нет! Люди — не молекулы. Все они очень разные. — Относительно их юрисдикции над нами я спорить не стал. Червелицы уже пробовали.

— Согласен, люди не являются молекулами. Но они не являются и индивидуумами.

— Нет, являются!

— Они не могут считаться независимыми индивидуумами, они — частицы единого организма. Каждая клетка вашего тела повторяет один и тот же образец. По трем пробам организма, именуемого человечеством, я могу определить его потенциал и предел его возможностей.

— Им нет пределов! И никто не способен предсказать наше будущее.

— Весьма вероятно, что ваши возможности беспредельны, — согласился голос. — Это следует определить. Но если это так, то отнюдь не в вашу пользу.

— Почему?

— Потому что вы неверно представляете себе цель настоящего рассмотрения. Вы говорите о «справедливости». Я знаю, что вы имеете в виду. Однако ни разу еще не было случая, чтобы две разные расы вкладывали в это слово одно и то же значение и пришли к соглашению. Я не ставлю своей задачей исходить из этой концепции. Наш суд — это не уголовный суд.

— Что же он тогда?

— Можете сказать «Совет безопасности» или «Комитет бдительности». Неважно, как вы его назовете, потому что передо мной стоит лишь одна задача: рассмотреть ваше человечество и определить, представляет ли оно угрозу для нашего выживания. Если да, я сейчас же покончу с вами. Это единственный надежный способ предотвратить суровую опасность. Данные, которыми я располагаю о вас, заставляют думать, что когда-нибудь вы способны вырасти в серьезную угрозу для «Трех Галактик». И сейчас я намерен установить факты.

— Но вы говорили, что для этого вам необходимо по крайней мере три образца. А пещерный человек не подошел.

— У нас есть три образца — римлянин и вы оба. Но установить факты можно и по одному. Три образца — традиция, оставшаяся с древних времен, результат осторожной привычки проверять и перепроверять. В мои задачи не входит определение «справедливости», я обязан не допустить ошибки.

Я хотел было сказать ему, что он не прав, хотя ему и миллион лет, но он добавил:

— Итак, рассмотрение продолжается. Клиффорд Рассел, ваш ли это голос?

Снова зазвучала запись моего рассказа, но на этот раз из него не было выпущено ничего: ни красочных эпитетов, ни личных оценок и мнений, ни суждений о разных проблемах.

Наслушавшись, я поднял руку.

— Ну ладно, хватит! Это мой голос.

Трансляция прекратилась.

— Вы подтверждаете?

— Да.

— Хотите что-нибудь добавить, изменить или убрать?

Я напряженно думал. Если не считать нескольких ехидных комментариев, я рассказал все совершенно точно.

— Нет.

— А это тоже ваш голос?

Они включили бесконечную запись моих бесед с профессором Джо — все о Земле, ее истории, обычаях,

людях... Я понял, почему Джо носил такой же значок, как Мэмми. Как это называется? «Подсадная утка»? Добрый старый профессор Джо, дрянь паскудная, оказался стукачом. Прямо тошно стало.

— Дайте мне еще послушать.

Мне пошли навстречу. Слушал я рассеянно, пытаюсь вспомнить, что же я еще наболтал такого, что могут сейчас использовать против человечества? Крестовые походы? Рабовладение? Газовые камеры в Дахау? Чего еще я там наболтал?

Трансляция все продолжалась. Еще бы, ведь записывали целыми неделями. Мы могли здесь простоять до тех пор, пока не упадем от усталости.

— Да, это мой голос.

— Вы все подтверждаете? Вы не хотите внести поправки либо дополнения?

— Можно прослушать все сначала? — осторожно спросил я.

— Если вы так желаете.

Я хотел было уже сказать, что желаю, что надо всю эту запись стереть и начать все сначала. Но согласятся ли они? Или сохранят обе записи, чтобы потом их сравнить? Ложь не вызвала бы у меня угрызений совести. «Говори правду и посрами дьявола», — девиз мало-подходящий, когда на карту поставлена жизнь твоих близких, твоих друзей и всего человечества.

Но сумеют ли они поймать меня на лжи? Мэмми советовала говорить правду и ничего не бояться. Но ведь она не на нашей стороне! Нет, на нашей!

Надо было отвечать. Но я так запутался, что плохо соображал. Я ведь пытался рассказать профессору Джо все по правде... Ну, может, я что и позабыл, не оставившись подробно на всех страшных газетных заголовках. Но в принципе все говорил правдиво. Сумею ли я изложить более приемлемую версию сейчас? Позволят ли они мне начать все сначала и проглотят ли состряпанные мной выдумки? Либо меня уличат во лжи, сверив обе ленты, и это погубит род человеческий?

— Я все подтверждаю.

— Запись приобщается к делу. Патриция Уайнант Рейсфелд.

У Крошки на эту процедуру много времени не ушло, она просто последовала моему примеру. Машина промолвила:

— Факты обобщены. Исходя из их собственных показаний, это дикий и жестокий народ, склонный ко всякого рода зверствам. Они поедают друг друга, морят друг друга голодом, убивают друг друга. У них совсем нет искусства, а наука самая примитивная, тем не менее их характер так сильно заражен насилием, что даже столь малый запас знаний энергично используется ими, чтобы истреблять друг друга, причем с таким рвением, что могут хорошо в этом преуспеть. Но если они перестанут это делать, то со временем неизбежно достигнут других звезд. Именно этот аспект и должен быть тщательно рассмотрен: как скоро они сумеют достичь нас, если выживут, и каков к тому времени будет их потенциал.

Голос снова обратился к нам:

— Это — обвинение против вас, против вашей собственной дикости, сочетаемой с вашим разумом. Что можете вы сказать в свою защиту?

Глубоко вздохнув, я попытался успокоиться. Я знал, что мы проиграли, но все же считал себя обязанным бороться до конца. Я вспомнил, как начинала свою речь Мэмми.

— Милорды-собратья!

— Поправка. Мы не являемся вашими «лордами», и так же не было установлено, что вы нам ровня. Если хотите найти правильную форму обращения, можете называть меня «председатель».

— Хорошо, господин Председатель, — я отчаянно пытался вспомнить, что говорил своим судьям Сократ. Он знал заранее, что его осудят, так же, как и мы сейчас, но хотя его и заставили выпить сок цикуты, победил все же он, а не его враги.

Нет! Сократ здесь не подходит, ему нечего было терять, кроме своей собственной жизни, а сейчас речь шла о жизни всего человечества.

— ... вы сказали, что у нас нет искусства. Видели ли вы наш Парфенон?

— Взорванный в одной из ваших войн?

— Лучше взгляните на него, прежде чем нас «развернете», потому что иначе многое потеряете. Читали ли вы нашу поэзию? «Окончен праздник. В этом представленье актерами, сказал я, были духи. И в воздухе, и в воздухе прозрачном, свершив свой труд, растаяли они. Вот так, подобно призракам без плоти, когда-нибудь растают, словно дым, и тучами увенчанные горы, и горделивые дворцы и храмы, и даже весь — о да, весь шар земной»*.

Продолжать я не мог. Рядышком всхлипывала Крошка. Не знаю, что заставило меня выбрать этот отрывок, но утверждают, что подсознание никогда ничего не делает случайно.

— Весьма вероятно, что так и будет, — заметил безжалостный голос.

— Я думаю, что не ваше дело судить, чем мы занимаемся, если мы вас не трогаем, — я запинаясь, еле сдерживая слезы.

— Мы считаем это своим делом.

— Мы не управляемся вашим правительством и...

— Поправка. «Три Галактики» не являются правительством: столь обширное пространство и такая разнообразность культур не дают правительству возможности функционировать. Мы всего лишь создали полицейские формирования в целях самообороны.

— Но даже если так, мы ведь никак не мешаем вашим полицейским. Мы жили на своей окраине, я, во всяком случае, спокойно гулял на собственных задворках, как вдруг появились корабли этих червелицх и стали причинять нам неприятности. Но ведь мы ничего плохого не сделали!

Я остановился, не зная, что говорить дальше. Я ведь не мог гарантировать, что весь род человеческий в будущем будет вести себя хорошо: машина знала это, и сам я тоже это знал.

— Вопрос, — снова заговорил сам с собой голос. — Эти существа кажутся идентичными с Древним Народом, учитывая мутационные поправки. В каком районе «Третьей Галактики» находится их планете?

* Вильям Шекспир. «Буря», действие четвертое. Перевод М.Донского.

Машина ответила на собственный вопрос, приведя координаты, ничего мне не говорящие.

— Но они не принадлежат к Древнему Народу, они эфемерны. В том-то и опасность, что они слишком быстро меняются.

— Не исчез ли в том районе корабль Древнего Народа несколько полураспадов тория-230 назад? Не объяснит ли это тот факт, что образцы не совпали?

И твердый ответ:

— Происходят они от Древнего Народа или нет — значения не имеет. Идет процесс, следует принять решение.

— Решение должно быть обоснованным и не вызывающим сомнений.

— Таковым оно и будет. — Бестелесный голос вновь обратился к нам: — Хотите ли вы оба добавить что-либо в свою защиту?

Я вспомнил их слова о примитивном состоянии нашей науки и хотел возразить, сказать, что всего за два века мы прошли путь от мускульной энергии до атомной, но испугался, что этот факт, наоборот, может быть использован против нас.

— Крошка, ты ничего не хочешь сказать?

Резко шагнув вперед, она выкрикнула:

— А то, что Кип спас Мэмми, не считается?

— Нет, — ответила холодный голос, — это несущественно.

— А должно было бы быть существенным! — Она снова плакала. — Сволочи вы трусливые! Подонки! Вы еще хуже червелицх.

Я дернул ее за руку. Содрогааясь от рыданий, Крошка уткнулась мне головой в плечо и прошептала:

— Прости меня, Кип. Я не хотела. Я все испортила.

— Не расстраивайся, малыш. И так уже все было ясно.

— Имеете ли вы сказать что-нибудь еще? — безжалостно продолжал голос.

Я обвел глазами зал. «... и горделивые дворцы и храмы, и даже весь — о да, весь шар земной».

— Только одно, — сказал я яростно. — И не в свою защиту. Вы ведь не нуждаетесь в нашей защите и в

наших оправданиях. Черт с вами, забирайте нашу звезду, вы ведь на это способны. На здоровье! Мы сделаем себе новую звезду, сами! А потом, в один прекрасный день, вернемся в ваш мир и загоним вас в угол, всех до одного!

— Здорово, Кип, так их!

Мои слова не вызвали криков возмущения, и в наступившей тишине я вдруг почувствовал себя ребенком, совершившим бестактный поступок в присутствии взрослых гостей. Но отказываться от своих слов я не собирался. Нет, я не думал, конечно, что мы сможем сделать это. Не доросли еще. Но попытаемся уж наверняка. «Умереть сражаясь» — самое гордое свойство человека.

— Весьма вероятно, что так и будет, — сказал наконец голос. — Вы закончили?

— Да, закончил.

Со всеми нами было покончено.

— Кто-нибудь заступится за них? Люди, знаете ли вы расу, согласную заступиться за вас?

Кого мы знаем, кроме самих себя? Собак, разве что? Собаки, может, и заступятся.

— Я буду говорить!

— Мэмми! — встрепелась Крошка.

Неожиданно она очутилась прямо перед нами. Крошка рванулась к ней, но налетела на невидимый барьер. Я взял ее за руку.

— Спокойно, малыш. Это лишь стереоизображение.

— Милорды-собратья... Вы богаты мудростью многих планет и сокровищницами знаний. Но я знаю их самих. Да, действительно, они преисполнены буйства, особенно младшая, но не более, чем это естественно для их возраста. Можем ли мы ожидать проявлений зрелой выдержанности от расы, которой предстоит умереть в столь раннем детстве? И разве не свойственно насилие нам самим? Разве не обрекли мы сегодня на смерть миллиарды живых существ? И может ли выжить раса, лишенная стремления к борьбе? Да, правда, что эти существа зачастую намного более агрессивны, чем было бы необходимо и разумно. Но, братья, они совсем еще дети! Дайте же им время повзрослеть.

— Именно этого и следует бояться, что они вырастут и поймут слишком много, слишком многому научатся. Ваша раса всегда была сверхчувствительной, сентименты мешают вам проявить объективность.

— Неправда! Мы сострадательны, но отнюдь не глупы. И вы знаете не хуже меня, сколько крайних решений было принято на основании моих показаний. Их было так много, что мне больно о них вспоминать. Но я и впредь не уклонюсь от выполнения долга. Если ветвь больна неизлечимо, она должна быть отсечена. Мы не сентиментальны, мы — лучшие сторожа, когда-либо охранявшие «Три Галактики», потому что не поддаемся гневу. Мы безжалостно караем зло, но с любовью и терпением относимся к поступкам детей.

— Вы кончили?

— Я считаю, что им надо дать шанс!

Изображение Мэмми исчезло.

Снова раздался голос:

— Кто-нибудь еще?

— Да!

Там, где только что стояла Мэмми, выросла большая зеленая обезьяна. Смерив нас взглядом, она неожиданно сделала сальто-мортале и продолжала смотреть, просунув голову между ног.

— Я не друг им, но я люблю «справедливость», чем и отличаюсь от некоторых моих коллег в Совете. — Она несколько раз перекувырнулась через голову. — И, как заметила только что наша сестра, земляне очень молоды. Младенцы моей благородной расы кусают и царапают друг друга, некоторые даже умирают от этого. Я сама когда-то так вела себя. — Она подпрыгнула, приземлилась на руки и перевернулась. — Но осмелится ли кто-нибудь утверждать, что я не цивилизованное существо? — Она замерла и продолжала рассматривать нас, почесываясь. — Да, это жестокие дикари, и я не понимаю, как они могут кому-нибудь нравиться, но я считаю, что нужно дать им шанс!

Обезьяна исчезла.

— Хотите ли вы добавить что-либо, прежде чем будет вынесен вердикт? — спросил голос.

Я уже открыл рот, чтобы сказать: «Нет, кончайте скорее», как Крошка зашептала мне на ухо. Я кивнул и заговорил:

— Господин Председатель, если вердикт будет вынесен против нас, могли бы вы попрiderжать своих палачей, пока мы не вернемся домой? Мы знаем, что вы можете доставить нас на Землю за несколько минут.

Голос ответил не сразу:

— Зачем вам это? Ведь я объяснил уже, что судят не вас лично. Была договоренность, что вам двоим в любом случае сохраняют жизнь.

— Мы знаем. Но предпочитаем разделить судьбу всех людей, оставшихся на Земле.

— Хорошо.

— Достаточно ли фактов для принятия решения?

— Каково же решение?

— Человечество будет рассмотрено вновь дюжину полураспадов радия спустя. Но пока это человечество может погубить себя само. Против этой опасности ему будет оказана помощь. В течение испытательного срока за ним будет пристально следить Мать-Хранительница, — голос прочирикал веганское имя Мэмми, — участковый инспектор этого района, которому вменяется в обязанность немедленно информировать Совет о любых зловещих симптомах. Пока же мы желаем человечеству успеха в его долгом пути к вершинам цивилизации. Образцы надлежит возратить в то пространство-время, откуда они прибыли.

Глава 12

Я счел, что сажать корабль в Нью-Джерси, не известив заранее военные власти, неразумно. Вокруг города много важных объектов, нас могут обстрелять чем угодно, вплоть до ракет с ядерными зарядами, если засекут. Но Мэмми лишь чирикнула:

— Я думаю, что все обойдется.

Действительно, обошлось, никто нас не заметил. Она высадила нас на окраине, распрощалась и исчезла. Закона, воспрещающего ночные прогулки в скафандрах, да еще с тряпичной куклой в руках, не существует, но зрелище это все равно непривычное, поэтому первый же полицейский патруль доставил нас в участок. Дежурный позвонил Крошкиному отцу, и через двадцать минут мы уже сидели в его кабинете, пили какао и разговаривали.

Крошкину маму чуть не хватил удар. Слушала она нас с раскрытым ртом, то и дело восклицая: «Невероятно, невероятно», пока профессор Рейсфелд не попросил ее либо перестать охать, либо идти спать. Но она не виновата. Еще бы, дочка исчезает на Луне, все уже уверены, что она погибла, и вдруг чудом возвращается на Землю. Профессор Рейсфелд поверил нам сразу. Так же, как Мэмми обладала даром «понимания», он обладал даром «восприятия». И когда возникали новые факты, охотно отбрасывал старые теории и представления, которые опровергались новыми данными.

Он тщательно изучил Крошкин скафандр, попросил ее включить поле шлема, направил на него свет настольной лампы, чтобы увидеть эффект светонепроницаемости, и все это проделал очень серьезно. Потом потянулся к телефону.

— Нужно срочно вызвать Дарио.

— Прямо среди ночи, Курт?

— Да, Джанис. Армагеддон не будет ждать открытия конторы.

— Профессор Рейсфелд?

— Да, Кип?

— Может, вам лучше посмотреть на все остальное, прежде чем звонить?

— Что остальное?

Я извлек из кармана «Оскара»: два маяка — по одному на каждого из нас, листы металлической «бумаги», исписанные уравнениями, две «счастливые штучки», две серебристые сферы. По пути домой мы остановились на Веге V, где провели большую часть времени под своего рода гипнозом, пока профессор Джо с еще одним ученым выкачивали из нас все, что мы знали о земной математике. И вовсе не для того, чтобы у нас научиться, — вот еще! Они лишь хотели усвоить язык наших математических символов, от векторов и радикалов до замысловатых знаков, применяемых в высшей физике, чтобы можно было кое-чему обучить нас; результаты были изложены на логических листах. Прежде всего я показал профессору Рейсфелду маяки.

— Мы теперь включены в участок Мэмми. Она велела пользоваться маяками в случае крайней необходимости. Мэмми будет находиться поблизости, не более чем в тысяче световых лет от нас. Но она услышит зов, где бы она ни была.

— Вот как, — профессор посмотрел на мой маяк. Он был намного аккуратнее и меньше размером, чем тот, который Мэмми тайком смастерила на Плутоне. — Может, осмелимся разобрать его?

— Он содержит огромный заряд энергии. Взорвется еще, чего доброго.

— Да, весьма вероятно, — профессор с сожалением протянул маяк мне обратно.

Объяснить, что такое «счастливые штучки», невозможно. Они похожи на маленькие абстрактные скульптурки, которые следует воспринимать не только зрительно, но и осязательно. Моя казалась обсидиановой, но была теплой и мягкой. Крошкина больше походила на нефрит. Для получения желаемого эффекта следует приложить ее к голове. Я дал свою профессору Рейсфелду, и на лице его появилось благоговейное выражение. Я знал, какой эффект они производят: любовь и ласка Мэмми окружают тебя, тебе тепло, ты ничего не боишься и чувствуешь себя понятым.

— Она любит тебя, — сказал профессор. — Эта «штучка» предназначалась не для меня. Извини.

— О нет, она любит и вас тоже.

— Что?

— Она любит всех маленьких пушистых беспомощных щенков. Потому-то она и Мэмми.

Я даже не понял, как это у меня сорвалось с языка, но профессор не обиделся.

— Так ты говоришь, она сотрудник полиции?

— Скорее — детской комнаты. С ее точки зрения, мы живем в трущобном, весьма опасном районе. Иногда ей приходилось прибегать к мерам, которые ей не по вкусу. Но она — хороший работник, а кто-то ведь должен выполнять и неприятные обязанности. Она не увиливает от исполнения своего долга.

— Да, она увиливать не будет.

— Хотите попробовать еще?

— Тебе не жалко?

— Нет, что вы, она же вечная.

Он приложил «штучку» к виску, и на лице его снова появилось счастливое выражение. Посмотрев на Крошку, уснувшую прямо за столом, он сказал:

— Знай я, что с одной стороны о дочке заботится Мэмми, а с другой — ты, я бы не стал беспокоиться.

— Мы действовали коллективно, — объяснил я. — И ни за что не справились бы без Крошки. Она девочка с характером.

— Порой его даже слишком много.

— Иногда именно избыток и необходим. Вот эти шары содержат информацию. У вас есть магнитофон, профессор?

— Разумеется.

— Их надо переписать на пленку, потому что они разового действия. Молекулы после прослушивания снова приходят в хаотическое состояние.

Затем я показал профессору металлическую бумагу. Я пытался прочесть ее сам, но меня хватило всего на две строчки, а потом узнавал кое-где отдельные знаковые знаки.

Профессор Рейсфелд прочитал наполовину первую страницу и поднял голову.

— Пойду-ка я позвоню.

На рассвете взошла Луна, и я пытался определить, где находится станция Томба. Крошка спала на диване отца, закутанная в его купальный халат, сжав в руках мадам Помпадур. Профессор пытался отнести ее в постель, но она проснулась и заупрямилась так, что он уложил ее обратно. Профессор жевал пустую трубку и слушал, как шарообразная кассета мягко шептала в его магнитофон. Время от времени он задавал мне какой-нибудь вопрос, и я отвечал, очнувшись от дремоты.

В противоположном углу кабинета сидели у доски профессор Гиами и доктор Брук, испещряя доску новыми формулами, стирая написанное, споря без остановки над листами металлической бумаги. Брук был похож на водителя сломавшегося грузовика, а Гиами — на разъяренного Иунио. Оба были взволнованы, но доктора Брука выдавало лишь подергивание щеки, а Крошкин папа объяснил мне, что тик доктора Брука является верным признаком предстоящего нервного расстройства, но не у него, а у других физиков.

Через два дня мы все еще находились в кабинете. Профессор Рейсфелд побрился, чем резко отличался от остальных. Я поспал немного и один раз даже ухитрился принять душ.

Я хотел уехать домой сразу, как только передам им все материалы, но профессор Рейсфелд попросил меня задержаться, потому что должен был приехать Генеральный секретарь Федерации. Пришлось остаться. Домой звонить не стал. Зачем расстраивать родителей лишний раз? Я бы, конечно, предпочел сам поехать в

Нью-Йорк, но профессор Рейсфелд пригласил его сюда, и я начал понимать, что самые важные люди не могут не считаться с его приглашениями.

Генеральный секретарь, мистер ван Довенюк, оказался стройным высоким человеком. Пожав мне руку, он спросил:

— Насколько я понимаю, вы сын доктора Сэмюэла Рассела?

— Вы знаете моего отца, сэр?

— Встречались когда-то в Гааге.

Доктор Брук повернулся ко мне, а когда Генеральный секретарь вошел в комнату, он лишь небрежно кивнул ему.

— Ты — парень Сэма Рассела?

— И вы тоже его знаете?

— Еще бы. Он же автор блестящего труда «К вопросу о статистической обработке неподробных данных».

Я никогда не имел понятия ни о том, что папа написал такую книгу, ни о том, что он был знаком с высшим должностным лицом Федерации. Иногда мне кажется, что папа очень эксцентричный человек.

Мистер ван Довенюк подождал, пока ученые оторвутся от доски глотнуть воздуха, и спросил:

— Что-нибудь существенное, господа?

— Угу, — буркнул Брук.

— Блеск, да и только, — согласился Гиами.

— Что именно?

— Ну... — Д-р Брук ткнул пальцем в одну из строчек на доске. — Сказать пока не могу, но похоже на антигравитацию. А Гиами уверяет, что, если развернуть принцип на девяносто градусов, мы получим формулу путешествия во времени.

— Совершенно верно!

— Но если он прав, то энергии нужно столько, что потребуется еще одна звезда. Хотя... — Брук впился взглядом в нацарапанные им на доске строчки. — Весьма возможно разработать энергоблок, который влезет в ваш жилетный карман, а энергии давать будет больше, чем реактор в Брисбене.

— Это действительно возможно?

— Расспросите своих внуков, когда они подрастут. Раньше не получится, — проворчал Брук.

— Чем вы там расстроены, доктор Брук? — спросил мистер ван Довенюк.

Теперь Брук зарычал:

— Небось все засекретите? А я засекреченной математики на дух не переносу. Это позор!

Я наострил уши. Я ведь объяснял Мэмми все эти дела с секретностью, но своими объяснениями лишь шокировал ее. Я говорил, что Федерация должна хранить секреты, важные для ее безопасности, но она отказывалась меня понимать.

— Я тоже не сторонник секретности в науке, — ответил Бруку Генеральный секретарь. — Но вынужен с ней считаться.

— Я так и знал, что вы это скажете!

— Одну минуту. Являются ли эти сведения собственностью правительства США?

— Разумеется, нет!

— Не принадлежат они и Федерации. Итак, вы продемонстрировали мне интересные математические сведения. Но не могу же я вам запретить их публиковать. Они ваши.

— Нет, — покачал головой Брук. — Не мои, — он указал на меня. — Его.

— Понятно. — Генеральный секретарь посмотрел на меня. — Как юрист могу сказать вам следующее, молодой человек. Если вы желаете опубликовать эти данные, никто не сможет вам помешать это сделать.

— Но они не мои, я всего лишь доставил их.

— Все равно, кроме вас, никто не может на них претендовать. Хотите ли вы их опубликовать, подписав, скажем, совместно с этими господами?

У меня сложилось впечатление, что ему очень хотелось увидеть эти данные опубликованными.

— Конечно. Но третьим именем должно стоять не мое, а... — я запнулся. Не подписывать же работу нотами? — Ну, скажем, доктора Мэм Ми.

— Кто же это?

— Веганка. Но мы можем выдать ее имя за китайское.

Генеральный секретарь продолжал задавать вопросы, прослушивать записи. Затем заказал разговор с Луной. Я знал, что это давно возможно, но никогда не думал, что доведется присутствовать при таком телефонном разговоре самому.

— Генеральный секретарь... да, начальника базы, пожалуйста... Джим? Ничего не слышу... Джим, ты иногда проводишь учения... Я звоню неофициально, но не проверил бы ты долину... — Он обернулся ко мне, я быстро ответил: «Долину сразу за хребтом к востоку от станции Томба». — Совет Безопасности ничего не знает, это так, между нами. Но если ты устроишь там маневры, очень тебе советую послать большой отряд с оружием. Там могут встретиться гадюки, к тому же хорошо замаскированные. Ну, скажем, интуиция. Да, дети чувствуют себя прекрасно, и Беатриса тоже. Я позвоню Мэри, скажу ей, что беседовал с тобой.

Генеральный секретарь попросил меня оставить ему мой адрес, но я не мог сказать, когда окажусь дома, потому что не знал, как буду туда добираться. В общем, я собирался «голосовать» на шоссе, но не хотел признаваться в этом. У мистера ван Довенюка поползли вверх брови.

— Полагаю, что мы должны подбросить его домой, а, профессор?

— Это лишь часть того, что мы ему должны.

— Рассел, я понял из магнитной записи, что вы хотите стать космическим инженером.

— Да, сэр, то есть господин Генеральный секретарь.

— Вы не подумывали заняться юриспруденцией? В космосе ведь много инженеров, но мало юристов. А они нужны везде. Человек, хорошо изучивший космические законы, всегда найдет себе достойное место.

— Почему бы ему не овладеть обеими профессиями? — предложил Крошкин папа. — Не нравится мне эта современная сверхспециализация.

— Хорошая мысль, — согласился Генеральный секретарь. — Тогда он мог бы диктовать свои условия.

Я уже хотел сказать, что меня больше тянет к электронике, как вдруг понял, чем именно хотел бы заняться.

— Не думаю, что две профессии сразу будут мне под силу.

— Не говори глупости, — резко ответил профессор Рейсфелд.

— Не буду, сэр. Но я хочу заняться скафандрами. У меня есть кое-какие идеи по их усовершенствованию.

— Насколько я помню, тебе отказали в приеме во все хорошие колледжи. Так... — профессор Рейсфелд по-

барабанил пальцами по столу. — Ну не глупо ли, господин Генеральный секретарь? Парнишке легче попасть в Магеллановы облака, чем в колледж.

— Так что ж, профессор, поднажмем?

— Минуточку, — профессор снял трубку. — Сузи, дайте мне директора Массачусетского технологического института. Знаю, что праздник... А мне плевать, в Бомбее он или в своей постели... Вот и умница. — Он повернулся к нам. — Ничего, она его найдет.

Я смутился. Кто же откажется там учиться? Но денег на это нужно...

Зазвонил телефон.

— Привет, говорит Рейсфелд. В прошлый раз на вечере встречи ты вырвал у меня обещание предупреждать тебя каждый раз, когда у Брука начнется тик. Держись за кресло, я насчитал двадцать один раз в минуту. Да, рекорд... Спокойно, спокойно, никого из твоих я и на порог не пушу, пока не получу от тебя свой кусок мяса. А если ты заведешь свою пластинку о свободе и праве на информацию, я повешу трубку и позвоню в университет Беркли... Да нет, ничего особенного, всего лишь стипендию на четыре года, плюс всю стоимость обучения и содержания... Да не кипятись ты, ради Бога, что, у тебя фондов нет? Ну, так подчисти бухгалтерские книги... Нет, никаких намеков. Покупай kota в мешке, а то твоих ребят вообще не пушу... Что-что? Ну, точно, я тоже растратчик, а ты разве не знал? погоди, — профессор обернулся ко мне: — Ты посылал заявление?

— Да, сэр, но...

— Подними дело в приемной комиссии. Клиффорд Рассел. Пошли ему вызов на домашний адрес... Что? Да, готовь группу... Одно скажу — такого в истории не было с тех пор, как Ньютона стукнули яблоком по голове. Это точно, я шантажист, а ты кабинетная крыса. Когда наукой-то займешься? Пока.

Он повесил трубку.

— Вопрос решен. Слушай, Кип, я одного не пойму — зачем этим червелицам понадобился именно я.

Я не знал, как объяснить ему. Только вчера он сам говорил мне, что занимался сопоставлением и анализом различных, не связанных между собой сведений: о неопознанных летающих объектах, о развитии космо-

навтики и о многих необъяснимых происшествиях. Такой человек, как он, своего всегда добьется и заставит себя слушать. Если у него и был недостаток, так это скромность, которую от него совсем не унаследовала Крошка.

Скажи я ему, что его интеллектуальное любопытство заставило понервничать тех космических пиратов, он только посмеялся бы. Поэтому я ответил:

— Они так и не сказали нам, сэр. Но я думаю, что они считали вас достаточно важным человеком.

Мистер ван Довенюк поднялся со стула.

— Ну что же, Рассел, вопрос о вашем образовании решен. Если я вам понадобится, позвоните мне.

После его ухода я попытался поблагодарить профессора.

— Я рассчитывал заработать денег на учебу, сэр, прежде чем снова начнутся занятия.

— Это за оставшиеся-то две с половиной недели? Брось, Кип.

— Я имею в виду весь оставшийся год...

— Зачем же тебе год пропускать?

— Но я ведь все равно опоздал... — И вдруг я обратил внимание на зелень в саду. — Профессор... какое сегодня число?

— То есть как, какое? День Труда, конечно.

Профессор выплеснул мне в лицо стакан воды.

— Ну как, пришел в себя?

— Пожалуй, да... Но мы же путешествовали несколько недель!

— Ты слишком много пережил, Кип, чтобы волноваться из-за такой ерунды. Можешь обсудить вопрос с близнецами, — он кивнул в сторону Гиами и Брука, — но все равно ничего не поймешь. Я, во всяком случае, ничего не понял.

Когда я уезжал, миссис Рейсфелд расцеловала меня на прощание, Крошка разревелась, а мадам Помпадур попрощалась с «Оскаром», лежащим на заднем сиденье. В аэропорт профессор Рейсфелд решил отвезти меня сам.

По дороге он заметил:

— Крошка очень хорошо к тебе относится.

— Надеюсь, что да.

— А ты к ней? Или я нескромен?

— Хорошо ли я к ней отношусь! Еще бы! Она спасла меня от смерти раз пять, не меньше.

— Ты и сам заслужил не одну медаль за спасение утопающих.

Я поразмыслил над этим.

— Сдается мне, что я портил все, за что ни брался. Но она меня все время выручала, да и везло ей просто невероятно.

Я даже задрожал при одном воспоминании о том, как едва не угодил в суп.

— «Везение» — сентиментальное слово, — ответил профессор. — Ты считаешь невероятным везением то, что оказался на поле в скафандре, когда моя дочь звала на помощь. Но это не везение.

— Но что же это тогда?

— Почему ты принимал ее волну? Потому, что был в скафандре. Почему ты был в скафандре? Потому, что всеми силами стремился в космос. И когда ее корабль послал сигналы, ты ответил. Если это «везение», то спортсмену везет каждый раз, когда он попадает ракеткой по мячу. «Везение» всегда лишь результат тщательной подготовки, Кип, а «невезение» — следствие разболтанности и лени. Ты сумел убедить Суд, который древнее рода человеческого, что ты и твоё племя заслуживаете спасения, случайно ли это?

— По правде говоря, я психанул и чуть было все не испортил. Просто очень уж мне надоело, что мной все время помыкают.

— Лучшие страницы истории написаны теми людьми, которым надоело, что ими «помыкают». — Он нахмурился. — Я рад, что тебе нравится Крошка. У нее интеллект двадцатилетнего человека, а темперамент шестилетнего ребенка, и это, как правило, настраивает людей против нее. Поэтому я и рад, что она нашла себе друга, превосходящего ее умом.

У меня даже челюсть отвисла.

— Но, профессор, Крошка ведь намного умнее меня. Она то и дело оставляла меня в дураках.

Он глянул на меня.

— Она оставляет меня таким уже несколько лет, а я отнюдь не глуп. Тебе не следует недооценивать себя, Кип.

— Но это правда!

— Ты так считаешь? Есть один человек, величайший специалист в области математической психологии. Человек, всю жизнь делавший только то, что считал нужным, он даже сумел вовремя уйти в отставку, а это крайне трудно сделать, когда на тебя большой спрос. Так вот, этот человек женился на самой блестящей своей студентке. Сомневаюсь, чтобы их сын был глупее моей дочки.

До меня не сразу дошло, что речь идет обо мне. А потом я просто не знал, что отвечать. Многие ли дети считают своих родителей гениями? Во всяком случае, не я.

— Крошка — очень трудная личность, — продолжал профессор. — Ну, вот и аэропорт. Когда отправишься в институт, не забудь заехать к нам. И приезжай, пожалуйста, на День Благодарения; на Рождество ты ведь, безусловно, поедешь домой?

— Спасибо, сэр, обязательно.

— Вот и хорошо.

— Кстати, насчет Крошки. Если она будет чересчур бунить, то не забывайте про маяк. Мэмми с ней справится.

— Что ж, полезная идея.

— Крошке еще ни разу не удавалось провести Мэмми, хотя она и пробовала. Да, я совсем забыл. Кому можно об этом рассказывать? Не о Крошке, разумеется, а обо всей этой истории?

— А разве не понятно?

— Сэр?

— Рассказывай кому угодно. У тебя сразу пропадет желание делать это, потому что почти никто тебе не поверит.

Домой я летел реактивным самолетом — быстрая все-таки машина! Обнаружив, что вся моя наличность состоит из доллара и шестидесяти семи центов, профессор Рейсфелд настоял на том, чтобы я взял у него десять долларов, так что, когда мы прилетели, я подстригся на автобусной остановке и смог купить два билета до Сентервиля, чтобы не сдавать «Оскара» в багажник, где его могли повредить. Стипендия в Массачусетском технологическом институте больше всего порадовала

меня тем, что «Оскара» не придется продавать, хотя теперь я и так не продал бы его ни за какие деньги.

Из-за «Оскара» водитель остановил автобус прямо у нашего дома — уж больно неудобно было бы тащить его от станции. Я пошел в сарай, повесил «Оскара» на его стойку, сказал, что зайду позже, и вошел в дом с заднего крыльца. Мамы не было видно, папа сидел у себя в кабинете. Он поднял глаза от книги.

— Привет, Кип.

— Привет, пап.

— Как путешествовал?

— Видишь ли, я не попал на озеро.

— Я знаю. Звонил профессор Рейсфелд, он все мне рассказал.

— А... а... В целом, путешествовал очень неплохо.

Я заметил, что он держит на коленях том энциклопедии «Британника», раскрытый на статье «Магелланово облако». Папа поймал мой взгляд.

— Никогда не доводилось их видеть, — сказал он с сожалением. — Была однажды возможность, да все времени найти не мог, если не считать одной облачной ночи.

— Когда это, пап?

— Еще до твоего рождения, в Южной Америке.

— А я не знал, что ты там бывал.

— Приходилось. По заданию правительства. Но об этом не принято рассказывать. Красивые они?

— Да не очень-то. — Я снял с полки другой том энциклопедии и нашел Туманность Андромеды. — Вот где по-настоящему красиво.

— Да, прекрасно, должно быть, — вздохнул отец.

— Невероятная красота. Я тебе все расскажу подробно, у меня и магнитофонная пленка есть.

— Не к спеху. Ты ведь устал. Триста тридцать три тысячи световых лет — расстояние приличное.

— Нет, что ты, ровно в два раза меньше.

— Я имею в виду оба конца.

— Но мы вернулись обратно не тем же путем.

— То есть как?

— Не знаю даже, как объяснить, но когда эти корабли совершают прыжок, любой прыжок, путь обратно и есть долгий путь вокруг. Корабль летит прямо вперед, пока снова не оказывается в исходной точке. Ну, не совсем

«прямо вперед», потому что пространство изогнуто, но настолько прямо, насколько возможно.

— Гигантский космический круг?

— Ну да. Круговой путь по прямой линии.

— Ну да. — Он задумался. — Кип, а какое расстояние охватывает этот круг Вселенной?

— Я спрашивал, папа, но не понял ответа. Мэмми сказала мне тогда: «Какое может быть «расстояние» там, где нет ничего?» Это вопрос не столько расстояния, сколько состояния. Мы не летели, мы просто перемещались.

— Да, неразумно выражать математические вопросы словами, следовало бы мне это знать, — упрекнул себя отец.

Я уже хотел посоветовать ему обратиться к доктору Бруку, как вошла мама.

— Здравствуйте, мои дорогие!

На секунду мне показалось, что я слышу Мэмми.

Мама поцеловала отца, потом меня.

— Хорошо, что ты уже дома, милый.

— М-да... — Я обернулся к отцу.

— Она все знает.

— Да, — сказала мама тепло. — Я не боюсь, когда мой взрослый мальчик отправляется в путь куда бы то ни было, лишь бы он благополучно возвращался домой. Я ведь знаю, что ты всегда дойдешь туда, куда захочешь, — она потрепала меня по щеке. — И я всегда буду гордиться тобой.

Следующим утром, во вторник, я пришел на работу очень рано. Как и предполагал, моя стойка находилась в ужасном состоянии. Надев свой белый фартук, я быстро принялся наводить порядок. Мистер Чартон говорил по телефону. Повесив трубку, он подошел ко мне.

— Хорошая была поездка, Кип?

— Очень, мистер Чартон.

— Кип, я хотел спросить тебя кое о чем. Ты все еще хочешь лететь на Луну?

Я чуть не подпрыгнул. Да нет, не может он ничего знать. И поскольку Луны я так толком и не увидел, мне, конечно же, хотелось побывать там еще раз, но только уже не в такой спешке.

— Да, сэр. Но прежде всего — колледж.

— Я именно об этом и говорю. Видишь ли... Детей у меня ведь нет. Так что, если нужны деньги, скажи мне.

Он намекал раньше на фармацевтическую школу, но ни о чем подобном и речи не было. А только вчера вечером папа сознался, что еще в тот день, когда я родился, оформил мне страховку на учебу, но никогда ничего мне не говорил, чтобы посмотреть, чего я сумею добиться своими силами.

— О, мистер Чартон, большое спасибо! Это очень любезно с вашей стороны!

— Я всецело одобряю твое стремление учиться.

— В общем-то, у меня уже все улажено, сэр, но когда-нибудь мне может понадобится занять денег.

— А можешь и не занимать. Дай мне знать. — Он отошел в сторону, заметно расстроенный.

Я работал, и мне было хорошо и тепло. Иногда я трогал рукой «счастливую штучку», лежащую в кармане. Вчера я дал ее маме и отцу, попросив приложить ее ко лбу. Мама заплакала, а отец сказал торжественно: «Я начинаю понимать, Кип». Я решил как-нибудь при случае дать ее мистеру Чартону, но нужно придумать, как это сделать. Стойку я надраил до блеска, потом проверил кондиционер. Сегодня он работал нормально.

После полудня появился Туз Квигга и плюхнулся на табуретку.

— Здорово, космический пират! Что слышно от Галактических баронов? Ик-ик-ик!

Интересно, что бы он сказал, ответь я ему все по правде? Я крепко сжал в руке «счастливую штучку».

— Что закажешь, Туз?

— Как всегда, да поживее!

— Солодовый коктейль с шоколадом?

— Ты что, забыл? Встряхнись, юнец! Проснись, наконец, и возвращайся в реальный мир!

— Конечно, Туз, конечно.

Что толку заводить с Тузом, если его видение мира не глубже поросычьей лужи?

Вошли две девушка, я подал им кока-колу, пока взбивался коктейль для Туза. Он спросил, ухмыляясь:

— Барышни, знакомы ли вы с командиром Кометой?

Одна из них прыснула. Ободренный Туз продолжал:

— Я его менеджер. Кому нужны подвиги, обращайтесь ко мне. «Имею скафандр — готов путешествовать...» Чтобы заработать на твоём шутовском балахоне, мы должны давить на все педали. Поэтому добавим: «Уничтожаю космических чудовищ! Специалист по спасению планет — ставки по договоренности!» Годится?

— Нет, Туз, — покачал я головой.

— Это почему же? Ты что, выгоды своей не понимаешь?

— Давай разберемся. За спасение планет я не берусь, да и заказов на это не принимаю, просто спасаю, если уж так получается. Но я совсем не уверен, что стал бы сознательно спасать планету, на которой живешь ты!

Теперь прыснули обе девушки.

— Ишь ты, какой остроумный, — огрызнулся Туз. — Ты что, не знаешь, что клиент всегда прав?

— Всегда?

— Всегда! Заруби себе это на носу и подавай мой коктейль, живо!

— Да, Туз. — Я потянулся за стаканом, а он сунул мне тридцать пять центов. Я толкнул монетки обратно к нему через прилавок. — Этот стакан за счет заведения, Туз.

И выплеснул коктейль ему в лицо.

Содержание

Звездный зверь, роман
перевод с английского И.Полоцка

Глава 1. Л-День	7
Глава 2. Дело межзвездного департамента . .	25
Глава 3. Вопрос поставлен некорректно . . .	33
Глава 4. Пленник стальной клетки	53
Глава 5. Точка зрения	81
Глава 6. Космос глубок, экселленц	100
Глава 7. «Мама знает лучше»	117
Глава 8. Благоразумные поступки	133
Глава 9. Обычаи, правила и гадкий утенок .	140
Глава 10. Закон Сигни	155
Глава 11. «Слишком поздно, Джонни»	167
Глава 12. И тут пришла Пигги-Вигги	177
Глава 13. «Нет, господин Секретарь»	195
Глава 14. «Судьба? Чушь!»	207
Глава 15. Недипломатические отношения . .	221
Глава 16. Конференция	226
Глава 17. «Простите, мы вам тут все перепутали»	236
Глава 18. Девяносто семь блюд с угощениями .	248

Имею скафандр — готов путешествовать, роман
перевод с английского Ю.Зараховича

Глава 1.	259
Глава 2.	271
Глава 3.	279
Глава 4.	299
Глава 5.	315
Глава 6.	337
Глава 7.	360
Глава 8.	384
Глава 9.	412
Глава 10.	442
Глава 11.	464
Глава 12.	480

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

Книга вторая

Составитель В.Быстров

Ответственный за выпуск А.Московкин

Оператор компьютерной верстки Ф.Моторина

Главный редактор А.Захаренков

Редактор Л.Усачева

Технический редактор К.Казаченко

Корректор А.Степанова

Художественное оформление серии: М.Захаренкова

Оформление шмуцтитлов: А.Сергунин

Цветные иллюстрации: А.Кириллов

Подписано в печать 18.05.92. Лицензия № 2-0477. Формат 84х108 ¹/₃₂.
Печ. листов 15,5. Тираж 100 000 экз. Заказ № 438. С-3

Издательская фирма «Полярис».
Латвийская республика, 226039, г. Рига, а/я 22

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат Министер-
ства печати и информации Российской Федерации.
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

Миры Роберта Хайнлайна кн. 2: Пер. с англ.—
Р.: Полярис, 1992.—496 с.

ISBN 5-88132-012-3

**ЗВЕЗДНЫЙ ЗВЕРЬ
ИМЕЮ СКАФАНДР-
ГОТОВ
ПУТЕШЕСТВОВАТЬ**